
ИЗЪ КНИГЪ
А.М.МАКАРОВА
И Р

И.Рахманов.

1877-1878-1935 годы.

ш

1929

900/449
В.О
К. М.

ВОСПОМИНАНІЯ

О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ

1877—1878 гг.

И

О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ

ординарца его

ПЕТРА ДУКМАСОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и литографія В. В. Комарова, Невскій, 138.
1889.

Государственная
БИБЛИОТ..А
СССР
им. В. И. Ленина

12542-65

1500216484

М
900
449

ВОСПОМИНАНІЯ

о русско-турецкой войнѣ 1877-78 гг. и о М. Д. Скобелевѣ

ОРДИНАРЦА ЕГО

ПЕТРА ДУКМАСОВА.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предлагаемыя воспоминанія Петра Архиповича Думасова, бывшаго ординарца одного изъ видныхъ дѣятелей послѣдней Русско-Турецкой войны—Михаила Дмитріевича Скобелева, появляются въ свѣтъ далеко не своевременно: десять слишкомъ лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ Россія вложила свой могучій и гигантскій мечъ въ ножны, закончивъ, на берегахъ Мраморнаго моря, славную, побѣдоносную войну за освобожденіе отъ вѣковаго рабства своихъ младшихъ братьевъ-болгаръ и даровавъ имъ свободную жизнь и почти независимаго князя. Много воды утекло за эти десять лѣтъ жизни! Многихъ изъ участниковъ войны, счастливо уцѣлѣвшихъ отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, уже судьба унесла въ могилу; многіе вышли изъ кампаніи съ тяжелыми ранами или хроническими недугами, которые постоянно напоминаютъ имъ о минувшихъ боевыхъ дняхъ; многіе юные офицеры, прямо со скамейки попавшіе на кровавый поединокъ креста съ полумѣсяцемъ, уже стали солидными и опытными начальниками, командуютъ ротами, эскадронами...

Но, не смотря на такой значительный промежутокъ времени, русское общество, и особенно военное, находится еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ, десять

лѣтъ тому назадъ, тяжелыхъ дней и живо помнитъ всѣ подробности, всѣ подвиги и временныя неудачи на Балканскомъ полуостровѣ нашего славнаго оружія... До сихъ поръ не только въ военныхъ кружкахъ, но и въ средѣ совершенно мирныхъ гражданъ часто слышатся разговоры о разныхъ эпизодахъ войны за освобожденіе Болгаріи, о болѣе или менѣе выдающихся дѣятеляхъ ея. И такія имена, какъ Радецкій, Гурко, Тотлебенъ, Драгомировъ, Скобелевъ, Струковъ, Куропаткинъ, Гейманъ, Тергукасовъ и др., не говоря уже, конечно, о двухъ Августѣйшихъ главнокомандующихъ на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ войны и объ обожаемомъ начальникѣ Рущукскаго отряда, на долю котораго выпала такая тяжелая, хотя и неблагодарная, не бьющая въ глаза, роль... всѣ эти имена, повторяю, долго еще будутъ свято храниться въ памяти народа, и особенно войска, а признательное потомство и исторія оцѣнятъ ихъ важныя государственныя заслуги и честную службу... Каждый изъ военныхъ людей, который можетъ хоть что-нибудь внести для будущаго историка этихъ важныхъ дней государственной жизни, для болѣе полной характеристики и боевой дѣятельности этихъ важныхъ дѣятелей войны, нравственно обязанъ это сдѣлать, сообщая, конечно, лишь голую правду, лишь дѣйствительные факты...

Будучи самъ военнымъ человѣкомъ и любя горячо свою спеціальность, я не могъ не относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ истинно-военнымъ людямъ, въ особенности къ болѣе или менѣе крупнымъ дѣятелямъ и талантамъ.

Принимая участіе въ минувшей кампаніи, мнѣ пришлось совершенно случайно нѣсколько разъ сталкиваться съ однимъ изъ выдающихся героевъ войны — съ Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ. Но и эти короткія встрѣчи

оставили по себѣ глубокое впечатлѣніе и незамѣтно привязали мою, юношескую тогда, душу къ этому замѣчательному человѣку. Въ Плевнѣ, послѣ взятія этого города, мнѣ пришлось завтракать у Скобелева и здѣсь я, между прочимъ, познакомился съ однимъ изъ ординарцевъ его — хорунжіемъ войска донскаго П. А. Дукмасовымъ. Объ этомъ офицерѣ я слышалъ еще ранѣе отъ своихъ товарищей, какъ объ отчаянномъ головорѣзѣ, который, не задумываясь, отправлялся въ самыя опасныя предпріятія. Впослѣдствіи, въ концѣ камцаніи, это реномэ отважнаго, отчаяннаго героя вполнѣ утвердилось за Дукмасовымъ, а тѣ награды, которыя украшали его грудь въ чинѣ хорунжаго (впослѣдствіи корнета гвардіи), служатъ лучшимъ доказательствомъ его удали и храбрости. Немного найдется въ рядахъ славной русской арміи офицеровъ, которые въ первомъ офицерскомъ чинѣ имѣли бы такія высокія, почетныя награды, какъ св. Георгія, Владиміра съ мечами, золотое оружіе, Станислава второй и третьей степеней и Анны третьей степени!..

Правда, въ средѣ нашей jeunesse dorée militaire есть не мало баловней, которыхъ грудь щедро украшена всевозможными регаліями и которыя они при другихъ условіяхъ—при отсутствіи крупнаго титула, знатныхъ тетушекъ и приличныхъ средствъ — врядъ-ли получили бы! Но Дукмасовъ—изъ бѣдной донской дворянской семьи, человѣкъ безъ всякаго свѣтскаго лоску, безъ необходимыхъ въ жизни талантовъ — умѣнья понравиться начальству, безъ всякихъ связей, протекціи. Онъ былъ только храбръ, исполнителенъ, честенъ, и этого для Скобелева было достаточно, чтобы приблизить его къ себѣ. Дукмасовъ, равно какъ и многіе изъ ординарцевъ Скобелева, презиралъ опасность, смотрѣлъ прямо, вызывающе въ лицо смерти и «точно и безпрекословно» исполнялъ самыя смѣлыя, подчасъ даже безумныя порученія своего начальника. Скобе-

левъ, отличавшійся, какъ извѣстно, и самъ замѣчательною храбростью, любилъ такихъ дѣтей войны, такихъ отважныхъ удальцевъ, умѣлъ выбирать ихъ изъ толпы, и за эти драгоцѣнныя боевыя качества прощалъ имъ многое... Будучи самъ аристократъ по происхожденію, по воспитанію и привычкамъ, Скобелевъ не особенно-то долюбливалъ людей своей среды, окружалъ себя преимущественно болѣе простымъ людомъ и любилъ искренно самаго простаго человѣка—солдата!

Все русское общество, вся Европа даже живо интересовались личностью знаменитаго русскаго полководца, личностью Скобелева, и тѣ немногія сочиненія, которыя появлялись о немъ, читались всѣми нарасхватъ. Полной біографіи этого замѣчательнаго государственнаго человѣка и вмѣстѣ глубокаго патріота-славянофила до сихъ поръ еще нѣтъ. А между тѣмъ, память о Скобелевѣ еще слишкомъ жива въ русскомъ обществѣ, особенно въ военномъ. Каждый истый патріотъ глубоко чтитъ покойнаго героя, справедливо гордится имъ и искренно желаетъ для своего отечества побольше такихъ дѣльныхъ и отважныхъ сыновъ. Горсть недоброжелателей Скобелева слишкомъ ничтожна: это, большею частью, люди, которымъ онъ сталъ на дорогѣ, которыхъ онъ быстро перегналъ въ служебной іерархіи! Вся русская и иностранная (кромѣ развѣ нѣмецкой) пресса относилась къ покойному герою очень сочувственно, сердечно и съ глубокимъ уваженіемъ. Такихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, брошюра г. Градовскаго, пропитанная явнымъ нерасположеніемъ къ Скобелеву и въ которой авторъ сажаетъ чуть не на скамью подсудимыхъ передъ лицомъ всей Россіи нашего народнаго любимца, приписывая ему цѣлый рядъ преступленій — очень немного. Конечно, у Скобелева, какъ и у каждаго смерт-

наго, были свои недостатки: идеалы существуютъ только въ воображенiи и на солнцѣ даже есть пятна!

Та громадная популярность, которою пользовался Скобелевъ не только въ средѣ армiи и своего народа, но и во всей Европѣ; то обаянiе, которое производилъ онъ на подчиненныхъ ему офицеровъ и солдатъ (даже на совершенно постороннихъ людей), увлекая за собой въ бою почти на вѣрную гибель — все это подъ руку только человѣку недюжинному, человѣку съ сильною душой, съ высокимъ нравственнымъ духомъ. Одно имя Скобелева имѣло магическое дѣйствiе. По обаянiю, которое онъ оказывалъ на солдатъ, его можно сравнить съ великими полководцами мiра (Наполеонъ I, Фридрихъ II, Суворовъ), одно появленiе которыхъ на томъ или другомъ пунктѣ поля сраженiя наэлектризовывало сражающихся, удесятеряло ихъ силы и дѣйствовало подавляющимъ образомъ на противника *). Извѣстно всѣмъ, какой страхъ наводилъ на турокъ нашъ знаменитый «акъ-паша» однимъ своимъ появленiемъ на позицiи, одною своею бѣлою фигурой! Припомнивъ же мудрое изрѣченiе Наполеона I, этого великаго знатока военнаго дѣла, что «на войнѣ успѣхъ зависитъ на три-четверти отъ нравственнаго элемента и лишь на одну четверть отъ матерiальныхъ силъ», мы невольно согласимся, какое громадное значенiе нужно придавать этому нравственному влiянiю полководца... Служить у Скобелева было далеко не легко и притомъ очень опасно: процентъ убитыхъ и раненыхъ въ его отрядѣ и въ свитѣ всегда былъ довольно значителенъ. И, тѣмъ не менѣе, всѣ охотно шли къ нему — и солдаты, и офицеры — хотя каждый зналъ, что его

*) Не даромъ наша военная академiя (генеральнаго штаба) прислала на гробъ покойнаго богатыря вѣнокъ съ надписью: «Герою Скобелеву, полководцу Суворову равному».

ожидаетъ здѣсь большая, чѣмъ гдѣ-либо, опасность, почти вѣрная гибель... Каждый вѣрилъ въ Скобелева, вѣрилъ, что съ этимъ начальникомъ онъ не пропадетъ, не будетъ побитъ, а, напротивъ, самъ побьетъ... А служить въ такой части, конечно, особенно каждому лестно! Разсказываютъ слѣдующій эпизодъ (не знаю только, насколько онъ правдивъ): когда покойный Государь ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ дѣйствующую армію, то на одной изъ станцій Его Величеству представлялся какой-то старый, сѣдой какъ лунь, фельдфебель, ветеранъ 12-го года, украшенный многочисленными медалями. Государь милостиво изволилъ обратить на него вниманіе и, желая наградить честнаго стараго служаку, спросилъ, чего онъ хочетъ?

— Прошу принять меня снова на службу Вашего Императорскаго Величества: хочу положить свой животъ за Царя и отечество!.. отвѣчалъ старина, самъ еле удерживаясь на ногахъ отъ преклонныхъ лѣтъ.

Государя сильно тронулъ этотъ неподдѣльный патріотизмъ старика.

— Хорошо, куда же ты желаешь поступить? спросилъ Государь.

— Въ отрядъ генерала Скобелева, отвѣчалъ старикъ.

Не знаю, чѣмъ дѣло кончилось, но эта фраза служитъ лучшимъ доказательствомъ той громадной популярности, которую пріобрѣлъ въ своемъ народѣ знаменитый русскій «бѣлый генералъ».

Эту популярность, столь трудно добываемую въ Россіи, можно сравнить отчасти съ популярностью бывшаго военнаго министра французской республики, генерала Буланже, съ которымъ покойный Михаилъ Дмитріевичъ имѣлъ, кажется, много общаго. Я не видѣлъ портрета Буланже, но вотъ какъ описывается его внѣшность въ одной французской брошюрѣ: «Онъ былъ молодецъ и красавецъ, средняго

роста, плотнаго сложенія. У него всѣ ухватки, свойственныя бодрому и молодому человѣку. Физіономія дышетъ холодною отвагой, глаза голубые, взоръ живой и ясный!» Все это одинаково подходитъ и къ Скобелеву, кромѣ развѣ роста (Скобелевъ—высокаго роста).

Будучи самъ человѣкомъ замѣчательно подвижнымъ, дѣятельнымъ, энергичнымъ, Скобелевъ и окружавшимъ его лицамъ не давалъ никогда покоя, постоянно находилъ имъ работу. Такъ что человѣку лѣнивому или со слабымъ здоровьемъ и недостаточнымъ запасомъ отваги и энергіи служить у Скобелева было немыслимо. Онъ не жалѣлъ себя, разъ рѣчь шла о службѣ, но не жалѣлъ и подчиненныхъ. Солдаты буквально обожали, чуть не боготворили своего молодаго полководца и одно слово его такъ электрически дѣйствовало на нихъ, такъ ихъ одушевляло, что они львами, совершенно безсознательно, лѣзли впередъ на почти вѣрную гибель, на цѣлый лѣсъ непріятельскихъ штыковъ...

Въ 1885 году, въ Новочеркаскѣ, куда я былъ переведенъ на службу изъ Москвы, мнѣ снова пришлось столкнуться съ Дукмасовымъ, который былъ въ это время на льготѣ.

Въ бесѣдахъ съ нимъ о минувшей кампаніи, я слышалъ отъ него много интересныхъ подробностей о покойномъ русскомъ героѣ, такъ безвременно погибшемъ въ центрѣ Россіи—въ Москвѣ, о его боевой дѣятельности и частной жизни, о его взглядахъ, привычкахъ, странностяхъ...

Дукмасовъ души не чаялъ въ Скобелевѣ, слѣпо былъ привязанъ къ нему и пользовался, въ свою очередь, явнымъ расположеніемъ Михаила Дмитріевича. По моей просьбѣ, авторъ написалъ настоящія воспоминанія, которыя я рѣшаюсь предложить благосклонному читателю въ надеждѣ, что они будутъ встрѣчены сочувственно не

только въ нашемъ военномъ обществѣ, но и въ средѣ мирныхъ гражданъ—почитателей (которыхъ такъ много) покойнаго русскаго богатыря...

Чтобы сдѣлать книгу болѣе доступною и интересною для невоеннаго читателя, авторъ старался уменьшить, насколько возможно, ея спеціально-военный характеръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отбросивъ большую часть цифръ, чиселъ, названія частей и пр.

Будущему историку недавнихъ войнъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и на равнинахъ Турана придется опредѣлить роль Скобелева въ нихъ и его значеніе въ арміи, какъ офицера и полководца. Задача автора болѣе скромная: обрисовать, насколько возможно, яснѣе личность Скобелева, его привычки, взгляды, недостатки; сообщить объ этомъ, безспорно, замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ всѣ мелочи, эпизоды, сценки, по которымъ складывается понятіе о характерѣ человѣка, о его убѣжденіяхъ и внутреннемъ міркѣ... Словомъ, всѣмъ, что авторъ самъ видѣлъ или слышалъ отъ болѣе или менѣе компетентныхъ лицъ, онъ дѣлится съ читателемъ.

Между авторомъ и Скобелевымъ, конечно, громадная разница по положенію, образованію, воспитанію, привычкамъ... Въ одномъ только отношеніи они похожи другъ на друга: оба были отважны и храбры, оба горячо любили свою родину и свое боевое призваніе, оба честно и ревностно исполняли свой долгъ передъ Царемъ и отечествомъ.

Предлагаемая книга разбита на три небольшія части: въ первой—авторъ описываетъ свою службу и дѣятельность въ полку или, вѣрнѣе, въ сотнѣ; во второй—пребываніе со Скобелевымъ на поляхъ сраженій, въ виду постоянныхъ боевыхъ опасностей, и въ третьей—походъ изъ Адріанополя въ Константинополь и мирное пребыва-

ніе на турецкой территоріи между Чернымъ и Мраморнымъ морями, близь береговъ историческаго Босфора.

Весьма вѣроятно, что въ книгѣ явятся нѣкоторыя погрѣшности, недостатки, неточности... Съ благодарностью примемъ всѣ замѣчанія, особенно отъ лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ покойному герою. Также скажемъ великое спасибо тѣмъ бывшимъ сослуживцамъ автора, которые будутъ настолько любезны и сообщатъ намъ свои замѣтки и воспоминанія о покойномъ полководцѣ и позволятъ воспользоваться ими для дополненія свѣдѣній о боевой дѣятельности и частной жизни Михаила Дмитріевича. Адресовать просимъ: въ г. Новочеркаскъ, Донской кадетскій корпусъ, есаулу Александру Петровичу Струсевичу.

А. Струсевичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Стр.

Бѣглыя воспоминанія о дѣтствѣ и юности. Въ станицѣ. По военно-учебнымъ заведеніямъ. Мои приказы. Въ полку. Мобилизація. Походъ. По Румыніи. Въ Бухарестѣ. Скобелевъ. Первая стычка—съ жидами. На берегу Дуная. Въ Александріи. Новые сослуживцы. Радостныя вѣсти . . . 3

ГЛАВА II.

Въ Болгаріи. Моя рекогносцировка. Первый бой. Взятіе Тырново. Преслѣдованіе турокъ. Маленькое недоразумѣніе. На аванпостахъ. Съ разъѣздомъ въ д. Лесковацъ. Сердечныя встрѣчи со стороны жителей. Возвращеніе въ Тырново . 28

ГЛАВА III.

Первый Забалканскій походъ Гурко. Движеніе авангарда по Ханкіойскому проходу. Трудности перехода. На высшей точкѣ перевала. Подвигъ князя Цертелева. Дебушированіе отряда въ долину розъ. Занятіе д. Эссекчи. Моя охота на турокъ. Ротмистръ Мартыновъ. Страшныя картины. Рекогносцировка г. Ени-Загры. Черезъ Малыя Балканы. Хитрость черкесовъ. Подъ перекрестнымъ огнемъ. Временное замѣшательство. Отступленіе въ долину Тунджи. На бивакѣ у г. Казанлыка. Ночная тревога. Моя командировка. Мечеть-укрѣпленіе. Моя неосторожность. Выговоръ отъ генерала Гурко. Бѣгство турокъ съ Шибкинскаго перевала 47

ГЛАВА IV.

Рекогносцировка г. Эски-Загры. Привалъ у с. Горные Чайникчи. Въ

Стр.

турецкихъ минеральныхъ источникахъ. Снова черезъ Малыя Балканы. Встрѣча войскъ жителями Эски-Загры. Мое знакомство съ евнухомъ. Осмотръ жилища турецкаго бея. Гаремъ. Пемба. Счастливый день. Рекогносцировка станціи Каяджикъ. Наши подвиги на берегу Марицы. Арестъ начальника станціи и кассы. Отступленіе отряда. Ночлегъ въ домѣ турецкаго помѣщика. Розовое масло вмѣсто дегтя. Разсужденія казаковъ. Возвращеніе въ Эски-Загру. Новая работа 66

ГЛАВА V.

Наступленіе арміи Сулеймана-паши. Дѣло подъ Карабунаромъ (близь Ени-Загры). Бой при Эски-Загрѣ. Моя встрѣча съ черкесами. Удачный залпъ. Снова черкесы и наши залпы. Погоня за синимъ значкомъ. Усердіе братушекъ. Геройская оборона болгарскаго ополченія. Неравный, но упорный бой. Пожаръ въ городѣ. Отступленіе отряда отъ Эски-Загры. Отступленіе нашихъ сотень въ долину Тунджи. Снова на югъ черезъ Малыя Балканы. Присоединеніе къ отряду Гурко и общее отступленіе на сѣверъ. Моя рекогносцировка къ Эски-Загрѣ. Благодарность отъ Гурко. На отдыхѣ. Стоянка въ Новомъ Никупѣ (въ сѣверной Болгаріи). Снова на конѣ. Движеніе нашей бригады къ Плевно-Ловчинскому шоссе. Столкновеніе съ турками у д. Зилково . 88

—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Подъ Плевной. Зеленыя горы. 26-е и 27-е августа. Въ цѣпи подъ пулями. На второмъ гребнѣ. Наступленіе калужцевъ. Встрѣча со Скобелевымъ. За санитаровъ. 28-е августа. На скобелевскомъ стулѣ подъ артиллерійскимъ огнемъ. Со Скобелевымъ по позиціямъ. Приказаніе Скобелева. Начальникъ штаба Скобелевскаго отряда—А. Н. Куропаткинъ. Ночью по позиціямъ. Приготовленія къ штурму . 115

ГЛАВА II.

30-е августа. Я въ качествѣ водовоза. Планъ Скобелева. Штурмъ. Самоотверженіе Скобелева. Взятіе турецкихъ редутовъ Ночь на 31-е августа. У князя Имеретинскаго. Новая служебная командировка. 31-е августа. Атаки турокъ. Новая храбрость Скобелева. Наступленіе турокъ со стороны Пученицкаго оврага; мѣры Скобелева. Наши орудія на турецкихъ редутахъ. Смерть генерала Тебякина. Сцена со Скобелевымъ; моя неосторожность. Со станичниками на лѣвомъ флангѣ. Телеграмма отъ генерала Зотова. На редутѣ № 1 и въ Горталовской траншеѣ. Маіоръ Горталовъ. Впечатлѣніе телеграммы. Смерть «Дона». На редутѣ № 2. Штабсъ-капитанъ Сокольскій.

Стр.
Новыя отчаянныя атаки турокъ. Смерть Горталова. Взятіе турками редута № 1 . 128

ГЛАВА III.

Турки на редутѣ № 2. Отступленіе Мосцеваго. Присылка подкрѣпленій на Зеленыя горы. Шуйскій полкъ. Наступленіе турокъ; отбитіе атаки. 1-е сентября. Мѣры Скобелева и Куропаткина по укрѣпленію позиціи и формированію частей. Отбитіе новой непріятельской атаки. Снова у князя Имеретинскаго. Моя болѣзнь. Въ Румыніи. Ясскій госпиталь. Снова въ Болгаріи. Полковникъ Скалонъ. Встрѣча со Скобелевымъ. На знакомыхъ мѣстахъ. Новый планъ овладѣнія Плевной. Демонстративный бой на Зеленыхъ горахъ 12 октября. Занятіе д. Брестовца и Рыжей горы. Овладѣніе турецкими траншеями на первомъ гребнѣ. Ночь на 31 октября. Приказаніе Скобелева. Я въ качествѣ проводника. Бѣжавшіе владимірцы. Приказаніе генерала. Осмотръ траншей. Возвращеніе въ Брестовацъ. 1-е ноября. 2-е ноября. Военный совѣтъ въ траншеѣ на Зеленыхъ горахъ. Выборъ новой квартиры. Новоселье. Обѣдъ съ музыкой подъ пулями. Деньщикъ Скобелева—Круковскій. Поповская траншея. Успѣхъ земляныхъ работъ. Крѣпостныя ружья . 152

ГЛАВА IV.

Жизнь въ траншеяхъ. Ночная атака турокъ. Я въ качествѣ ротнаго командира. Отбитіе новой непріятельской атаки. Блуждающіе огоньки. Мертвый часовой. Благодарность отъ Скобелева. Докторъ Студицкій. Немировичъ-Данченко. Вылазка владимірцевъ. Два волонтера. Неудача. Разсказъ Немировича-Данченко про «воронье гнѣздо». Транспарантъ «Карсъ взятъ». Черный полушубокъ. Контузія Скобелева. Я въ качествѣ командира батареи. Отбитіе непріятельской вылазки. Главнокомандующій на квартирѣ у Скобелева. Выздоровленіе Скобелева; радость солдатъ. Пріѣздъ нѣмецкаго принца на Зеленыя горы. Я въ качествѣ проводника его высочества. Сценка за обѣдомъ со скобелевскимъ поваромъ. Пріемъ Скобелевымъ Волынскихъ редутовъ. Встрѣча съ генераломъ Гурко 174

ГЛАВА V.

Моя рекогносцировка на р. Искеръ. Ночь съ 27 на 28 ноября. Плѣнный турокъ. Утро 28 ноября. Движеніе Скобелевскаго отряда. Страшная картина. Бѣлый флагъ. Радость русскихъ. Османъ-паша. Разговоръ съ турецкимъ офицеромъ. Пріѣздъ главнокомандующаго. Тевфикъ-паша въ гостяхъ у Скобелева. Картины въ Плевнѣ. Мѣры Скобелева по очищенію города. Мое знакомство съ издателемъ настоящихъ воспоминаній. Пріѣздъ Государя Императора въ Плевну и завтракъ въ квартирѣ Скобелева. Встрѣча Его Величества жителями. Благосклонность Государя къ Скобелеву. Переводъ плѣнныхъ турокъ за р. Видъ. Приготовленія къ походу. Мысль Панютина. Макъ-Гаханъ. Послѣдній вечеръ въ Плевнѣ: soirée у Куропаткина;

Стр.

лезгинка. Прощаніе съ турецкимъ Севастополемъ. Рой воспоминаній. Бесѣды Скобелева съ солдатами . 199

ГЛАВА VI.

Черезъ Ловчу и Сельви въ Габрово. Планъ дебушированія черезъ Балканы. Приготовленія къ переходу. Настроеніе отряда. Наши проводники. Движеніе отряда въ горы. Уральцы. Трудности перехода. Занятіе полковникомъ Ласковскимъ д. Зелено-Древо. Ночлегъ отряда въ горахъ. Неосторожность В. И. Немировича-Данченко и В. В. Верещагина. Пробужденіе отряда. Пріятная новость. Марковы Столбы. Новыя затрудненія. Неудача казанцевъ. Тревожныя донесенія Ласковскаго. Моя командировка. Тяжелое положеніе нашего батальона. Смѣлость Скобелева. Вызовъ охотниковъ. Новое порученіе. Неожиданное нападеніе на турокъ. Бѣгство послѣднихъ. Побѣда. Охота на турецкихъ офицеровъ близь д. Иметли. Возвращеніе съ охотниками къ отряду. Благодарность Скобелева. Моя радость. Печальная новость. Значеніе Куропаткина въ отрядѣ. Ночь съ 26 на 27 декабря. Моя новая боевая командировка. Подвигъ 12 роты Казанскаго полка . . 226

ГЛАВА VII.

Демонстрація къ Шейнову. Мое ночное путешествіе на гору Св. Николая къ генералу Радецкому. Возвращеніе къ Скобелеву. Бой 28 декабря. Первыя неудачи. Радостныя вѣсти. Coup de collier. Критическій моментъ для мусульманъ. Бѣлый флагъ. Шашка Весселя-паши. Миссія генерала Столѣтова. Побѣда. Молитва русскихъ воиновъ, общій восторгъ и отдыхъ. Пріѣздъ Великаго Князя. «Спасибо» Его Высочества. Новый годъ. Движеніе къ Адріанополю. Вновь Малыя Балканы и несчастная Эски-Загра. Подвиги кавалеріи Струкова. Тырново-Сейменлы. Послы султана—турецкіе паши . 250

ГЛАВА VIII.

Движеніе отряда на западъ—изъ Германлы къ Хаскіойю. Столкновеніе съ турками. Страшная картина. Великодушіе русскаго солдата. Встрѣча съ лейбъ-гусарами въ Хаскіойѣ. Обратное движеніе въ Германлы. Въ Адріанополь на турецкомъ поѣздѣ. Радость солдатъ. Встрѣча съ пашами. Бесѣда Скобелева въ вагонѣ. Непріятная остановка. Адріанополь. Встрѣча Скобелева жителями и оваціи войскамъ. Осмотръ конака и города. Балъ въ конакѣ . 272

—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Стр.

Движенiе Скобелевскаго отряда на востокъ. Г. Чаталджа. Перемирiе. Демаркацiонная линiя. Поѣздка со Скобелевымъ по нейтральной полосѣ на берегъ Мраморнаго моря въ г. Беюкъ-Чекменджe. Возвращенiе въ Чаталджу. Скачка. Проѣздъ главнокомандующаго черезъ Чаталджу. Моя неосторожность и арестъ. Шутка со священникомъ. Санъ-Стефано. Поѣздка въ свитѣ главнокомандующаго въ Константинополь. Осмотръ города. Ужинъ со Скобелевымъ въ «Hôtel d'Angleterre». Моя поѣздка въ Санъ Стефано . . . 297

ГЛАВА II.

Радостная новость. Обѣдъ георгiевскихъ кавалеровъ. Дорогой подарокъ отъ Скобелева. Разсказъ Скобелева о сраженiи подъ Махромомъ. Завѣтъ Скобелева относительно Георгiевскаго креста. Назначенiе Скобелева командиромъ 4-го корпуса. Переѣздъ нашъ изъ Санъ-Стефано въ Св. Георгiй. Заботы Скобелева о нуждахъ солдатъ. Жизнь въ лагеряхъ. Поѣздка со Скобелевымъ въ Беюкъ-дере. Шутка генерала. Поѣздка Скобелева изъ Св. Георгiя въ Константинополь. Завтракъ у Беккера-паши. Въ турецкомъ лагерѣ. Проба пищи турокъ. Смѣлость Скобелева 319

ГЛАВА III.

Перевозка хора музыкантовъ Казанскаго полка изъ Св. Георгiя въ Беюкъ-дере. Столкновенiе съ капитаномъ парохода. Знакомство съ русскими моряками въ Константинополѣ. Въ театрѣ. Братская трапеза. На «Тамани». Завтракъ съ музыкой на водахъ Золотаго Рога. Беюкъ-дере. Встрѣча «Тамани» Скобелевымъ и княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Обѣдъ, данный Скобелевымъ въ честь русскаго посольства. Оживленныя бесѣды. Прiѣздъ въ Св. Георгiй новаго главнокомандующаго. Осмотръ лагеря и завтракъ. Моя рекогносцировка на берегъ Чернаго моря. Въ д. Богаскiой. Графъ Ламсдорфъ. Въ обществѣ конно-гренадеръ. Поѣздка въ д. Акбунаръ и возвращенiе въ Богаскiой. Ужинъ съ конно-гренадерами. Возвращенiе въ Св. Георгiй . 340

ГЛАВА IV.

Поѣздка въ Константинополь. Князь Аргутинскiй. Встрѣча со Скобелевымъ. Ночлегъ у него въ нумерѣ и шутка Скобелева. Поѣздка моя въ Скутари. Сцена въ кофейнѣ. Поѣздка съ Марковымъ изъ Св. Георгiя въ д. Макрикiой. Встрѣча на вокзалѣ съ Тахиръ-беемъ и Омаръ-беемъ. Обѣдъ въ турецкомъ лагерѣ. Любезность турокъ. Прiѣздъ въ Св. Георгiй. М-г Жирарде. Праздникъ Казанскаго полка. Турецкiй главнокомандующiй Фу-

Стр.

адъ-паша. Оригинальныя солдатскія столовыя. Телеграммы отъ Августѣйшихъ главнокомандующихъ. Рѣчь Скобелева и турецкаго паши. Результаты празднества . 364

ГЛАВА V.

Снятіе нашей группы. Приготовленія къ новому, мирному походу. Безпокойство Скобелева. Ночной концертъ въ лагеряхъ подъ Св. Георгіемъ. Пріѣздъ въ Константинополь матери Скобелева. Мое знакомство съ нею и разговоръ о Михаилѣ Дмитріевичѣ. Шутка Скобелева. Обѣдъ съ секретаремъ нашего посольства, г. Ону. Покража бриллiантовъ изъ шпаги Скобелева Поиски. Тяжелое открытіе. Обѣдъ въ Св. Георгіи. Разсужденія Скобелева . 388

ГЛАВА VI.

Движеніе 4-го корпуса на западъ. Моя командировка въ г. Айроболь. Упрямство турокъ и моя настойчивость. Любезность предсѣдателя городоваго совѣта. Прибытіе въ Айроболь нашего отряда. Г. Баба-Ески. Снова въ Адріанополѣ. Хозяйственныя мѣропріятія Скобелева и борьба съ жидами. Мое столкновеніе съ Хлудовымъ. Объясненіе со Скобелевымъ и арестъ въ конакѣ. Примиреніе съ Хлудовымъ. Пріѣздъ въ конакъ Скобелева. Переводъ меня въ гвардію. Прощаніе со Скобелевымъ, съ Ольгой Николаевной и товарищами. Память отъ Скобелева. Снова на берегахъ Босфора. Старый знакомый. Послѣдніе кутежи въ столицѣ Турціи. Прощаніе съ Балканскимъ полуостровомъ. 407

ГЛАВА VII.

На родной землѣ. Одесса. Донъ—Новочеркаскъ. Генералъ Леоновъ. Въ Петербургѣ. На Георгіевскомъ праздникѣ. Вниманіе Его Высочества и незабвенныя для меня слова Государя Императора. Мирная дѣятельность на берегахъ Невы. Моя тоска о прежней жизни. Пріѣздъ въ Петербургъ Скобелева. На завтракѣ у него. Воспоминанія о кампаніи. Пріѣздъ въ Петербургъ Ольги Николаевны. Бесѣды съ ней. Мое пророчество и неудовольствіе Скобелева. Выходъ изъ полка и возвращеніе на Донъ. Льготное прозябаніе въ глуши въ періодъ Ахалъ-Текинской экспедиціи. Поѣздка въ Москву. Встрѣча со Скобелевымъ. Поѣздка со Скобелевымъ въ его имѣніе, въ с. Спасское. Встрѣча въ вагонѣ Новаго года. Станція Раненбургъ. Встрѣча помѣщика крестьянами. Отъ вокзала до Спасскаго. Мятель. Не по той дорогѣ. Въ домѣ у Скобелева. Гости. Осмотръ хозяйства 426

ГЛАВА VIII.

Поѣздка со Скобелевымъ въ с. Златоустовское. Осмотръ коннаго завода. Елка для деревенскихъ дѣтей въ училищѣ. Мрачныя мысли Скобе-

Стр.

лева. Мнѣніе его о нѣмцахъ. На панихидѣ со Скобелевымъ. Осмотръ его могилы. Предсказанія Скобелева. У боевыхъ значковъ. Снова мысли о смерти. Двѣ телеграммы. Просьба Скобелева и отъѣздъ его въ Москву. Письмо отъ Скобелева. Отецъ Андрей. Я въ качествѣ ревизора. Снова въ Москвѣ. Послѣднее свиданіе. Смерть Скобелева 447

Часть I-я.

СЪ ПОЛКОМЪ.

ГЛАВА I.

Прежде чѣмъ начать свои боевыя воспоминанія, я позволю себѣ вкратцѣ познакомить читателя со своею личностью, сказать нѣсколько словъ о годахъ своего дѣтства и юности.

Родомъ я казакъ Войска Донскаго, станицы Усть-Быстрянской. Здѣсь, на берегу Донца, я и получилъ свое первоначальное воспитаніе: въ 10 лѣтъ умѣлъ уже отлично скакать на неосѣдланномъ конѣ, взятомъ прямо изъ косяка, по улицамъ станицы и въ привольной степи, недурно джигитовалъ, стрѣлялъ изъ отцовскаго ружья разныхъ дикихъ и свойскихъ пернатыхъ, хорошо плавалъ, смѣло дѣлалъ гимнастику и еще смѣлѣе дрался на кулачки... Но зато читалъ очень плохо, писалъ еще хуже, свѣдѣнія по ариѳметикѣ и Закону Божію были тоже крайне смутныя. Словомъ, физическое развитіе мое шло обратно-пропорціонально умственному, да, пожалуй, и нравственному, такъ какъ общество, въ которомъ я вращался, не могло научить меня ничему иному, кромѣ развитія силы, ловкости и удали. Родители мои были люди добрые, простые и ни въ чемъ меня не стѣсняли. Я росъ совершенно сыномъ степи и еще ребенкомъ усвоилъ себѣ твердо традиціи казачества и свое боевое призваніе. Особенно сильное впечатлѣніе производили на меня, помню, разсказы старыхъ

казаковъ о разныхъ походахъ, сраженіяхъ, о лихой боевой жизни, полной невзгодъ и опасностей. Они-то, главнымъ образомъ, и бросили въ мою впечатлительную дѣтскую душу военную искорку, любовь къ коню, къ шашкѣ и винтовкѣ. Я мечталъ о походахъ, сраженіяхъ, смотрѣлъ съ любовью и умиленіемъ на оружіе и съ нѣкоторымъ отвращеніемъ и презрѣніемъ на книги...

Не смотря на такую слабую умственную подготовку, я, тѣмъ не менѣе, въ 1866 году кое-какъ выдержалъ экзаменъ въ Воронежскую военную гимназію (нынѣ кадетскій корпусъ) и надѣлъ кадетскую куртку. Воспоминанія мои объ этомъ заведеніи довольно смутныя. Помню только, что я больше дрался съ товарищами, сидѣлъ въ карцерѣ или стоялъ въ углу («на штрафу»), чѣмъ готовилъ уроки и слушалъ объясненія преподавателей.

Дрался я, правда, по отзыву вполнѣ безпристрастныхъ людей, превосходно и никогда не стѣснялся ни возрастомъ, ни ростомъ, ни силой противника. Ходилъ вѣчно въ синякахъ, грязный, оборванный и все свободное время употреблялъ, помимо дракъ, на разныя гимнастическія упражненія (хожденію на головѣ, прыганью черезъ каѳедру...) и на развитіе мускуловъ. Дразнили меня «казаченкомъ, башибузукомъ, Разинымъ» и т. под. Сначала я злился, выходилъ изъ себя и лѣзъ въ драку къ обидчику, но потомъ, мало по малу, совершенно привыкъ къ этимъ кличкамъ и находилъ ихъ даже лестными для моего казачьяго самолюбія.

Не помню ужь по какой причинѣ, но только черезъ годъ, въ 1867 году, меня перевезли въ болѣе сѣверныя страны—на берега Волги, въ Нижній-Новгородъ, и помѣстили тоже въ корпусъ. Здѣсь я оставался вѣренъ своимъ кулачнымъ принципамъ и, въ первый же день по пріѣздѣ въ столицу ярмарокъ, на боевомъ турнирѣ въ присутствіи

многочисленной публики (кадетъ), очень ловко выбилъ кому-то изъ своихъ новыхъ товарищей что-то два зуба. Дежурный воспитатель (къ сожалѣнію, позабылъ его фамилію; помню только, что это былъ очень добрый человѣкъ и большой юмористъ), которому немедленно донесли о моемъ подвигѣ, поставилъ меня возлѣ себя на штрафъ и записалъ въ журналъ. Я отнесся къ этому совершенно индиферентно. «Ты откуда?» спросилъ онъ меня, насмѣшливо осматривая мою куцую фигуру и раскраснѣвшуюся физіономію.—«Съ Дона», съ гордостью отвѣчалъ я: «я казакъ!» — «Оно и видно», сказалъ, улыбаясь, добрякъ. «Молодчина же ты, братъ, казакъ—ловко дерешься! Не хочешь-ли со мной на кулачки—давай попробуемъ...» И онъ, оставивъ свой стаканъ съ чаемъ, началъ засучивать рукава.

Въ это время въ дежурную комнату вошелъ какой-то другой воспитатель. «Позвольте вамъ представить», обратился къ нему комикъ, «вновь пріѣзжаго дантиста изъ Войска Донскаго... Отлично лечитъ отъ зубной боли...»

При встрѣчѣ со мной этотъ воспитатель постоянно ласково трепалъ меня по головѣ и добродушно подсмѣивался: «Ну что, г. профессоръ мордобитія, какъ дѣла? Никому еще зуба не выбилъ?.. Если ты, братецъ, такъ же хорошо будешь бить непріятеля, какъ товарищей, то изъ тебя непремѣнно выйдетъ герой!..»

Съ первыхъ же дней поступленія въ корпусъ я познакомился съ помѣщеніемъ карцера и нашелъ его очень удобнымъ. Особенно же мнѣ показалось пріятнымъ общество карцернаго сторожа, почтеннаго, громаднаго роста, человѣка, прозваннаго нами министромъ тюрьмы. Съ нимъ я скоро свелъ самую тѣсную дружбу и, какъ завсегдатай этихъ уединенныхъ уголковъ, часто велъ пріятельскія бесѣды, съ наслажденіемъ слушая его разсказы о деревнѣ, о прежней службѣ и пр. Я находилъ даже, что гораздо

пріятнѣе сидѣть въ карцерѣ, чѣмъ въ классѣ, гдѣ нужно было ломать голову надъ трудными ариѳметическими задачами, выслушивать скучныя объясненія о разныхъ «masculin, féminin, plus-que-parfait, passé indéfini...», зубрить эти глупые заливы, острова и какіе-то тропики рака и козерога, наконецъ получать, кромѣ дурныхъ отмѣтокъ, еще скучные выговоры отъ преподавателей и воспитателя...

Здѣсь же, на досугѣ, я обдумывалъ планы разныхъ новыхъ шалостей, продѣлокъ и предпріятій, мечталъ о войнѣ и боевыхъ подвигахъ, думалъ о родной станицѣ, о своей лошадкѣ, о шашкѣ, пикѣ и уличныхъ пріятеляхъ...

Впрочемъ, удовольствіе это я сталъ получать впослѣдствіи только въ свободное отъ классовъ время—въ рекреаціонные часы; на уроки же меня обыкновенно выпускали.

«Если вы будете такъ учиться и вести себя», сказалъ мнѣ какъ-то воспитатель: «васъ непремѣнно исключатъ изъ корпуса».—«Куда исключатъ?» полюбопытствовалъ я.—«Конечно, домой, къ родителямъ отправятъ!»—«Ахъ, какъ это будетъ прелестно», подумалъ я: «значитъ, опять поѣду въ станицу, въ родныя степи, на зимовникъ!..» И я рѣшилъ, что нужно ускорить свое возвращеніе домой.

Словомъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, также какъ и въ Воронежѣ, научныя занятія мои подвигались очень туго; за то по части шалостей и всякихъ проказъ я дѣлалъ большіе успѣхи и за свою отчаянность пользовался извѣстнымъ авторитетомъ въ средѣ товарищей.

Директоромъ Нижегородскаго корпуса былъ тогда генералъ Павелъ Ивановичъ Носовичъ, человѣкъ очень умный, гуманный и сердечный — большой любимецъ всѣхъ кадетъ. Обращался съ нами онъ ласково и больше стращалъ или стыдилъ, чѣмъ наказывалъ.

Воспитатель мой, нѣкто Семеновъ, извѣстный географъ, тоже очень образованная и въ высшей степени симпатич-

ная личность, о которой я сохранилъ самое теплое воспоминаніе... Слишкомъ только ужь онъ былъ мягокъ, снисходителенъ. Не смотря на мое отчаянное, невозможное поведеніе, онъ видимо былъ ко мнѣ расположенъ и даже нѣсколько разъ бралъ къ себѣ въ отпускъ.

Классныя занятія, какъ я упоминалъ уже, подвигались у меня очень туго и я больше изощрялъ свой умъ на изобрѣтеніе разныхъ проказъ, причемъ объектами выбиралъ обыкновенно учителей. Вообще я являлся почти всегда иниціаторомъ и коноводомъ всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ проступковъ, и моему самолюбію очень льстило это атаманство.

Помню, былъ у насъ учитель французскаго языка—нѣкто Нюкеръ, человѣкъ въ сущности хорошій, добрый; но такъ какъ предметъ его мнѣ никакъ не давался и, кромѣ того, самъ онъ былъ черезчуръ ужь комиченъ, то я больше всего и потѣшался надъ нимъ. Знаю, что не пожалуется по добротѣ своей—можно безнаказанно проказить. Кадеты говорили про него, что онъ былъ барабанщикомъ въ Наполеоновской арміи въ 1812 году, затѣмъ попался въ плѣнъ и сдѣлался преподавателемъ. Конечно, все это шутки...

Нюкеръ, между другими его странностями, очень боялся мышей.

Раздобывъ какъ-то отъ служителя мышь, я помѣстилъ ее въ коробкѣ подъ каѳедрой, и когда Нюкеръ занялъ свое мѣсто, помощью особаго приспособленія, выпустилъ мышь на свободу... Нужно было видѣть испугъ учителя и радость нашу—кадетъ. Нюкеръ, сидя на стулѣ и со страхомъ поднявъ ноги, сталъ громко кричать: «лёви мишь, лёви!.. Кто поймайтъ—12 балль поставлю!..» Весь классъ съ страшнымъ шумомъ и гвалтомъ бросился въ погоню за несчастною мышью. Я, конечно, первый овла-

дѣлъ ею и, схвативъ за хвостъ, поднесъ трепетавшееся животное чуть не къ самому носу Нюкера. «Вотъ она, г. учитель, вотъ—я поймалъ!..» оралъ я на весь классъ.— «Въ окно ее, въ окно!..» кричалъ Нюкеръ, отмахиваясь испуганно руками. Мышь стремительно полетѣла въ окно, со словами: «Ишь шельма—вотъ тебѣ!..» Всѣ со смѣхомъ усѣлись по мѣстамъ и успокоились, а довольный Нюкеръ съ благодарностью поставилъ мнѣ въ журналъ обѣщанные 12, хотя по его предмету я былъ форменный сапожникъ и врядъ-ли больше пяти могъ бы получить за заданный урокъ. (Впрочемъ, 12 эти Нюкеръ не взялъ въ разсчетъ при выводѣ средняго балла за четверть и я по прежнему получилъ пятерку).

Съ нимъ же я устроилъ еще одну штуку, хотя и довольно злостную. Дѣло въ томъ, что Нюкеръ былъ большой франтъ и одѣвался всегда очень изящно. Входя въ классъ, онъ имѣлъ обыкновеніе бросать свою шляпу на подоконникъ. Пришла мнѣ разъ фантазія смазать этотъ подоконникъ керосиномъ. Вошелъ въ классъ Нюкеръ, любезно раскланялся съ нами и ловко швырнулъ свою шляпу на обычное мѣсто. Окно было отворено, шляпа скользнула и полетѣла на дворъ. Перепуганный Нюкеръ подскочилъ къ окну, облокотился на него руками и грудью, чтобы посмотрѣть на мѣсто паденія шляпы — и моментально же отскочилъ: руки и чистая жилетка его были совершенно вымазаны керосиномъ... Въ классѣ, разумѣется, поднялся хохотъ.

— Чтё это, чтё? совершенно растерялся Нюкеръ, растопыривъ руки и злобно смотря на насъ.

— Это ламповщикъ, скотина, пролилъ керосинъ!.. реву я съ задней скамейки, громче всѣхъ заливаясь смѣхомъ.

— Ахъ онъ мошенникъ, подлецъ! ругается Нюкеръ и проситъ насъ спасти его шляпу...

Нѣсколько человѣкъ стремглавъ, на перегонки, бросаются внизъ выручать шляпу и черезъ минуту цѣлый десятокъ рукъ приноситъ ее торжественно въ классъ. Нюкеръ ушелъ мѣнять платье, урока не было и мы провели время очень весело, прыгая черезъ каѳедру и столы.

Припоминая теперь все это, я, конечно, краснѣю за свое ужасное поведеніе и дикія выходки, но все-таки откровенно дѣлюсь съ читателемъ воспоминаніями о своемъ дѣтствѣ.

Помню, удралъ я еще такую штуку. Дѣло было въ началѣ года—я кое-какъ перешелъ во 2-й классъ. Кадеты 3-го класса не выучили заданнаго имъ труднаго урока по французскому языку и нѣкоторые изъ нихъ стали просить меня выручить ихъ изъ бѣды. «Пожалуйста, Дукмасовъ, помоги!» просили они меня: «а то онъ единицъ накрутитъ намъ, а потомъ безъ отпуска и сиди».—«Извольте, могу», согласился я, не мало польщенный этою просьбой: «я буду у васъ за новичка... Только смотрите—не выдавать; а то хоть вы и третьеклассники, а за измѣну всѣхъ васъ отдую...» Учитель былъ у нихъ другой, не Нюкеръ, и, слѣдовательно, меня не зналъ.

Послѣ звонка я усѣлся въ 3-й классъ и ближе къ краю, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было легче удрать.

Вошелъ учитель (не помню его фамилію; какой-то строгій и сердитый), выслушалъ рапортъ дежурнаго кадета, сѣлъ на свое мѣсто, высморкался, осмотрѣлся и замѣтилъ мою, незнакомую ему, физіономію. «Это кто?» ткнулъ онъ на меня пальцемъ.—«Это новичекъ, г. учитель; только сегодня поступилъ къ намъ...» отвѣтило разомъ нѣсколько голосовъ.—«А, прекрасно!.. Какъ фамилія?..» обратился онъ ко мнѣ. Я всталъ и смѣло совралъ какую-то фамилію. Учитель аккуратно записалъ ее въ свою книжку и сталъ меня подробно разспрашивать: откуда я, гдѣ воспитывался, кто

мои родители и пр. Я вралъ, не заикаясь. Затѣмъ онъ заставилъ меня читать. Для 3-го класса я читалъ, конечно, отвратительно и учитель недоумѣвалъ, какъ это меня приняли. «Плохо, плохо», говорилъ онъ, качая головой. «Вамъ надо хорошенько подзаняться, вы положительно ничего не знаете!..» Кадеты между тѣмъ усердно хихикали и учитель, замѣтивъ мою излишнюю развязность, пересадилъ меня ближе къ серединѣ,—путь отступленія оказался теперь гораздо затруднительнѣе. Тѣмъ не менѣе, когда, наконецъ, французъ, оставивъ меня въ покоѣ, сталъ спрашивать другихъ, ходя между скамьями, я, выбравъ удобную минуту, стремительно вскочилъ съ мѣста, бросился къ двери и, сильно хлопнувъ ею, черезъ залъ со всѣхъ ногъ полетѣлъ въ свой классъ. У насъ въ это время былъ урокъ нѣмецкаго языка; учитель, г. Шмидтъ—человѣкъ очень серьезный и строгій (съ нимъ я тоже какъ-то устроилъ штуку: надъ каѳедрой висѣла лампа, которую ламповщикъ для чего-то снялъ; передъ урокомъ Шмидта я, вмѣсто лампы, навѣсилъ на проволоку грязную тряпку. Конечно, за это угодилъ въ карцеръ)...

Какъ бомба влетѣлъ я въ свой классъ и перепугалъ всѣхъ. «Что это, гдѣ вы были?..» закричалъ на меня удивленный нѣмецъ.—«Въ ватеръ-клозетѣ, г. учитель!» отвѣчалъ я, запыхавшись и садясь на свое мѣсто: «у меня очень животъ болитъ, я касторку принималъ...»—«Ступайте въ уголъ!..» разсердился окончательно Шмидтъ. Я занялъ свое обычное мѣсто.

Между тѣмъ учитель-французъ, котораго я такъ ловко поднадулъ, понявъ, послѣ моего бѣгства, въ чемъ дѣло, отправился за мной въ погоню. Встрѣтивъ въ залѣ инспектора классовъ, онъ разсказалъ ему о моей продѣлкѣ и они вмѣстѣ отправились по классамъ розыскивать виновнаго.

Минутъ за 10 до окончанія урока дверь нашего класса

вдругъ растворилась и въ нее вошелъ инспекторъ вмѣстѣ съ учителемъ. Всѣ встали. «Нѣтъ, здѣсь его нѣтъ», сказалъ учитель-французъ, осмотрѣвъ внимательно всѣхъ воспитанниковъ и уже вышелъ-было за двери. Между тѣмъ Шмидтъ, узнавъ отъ инспектора въ чемъ дѣло, вдругъ проговорилъ: «А вотъ не этотъ-ли, посмотрите?» Я стоялъ въ это время незамѣченный за печкой, прижавшись, затаивъ дыханіе и стараясь какъ бы слиться со стѣной. Французъ снова вошелъ въ классъ, взглянулъ на меня и радостно воскликнулъ: «Это онъ, онъ!..»

Повели меня, раба Божія, прямо въ карцеръ и просидѣлъ я въ немъ что-то дня три. Педагогическій комитетъ порѣшилъ сбавить мнѣ баллъ за поведеніе и спороть погоны—высшая мѣра наказанія послѣ розогъ.

Молодцы кадеты 3-го класса такъ и не выдали меня, сказавъ, что не знаютъ моей фамиліи; за это всѣ они наказаны были безъ отпуска.

Много подобнаго я еще творилъ, много разъ моя фамилія фигурировала въ журналѣ и я подвергался всевозможнымъ наказаніямъ—теперь ужь не припомню всего.

Должно быть я сильно надоѣлъ начальству своими проказами, потому что въ 1870 году меня изъ Нижняго-Новгорода сплавили по Волгѣ и помѣстили въ г. Вольскъ, въ военную прогимназію—единственное въ Россіи исправительное заведеніе военно-учебнаго вѣдомства. Здѣсь, кажется, я велъ себя нѣсколько приличнѣе, хотя по временамъ и прорывался. Дрался рѣже, но за то крѣпче... Высшее начальство, къ счастью, было хорошее: директоръ, полковникъ Остелецкій, добрый, сердечный человѣкъ, за свою набожность прозванный нами архіереемъ. Инспекторъ классовъ, капитанъ Гржимайло, человѣкъ честный, строгій и при этомъ замѣчательно хладнокровный, флегматичный, невозмутимый...

Воспитательный и учебный персоналъ былъ похуже, хотя и попадались порядочные люди, оставившіе по себѣ хорошее воспоминаніе.

Въ 1873 г., т.-е. 17 лѣтъ отъ роду, я окончилъ курсъ въ прогимназіи и изъ Вольска, уже въ формѣ урядника, т.-е. унтеръ-офицера, пріѣхалъ въ Новочеркаскъ. Явившись къ начальнику штаба, генералу Леонову, и будучи зачисленъ въ учебный полкъ, я получилъ отпускъ въ хуторъ на Быстрой рѣчкѣ, гдѣ и проболтался около года. Въ 1874 г. я поступилъ въ Варшавское юнкерское училище, въ казачью полусотню, но черезъ годъ за маленькую исторійку былъ исключенъ и вернулся снова въ полкъ. Еще черезъ годъ я опять поступилъ въ то же училище, уже прямо въ старшій классъ и въ концѣ того же 1876 года окончилъ, наконецъ, курсъ. Начальникомъ училища былъ въ то время полковникъ Левачевъ, человѣкъ, правда, горячій, строгій, но честный, справедливый, добрый и образованный. Юнкера его любили, уважали, хотя и побаивались.

Суровая воинская дисциплина и казарменная обстановка нѣсколько отполировали меня и я сталъ принимать болѣе регулярную внѣшность, хотя внутренній мірокъ мой оставался по прежнему иррегулярнымъ, казачьимъ...

Какъ видитъ читатель, не мало пришлось мнѣ постранствовать по разнымъ военно-учебнымъ заведеніямъ Россійской имперіи, прежде чѣмъ надѣть погоны казачьяго офицера. Грѣха таить нечего, лѣнтяй я былъ порядочный, хотя способности и память имѣлъ довольно хорошія. Главный же мой врагъ—это моя буйная, горячая натура, созданная скорѣе для военнаго, чѣмъ для мирнаго времени и съ трудомъ подчинявшаяся разнымъ казарменнымъ стѣсненіямъ.

Еще сидя на юнкерской скамейкѣ старшаго класса

Варшавскаго училища услышали мы впервые толки о войнѣ. Нечего и говорить о томъ радостномъ чувствѣ, о томъ ликованіи, съ какимъ вся наша пылкая юнкерская братія встрѣтила эти тревожные слухи. Возбужденное, лихорадочное состояніе овладѣло всѣми нами... Топографія, тактика, администрація, иппологія, уставы — все это порядкомъ уже надоѣло намъ. Молодая казачья душа рвалась въ бой и увлекала по традиціонной дорогѣ предковъ. Мы только и говорили, что о войнѣ, о скоромъ выпускѣ, о новой боевой жизни, которая, по сравненію съ монотонной училищной, представлялась какимъ-то раемъ. Объ опасностяхъ, конечно, никто и не думалъ; рисовались только однѣ свѣтлыя, заманчивыя стороны войны. «Докажемъ», говорили нѣкоторые, болѣе экзальтированные юноши: «что мы, казаки Александра II-го, умѣемъ драться не хуже нашихъ дѣдовъ—казаковъ Александра I-го; что Европа не даромъ до сихъ поръ такъ боится насъ; что мы достойны назваться внуками графа Платова, который за удаль своихъ донцовъ получилъ даже отъ сыновъ Альбіона почетную дорогую саблю, и дѣтьми Бакланова, имя котораго хорошо извѣстно всѣмъ храбрымъ кавказскимъ горцамъ».

Мечты мало по малу начали сбываться: въ нѣкоторыхъ округахъ уже объявлена была мобилизація.

Еще ранѣе, въ іюлѣ 1876 года, мы были произведены въ портупей-юнкера и отправились по полкамъ. Я взялъ вакансію въ полкъ № 6-й.

Послѣ осеннихъ маневровъ, очень поучительныхъ для нашего брата—юнаго воина, произведенныхъ въ окрестностяхъ Скерневицъ, полкъ направился на зимнія квартиры черезъ г. Плоцкъ въ Млавскій уѣздъ. Мнѣ пришлось остаться при штабѣ полка, въ д. Шренскѣ.

Въ началѣ октября отъ начальника дивизіи, генерала

Эссена, было получено приказанiе быть готовыми по первой телеграммѣ о выѣздѣ офицеровъ, назначенныхъ для укомплектованiя полковъ второй очереди *). На мою долю выпалъ полкъ № 26, куда я назначался съ тремя товарищами.

Упомянутая телеграмма породила въ обществѣ офицеровъ и казаковъ самые оживленные, воинственные толки. Припоминались прошлыя войны съ турками, разсказы стариковъ о тѣхъ звѣрствахъ и неистовствахъ, которыя продѣлывали мусульмане съ нашими ранеными и плѣнными, соразмѣрялись силы наши съ непрiятельскими и пр., и пр. Женатый людъ, впрочемъ, не особенно раздѣлялъ эти восторги молодежи и болѣе сдержанно относился къ нашимъ воинственнымъ, оживленнымъ бесѣдамъ. Перспектива разставанiя съ семьей и близкими, дорогими людьми была, конечно, не особенно заманчива и невольно заставляла серьезно задумываться о будущемъ.

Въ концѣ октября отъ Эссена была получена снова телеграмма немедленно отправить отъ нашего полка трехъ офицеровъ и одного портупей-юнкера (меня) въ Донской казачiй № 26-й полкъ, сборнымъ пунктомъ котораго была назначена Нижне-Чирская станица. На другой же день, напутствуемые теплыми пожеланiями командира полка и товарищей, мы выступили изъ нашей деревушки въ Варшаву. Прекрасное солнечное утро вполнѣ гармонировало нашему радостному настроенiю и еще болѣе оживило картину проводовъ. Остававшiеся товарищи называли насъ счастливцами и завидовали, что мы идемъ въ Болгарiю,

*) Въ мирное время Войско Донское держитъ на службѣ только 1-ю очередь (15 полковъ); 2-я же и 3-я очереди (по 15 полковъ въ каждой) находятся на льготѣ и призываются лишь въ военное время. До войны 1877—78 гг. число всѣхъ полковъ было 60, изъ нихъ въ 1-й очереди 20.

въ бой, тогда какъ они должны пребывать пассивными зрителями этой предстоящей кровавой борьбы креста съ полумѣсяцемъ.

Съ нами же отправлялись на Донъ и семейства моихъ трехъ товарищей, размѣстившись въ нѣсколькихъ польскихъ фургонахъ. Мы же, всѣ верхами на нашихъ родныхъ степнякахъ, въ полномъ боевомъ снаряженіи, джигитовали отъ одного фургона до другаго, дѣлясь съ барынями своими впечатлѣніями. Шествіе замыкали три верховыхъ казака.

Въ Варшавѣ мы усѣлись въ вагоны и быстро помчались на востокъ — черезъ Брестъ-Литовскъ, Смоленскъ, Орелъ и Грязи въ Калачъ. Здѣсь, на берегу родимаго тихаго Дона, который въ это время уже «всколыхнулся, взволновался» *), мы вышли изъ вагоновъ, усѣлись снова на коней и благополучно добрались до Нижне - Чирской станицы — нашего конечнаго пункта.

На другой день маленькая компанія наша явилась къ командиру полка, полковнику Краснову, который принялъ всѣхъ очень радушно. облобызался со всѣми прежними сослуживцами и сказалъ нѣсколько простыхъ, но теплыхъ, задушевныхъ словъ: «Сердечно радъ, господа, васъ видѣть и очень доволенъ, что вы ко мнѣ назначены... Вполнѣ увѣренъ, что вы честно и добросовѣстно исполните свой долгъ. Служили мы хорошо въ мирное время, теперь покажемъ себя достойными сынами Дона и подъ пулями... Докажемъ, что духъ нашихъ боевыхъ предковъ живетъ и въ нашихъ сердцахъ, что мы молодецки умѣемъ драться за Батюшку-Царя и дорогую родину и не пожалѣемъ нашихъ головъ, если

*) Изъ извѣстной, любимой на Дону, пѣсни: «Всколыхнулся, взволновался, православный тихій Донъ, и послушно отозвался на призывъ Монарха онъ...»

это потребуется для пользы общаго роднаго дѣла...» Красновъ остановился. Слезы показались на глазахъ ветерана. «Полкъ уже въ сборѣ», продолжалъ онъ, спустя минуту, «люди—все молодцы, настроеніе превосходное... Лошади только немного худоваты; ну да это, Богъ дастъ, поправимъ!.. Пожалуйста, господа, обратите серьезное вниманіе на ваши части и, пока здѣсь станичные атаманы, заставляйте ихъ пополнять недостающія у казаковъ вещи *)... Ну, пока до свиданія!..»

Полковникъ Красновъ—честный, добродушный и простой казакъ—представляетъ изъ себя очень симпатичный типъ стараго ветерана-севастопольца, кавказца,—типъ, который, къ сожалѣнію, теперь все рѣже и рѣже попадается. Беззавѣтная преданность своему долгу, любовь къ военной службѣ, къ казаку и его другу—лошади; теплое, отеческое, а не казенное (сухое, оффиціальное) отношеніе къ подчиненному; наконецъ, храбрость, отвага со спокойнымъ, твердымъ и ровнымъ характеромъ—всѣ эти драгоцѣнныя для воина качества совмѣщались въ полковникѣ Красновѣ. Съ такимъ человѣкомъ не страшно было идти въ бой — онъ невольно внушалъ къ себѣ полное довѣріе! Каждый зналъ, что онъ не потеряется въ трудную, опасную минуту... Прошлое полковника Краснова полно боевыхъ опасностей: грудь его украшена была солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ за отличія на Кавказѣ, офицерскимъ Георгіемъ за какую-то безумную храбрость въ Венгерскую кампанію и многими другими орденами **).

*) Казакъ является на службу на полномъ своемъ иждивеніи: лошадь, обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе — все свое. На обязанности станичныхъ атамановъ лежитъ наблюдать, чтобы все это было хорошаго качества, и если казакъ не въ состояніи самъ себѣ чего справить, то ему обязана помочь станица.

**) Въ послѣднюю кампанію (1877—78 гг.) Красновъ получилъ св. Георгія 3-й ст. за отбитіе 40 непріятельскихъ орудій подъ Филиппополемъ.

На слѣдующій день мы представлялись атаману отдѣла *), который былъ сильно занятъ осмотромъ казаковъ и снабженіемъ ихъ всѣми необходимыми вещами.

24 ноября полкъ нашъ пріѣзжалъ инспектировать командиръ л.-гв. атаманскаго полка, фл.-адъютантъ полковникъ Мартыновъ.

Пропустивъ сначала сотни справа по одному, Мартыновъ собралъ затѣмъ, по старому казачьему обычаю, весь полкъ въ кругъ и обратился къ казакамъ и офицерамъ съ теплымъ, отеческимъ словомъ: выразилъ увѣренность, что на боевомъ поприщѣ казаки покажутъ себя молодцами и оправдаютъ надежды, возлагаемыя на нихъ Государемъ и Россіей.

Затѣмъ, Мартыновъ распростился съ нами и уѣхалъ инспектировать другой полкъ.

26 ноября назначено было днемъ нашего выступленія. Рано утромъ еще полкъ, съ полнымъ походнымъ вьюкомъ, выстроился покоемъ за станицей въ ожиданіи напутственнаго молебствія. Торжественно-трогательную картину представляли эти сотни удалыхъ всадниковъ, покидавшихъ родныя степи и дорогихъ, близкихъ людей! Туманное, мрачное будущее рисовалось въ это время у каждаго передъ глазами... «Кому-то изъ насъ придется вернуться обратно и кому суждено остаться на вѣки тамъ?..» читалось въ глазахъ у каждаго казака. Выраженіе у всѣхъ было сосредоточенное, серьезное.

Въ середину образовавшейся небольшой площадки помѣстился священникъ съ причтомъ, атаманъ отдѣла, офицерство, станичные атаманы и прочій чиновный людъ. Вокругъ размѣстились спѣшенные казаки, держа въ по-

*) Все Войско Донское, въ административномъ отношеніи, дѣлится на 6 военныхъ отдѣловъ, причемъ въ каждомъ есть свой атаманъ отдѣла (генералъ).

воду коней, а позади ихъ и между ними — жены съ маленькими дѣтьми на рукахъ, отцы, матери, сестры, братья, знакомые. Лица у казачекъ были заплаканныя, многія просто навзрыдъ рыдали; даже малютки, видя слезы своихъ матерей, безсознательно поднимали плачъ и этимъ еще болѣе усиливали и безъ того тяжелую картину проводовъ.

Покрытые сѣдинами старые казаки, которымъ годы и силы не позволяли уже раздѣлить трудовъ и опасностей боевой жизни со своими дѣтьми и внуками, безмолвно стояли тутъ же, опустивъ на грудь свои серьезныя, морщинистыя лица. Покорность судьбѣ и твердая, непоколебимая рѣшимость жертвовать всѣмъ дорогимъ для блага родной земли и ея могучаго Властелина ясно выражались на этихъ задумчивыхъ, печальныхъ лицахъ. Слова дьякона «Благослови, владыко!» заставили всѣхъ временно забыться и перенестись съ теплою мольбой ко Всевышнему. Горячо молился православный людъ — отъ старика до ребенка — и слезы стояли у каждаго на глазахъ. Да въ такія минуты нельзя и не молиться!.. Невѣрующій, и тотъ, если и не прочтетъ молитву, то проникнется особеннымъ благоговѣйнымъ настроеніемъ...

Послѣ молебствія священникъ сказалъ краткое, напутственное слово, благословилъ всѣхъ крестомъ и окропилъ святою водой. Атаманъ отдѣла поздравилъ съ походомъ, простился съ казаками и пожелалъ быть всѣмъ героями и кавалерами.

Красновъ приказалъ дежурному офицеру вести полкъ, а самъ, со всѣми нами, отправился на завтракъ къ атаману отдѣла.

Послѣ плотной закуски, хорошей выпивки, задушевныхъ, горячихъ тостовъ, безчисленныхъ, искреннихъ пожеланій и поцѣлуевъ, мы усѣлись на коней и догнали полкъ всего въ трехъ верстахъ за станицей. При-

чиной такого медленнаго движенія были провожавшіе казаковъ, въ саняхъ и верхами, родные и родственники.

Женскія слезы, всхлипыванія, причитанія и отвѣтныя увѣщанія воиновъ долго еще слышались по пути движенія полка.

Мы двигались вверхъ, по берегу Дона, на Калачъ. Здѣсь по-эшелонно мы усѣлись въ вагоны и по желѣзной дорогѣ черезъ Царицынъ, Грязи, Орелъ, Курскъ и Кіевъ добрались до Жмеринки. Отсюда обыкновеннымъ маршемъ направились въ Ямбольскій уѣздъ и расположились на зимнія квартиры въ Качковкѣ и близь лежащихъ деревняхъ, гдѣ и пробыли до апрѣля 1877 года.

Воинственное настроеніе и восторги наши оказались, такимъ образомъ, нѣсколько преждевременными и дипломатіи угодно было помучить насъ нѣсколько, затянувъ свои, непонятные для насъ, переговоры.

Не весела жизнь въ той глуши, куда забросила насъ судьба! Впрочемъ, «когда здоровъ да молодъ, безъ веселья веселъ!» гласитъ русская пословица. И мы умудрялись разнообразить скучные, зимніе вечера: устраивали пикники, танцы, и барышни окрестныхъ помѣщиковъ охотно являлись, въ сопровожденіи своихъ неизбѣжныхъ маменекъ, въ нашъ скромный кружокъ, повеселиться и поплясать. Командиръ полка, не смотря на свой солидный возрастъ и вполнѣ боевое призваніе, былъ большой любитель этихъ soirée, усердно ухаживалъ за смазливенькими дѣвицами и вообще не мало оживлялъ танцы. Наплясавшись до упаду, мы принимались за хоровое пѣнье, причемъ барышни охотно примыкали къ нашему кругу. Отъ нихъ-то мы выучились, между прочимъ, многимъ малороссійскимъ пѣснямъ, а ихъ, въ свою очередь, научили нашимъ казачьимъ. Послѣ пѣнія снова начинался плясъ, и такъ въ перемежку до разсвѣта.

Въ декабрѣ я былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, въ хорунжіе, и еще съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ рваться въ бой...

Въ апрѣлѣ мы покинули нашу стоянку въ Ямбольскомъ уѣздѣ, переправились черезъ Днѣстръ и расположились въ г. Сорокахъ. Въ этомъ переходѣ я не участвовалъ съ полкомъ: совершенно экспромптомъ мнѣ удалось съѣздить въ Варшаву.

Вышло это такъ. Компанія офицеровъ (все юнцовъ — я, Чеботаревъ, Платоновъ и др.) отправилась изъ Качковки въ г. Ямболь со спеціальною цѣлью кутнуть и спустить часть полученнаго жалованья. Остановились мы въ какой-то невозможной, жидовской гостинницѣ, вѣрнѣй—на постояломъ дворѣ. Грязь и вонь, конечно, невообразимыя—семиты безъ этого жить не могутъ. Кто-то изъ товарищей, за бутылкой пива, высказалъ мысль, что вотъ недурно бы съѣздить въ баню и помыться. «Вотъ стоитъ въ жидовской банѣ мыться!» замѣтилъ я. — «А что жь, когда другой нѣтъ», отвѣчалъ товарищъ: «не ѣхать же въ Варшаву, за тысячу верстъ, въ баню!..»—«Отчего жь и не поѣхать? Вотъ завтра, возьму, да и отправлюсь!..» сталъ я спорить.—«Ну, братъ, разбрехался», сказалъ Чеботаревъ: «вѣдь отпуски изъ дѣйствующей арміи совершенно воспрещены!..»—«Хочешь пари, что поѣду!» предложилъ я, разгорячившись виномъ: «дюжина шампанскаго!..»

Предложеніе мое было принято; товарищи заранѣе ликовали...

Заплативъ должныя дани Бахусу и Венерѣ, мы съ пустыми кошельками вернулись въ Качковку.

— Полковникъ, позвольте мнѣ съѣздить въ Варшаву!.. обратился я къ Краснову, явившись на другой день къ нему на квартиру.

— Это зачѣмъ?.. удивился онъ.

— Дѣло есть, г. полковникъ.

— Какое такое дѣло?

— Да вотъ хоть бы косъ купить!.. сказалъ я, зная, что Красновъ все собирался запастись косами на всю кампанію.

— Какихъ косъ? бабьихъ, что-ли?

— Нѣтъ, не бабьихъ, полковникъ, а чтобы траву косить въ Румыніи и Болгаріи. Вы же сами говорили, что нужно...

— Во-первыхъ, косы уже куплены, а во-вторыхъ, отпуски, какъ вамъ небезъизвѣстно, воспрещены.

Но я, зная доброе сердце своего командира, продолжалъ его упрашивать, и дѣйствительно, Красновъ согласился. Отпуска я получить не могъ, и поэтому мнѣ дали предписаніе отправиться въ командировку для покупки косъ.

Въ Варшавѣ я былъ въ банѣ, очень весело провелъ время, и когда вернулся черезъ недѣлю въ полкъ, то засталъ его уже не въ Качковкѣ, а въ Сорокахъ.

Въ Бессарабіи жилось гораздо хуже, чѣмъ въ Подольской губерніи: мы не встрѣтили здѣсь того теплаго радушія, которое находили по лѣвую сторону Днѣстра; жители держали себя очень сдержанно, даже сухо въ отношеніи насъ и видимо тяготились присутствіемъ войскъ.

Къ счастью, намъ не долго пришлось здѣсь стоять: 12-го апрѣля мы выступили изъ Сорокъ, 17-го переправились черезъ р. Прутъ у д. Унгени и вступили въ страну румынъ. Первый румынскій городъ, который мы проходили, Яссы — бывшая столица Молдавіи — очень хорошенькій, чистенькій и довольно оживленный. Кромѣ молдаванъ и вездѣсущихъ жидовъ, мы нашли здѣсь довольно много русскихъ сектантовъ. Путь нашъ лежалъ

далѣе черезъ города: Бырладъ, Текучь, Фокшаны, Бузео и Бухарестъ. Не буду описывать этотъ путь, свои дорожныя впечатлѣнія и пр. Русскому читателю все это навѣрное хорошо уже извѣстно изъ многочисленныхъ корреспонденцій, разсказовъ, мемуаровъ...

Въ окрестностяхъ румынской столицы мы остановились. Такъ какъ черезъ городъ, согласно конвенціи, русскимъ войскамъ проходить воспрещалось, то, чтобы добраться до деревушки, назначенной для нашей стоянки, мы дожны были обойти предмѣстьями Бухареста, что составляло втрое дальнѣйшее разстояніе.

Командиръ полка, впрочемъ, разрѣшилъ офицерамъ ѣхать прямо черезъ городъ, и большинство изъ насъ воспользовалось этимъ позволеніемъ.

Бухарестъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе: широкія улицы, прекрасные дома, роскошные магазины, отличные извозчики (русскіе) и хорошія, чистыя гостинницы, — словомъ, столица Румыніи смѣло можетъ стать на ряду съ нашимъ Кіевомъ, Одессой, Варшавой, хотя, конечно, далеко ей до Петербурга.

Такъ какъ часъ былъ адмиральскій, то мы и рѣшили пообѣдать въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ. Выборъ нашъ остановился на Grand-Hôtel'ѣ, помѣщавшемся на бульварѣ.

Здѣсь мы узнали отъ одного знакомаго офицера, что бригада наша (полки № 21 и 26) поступила въ составъ Кавказской казачьей дивизіи, начальникомъ которой былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, а начальникомъ штаба — сынъ его, Скобелевъ 2-й. Здѣсь же мнѣ пришлось впервые увидѣть своего будущаго начальника— незабвеннаго Михаила Дмитріевича. Во время нашего обѣда въ залъ вошелъ молодой свитскій генералъ съ нѣ-

сколькими офицерами, между которыми были и полковники, и капитаны, и даже прапорщики.

Мы поспѣшно всѣ встали. Генералъ любезно съ нами раскланялся и просилъ садиться.

Вошедшая со Скобелевымъ компанія (человѣкъ 10) помѣстилась противъ насъ за отдѣльнымъ столикомъ и занялась ѣдой. Оживленный, чисто военный разговоръ долеталъ до насъ. Скобелевъ спокойно выслушивалъ мнѣніе каждаго и мягко, съ улыбкой оппонировалъ или развивалъ дальше извѣстную мысль.

Я съ любопытствомъ разсматривалъ мощную, симпатичную фигуру героя Турана и завоевателя Коканскаго ханства, одѣтаго въ свитскую форму, съ Георгіемъ на шеѣ и съ золотою шашкой черезъ плечо; я съ удивленіемъ присматривался къ тому простому, товарищескому обращенію, съ которымъ Скобелевъ относился къ своимъ компаньонамъ — совершенно молодымъ офицерамъ. Бритая голова Михаила Дмитріевича и небольшіе, свѣтло-голубые, смѣющіеся глаза особенно привлекали мое вниманіе. И это насмѣшливое выраженіе глазъ, этотъ добродушный юморъ не сходили съ его лица во все время обѣда.

Меня что-то тянуло къ этому сильному человѣку, машинально влекло къ нему... Мнѣ вдругъ захотѣлось познакомиться съ нимъ, посидѣть возлѣ него, послушать его рѣчей, взглядовъ, мнѣній; но сдѣлать это было, конечно, нельзя, и я чутко только прислушивался къ долетавшимъ до меня отдѣльнымъ фразамъ генерала и не сводилъ глазъ съ этого умнаго, дышащаго отвагой и энергіей, лица.

Расплатившись за обѣдъ, мы снова усѣлись на коней и крупною рысью поѣхали по бухарестскимъ улицамъ, разсматривая по пути хорошенькихъ румынокъ, къ мѣсту стоянки полка—маленькой деревушкѣ, верстахъ въ трехъ отъ города.

Здѣсь намъ назначена была дневка.

На другой день я былъ дежурный по полку и совершенно случайно имѣлъ маленькое, но жаркое дѣло съ непріятелемъ. Врагомъ, впрочемъ, оказались не турки, а семиты — прихвостни пресловутой вампирской компаніи «Когана и Горвица».

Я сидѣлъ за самоварчикомъ въ своей скромной конуркѣ, когда явился дежурный урядникъ и доложилъ, что казаки не хотятъ принимать сѣно, доставленное упомянутымъ товариществомъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, лошади вовсе не ѣдятъ его — одинъ бурьянъ! жаловался онъ.

На моей обязанности, какъ дежурнаго по полку, лежала пріемка фуража отъ товарищества. Выйдя на площадь и осмотрѣвъ сѣно, я нашелъ его дѣйствительно никуда негоднымъ и забраковалъ; жидамъ же категорически объявилъ, чтобы они немедленно доставили хорошее сѣно, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, оно будетъ куплено на счетъ товарищества.

Два жидка, повѣренные Когана и Горвица, размахивая руками и крича, очень развязно и нахально стали увѣрять меня, что сѣно прекрасное и лучшаго быть не можетъ; что точно такое сѣно у самаго Великаго Князя принимаютъ; что сколько уже прошло черезъ ихъ руки артиллеріи и кавалеріи — и всѣ были очень довольны и благодарны имъ; что это только мы, казаки, такіе требовательные и т. д... А когда всѣ эти доводы ни къ чему не привели и я оставался при своемъ рѣшеніи, то жиды стали даже меня стращать Коганомъ, который-де пожалуется Великому Князю и мнѣ достанется отъ главнокомандующаго за излишнее стѣсненіе.

Меня, наконецъ, взбѣсили эти нахалы. «Ахъ вы черти иродовы — ишь распѣтушились!» крикнулъ я на нихъ и

отправился къ командиру полка, чтобы доложить ему о забракованномъ сѣнѣ. Полковникъ вполнѣ одобрилъ мое рѣшеніе.

Когда, вернувшись назадъ, я снова энергично приказалъ жидамъ немедленно привезти намъ хорошее сѣно, одинъ изъ нихъ, съ юркою, плутоватою физіономіей, подошелъ ко мнѣ очень близко и тихонько, но убѣдительно попросилъ принять дурное сѣно. «Ми васъ будемъ благодарить!..» многозначительно проговорилъ онъ. Въ то же время рука его незамѣтно опустилась въ мой карманъ и я почувствовалъ присутствіе въ немъ двухъ полуимперіаловъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, рука машинально ухватилась за нагайку. «Ахъ ты, мерзавецъ, жидовская харя!..» злобно крикнулъ я и съ силой швырнулъ эти золотыя монеты въ подлую, противную морду Сруля. Вслѣдъ за этимъ плеть моя звучно вытянулась нѣсколько разъ по согнувшейся, костлявой, жидовской спинѣ.

Взвизгнулъ испуганный іудей и со всѣхъ ногъ пустился на утекъ.

— Эй, станичники! хорошенько его, подлеца!.. крикнулъ я казакамъ; но жида ужъ и слѣдъ простылъ.

Вскорѣ явился какой-то другой еврей, болѣе приличный, отрекомендовался главнымъ повѣреннымъ, очень вѣжливо извинился передо мной за поступокъ своего собрата и объявилъ, что другое, хорошее сѣно будетъ немедленно доставлено...

На слѣдующій день мы двинулись черезъ Фратешти къ Дунаю и заняли посты по рѣкѣ ниже Журжева; 15-я донская батарея, присоединенная къ нашей бригадѣ, расположилась на позиціи у самаго берега. Никто насъ не безпокоилъ — противника мы совсѣмъ не видѣли. И лишь глухіе пушечные выстрѣлы, доносившіеся со стороны Рущука и Журжева, убѣждали, что непріятель уже

близко и отдѣленъ отъ насъ только широкою полосой воды, которую предстояло намъ преодолѣть.

Полковой адъютантъ, ѣздившій въ штабъ кавказской дивизіи за приказаніями, вскорѣ вернулся и сообщилъ, что бригада наша опять выдѣлена въ самостоятельную единицу и ей приказано перейти въ Александрію.

Потянулись мы опять на западъ. Проходя возлѣ Журжева, взоры всѣхъ внимательно устремились на южный берегъ Дуная, на которомъ, какъ разъ противъ румынскаго города, красиво раскинулся со своими стройными, бѣлыми минаретами и грозными укрѣпленіями турецкій Рущукъ. Но, за дальностью разстоянія, городъ казался точно мертвый и только масса палатокъ, бѣлѣвшихся вблизи его, доказывала, что защитниковъ крѣпости имѣется не мало.

Въ Александріи бригада размѣстилась бивакомъ у самаго города; офицерство расположилось по квартирамъ.

Здѣсь мы пробыли почти мѣсяцъ. Отдохнули, привели въ порядокъ поистасканныя за походъ вещи, подкормили лошадей, позаботились о снаряженіи... Словомъ, отдыхъ употребили съ пользой.

Александрія — маленькій, тихенькій городокъ; двѣ грязныхъ, тѣсныхъ гостинницы (вѣрнѣе, кабачка), нѣсколько отчаянныхъ, развеселыхъ домовъ, десятка три скверныхъ жидовскихъ лавченокъ—вотъ и вся, такъ сказать, коммерческая часть города.

По улицамъ постоянно проходили разныя войска — пѣхота, артиллерія и кавалерія—направлявшіяся къ Дунаю. Мы, конечно, на правахъ какъ бы хозяевъ, старались быть имъ полезными, быстро знакомились, угощали чѣмъ могли и разспрашивали про новости. Впрочемъ, всѣ новости мы обыкновенно получали отъ жидовъ: эти проныр-

ливые люди всегда первые знали, что затѣвается, предполагается.

Но, въ общемъ, мы томились отъ бездѣйствія!..

Въ первыхъ числахъ іюня въ нашу бригаду прибыли новые боевые товарищи и вмѣстѣ начальники—для нашего брата, субалтерна: бригадный командиръ полковникъ Чернозубовъ и дивизіонерами — адъютантъ военнаго министра, ротмистръ Мартыновъ, флигель-адъютантъ, штабъ-ротмистръ баронъ Корфъ, поручикъ баронъ Розенъ и войсковой старшина баронъ Штакельбергъ (первые два въ нашъ полкъ, послѣдніе въ 21-й). Офицерство наше, въ особенности старшіе сотенные командиры, разсчитывавшіе на дивизіонерство, встрѣтили новыхъ сослуживцевъ крайне недружелюбно, угрюмо. «Ишь понаслали всякихъ паркетныхъ моншеровъ изъ Питера — бароновъ да адъютантовъ. Видывали мы такихъ: за наградами пріѣхали, у нашего брата отнимать... И безъ нихъ дѣло сдѣлаемъ!..» ворчали нѣкоторые сотенные командиры и холодно, сухо держали себя вначалѣ съ ними.

Вскорѣ, впрочемъ, новые сослуживцы, своимъ прекраснымъ, искреннимъ поведеніемъ и открытымъ, честнымъ характеромъ, завоевали себѣ расположеніе всѣхъ офицеровъ, а впослѣдствіи, подъ огнемъ, предъ лицомъ смерти, гдѣ люди всѣхъ положеній становятся равными, окончательно закрѣпились съ ними самыя тѣсныя товарищескія отношенія.

Почти одновременно съ этими офицерами въ городъ прибылъ конвой главнокомандующаго—дивизіонъ лейбъгвардіи казачьяго полка, и всѣ ждали пріѣзда Его Высочества. По всему было видно, что армія приступаетъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, что мы наканунѣ крупныхъ военныхъ событій. И дѣйствительно, 16 іюня съ быстротой молніи разнеслась по городу радостная вѣсть объ удач-

ной переправѣ черезъ Дунай дивизіи Драгомирова. Глаза у всѣхъ весело заблистали, мы радостно поздравляли другъ друга, оживленно разсказывались подробности переправы и всѣ съ нетерпѣніемъ рвались впередъ.

ГЛАВА II.

17 іюня бригада наша двинулась къ Зимницѣ и, въ ожиданіи переправы, расположилась бивакомъ на берегу Дуная. Черезъ три дня, т.-е. 21 іюня, войдя въ составъ передоваго отряда генерала Гурко, мы переправились черезъ понтонный мостъ на турецкую территорію у г. Систова и, черезъ болгарскія деревни Павло, Ебели и Трембешъ, совершенно спокойно дошли до рѣки Янтры. нигдѣ— ни съ юга, ни съ запада—не встрѣчая противника.

Радостное, теплое чувство испытывалъ я (да, вѣроятно, и каждый изъ насъ), ступивъ въ первый разъ на правый берегъ исторической славянской рѣки. Сильно забилось молодое сердце и душа рвалась все впередъ-впередъ, черезъ суровыя Балканы, въ долину болгарской Марицы, къ вратамъ еще болѣе славянскаго Царьграда. Машинально снялъ я шапку и набожно перекрестился. «Дай-то Богъ», думалось мнѣ, «скорѣе и съ меньшими потерями добраться намъ до Босфора... Ужь теперь не выпустимъ его изъ рукъ!.. Украду изъ гарема одну изъ женъ султана, да къ себѣ въ станицу и повезу!..»

Конь мой «Донъ», бодро выступавшій передъ сотней, казалось, вполнѣ раздѣлялъ мои мысли, весело помахивая головой и внимательно посматривая по сторонамъ на аппетитныя маисовыя поля.

Жители-болгары съ восторгомъ и радостными криками встрѣчали насъ въ деревняхъ и гостепріимно выносили казакамъ хлѣбъ, вино, фрукты и другіе продукты.

24 іюня нѣсколько братушекъ изъ ближайшихъ къ Тырнову деревень явились въ нашъ отрядъ и убѣдительно, со слезами на глазахъ, просили помощи противъ черкесовъ, которые, по ихъ словамъ, грабили, жгли жилища, угоняли скотъ и убивали жителей-болгаръ. Немедленно назначены были три сотни для нападенія на черкесовъ; но послѣдніе, увидя опасность, быстро отступили къ Тырнову, предварительно подпустивъ краснаго пѣтуха. Казаки наши вернулись, не догнавъ противника.

Въ тотъ же день бригадный командиръ, полковникъ Чернозубовъ, получилъ отъ Гурко приказаніе произвести рекогносцировку по направленію къ Тырнову. Для этой цѣли назначены были отъ нашего полка три сотни (въ томъ числѣ и 6-я, гдѣ я служилъ) съ двумя орудіями донской казачьей № 15 батареи.

Утромъ рано 25-го, подъ командой полковника Краснова, мы двинулись на югъ. Со всѣми предосторожностями прошли мы по шоссе около 10 верстъ, а турокъ все не было видно. Наконецъ, перейдя рѣчку Руситу, авангардъ нашъ замѣтилъ возлѣ д. Поликраешти человѣкъ 50 черкесовъ, которые, при нашемъ появленіи, быстро стали отступать къ Тырнову. Такимъ образомъ мы дошли безъ выстрѣла до д. Самоводъ, находившейся какъ разъ у входа въ Тырновское ущелье. Здѣсь мы замѣтили, что отступавшіе черкесы разбились на двѣ партіи, причемъ одна изъ нихъ отошла къ монастырю, виднѣвшемуся въ ущельѣ, а другая переправилась на правый берегъ Янтры и двигалась горой.

У Самоводъ Красновъ остановилъ отрядъ, спѣшилъ людей и насъ, офицеровъ, собралъ на совѣтъ. Предстояло рѣшить вопросъ: по какой дорогѣ продолжать наступленіе къ Тырнову, такъ какъ по шоссе, вслѣдствіе дефиле (ущелье и лѣсъ) двигаться было крайне опасно.

Вправо Краснову видимо не хотѣлось идти, потому что тамъ, черезъ д. Карабунаръ, наступала драгунская бригада Великаго Князя Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, къ которой пришлось бы присоединиться; а Краснову, очевидно, хотѣлось сохранить самостоятельность.

Рѣшено было произвести маленькую рекогносцировку. Меня съ 10-ю казаками послали влѣво отъ шоссе черезъ р. Янтру, а другаго офицера (Попова) вправо отъ д. Самоводъ. Обѣ рекогносцировки окончились вполнѣ благополучно и безъ выстрѣла.

Быстро переправился я въ бродъ черезъ Янтру, рысью поднялся съ казаками на горы и увидѣлъ, что черкесы спустились въ ущелье по тропинкѣ, ведущей въ монастырь Св. Троицы. Въ другомъ монастырѣ (Преображенскомъ), на лѣвомъ берегу рѣки, я замѣтилъ турецкую пѣхоту, хотя количество ея не могъ опредѣлить, такъ какъ она скрывалась за монастырскими стѣнами и въ близъ лежащемъ лѣсу. Съ вершины горы въ бинокль открывался чудный видъ на древнюю столицу Болгаріи— Тырново, стройные минареты котораго особенно рельефно выдѣлялись изъ утопавшихъ въ зелени красивыхъ, бѣлыхъ домиковъ, разбросанныхъ въ котловинѣ на берегу Янтры между виноградными горами. Къ западу отъ города я ясно разсмотрѣлъ траншеи для пѣхоты и батарею, приблизительно, на четыре орудія.

Обо всемъ этомъ, вернувшись, я доложилъ командиру полка.

Вскорѣ возвратился и Поповъ, производившій рекогносцировку вправо отъ Самоводъ, и сообщилъ, что противника онъ не встрѣтилъ и что подъемъ на горы очень крутъ.

Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и обсужденій, какой из-

брать путь, остановились, наконецъ, на второмъ—къ западу отъ Самоводъ.

Дорога оказалась дѣйствительно отвратительная—очень узкая, съ крутыми подъемами и спусками. Когда же мы вышли на хорошую дорогу, то отъ встрѣченнаго драгуна узнали, что часть отряда Евгенія Максимиліановича, двигавшагося черезъ д. Карабунаръ, уже впереди насъ, въ долинѣ. Дѣйствительно, черезъ $1/4$ часа къ намъ подъѣхалъ начальникъ всего передоваго отряда ген. Гурко и приказалъ одной сотнѣ и двумъ орудіямъ занять позицію въ горахъ на случай неудачной атаки Тырнова и отступленія нашихъ войскъ. Двѣ же остальныя сотни продолжали движеніе и остановились въ резервѣ у фруктовыхъ садовъ, за возвышенностью, близъ самаго города.

Какъ разъ противъ насъ, по правую сторону Янтры, на вершинѣ горы, скатъ и подошва которой были покрыты лѣсомъ, виднѣлась турецкая батарея; внизу же, близъ рѣки, былъ раскинутъ турецкій лагерь, который, впрочемъ, по занятіи спѣшенными драгунами Казанскаго и Астраханскаго полковъ близъ лежащей возвышенности и открытія ими огня, былъ брошенъ турками, отошедшими къ своей батареѣ.

Вскорѣ драгуны спустились по склону горы, не переставая стрѣлять, еще ниже и ближе къ противнику, а мѣсто ихъ заняла 16-я конная батарея подполковника Ореуса. Лихо, точно на ученьи, вынеслись на позицію конно-артиллеристы. Но, на самой вершинѣ, встрѣтилось нѣкоторое препятствіе: каменныя стѣны садовъ не позволяли развернуть вполнѣ фронта батареи; поэтому, нашей сотнѣ приказано было помочь артиллеристамъ и разобрать скорѣе преграду. Турки очень хорошо воспользовались этою задержкой и открыли мѣткій и частый, артиллерійскій и даже ружейный (хотя разстояніе до противника

было около версты), огонь, нанося чувствительный вредъ батареѣ и казакамъ. Очевидно, непріятель еще ранѣе пристрѣлялся по возвышенности, такъ какъ первые же снаряды стали попадать въ цѣль.

Непріятное впечатлѣніе испытывалъ я, когда пули, одна за другой, какъ-то жалобно стали посвистывать, казалось, у самыхъ моихъ ушей. Звукъ лопавшихся гранатъ и сильный, пронзительный гулъ осколковъ были для меня не такъ страшны, какъ эти предательскія, свинцовыя пчелки... «И этотъ миніатюрный кусочекъ металла», думалось мнѣ, «можетъ совершенно стереть съ лица земли человѣка или, что еще хуже, искалечить, исковеркать его жизнь!..» Но— «привычка—вторая натура!» гласитъ пословица. Человѣкъ ко всему, говорятъ, привыкаетъ, и даже Шильонскій узникъ привыкъ къ своей мрачной темницѣ. Такъ же можно привыкнуть и къ постоянной опасности!.. Припоминая потомъ, въ серединѣ и въ концѣ кампаніи, испытанное мною въ первомъ, Тырновскомъ, бою непріятное чувство при пролетѣ надъ головой пуль и слыша возлѣ себя постоянно тѣ же предательскіе звуки свистящихъ пчелокъ и гудящихъ осколковъ, — я невольно улыбался и удивлялся своему прежнему страху.

Эти звуки мнѣ казались такими обыкновенными, я такъ съ ними сроднился, засыпая и просыпаясь подъ ихъ унылый концертъ, такъ относился индиферентно, спокойно къ этой летающей грозной смерти, что, кажется, совершенно позабылъ даже, что рискую каждый мигъ отправиться ad padres, и волновался часто изъ за самыхъ ничтожныхъ, пустыхъ вещей...

Здѣсь же, на позиціи 16-й конной батареи, я увидѣлъ, между прочимъ, и первыя жертвы безпощадной войны. Турецкіе снаряды своими осколками производили ужасныя раны между нашими бойцами и особенно тогда, когда

граната попадала въ каменную ограду — снопъ чугуна и камня съ злобнымъ свистомъ летѣлъ въ батарею и прикрытіе, сѣя вокругъ себя смерть и страданіе... На моихъ глазахъ однимъ удачнымъ выстрѣломъ ранило трехъ человѣкъ: одному артиллеристу совершенно оторвало ногу, другихъ страшно изувѣчило. Несчастныхъ отнесли шаговъ на 50 въ сторону, и здѣсь, подъ тѣми же выстрѣлами, раны ихъ были осмотрѣны врачемъ нашего полка К. О. Загроцкимъ. Не смотря на опасность мѣста, безпрерывно осыпаемаго пулями и снарядами, Загроцкій совершенно спокойно, точно у себя въ госпиталѣ, занялся осмотромъ ранъ и перевязкой.

Артиллерійскій бой велся самый оживленный, горячій. Нашй орудія, хорошо замаскировавшись въ деревьяхъ и кустахъ, отлично стрѣляли и, не болѣе, какъ черезъ ½ часа, двѣ турецкихъ пушки были подбиты и прекратили огонь, а вскорѣ и вся непріятельская батарея снялась съ позиціи и отступила на востокъ.

Спѣшенные драгуны, въ это время находившіеся въ цѣпи на склонѣ горы передъ нашею батареей, перешли въ наступленіе, переправились въ бродъ черезъ рѣку Янтру и бросились на турецкую позицію... Одновременно и нашей сотнѣ приказано было двинуться въ Тырновъ для узнанія — очистилъ-ли его непріятель или нѣтъ. Сотня спустилась съ горы, покрытой фруктовыми садами, и кратчайшимъ путемъ двинулась къ городу. Впереди ѣхалъ я съ барономъ Корфомъ; командиръ сотни, Родіоновъ, слѣдовалъ назади. Благополучно достигли мы окраины города, справа по три продолжали движеніе по узкимъ, кривымъ улицамъ и скоро очутились на широкой площади, края которой были застроены хорошими кирпичными зданіями и красивымъ конакомъ.

Нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ

во время нашего движенія изъ пустыхъ турецкихъ домовъ, къ счастью, не причинили намъ никакого вреда. На площади мы временно остановились, чтобы привести въ порядокъ растянувшуюся сотню. Но въ это время отъ генерала Гурко получено было приказаніе вернуться сотнѣ обратно. Повернувъ коней, мы прежнимъ путемъ направились обратно въ долину.

Здѣсь намъ попался взводъ 16-й конной батареи.

— Вы куда это, капитанъ? обратился къ почтенному артиллерійскому офицеру, командиру взвода.

— Да вотъ приказано преслѣдовать непріятеля—турки вѣдь бѣжали — а прикрытія между тѣмъ у насъ нѣтъ... Вотъ и жду, не знаю какъ быть!..

Мы рѣшили составить прикрытіе артиллеріи и я, со своею полусотней, направился въ авангардъ, отыскалъ помощью пикъ бродъ черезъ Янтру и, не смотря на крутой спускъ и подъемъ, благополучно перетащили съ казаками на правый берегъ рѣки два нашихъ орудія.

День былъ жаркій, солнце жгло невыносимо; переходъ по отвратительной дорогѣ въ 40—50 верстъ безъ ѣды и водопоя и извѣстное нравственное волненіе при первомъ боевомъ испытаніи — все это давало себя чувствовать.

Впереди со своею полусотней ѣхалъ я, выславъ шаговъ на 400 маленькій авангардикъ (человѣкъ въ 5), за мной слѣдовали два орудія, а еще позади другая полусотня.

Чтобы выбраться на шоссе намъ пришлось очень медленно, около версты, двигаться по тяжелой песчаной дорогѣ. Наконецъ, кое-какъ дотащились мы до шоссе и здѣсь замѣтили слѣды турецкаго бѣгства: брошенныя ружья, ранцы и сумки, масса снарядовъ и патроновъ, артиллерійскіе ящики и повозки, одно подбитое и опроки-

нутое въ ровъ орудіе, нѣсколько палатокъ, разный домашній скарбъ и пр.

Все это свидѣтельствовало о той поспѣшности и безпорядочности, съ которою бѣжали перепуганные защитники Тырнова.

Проѣхавъ по шоссе версты полторы, мы стали постепенно подниматься въ гору. Вдругъ авангардикъ мой чего-то остановился.

— Чего вы стали? закричалъ я, подскакавъ къ нему.

— Да тамъ, ваше благородіе, кажись турки!.. сказалъ взволнованный урядникъ, показывая рукой на верхушку горы.

— Гдѣ?.. Я ничего не вижу!.. Рысью маршъ!.. скомандовалъ я, и съ пятью казаками быстро двинулся впередъ. Но не успѣли мы сдѣлать и сотни саженъ, какъ внезапно, съ вершины горы и шагахъ въ 300 передъ собой увидѣли около эскадрона всадниковъ.

— Чортъ возьми, да это наши драгуны!.. закричалъ я съ досадой, принимая всадниковъ, по краснымъ обшлагамъ на рукавахъ и воротникамъ, за казанцевъ.—Вотъ свинство! И стоило лѣзть намъ изъ кожи!.. Сколько трудовъ, усилій, и вдругъ оказывается, что впереди насъ все время идетъ своя же кавалерія, которую мы такъ усердно преслѣдуемъ!.. Шагомъ! крикнулъ я громко нѣсколько отставшему отъ меня разъѣзду и думая направиться обратно къ своимъ людямъ.

Команду мою, вѣроятно, услышали предполагаемые драгуны (оказавшіеся на самомъ дѣлѣ турецкими арнаутами) и вдругъ дружный залпъ изъ магазинокъ былъ отвѣтомъ на мои слова. «Э, да вотъ оно что!» подумалъ я и, повернувъ коня, понесся обратно къ полусотнѣ, разсыпалъ

ее по обѣ стороны шоссе и перешелъ въ наступленіе *).
Капитанъ со своими орудіями немедленно выѣхалъ на позицію, тутъ же на шоссе и шаговъ съ 400 отъ непріятеля пустилъ въ него картечью. Какъ черти разсѣялись конные арнауты и внезапно открыли свою отступавшую пѣхоту. Капитанъ направилъ тогда огонь по этой послѣдней, которая, послѣ незначительной перестрѣлки, бросивъ ранцы, поспѣшно и въ безпорядкѣ отступила. Одно турецкое орудіе появилось возлѣ шоссе, пустило въ насъ три гранаты и быстро умчалось за своими войсками...

Моментъ былъ самый удобный для кавалерійской атаки и я поѣхалъ предупредить объ этомъ сотеннаго командира. Но въ это время подъѣхалъ командиръ полка и приказалъ намъ вернуться въ Тырново.

Не смотря на мои усиленныя просьбы—разрѣшить атаковать разстроенныхъ и видимо деморализованныхъ турокъ, Красновъ оставался непреклоненъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что лошади и люди сильно устали и, кромѣ того, настаетъ вечеръ.

Конечно, непріятель сказалъ намъ большое спасибо за нашу любезность и гуманность, которыя позволили ему спокойно убраться восвояси!..

Вернувшись къ городу, мы построились у окраины его, лѣвѣе драгунъ. Генералъ Гурко со своимъ блестящимъ штабомъ объѣхалъ войска и поздравилъ насъ со славною побѣдой. Радостное, громкое «ура» было отвѣтомъ на это поздравленіе съ первымъ и такимъ удачнымъ кавалерійскимъ дѣломъ: съ ничтожными жертвами мы овла-

*) Въ брошюрѣ М. Чичагова «Подвиги русскихъ офицеровъ въ русско-турецкую войну», авторъ упоминаетъ, будто я, какъ съумасшедшій, понесся одинъ въ атаку на турокъ... Какъ это ни лестно для моего казачьяго самолюбія, но на самомъ дѣлѣ этого не было!..

дѣли съ помощью одной только конницы такимъ важнымъ стратегическимъ и административнымъ пунктомъ, какъ Тырново, и заставили въ безпорядкѣ отступить пять таборовъ пѣхоты съ артиллеріей.

Было около семи часовъ вечера, когда мы расположились бивакомъ съ восточной стороны города, близъ шоссе, ведущаго на Османъ-Базаръ, когда отступила большая часть турецкихъ войскъ, защищавшихъ древнюю болгарскую столицу.

Измученные, голодные, но вмѣстѣ веселые и счастливые опустились мы на землю. Казаки разсыпались по сосѣднимъ полямъ и начали таскать снопы пшеницы и кукурузы для своихъ усталыхъ коней. Нѣкоторые захватили прекрасныя круглыя палатки, брошенныя турками, и теперь разбили ихъ для себя и офицеровъ. На первый планъ у всѣхъ явилась забота объ отдыхѣ и ѣдѣ. Зажглись костры, закипѣли котелки, появилась закуска и мѣстное вино, а съ нимъ и оживленная товарищеская бесѣда...

Не успѣлъ я прилечь на солому и слегка забыться, какъ меня потребовалъ къ себѣ командиръ полка. «Вы вотъ тамъ все охотились на турокъ», сказалъ добродушно Красновъ: «такъ не угодно-ли теперь взять полусотню и занять аванпосты верстахъ въ трехъ отъ бивака. Постерожите насъ, а мы отдохнемъ спокойно!..» —«Слушаю, полковникъ!» отвѣчалъ я, хотя невольно состроилъ кислую гримасу: вмѣсто сна и отдыха, приходилось снова на цѣлую ночь садиться на коня.

Темень стояла страшная, въ 10 шагахъ невозможно было различить человѣческую фигуру. Выбравъ трехъ полковыхъ урядниковъ и давъ каждому изъ нихъ по 8 казаковъ, я приказалъ имъ направиться по тремъ главнымъ дорогамъ, идущимъ отъ Тырнова въ сѣверо-восточномъ на-

правленіи на Лесковацъ, снабдивъ при этомъ необходимыми инструкціями. Ночью раза два объѣхалъ дороги, провѣрилъ посты и порядкомъ проблудилъ въ совершенно незнакомой мѣстности; только подъ утро вернулся на бивакъ, завалился въ свою палатку и заснулъ, какъ убитый.

Ночь прошла совершенно спокойно.

Утромъ, часовъ въ 11, меня снова позвалъ къ себѣ Красновъ.

— Вотъ вамъ новое порученіе: разузнайте, куда отступилъ непріятель и гдѣ его главныя силы. Направляйтесь съ вашею полусотней черезъ деревни Арнауткіой, Горные и Дольніе Раховицы до деревни Лесковацъ, а оттуда обратно другою дорогой. Разузнайте подробно обо всемъ... Ну, до свиданія, желаю успѣха!..

— Чортъ возьми! думалъ я, собираясь въ новый путь,— почему это гусаръ не назначаютъ въ разъѣзды и аванпосты, а все мы, казаки, отдуваемся?.. Вчера эти господа въ резервѣ отдыхали и сегодня тоже барствуютъ!..

Выступивъ со всѣми военными предосторожностями съ бивака, я направился къ деревнѣ Арнауткіой, до которой было около 6 верстъ. Версты за двѣ еще до селенія мы услышали колокольный звонъ и удары въ тарелки, а у самой окраины насъ встрѣтили жители-болгары съ радостными, сіяющими лицами, въ нарядныхъ праздничныхъ костюмахъ. Впереди толпы стоялъ священникъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ; нѣсколько пожилыхъ болгаръ держали образа и хоругви.

Снявъ шапки и сложивъ на груди руки, болгары, при нашемъ приближеніи, стали громко и восторженно кричать: «Да живіо Царь Александръ, Царь Николай, да живіо русско воинство!..» Женщины и дѣвушки въ своихъ красивыхъ, національныхъ костюмахъ, съ букетами и

вышитыми полотенцами въ рукахъ, при проѣздѣ нашемъ осыпали казаковъ цвѣтами и дарили имъ свои рукодѣлья. А въ самой деревнѣ жители повытаскивали на улицу ушаты съ водой, ведра съ водкой и виномъ, всевозможные фрукты, пироги, сладости и пр. Все это предлагалось намъ молодыми, красивыми дѣвушками, которыя смѣло бросались между лошадьми и съ сіяющими, смѣющимися личиками упрашивали казаковъ взять ихъ угощенія и подарки.

Но особенно трогательную картину представляла изъ себя группа стариковъ-болгаръ съ обнаженными сѣдыми головами, съ глубокими морщинистыми лицами; они протягивали намъ свои грубыя, мозолистыя руки и, со слезами на глазахъ, благодарили за спасеніе ихъ отъ ненавистныхъ мучителей-турокъ, за освобожденіе отъ тиранства и позорнаго, вѣковаго рабства; они говорили, что давно уже ждали этой счастливой минуты, что мы—желанные, дорогіе гости, что теперь они могутъ спокойно умереть подъ нашею защитой... Невольно и у меня навернулись на глазахъ слезы при видѣ этой торжественной, глубоко-патріотической сцены.

Я остановилъ полусотню, слѣзъ съ коня и приложился ко кресту, который держалъ въ рукахъ священникъ. Меня моментально окружила толпа братушекъ и нѣсколько хорошенькихъ болгарокъ наперерывъ предлагали мнѣ фрукты, вино и цвѣты...

Невольно залюбовался я красивымъ и здоровымъ типомъ молодой болгарской женщины—глаза мои разбѣгались во всѣ стороны...

Помню, особенно привлекла мое вниманіе молоденькая дѣвушка лѣтъ 14—15. Она стояла впереди всѣхъ съ букетомъ въ рукахъ въ простомъ, но очень изящномъ костюмѣ (очень похожимъ на нашъ малороссійскій и со-

стоявшимъ изъ прекрасно вышитой шелкомъ рубахи, шерстяной юбки, красиваго фартука съ поясомъ и разнаго ожерелья) и какъ-то вопросительно, удивленно смотрѣла на меня своими большими темно-карими и задумчивыми глазками. Умъ, энергія и страсть свѣтились въ этихъ чудныхъ глазахъ южной красавицы, длинная, черная коса которой опускалась ниже колѣнъ. Я машинально протянулъ руку къ букету юной болгарки и долго не могъ отвести глазъ отъ ея выразительнаго, симпатичнаго личика... А букетъ этотъ хранился почти всю кампанію въ моемъ походномъ чемоданчикѣ.—«Ну что, турокъ нѣтъ близко?..» спросилъ я окружавшихъ меня болгаръ, оторвавшись, наконецъ, отъ лица деревенской Психеи.—«Э, ичь нема—бѣгалъ на Балканъ!..» радостно и смѣясь, отвѣчали братушки, характерно прищелкивая языкомъ и указывая на горы.

Побесѣдовавъ еще немного съ гостепріимными жителями, я двинулся далѣе, напутствуемый самыми теплыми пожеланіями.

Не успѣли мы даже выѣхать изъ деревни, какъ о нашемъ приближеніи были извѣщены, помощью условныхъ знаковъ, жители сосѣднихъ селеній и тамъ поднялся самый усердный трезвонъ въ колокола и тарелки. (Этимъ же звономъ жители старались спастись и отъ безпокойныхъ шаекъ баши-бузуковъ, бродившихъ въ горахъ).

Подъѣзжая къ д. Горные Раховицы, мы съ удивленіемъ увидѣли большую толпу болгаръ (около тысячи человѣкъ), медленно двигавшуюся намъ на встрѣчу.

Съ горы открывался чрезвычайно красивый, живописный видъ: большая кирпичная церковь посреди селенія, довольно много хорошихъ домовъ, окруженныхъ зеленѣющими садиками, и богатые костюмы жителей, причемъ на многихъ женщинахъ красовались даже шелковыя

платья—все это свидѣтельствовало о благосостояніи этого глухаго уголка Болгаріи.

Здѣсь намъ устроена была самая торжественная встрѣча: почти за версту отъ селенія насъ встрѣтила эта громадная толпа жителей, впереди которой стояло нѣсколько священниковъ съ крестами, евангеліемъ и святою водой. Нѣкоторые изъ болгаръ держали иконы и хоругви.

Чтобы дать возможность приложиться казакамъ ко кресту и евангелію, я перестроилъ полусотню рядами, разомкнувъ ихъ шаговъ на 10, и, остановивъ, спѣшилъ. Самъ подошелъ къ кресту и былъ окропленъ святою водой.

Почтенный и совершенно сѣдой священникъ съ умною, выразительною и чрезвычайно симпатичною наружностью, обратился къ намъ съ теплою, задушевною рѣчью, сказанною имъ, къ нашему удивленію и радости, на чистомъ русскомъ языкѣ.

Отъ лица всего болгарскаго народа онъ благодарилъ Россію за ея всегдашнее, безкорыстное сочувствіе къ своимъ младшимъ, единокровнымъ братьямъ, за неоднократную помощь и защиту... Прославлялъ нашего Государя, главнокомандующаго, армію и весь русскій народъ... Въ лицѣ нашемъ благодарилъ всѣ русскія войска за мужественную борьбу, за тяжелыя жертвы и лишенія...

«Да поможетъ намъ Господь Богъ», продолжалъ свою рѣчь умный пастырь: «сбросить съ себя тяжелыя цѣпи турецкаго рабства!.. Да пошлетъ онъ намъ отъ Россіи свѣтъ, радость, счастіе, давно ожидаемую свободу и освобожденіе отъ ненавистнаго, позорнаго, мусульманскаго ига!..»

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ и благословивъ крестомъ, онъ сказалъ: «Вознесемте, свободные и храбрые россіяне, вмѣстѣ съ нашимъ народомъ, за освобожденіе котораго вы проливаете теперь свою кровь, горячую молитву къ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Небесному Владыкѣ. Пусть поможетъ Онъ намъ испить до дна горькую чашу и увидѣть желанный свѣтъ Христовъ!..»

Тутъ онъ запѣлъ со всѣми священниками «Слава въ вышнихъ Богу!»

Вся эта разумная, искренняя рѣчь стараго духовнаго пастыря подѣйствовала на насъ какъ-то особенно живительно, ободряюще. Каждый съ гордостью, казалось, сознавалъ, что вѣра болгаръ въ нашу силу, въ нашъ успѣхъ не обманываетъ ихъ, что мы дѣйствительно выйдемъ побѣдителями изъ этой тяжелой борьбы и вырвемъ, наконецъ, ихъ изъ вѣковыхъ и мучительныхъ объятій звѣрскаго мусульманскаго народа. Наконецъ, эти слова, сказанныя на болгарской землѣ природнымъ болгариномъ чистымъ русскимъ языкомъ, и это радостное настроеніе жителей не могли не подѣйствовать на насъ тоже благотворно.

По окончаніи пѣнія священникъ провозгласилъ многолѣтіе нашему могучему Государю, Наслѣднику престола, главнокомандующему и всему русскому воинству. Казаки приложились ко кресту и евангелію и были окроплены святою водой.

Еще при началѣ словъ священника всѣ жители—мужчины, женщины и дѣти—опустились на колѣни и все время горячо молились; по окончаніи же многолѣтія, пропѣтаго почти всѣмъ народомъ, толпа шумно поднялась и радостно стала кричать «ура, да живіо царь Александръ!..» Примолкнувшіе во время рѣчи колокола снова разразились оглушительнымъ звономъ и еще болѣе увеличивали трогательную картину торжества.

Нѣсколько старѣйшинъ подошли ко мнѣ и почтительно просили принять угощеніе отъ всего общества. Я изъявилъ на это полное согласіе, такъ какъ, все равно, нужно было

дать лошадямъ маленькій отдыхъ; приказавъ вахмистру построить полусотню на площади, я отправился съ духовенствомъ и старѣйшинами въ церковь. Здѣсь, разоблачившись, отецъ Іоаннъ (такъ звали священника) показалъ мнѣ иконы, разную церковную утварь и другія вещи, пожертвованныя русскими людьми (многихъ изъ нихъ онъ называлъ по фамиліямъ).

Осмотрѣвъ внимательно прекрасный алтарь, мы вышли изъ церкви и направились на площадь. По дорогѣ отецъ Іоаннъ, оказавшійся притомъ очень веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, разсказалъ мнѣ, что церковь выстроена на деньги, пожертвованныя нѣкоторыми русскими, которые и теперь не забываютъ ея; что во время обѣдни онъ постоянно провозглашаетъ многолѣтіе нашему Императору, царствующему дому и всему русскому народу; вспоминалъ съ видимымъ удовольствіемъ о своемъ путешествіи по Россіи, о Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Троицко-Сергіевской лаврѣ и другихъ святыхъ мѣстахъ на Руси; высказывалъ самыя горячія симпатіи ко всему славянскому міру и къ протекторату Россіи... И вообще проявилъ свой недюжинный умъ, проницательность и трезвый, свѣтлый взглядъ. Незамѣтно подошли мы къ площади. Здѣсь я увидѣлъ страшную суету: женщины и дѣвушки, разославъ на землѣ холсты, со всѣхъ избъ чуть не бѣгомъ таскали всевозможное угощеніе довольнымъ казакамъ: пироги, лепешки, жареные гуси, утки, куры, разные фрукты, сласти и пр.—всего въ страшномъ изобиліи (очевидно, онѣ еще ранѣе позаботились объ этомъ); мужчины носили исключительно водку и вино.

Для меня и священниковъ былъ приготовленъ столъ и скамейки. Старѣйшины окружили меня и просили, чтобы я разрѣшилъ нашихъ лошадей подержать болгарамъ, пока казаки пообѣдаютъ. Сначала я не рѣшался на

это, опасаясь, какъ бы турки изъ горъ не напали на насъ врасплохъ, и хотѣлъ даже немедленно отправить разъѣздъ, но братушки увѣрили меня, что не предвидится ни малѣйшей опасности и что, наконецъ, на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ въ окрестностяхъ стоятъ конные юнаки, которые тотчасъ же дадутъ знать объ опасности условными знаками. Оказалось, что болгары уже сами организовали разумную охранительную службу и я со своею полусотней совершенно спокойно отдыхалъ подъ охраной юныхъ милиціонеровъ, воиновъ-крестьянъ, пробуждавшихся изъ вѣковаго рабскаго состоянія къ самостоятельной гражданской жизни.

Усѣвшись за столъ, я съ аппетитомъ занялся истребленіемъ болгарскихъ яствъ, запивая ихъ очень хорошимъ краснымъ виномъ. Духовные отцы тоже оказались молодцами по части выпивки и закуски и ничуть не отставали отъ меня. Казаки, размѣстившись на землѣ, шумно и съ аппетитомъ ѣли, любезничая съ угощавшими ихъ веселыми болгарками. Лошади наши оставались подъ присмотромъ болгаръ всѣхъ возрастовъ, причемъ на одно животное приходилось чуть-ли не 10 коноводовъ; каждый считалъ за особую честь и удовольствіе держать казачьяго коня. Во время трапезы болгары разсказали мнѣ, между прочимъ, что на ихъ селеніе, нѣсколько дней тому назадъ, нападали черкесы и баши-бузуки, отступавшіе отъ Дуная, съ намѣреніемъ отнять у нихъ скотъ, лошадей и каруцcы. Жители рѣшились отчаянно защищать свое имущество: всѣ выходы изъ деревни были забаррикадированы, старъ, младъ и даже женщины вооружились вилами, ломами, желѣзными прутами и пр.; кто же имѣлъ ружья и ятаганы, вышли въ поле и образовали особый отрядъ, дѣйствовавшій активно. Черкесы и баши-бузуки, не ожидавшіе такого энергичнаго сопротивленія, были отбиты съ урономъ, а ободрившіеся

болгары начали даже преслѣдовать отступавшаго непріятеля, вооружаясь оружіемъ убитыхъ. Стоявшіе возлѣ меня два молодыхъ болгарина, въ доказательство своей побѣды, показали мнѣ двѣ магазинки, отбитыя ими у черкесовъ. Я похвалилъ храбрость братушекъ и сказалъ, что если ихъ хорошо вооружить и обучить, то они навѣрное не уступятъ въ мужествѣ русскимъ воинамъ и что скоро вотъ, когда мы освободимъ ихъ, они будутъ имѣть свою собственную армію. Слова мои быстро облетѣли толпу и она радостно начала кричать «ура». Многіе упрашивали меня дать имъ оружія и патроновъ, чтобы они могли защищаться отъ нападенія баши-бузуковъ. Я, конечно, не могъ удовлетворить ихъ желаніе, но посовѣтовалъ отправить депутацію къ генералу Гурко въ Тырновъ, который, можетъ быть, и выдастъ имъ часть турецкаго оружія.

Отдохнувъ такимъ образомъ часа полтора и изрядно подкрѣпившись, мы распростились, наконецъ, съ гостепріимными и радушными жителями д. Горные Раховицы, усѣлись на коней и двинулись дальше. Передъ выѣздомъ я предложилъ священнику за угощеніе себя и казаковъ; но онъ энергично отказался принимать плату, а окружавшіе насъ старики стали тоже его подталкивать и уговаривать не брать денегъ. «Ну, въ такомъ случаѣ», предложилъ я, «примите эти монеты на вашу церковь, и когда будете молиться за нашего Царя и сражающихся русскихъ воиновъ зажигайте постоянно свѣчи...» Священникъ и окружавшіе его почетные жители остались видимо довольны моимъ предложеніемъ и маленькое недоразумѣніе окончилось обоюднымъ согласіемъ.

При выступленіи полусотни съ площади, на казаковъ вновь посыпались свѣжіе цвѣты изъ группы хорошенькихъ юныхъ болгарокъ, которыя провожали насъ даже за окраину селенія. Прощаніе съ жителями было самое искрен-

ное, дружеское; крѣпкимъ рукопожатіямъ и теплымъ пожеланіямъ не было конца. Громкіе крики провожавшихъ насъ болгаръ долго еще раздавались по пути нашего слѣдованія.

Было около семи часовъ вечера, когда мы черезъ Дольніе Раховицы доѣхали до Ласковацъ и расположились на ночлегъ бивакомъ близь дороги на Османъ-Базаръ и къ востоку отъ деревни версты на полторы. Также какъ и въ Раховицахъ, насъ встрѣтили здѣсь жители очень радушно и упрашивали ночевать въ самой деревнѣ. Но я не рискнулъ на это, потому что, по слухамъ, въ горахъ рыскали шайки баши-бузуковъ и можно было ожидать ночнаго нападенія. На бивакѣ же опасность была гораздо меньше, а боевая готовность, напротивъ, больше.

Жители немедленно доставили намъ на бивакъ сѣна, соломы, дровъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ — всего въ изобиліи. Старшина деревни (чорбаджій), по собственной иниціативѣ, сейчасъ же назначилъ нѣсколько братушекъ въ охрану—на помощь нашимъ казакамъ.

Ночь прошла совершенно благополучно, тихо. Утромъ я направилъ одинъ разъѣздъ на югъ въ горы, а съ другимъ двинулся самъ по дорогѣ къ Османъ-Базару. Кромѣ жителей-турокъ, убѣгавшихъ со своими пожитками, мы никого не видѣли.

Часовъ въ 11 я встрѣтился съ уланскимъ разъѣздомъ отряда генерала Леонова, подѣлился съ нимъ своими свѣдѣніями и узналъ, что непріятельскихъ регулярныхъ войскъ близко нѣтъ.

Вернувшись на бивакъ, я собралъ полусотню и прямою дорогой направился обратно къ Тырнову, куда и прибылъ около 4-хъ часовъ дня. По пути валялась масса разнаго турецкаго тряпья, ранцевъ, манерокъ и даже патроновъ,

которые они бросали при поспѣшномъ отступленіи изъ Тырнова.

О результатахъ своей миссіи я доложилъ командиру полка.

ГЛАВА III.

28 іюня сотня наша занимала аванпосты верстахъ въ шести по направленію къ Габрову, а на слѣдующій день, 29-го, мы двинулись черезъ деревушку Калоферъ и присоединились къ маленькому авангарду генерала Рауха, шедшаго впереди всего передоваго отряда генерала Гурко. Главная цѣль послѣдняго состояла въ томъ, чтобы овладѣть Балканами, которыя представляли на пути движенія русской арміи вторую, послѣ Дуная, серьезную преграду. Такъ какъ самый удобный изъ проходовъ — Шибкинскій, сильно укрѣпленный турками и обороняемый значительными силами, очень трудно было взять съ той стороны, откуда враги ожидали насъ, т.-е. съ сѣвера, то очень умно и хитро рѣшено было въ главной квартирѣ пробраться какъ-нибудь непріятелю въ тылъ и овладѣть проходомъ съ юга, со стороны Казанлыка, откуда нашего появленія совершенно не ожидали, дѣйствуя въ то же время и со стороны Габрова.

Для этой цѣли выбрана была дикая и почти недоступная горная тропинка, ведущая отъ Тырнова въ долину р. Тунджи у с. Ханкіой. Преодолѣть этотъ трудный и опасный путь и долженъ былъ передовой отрядъ Гурко, впереди котораго двигался авангардъ Рауха.

Русскому солдату, бывавшему не разъ уже на Балканахъ, удалось и на этотъ разъ успѣшно выполнить предпріятіе, на первый взглядъ кажущееся просто безумнымъ. Онъ не любитъ долго ломать голову и разсуждать; это

не въ характерѣ русскаго человѣка: ему приказано взять, стало быть нужно это сдѣлать во что бы то ни стало, хоть тресни!..

Героями этого труднаго и опаснаго перехода явились саперы (конно-піонеры), которые мужественно и неутомимо, съ топоромъ и киркой въ рукахъ и съ винтовками за плечами, прокладывали горную дорогу, расширяли ее, устраивали спуски для артиллеріи, разбивали громадныя каменныя глыбы, растаскивали столѣтніе исполинскіе дубы, лежавшіе поперегъ горныхъ потоковъ, на днѣ которыхъ пролегалъ путь... Словомъ, главную тяжесть перехода несли на своихъ плечахъ.

Работа, дѣйствительно, египетская и въ мирное время, а тѣмъ болѣе при постоянной боевой готовности, ежеминутно рискуя получить пулю въ голову, при извѣстномъ нравственномъ тревожномъ настроеніи и притомъ въ страшную дневную жару, смѣняемую холодными, сырыми ночами. Все выше и выше поднимались мы, борясь съ негостепріимною природой и, шагъ за шагомъ, завоевывая себѣ узкую, опасную тропинку. Горные орлы парили надъ нашими головами, очевидно, недоумѣвая неожиданному появленію непрошенныхъ гостей.

Потъ градомь катился съ лицъ тружениковъ саперъ, но они и не думали объ отдыхѣ.

Я съ полусотней шелъ непосредственно за піонерами, первый изъ нерабочихъ людей проходя такимъ образомъ по новой дорогѣ и невольно любуясь величавыми и живописными горными пейзажами, открывавшимися передъ нашими глазами. Позади насъ двигались пластуны.

Поздно вечеромъ прекращались работы по проложенію дороги и рано утромъ снова начинались съ еще большею энергіей и поспѣшностью.

Три ночи провели мы въ глухомъ Ханкіойскомъ про-

ходѣ, и ночи эти навѣрное живо сохранились въ памяти у каждаго изъ участниковъ этого смѣлаго и счастливаго предпріятія!..

На высшей точкѣ перевала (близь д. Паровцы) командиръ конно-піонеровъ, отважный полковникъ графъ Роникеръ, устроилъ очень оригинальный памятникъ въ честь прохода русскихъ героевъ черезъ этотъ пунктъ: изъ громаднаго столѣтняго дуба, толщиною въ четыре обхвата, былъ вырубленъ большой столбъ около трехъ саженъ длины и зарытъ на одну треть въ землю; на четырехъ обтесанныхъ сторонахъ вырѣзаны были фамиліи офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и урядниковъ, перешедшихъ здѣсь первыми Балканы.

Одинъ изъ саперныхъ офицеровъ очень искусно нарисовалъ на бѣломъ шелковомъ платкѣ нашъ національный гербъ и прикрѣпилъ этотъ импровизированный флагъ къ небольшому шесту, утвержденному наверху дубоваго памятника. Картина вышла очень эффектная!..

До сихъ поръ мы карабкались вверхъ, теперь же стали спускаться внизъ.

1 іюля мы были уже верстахъ въ шести отъ д. Ханкіой, которую, по слухамъ, сообщеннымъ жителями ближайшихъ горныхъ селеній, занималъ незначительный турецкій отрядъ. Работы были пріостановлены и приняты всевозможныя мѣры къ соблюденію полной тишины и спокойствія. Мы ждали, пока, по разработанной піонерами дорогѣ, подтянутся наши главныя силы, чтобы затѣмъ уже сразу и неожиданно дебушировать въ долину Тунджи. Впередъ выслали сотню пластуновъ, этихъ отчаянныхъ головорѣзовъ, которыхъ самъ адъ и сатана, кажется, не устрашитъ. Къ намъ, въ авангардъ, пріѣхалъ помощникъ начальника штаба подполковникъ Сухомлиновъ, очень молодой, веселый и симпатичный офицеръ генеральнаго

штаба, вмѣстѣ съ княземъ Цертелевымъ, бывшимъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополѣ, поступившимъ съ объявленіемъ войны въ Кавказскую казачью бригаду вольноопредѣляющимся. Князь Цертелевъ, переодѣваясь въ болгарскій и турецкій костюмы, еще ранѣе принималъ участіе въ разныхъ рискованныхъ предпріятіяхъ и грудь его была украшена уже тремя солдатскими георгіевскими крестами. Теперь, въ сопровожденіи болгарскаго патріота Словейкова, онъ отправился впередъ, въ д. Ханкіой, чтобы собрать тамъ свѣдѣнія о турецкихъ войскахъ. Прекрасное знаніе имъ мѣстныхъ языковъ и обычаевъ въ значительной степени обезпечивало за нимъ успѣхъ его смѣлыхъ предпріятій.

Въ ожиданіи возвращенія князя Цертелева и Словейкова, офицерство все собралось въ кучку вокругъ разговорчиваго Сухомлинова и оживленно бесѣдовало на тему о предстоящемъ дебушированіи и сраженіи.

Для большей безопасности, кромѣ пластуновъ, были выдвинуты также впередъ и стрѣлки; весь отрядъ постепенно подтягивался. Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ начальникъ штаба, полковникъ Нагловскій, справился о положеніи дѣлъ и сообщилъ, что скоро прибудутъ артиллерія и начальникъ отряда, но что сегодня дальнѣйшее движеніе, вѣроятно, не состоится, такъ какъ люди сильно устали и уже довольно поздно.

Вскорѣ благополучно вернулись изъ своей опасной экскурсіи кн. Цертелевъ и Словейковъ. Оказалось, что они очень удачно исполнили свое порученіе: имъ удалось проникнуть въ самую деревню Ханкіой, гдѣ стояли лагеремъ два табора пѣхоты, и даже бесѣдовать съ турецкими солдатами и офицерами; послѣдніе высказывали имъ свое твердое убѣжденіе, что Балканы представляютъ для русскихъ почти неодолимую преграду, такъ какъ Шибкинскій

перевалъ очень сильно укрѣпленъ, а черезъ другіе немыслимо пробраться (проходъ Ханкіойскій сами турки назвали «Хаинъ Богазъ», т.-е. предательскій проходъ).

Горькое разочарованіе ожидало самонадѣянныхъ, безпечныхъ и наивныхъ османовъ! Безотчетный, паническій страхъ напалъ на нихъ, когда они увидѣли вдругъ на разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла отъ себя воинственныя фигуры нашихъ пластуновъ и штыки русскихъ стрѣлковъ.

Въ этотъ день (2 іюля), т.-е. день дебушированія авангарда передоваго отряда въ долину розъ, мнѣ пришлось разыграть довольно комическую роль.

Бригадный командиръ, полковникъ Чернозубовъ, приказалъ мнѣ отправиться съ четырьмя казаками въ д. Эссекчи и узнать, занята-ли она непріятелемъ. Рысью подъѣхалъ я долиной къ сѣверной окраинѣ деревни и еще издали увидѣлъ въ ней турецкую пѣхоту и вооруженныхъ жителей. Остановившись шагахъ въ трехстахъ отъ крайнихъ зданій, я отправилъ одного казака съ донесеніемъ къ Чернозубову и занялся, въ ожиданіи приказанія, наблюденіями. Удивило меня не мало то обстоятельство, что, не смотря на близость разстоянія, въ меня никто не стрѣлялъ, хотя появленіе наше турки, очевидно, замѣтили. Были-ли османы въ миролюбивомъ настроеніи, или на нихъ просто напалъ паническій страхъ — судить не берусь, но выстрѣла изъ деревни ни одного не раздавалось. Кажется, что наше внезапное появленіе ихъ сильно смутило и они заботились только о сохраненіи своей шкуры.

Во время моихъ наблюденій я получилъ вторичное приказаніе отъ Чернозубова ѣхать въ деревню. «Чортъ возьми! Да какъ же я туда сунусь съ двумя казаками?» думалъ я. «Вѣдь застрѣлятъ, какъ собаку...» И я снова послалъ къ полковнику казака, прося хоть нѣсколько че-

ловѣкъ въ помощь. Но, въ отвѣтъ, получилъ третье энергичное приказаніе—немедленно скакать въ деревню.

У меня оставался только одинъ казакъ (остальные не возвращались), и вотъ я, какъ Донъ-Кихотъ, обнаживъ шашку и скомандовавъ своему Санчо-Панчо: «пику на бедро!», маршъ-маршемъ понесся въ деревню по главной улицѣ. Я ожидалъ, что меня встрѣтитъ цѣлый градъ пуль и рѣшилъ, какъ истый кавалеристъ, дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ...

Но съ каждымъ скачкомъ лошади удивленіе мое все болѣе и болѣе возрастало. Турки, вмѣсто того, чтобы подстрѣлить меня, какъ зайца, бросали свои пожитки и, испуганно, черезъ заборы и канавы, бѣжали изъ деревни.

Я доскакалъ до моста черезъ р. Тунджу и здѣсь остановился.

Бѣжавшіе, между тѣмъ, турки наткнулись за деревней на нашихъ казаковъ (26-го полка) и были ими тотчасъ же атакованы.

Положеніе мусульманъ стало критическое; имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только бросаться съ крутаго берега рѣки въ Тунджу, въ надеждѣ пробраться на другую сторону.

Я прекрасно видѣлъ съ моста, какъ они цѣлыми десятками бросались въ воду и тщетно боролись съ быстрымъ теченіемъ рѣки.

Казаки въ это время открыли по пловцамъ частый и мѣткій огонь изъ своихъ берданокъ и рѣка мало-по-малу стала покрываться несчастными убитыми и ранеными, которыхъ теченіемъ быстро уносило внизъ.

Въ то время, какъ я, стоя близь моста со своимъ казакомъ, съ грустью смотрѣлъ на разстрѣливаніе несчастныхъ и обезумѣвшихъ фанатиковъ, самоотверженно рѣшившихся лучше погибнуть въ волнахъ Тунджи, чѣмъ

отдаться живыми въ руки гяуровъ, и, признаться, не особенно-то завидовалъ подвигамъ своихъ станичниковъ,— черезъ мостъ проѣзжала запряженная двумя буйволами каруцца, нагруженная разнымъ домашнимъ хламомъ. Красивый и довольно молодой еще (лѣтъ 30-ти) турокъ, вооруженный стариннымъ ружьемъ, пистолетомъ и нѣсколькими ятаганами, заткнутыми за поясъ, велъ быковъ; за возомъ шла одѣтая въ черный костюмъ турчанка съ чадрой на головѣ. Очевидно, они насъ не замѣчали, безпокойно оглядывались по сторонамъ и торопливо погоняли буйволовъ. Проѣхавъ уже мостъ, турчанка, случайно оглянувшись, увидѣла вдругъ насъ, испуганно вскрикнула «московъ!» и навзничь упала на землю безъ чувствъ (не знаю, можетъ быть и притворилась—женщины вѣдь на это мастерицы!). Я подъѣхалъ къ турчанкѣ, нагнулся съ коня и хотѣлъ заглянуть ей въ лицо. «Если молодая да красивая», подумалъ я, «то надо будетъ привести въ чувство; если жь старая, то, Богъ съ ней, пускай лежитъ!»

Въ этотъ самый моментъ что-то свиснуло мимо моего уха и одновременно раздался ружейный выстрѣлъ; я быстро поднялъ голову, увидѣлъ шагахъ въ 40 отъ себя дымокъ и понялъ, что въ меня стрѣлялъ тотъ самый турокъ, который шелъ съ возомъ. Видя свою оплошность, послѣдній бросился бѣжать, желая спрятаться за ближайшее толстое дерево. Но мой казакъ быстро прицѣлился въ бѣжавшаго, и пуля угодила ему въ затылокъ...

Позади раздался лошадиный топотъ. Я оглянулся и увидѣлъ проходившую черезъ деревню 2-ю сотню нашего полка. Впереди ѣхалъ сотенный командиръ, есаулъ Полухинъ. «Послушайте, Дукмасовъ, не хотите-ли пристроиться къ намъ?» обратился онъ ко мнѣ. «Мы сейчасъ думаемъ атаковать турецкій обозъ, который вонъ тамъ двигается?..»

Я отказался, такъ какъ обозъ былъ бабій, т.-е. съ

мирными жителями, хотя и вооруженными; кромѣ того, на ближайшихъ возвышенностяхъ, влѣво отъ насъ, виднѣлась непріятельская пѣхота и артиллерія.

Сотня атаковала обозъ, но, встрѣченная сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, должна была отступить.

Одновременно съ проѣздомъ 2-й сотни ко мнѣ вернулись тѣ три казака, которые были посланы мною еще ранѣе съ донесеніями къ полковнику Чернозубову. Выругавъ ихъ хорошенько за неисправность и мѣшкотню, я направился съ ними охотиться на басурмановъ: съ моста я замѣтилъ, какъ человѣкъ 10—12 турокъ, переплывъ удачно рѣку, скрылись на противоположномъ берегу въ небольшой рощицѣ. Вотъ сюда-то я и направился со своею миніатюрною командой, перебравшись предварительно на правый берегъ Тунджи.

Подъѣхавъ шаговъ на сто къ рощѣ, я знаками сталъ объяснять туркамъ, чтобы они положили оружіе и сдались. Но, вмѣсто отвѣта, на насъ посыпались пули. Тогда я рѣшился со своими ничтожными силами штурмовать рощу, предварительно подготовивъ атаку ружейнымъ огнемъ. Двухъ человѣкъ я поставилъ съ фронта, а двухъ такимъ образомъ, чтобы они могли фланкировать засѣвшихъ въ рощѣ турокъ; самъ же расположился между ними. Стрѣлять условились по очереди: сначала фронтъ, затѣмъ флангъ. Кусты въ рощѣ были въ высоту не болѣе роста человѣка; посреди нея находилась небольшая площадка (шаговъ въ 50 шириной), на краю которой и расположились эти 10—12 злополучныхъ турокъ. Для производства выстрѣла они приподнимались, а затѣмъ быстро прятались. Этими моментами мы и пользовались: какъ только показывалась голова турка, казаки быстро прицѣливались и стрѣляли.

Не прошло и четверти часа, какъ половина защитниковъ была нами перебита и оставалось только шесть человѣкъ.

Было около шести часовъ вечера. Бой на всѣхъ пунктахъ въ живописной, прелестной долинѣ розъ уже прекратился, турки вездѣ отступили частью на востокъ, частью на югъ въ Малыя Балканы. Ружейная перестрѣлка уже давно замолкла и только мой крошечный отрядикъ продолжалъ еще съ увлеченіемъ перестрѣливаться близь рощи съ оставшимися въ живыхъ шестью отчаянными фанатиками, предпочитавшими вѣрную смерть и рай Магомета позорному плѣну.

Верстахъ въ полуторыхъ отъ насъ, по лѣвую сторону Тунджи, собралось наше начальство (генералъ Раухъ, полковники Чернозубовъ и Красновъ) и, очевидно, недоумѣвало, что это за неугомонные бойцы. Посланный отъ нихъ ротмистръ Мартыновъ прискакалъ ко мнѣ съ трубачемъ, чтобы узнать о причинѣ стрѣльбы. «Что это вы тутъ стрѣляете, въ кого?» обратился ко мнѣ подъѣхавшій Мартыновъ. «Генералъ Раухъ прислалъ меня узнать, въ чемъ дѣло».—«А вотъ видите», отвѣчалъ я, указывая на мелькавшіе въ рощѣ огоньки, «охотимся здѣсь на красную дичь—двуногихъ и красноголовыхъ звѣрей. Не хотите-ли принять участіе? Сейчасъ поведемъ рѣшительную атаку... Предлагалъ нѣсколько разъ сдаться—не хотятъ, подлецы! Вотъ мы попробуемъ кстати, хорошо - ли отточены наши шашки...»—«А что жь, пожалуй», отвѣчалъ Мартыновъ, и красивые глаза его заблистали. Мы вынули револьверы и стали медленно подходить къ рощѣ, постепенно уменьшая кругъ. Оставалось не болѣе 30-ти шаговъ, какъ вдругъ изъ ближайшаго куста быстро поднялся молодой высокій турокъ, торопливо прицѣлился изъ ружья и выстрѣлилъ; къ счастью, пуля пролетѣла мимо, никого изъ насъ не задѣвъ. Сопровождавшій Мартынова трубачъ соскочилъ съ

коня и, выхвативъ шашку, бросился на турка, намѣреваясь изрубить его. Еще 2—3 шага и голова фанатика покатилась бы на землю. Но онъ быстро и ловко отскочилъ назадъ, вторично, почти въ упоръ, прицѣлился изъ своей магазинки въ бѣжавшаго на него трубача и—спустилъ курокъ. Раздался новый выстрѣлъ, а за нимъ—глухой, раздирающій душу крикъ. Мы увидѣли, какъ трубачъ, точно подкошенный, повалился на землю—пуля фанатика впилась ему въ животъ. Жалобно застоналъ смертельно раненый, корчась на землѣ въ страшныхъ мученіяхъ... Потеря товарища ожесточила моихъ казаковъ: стремительно ворвались они въ рощу и, соскочивъ съ лошадей, стали крошить шашками оставшихся въ живыхъ турокъ. Не могу вспомнить безъ содроганія этой ужасной картины! Люди превратились въ какихъ-то дикихъ, бѣшеныхъ звѣрей, которые рвутъ и мечутъ безъ разбора все, что попадается имъ на пути. Куски человѣческаго мяса, точно листья, летали по воздуху, русская сталь обильно обагрилась мусульманскою кровью...

Я въѣхалъ на упомянутую небольшую площадку посреди рощицы и увидѣлъ 7—8 человѣческихъ труповъ въ самыхъ ужасныхъ, безобразныхъ позахъ съ застывшими, страшными лицами. Три человѣка еще были живы и окружены моими казаками. Съ какимъ-то безсмысленнымъ, идіотскимъ выраженіемъ страшнаго испуга смотрѣли они, присѣвъ на корточки, на насъ и что-то бормотали... Мнѣ стало жаль этихъ людей и я хотѣлъ спасти имъ жизнь... Но все было напрасно! На одного изъ нихъ казакъ налетѣлъ верхомъ и съ силой вонзилъ свою пику ему въ грудь; другой, соскочивъ съ коня, выхватилъ изъ рукъ опѣшившаго турка ружье и, прикладомъ его же собственнаго оружія, разбилъ ему черепъ; мозгъ такъ и остался на крѣпкомъ ложѣ турецкой магазинки...

Я люблю войну и не отличаюсь слабостью нервовъ, но и то не могъ безъ отвращенія и содроганія смотрѣть на эту сцену. Но, оглянувшись въ сторону, увидѣлъ еще болѣе тяжелую и ужасную картину: шагахъ въ 20 отъ меня, подъ густымъ кустомъ сидѣлъ высокій, сѣдой старикъ; къ нему, стоя на колѣняхъ и вся дрожа, прижалась блѣдная, молодая женщина съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ. Старикъ, поднявъ глаза къ небу и сложивъ руки на груди, мѣрно качалъ головой и что-то усиленно бормоталъ. Лихорадочный блескъ его черныхъ, большихъ глазъ, болѣзненно-желтый цвѣтъ лица и эти шевелящіяся сухія губы надолго врѣзались мнѣ въ память. (Помню, потомъ, я видѣлъ точно такое же выраженіе у одного преступника въ Адріанополѣ, приговореннаго къ повѣшенію и стоявшаго уже у висѣлицы). Широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ я на этого молящагося передъ смертью старика, обезумѣвшую, полуживую женщину и плачущаго младенца...

Глухой ударъ прикладомъ о черепъ турецкой головы заставилъ меня обернуться въ противоположную сторону, и въ ту же минуту я услышалъ голосъ одного изъ своихъ казаковъ: «Ваше благородіе— берегитесь!», а вслѣдъ за этимъ пуля пролетѣла надъ самымъ моимъ погономъ. Я быстро обернулся и увидѣлъ дымокъ возлѣ молящагося старика, а въ дрожащей рукѣ его большой, старинный пистолетъ. Взоръ его по прежнему былъ обращенъ къ небу, губы еще чаще шептали молитву... Одинъ изъ казаковъ подбѣжалъ къ старику, приставилъ къ его груди свою винтовку и хотѣлъ выстрѣлить. «Что ты, Бога бойся!» остановилъ я его во время, «посмотри на ребенка и мать»...

Казакъ нѣсколько сконфузился, торопливо проговорилъ: «виноватъ, ваше благородіе», вырвалъ только изъ рукъ старика пистолетъ и отъ души помянулъ его родителей. Вѣ-

роятно, и ему невольно вспомнилась его родная станица, его мать, семья, и ёкнуло доброе казачье сердце, и звѣрь снова на время превратился въ человѣка...

Я приказалъ осмотрѣть кусты, думая найти если не живыхъ, то хоть раненыхъ враговъ; но кромѣ 11-ти труповъ и трехъ живыхъ существъ (старика и ребенка съ матерью) ничего не оказалось.

Поворотивъ коня и поблагодаривъ сердечно Провидѣніе за то, что счастливо избавился отъ направленной въ меня опасной пули, я поѣхалъ къ Мартынову, который заботливо хлопоталъ возлѣ опасно раненаго и сильно мучившагося трубача. Положивъ его на шинель, два казака осторожно на пикахъ понесли несчастнаго товарища на перевязочный пунктъ.

Овладѣвъ такъ счастливо Ханкіойскимъ проходомъ, передовой отрядъ генерала Гурко двинулся, 4 іюня, долиной рѣки Тунджи къ г. Казанлыку.

Накануне же, т.-е. 3 іюня, двѣ сотни (5-я и 6-я) нашего полка получили приказаніе произвести рекогносцировку г. Іени-Загры.

Рано утромъ, подъ общею командой адъютанта военнаго министра, ротмистра Мартынова, двинулись мы черезъ горы къ цѣли нашей рекогносцировки. Дорога была довольно плохая—узкая, каменистая, съ постоянными подъемами и спусками. Хотя Малыя Балканы и не высоки, но за то очень круты и обрывисты. Узкая дорожка, по которой наши двѣ сотни растянулись на значительное разстояніе, вилась по довольно живописной мѣстности, покрытой роскошною растительностью; громадные густолиственные каштаны, орѣховыя, дубовыя и буковыя рощи, роскошные чинары и мѣстами зеленые луга покрывали крутые и обрывистые склоны Малыхъ Балканъ и придавали этому горному уголку очень живописный, краси-

вый видъ. А внизу, подъ нашими ногами, въ глубинѣ ущелій и между утесами, съ шумомъ катили свои холодныя воды въ долины Марицы и Тунджи горные, быстрые ручьи.

Безпрерывные подъемы и спуски сильно утомляли нашихъ лошадей, но мы, всадники, не чувствовали усталости и были въ самомъ веселомъ настроеніи духа, полною грудью вдыхая этотъ здоровый, горный и ароматическій воздухъ и любуясь чудными пейзажами.

Наконецъ, мы благополучно достигли до д. Бузаача, откуда начинался спускъ въ долину. Вдали, верстахъ въ семи, виднѣлась Ени-Загра со своими красивыми бѣлыми домиками и высокими, стройными минаретами.

Мартыновъ приказалъ мнѣ произвести рекогносцировку со взводомъ казаковъ влѣво отъ города, а хорунжему Ретивову вправо. Подъѣхавъ къ крайнимъ домамъ Ени-Загры, приблизительно, на версту, я отчетливо увидѣлъ, даже безъ помощи бинокля, около табора непріятельской пѣхоты и два эскадрона черкесовъ, расположившихся за городомъ. Дальше наступать было безполезно и я, вернувшись, доложилъ обо всемъ Мартынову. Вскорѣ возвратился тоже Ретивовъ и сообщилъ, что онъ испортилъ телеграфъ, ведущій изъ Эски-Загры въ Ени-Загру, и что у желѣзно-дорожной станціи стоятъ два турецкихъ табора. Замѣтившій насъ противникъ видимо засуетился, но огня не открывалъ.

Не смотря на присутствіе довольно значительнаго непріятеля, Мартыновъ рѣшилъ сдѣлать попытку взорвать желѣзно-дорожный мостъ и испортить телеграфъ. (Ени-Загра лежитъ на желѣзной дорогѣ изъ Филиппополя и Адріанополя въ Ямболь; желѣзно-дорожная станція находится почти у самаго города). Въ взводной колоннѣ рысью двинулись двѣ наши сотни къ полотну желѣзной

дороги между городомъ и расположенной вправо отъ насъ деревней Эрлемишъ. Мѣстность была открытая, ровная, очень удобная для дѣйствій кавалеріи.

Въ двухъ верстахъ отъ города намъ на встрѣчу, съ лѣвой стороны, быстро выѣхали черкесы (около двухъ эскадроновъ) и тотчасъ же разсыпались.

Двѣ полусотни наши немедленно сдѣлали заѣздъ налѣво, разсыпались и образовали такимъ образомъ заслонъ противъ черкесовъ для остальныхъ двухъ полусотень, которыя продолжали наступленіе къ полотну желѣзной дороги.

Я съ своею полусотней находился въ упомянутомъ заслонѣ, который смѣло повелъ наступленіе на черкесскую цѣпь. Послѣдняя, очевидно, избѣгая столкновенія, стала медленно отступать, разсчитывая подвести насъ подъ огонь своей пѣхоты и артиллеріи (всего около пяти таборовъ, какъ оказалось впослѣдствіи), которыя занимали сильную позицію между городомъ и желѣзно-дорожною станціей. Увидѣвъ эту грозную пѣхотную силу, понявъ хитрую тактику отступавшихъ черкесовъ и безразсудность преслѣдованія, я во̀-время поворотилъ своихъ людей.

И дѣйствительно, только-что мы начали отступать, какъ черкесы, вмѣсто того, чтобы насъ преслѣдовать, быстро очистили фронтъ передъ своею позиціей, поскакавъ на фланги ея, и позади насъ вдругъ раздались сильные ружейные залпы и орудійные выстрѣлы; сотни пуль полетѣли за нами въ догонку, засвиставъ надъ головами, а турецкія гранаты стали рваться у самыхъ ногъ нашихъ испуганныхъ лошадей. Одновременно у д. Эрлемиша показались два непріятельскихъ орудія, которыя стали тоже въ насъ стрѣлять... Мы очутились внезапно подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Все это было такъ неожиданно и такъ дурно подѣйствовало на насъ въ нравственномъ отношеніи, что въ рядахъ смущенныхъ каза-

ковъ произошелъ нѣкоторый безпорядокъ, путаница, и наиболѣе трусливые бросились даже было на утекъ. И только благодаря энергіи и мужеству офицеровъ порядокъ скоро былъ возстановленъ и начавшееся бѣгство перешло въ стройное отступленіе шагомъ. Черкесы нашимъ временнымъ безпорядкомъ не воспользовались и даже не дѣлали попытокъ насъ преслѣдовать.

Не смотря на сильный огонь, мы отдѣлались очень счастливо, потерявъ только пять убитыхъ лошадей.

Цѣль рекогносцировки была все-таки болѣе или менѣе достигнута: хотя желѣзную дорогу намъ и не удалось разрушить, но силы и расположеніе непріятеля были обнаружены довольно точно. Мы спокойно возвращались въ долину розъ прежнею дорогой черезъ Малыя Балканы. При подъемѣ на горы, близь деревни Бузаачъ, мы нашли двѣ каруццы, нагруженныя ящиками съ патронами Пибоди; очевидно, онѣ были брошены турками при отступленіи отъ Ханкіоя. Сотенный командиръ мой, есаулъ Гречановскій, вздумалъ было уничтожить эти патроны: приказавъ казакамъ подложить подъ возы соломы, онъ самъ сталъ поджигать ее. Пламя вспыхнуло, раздалась оглушительная трескотня, и Гречановскій едва не поплатился жизнью за свою безумную забаву.

Спустившись съ Малыхъ Балканъ снова въ долину розъ, мы двинулись къ западу, вверхъ по теченію Тунджи, и догнали нашъ полкъ, который, вмѣстѣ съ другими войсками передоваго отряда, выступивъ изъ Ханкіоя 4 іюля, 5-го вступилъ уже съ боемъ въ Казанлыкъ, послѣ жаркихъ и блестящихъ дѣлъ при селеніяхъ Уфлаки и Уфландиркіой.

Наша бригада расположилась бивакомъ у сѣверной окраины г. Казанлыка въ розовыхъ садахъ (розы, къ сожалѣнію, уже отцвѣли тогда).

Еще днемъ погода стала портиться, съ Балканъ на-

двинулись густыя тучи, подулъ сильный вѣтеръ и къ вечеру полилъ дождь.

Было около 11 часовъ вечера; большинство на бивакѣ уже спало. Забравшись въ свою палатку, отнятую казаками у турокъ, и завернувшись въ бурку, я собирался уже уснуть, какъ вдругъ услышалъ отдаленный ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и поднялась трескотня. Моментально вскочилъ я на ноги и выбѣжалъ изъ палатки, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Дождь лилъ какъ изъ ведра, темнота была такая, что сосѣдней палатки я не могъ разсмотрѣть. Трубачи энергично играли тревогу, казаки торопливо, въ потьмахъ, разъискивали своихъ лошадей, слышались громкія приказанія офицеровъ — выводить съ коновязи коней, убирать палатки и пр. Поднялась невообразимая суета, бѣготня... Команды начальниковъ, крики казаковъ, топотъ и фырканье испуганныхъ лошадей, шумъ вѣтра и дождя и все усиливающаяся перестрѣлка — все это слилось въ какой-то нестройный, ночной концертъ. Прошло еще нѣсколько минутъ суеты и всѣ были уже готовы къ выступленію, не смотря на страшную темноту и дождь. Палатки всѣ убраны, вещи наскоро уложены. Я, впрочемъ, разсчитывая почему-то, что изъ этого ничего серьезнаго не выйдетъ, приказалъ не убирать свою палатку, рѣшивъ въ крайности лучше ею пожертвовать.

И такъ, всѣ были готовы, но приказанія выступать не получалось.

Ко мнѣ въ палатку скоро собралось нѣсколько офицеровъ, чтобы хоть немного укрыться отъ дождя; въ ожиданіи приказаній, мы занялись бесѣдой.

Вдругъ пули стали что-то очень часто летать возлѣ палатки, въ которой горѣла свѣча. «Тушить огонь, огонь потушить!» услышали мы крики и въ палатку вскочилъ

урядникъ. «Ваше благородіе! Командиръ полка приказали потушить свѣчу—турки стрѣляютъ по огню...» торопливо произнесъ онъ. Кто-то изъ насъ дунулъ на свѣчу и въ то же мгновеніе нѣсколько пуль пронизало палатку, къ счастью никого не задѣвъ.

Между тѣмъ стрѣльба мало-по-малу начала ослабѣвать и вскорѣ совершенно прекратилась. Изъ аванпостной цѣпи пріѣхало нѣсколько казаковъ и привели съ собою пять турокъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ.

Оказалось, что всю эту кашу заварили человѣкъ 30 какихъ-то отчаянныхъ баши-бузуковъ, всполошившихъ весь отрядъ силою въ полторы тысячи!

Приказано было снова поставить лошадей на коновязь, а людямъ расположиться на отдыхъ. Мокрые, совершенно въ грязи, не имѣя сухой нитки и сухой пяди земли, всѣ мы были въ очень жалкомъ положеніи. Отъ сильнаго дождя и происшедшей во время тревоги топотни бивакъ представлялъ какое-то топкое болото—грязи было чуть не по колѣно; сѣно, заготовленное для лошадей, оказалось тоже втоптаннымъ въ грязь... Ни лечь, ни сѣсть немыслимо было!.. Такъ всю ночь, до разсвѣта, казаки и простояли, держа въ поводу лошадей, которыя то и дѣло выдергивали колья изъ размокшей отъ дождя земли. Убѣдились мы горькимъ опытомъ, что значитъ ночная тревога!.. Будемъ ее хорошо помнить!..

Единственный сухой уголокъ во всемъ бивакѣ оказался въ моей неразобранной палаткѣ и потому скоро она биткомъ набилась нашимъ офицерствомъ съ командиромъ полка во главѣ.

Привели для допроса плѣнныхъ турокъ — грязныхъ, оборванныхъ и перепуганныхъ — и черезъ переводчика узнали, что они пробирались въ Эски-Загру изъ отряда, разбѣжавшагося подъ Шибкой, и нечаянно въ темнотѣ нат-

кнулись на нашу цѣпь, съ которою и завязали перестрѣлку.

Въ то время, какъ Гурко съ своими храбрыми войсками (главнымъ образомъ лихою 4-ю стрѣлковою бригадой) занятъ былъ атакой почти неприступнаго, грознаго Шибкинскаго перевала съ юга, со стороны деревни Шибки, на нашу долю выпала довольно скромная роль — обезоруженія турецкаго населенія въ сосѣднихъ съ Казанлыкомъ деревняхъ.

7 іюля я былъ посланъ со своею полусотней въ горы, къ сѣверу отъ Казанлыка, для отобранія у жителей-турокъ деревень Гусева, Хаскіой, Янина и др. всего имѣвшагося у нихъ оружія,

Все шло благополучно, сопротивленія нигдѣ я не встрѣчалъ и турки безпрекословно выдавали намъ свои, большею частью старинныя, ружья, ятаганы, кинжалы и пр.

Но въ одной изъ деревень (названія ея не помню) около 60-ти вооруженныхъ турокъ заперлись въ мечети и, какъ только мы показались на площади, открыли по насъ ружейную пальбу. Черезъ болгарина я предложилъ имъ сдаться и положить оружіе, обѣщая полную амнистію и свободу; но всѣ предложенія мои оказались напрасными и турки видимо рѣшились отчаянно защищаться.

Видя недѣйствительность палліативныхъ мѣръ, я рѣшился дѣйствовать болѣе энергично. Нѣсколько казаковъ, по моему приказанію, спѣшились, подкрались къ мечети и стали закладывать окна и двери соломой и дровами и обливать все это дегтемъ (весь матеріалъ обязательно доставили жители-братушки). Турки, видя эти приготовленія и понявъ, что я хочу поджечь мечеть и выкурить ихъ оттуда — рѣшились, наконецъ, сдаться. Оружіе было сложено у дверей мечети и толпа

въ шесть десятковъ здоровенныхъ, преимущественно пожилыхъ, турокъ, съ звѣрскими, фанатическими лицами, вышла на площадь, при радостныхъ восклицаніяхъ братушекъ, которымъ я разрѣшилъ разобрать сложенное оружіе. Меня тотчасъ же окружила громадная толпа болгаръ и, видимо возбужденная, съ крикомъ и жестикулируя, стала указывать на нѣкоторыхъ изъ бывшихъ въ мечети турокъ, обвиняя ихъ въ разныхъ преступленіяхъ, звѣрствахъ, убійствахъ и грабежахъ, а нѣкоторыхъ даже въ томъ, что они убивали беременныхъ болгарокъ, распарывали ятаганами у нихъ животы и вынимали оттуда живыхъ младенцевъ... Страшно возмущенный этими разсказами, этимъ неслыханнымъ варварствомъ и звѣрствомъ, я, подъ впечатлѣніемъ минуты негодованія, исполнилъ просьбы болгаръ и отдалъ имъ на расправу этихъ преступниковъ... Не прошло и десяти минутъ, какъ я узналъ, что ихъ постигла очень печальная участь и тяжелая кара: всѣ они, т.-е. тринадцать человѣкъ, были повѣшены!..

«Смерть за смерть!» злорадно говорили обрадованные болгары!

Остальныхъ турокъ я распустилъ. Поздно вечеромъ, усталый физически и особенно разбитый нравственно, вернулся я въ Казанлыкъ, на бивакъ. Тѣни этихъ тринадцати повѣшенныхъ турокъ не давали мнѣ цѣлую ночь покоя: мнѣ все мерещилось, что онѣ окружаютъ мою палатку и требуютъ объясненія за мой несправедливый, жестокій судъ...

Оказалось, что эпизодъ съ повѣшенными турками сдѣлался извѣстнымъ генералу Гурко и на другой день я былъ потребованъ для объясненій къ начальнику отряда. Въ первый разъ мнѣ пришлось говорить съ этимъ славнымъ героемъ лихаго забалканскаго набѣга. Сосредоточеннымъ, серьезнымъ, даже слегка угрюмымъ пока-

зался мнѣ этотъ безспорно храбрый и дѣльный генералъ и вмѣстѣ истый русскій патріотъ. Строго распекъ онъ меня за самоуправство, отечески далъ, затѣмъ, нѣсколько теплыхъ наставленій и предупредилъ, что если впередъ повторится что-либо подобное, то онъ безъ колебаній отдастъ меня подъ судъ и—я буду разстрѣлянъ... Повѣся носъ, вышелъ я изъ палатки генерала и твердо рѣшился быть впередъ осторожнѣе и поменьше увлекаться.

7 іюля Шибкинскій перевалъ находился, какъ извѣстно, уже въ нашихъ рукахъ и передовой отрядъ Гурко вошелъ въ соединеніе съ Габровскимъ отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго. Тѣснимые съ двухъ сторонъ и опасаясь быть захваченными въ плѣнъ, турки ночью бѣжали съ перевала горными тропинками на Калоферъ и далѣе къ Филиппополю, оставивъ въ нашихъ рукахъ орудія, снаряды, часть обоза, лагерь и кучу головъ нашихъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ, павшихъ въ несчастномъ бою 6 іюля.

Радость наша была, конечно, всеобщая, хотя многіе и недоумѣвали, какъ это удалось улизнуть совершенно незамѣтно и безнаказанно такой массѣ, какъ 10,000 человѣкъ, при значительной кавалеріи съ нашей стороны.

ГЛАВА IV.

10 іюля сотня наша (6-я) въ составѣ отряда генерала Столѣтова (Казанскій драгунскій полкъ, взводъ 16-й конной батареи и дружины болгарскаго ополченія) двинулась по дорогѣ къ Эски-Загрѣ. Отрядъ имѣлъ, главнымъ образомъ, цѣлью захватить проходъ къ этому городу черезъ Малыя Балканы и обезпечить такимъ образомъ за передовымъ отрядомъ путь къ его дальнѣйшему наступленію въ долину Марицы.

Рано утромъ, лишь солнце показалось изъ за горъ, мы

двинулись уже въ путь; наша сотня шла въ авангардѣ. Дорога тянулась сначала вдоль лѣваго берега Тунджи по совершенно открытой, ровной мѣстности. Пройдя около 22 верстъ и переправившись черезъ мостъ на р. Тунджѣ, отрядъ нашъ остановился на привалъ близь с. Горные Чайникчи, какъ разъ у подножія Малыхъ Балканъ. Генералъ Столѣтовъ рѣшилъ самое жаркое время провести въ отдыхѣ; людямъ приказано было варить пищу, лошадямъ роздали сѣно, въ горы выставили аванпосты. Офицеровъ нашей сотни пригласилъ къ себѣ закусить ротмистръ Мартыновъ, расторопный деньщикъ котораго уже успѣлъ занять удобное мѣстечко и поставить самоваръ. Вскорѣ подошла голова колонны главныхъ силъ, впереди которой ѣхалъ Столѣтовъ со свитой. Мартыновъ встрѣтилъ его, доложилъ о разстановкѣ аванпостовъ и пригласилъ закусить. Генералъ—представительный, любезный и простой человѣкъ и при этомъ большой говорунъ и весельчакъ—охотно принялъ предложеніе Мартынова, слѣзъ съ коня и подошелъ къ ковру, на которомъ уже появились разныя закуски, вино и самоваръ.

Вскорѣ къ нашей компаніи подъѣхалъ также командиръ болгарской дружины, полковникъ Калитинъ, съ нѣсколькими своими офицерами. Завязался оживленный разговоръ о пережитыхъ дняхъ, предположенія о будущемъ и пр.; Столѣтовъ и Калитинъ вспоминали о своихъ лихихъ туркестанскихъ походахъ; большинство офицеровъ болгарской дружины оказались тоже люди болѣе или менѣе опытные въ боевомъ дѣлѣ и понюхавшіе уже не разъ пороха на поляхъ Туркестана. Бесѣда длилась долго, вино и чай гостепріимнаго хозяина быстро уничтожались...

Такъ какъ нашей сотнѣ приказано было тронуться въ путь въ два часа дня, а было только около 12-ти, то я, напившись чаю, отправился осматривать теплые минераль-

ные источники, вытекавшіе вблизи изъ горъ. Каменное зданіе, выстроенное турками для купанья, помѣщалось на окраинѣ деревни. Посреди большой комнаты устроенъ былъ мраморный резервуаръ шириной около 15 аршинъ, глубиной въ два аршина; по краямъ стѣнъ устроены были низкіе диваны для раздѣванія. Все это было, конечно, въ самомъ грязномъ, запущенномъ видѣ. Я позвалъ нѣсколько казаковъ, приказалъ имъ спустить воду, обмыть резервуаръ и наполнить его свѣжею водой. Черезъ полчаса все это было готово и я отправился на бивакъ. Офицерство, подзакусивъ и выпивъ изрядно, валялось на травѣ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ; одни тщетно старались уснуть и найти защиту отъ палящихъ лучей солнца; другіе очень весело насвистывали болгарскій національный маршъ «Шуми Марица», выученный ими отъ добровольцевъ болгарской дружины; третьи, лежа на спинѣ, лѣниво перекидывались фразами.

— Публика! обратился я къ этой компаніи,—кто желаетъ лечиться на счетъ султана: купаться въ турецкихъ минеральныхъ источникахъ?

— Гдѣ, какіе источники? послышались вопросы.

— А вотъ идемъ, покажу. У кого есть сувениры изъ Румыніи—можетъ, поможетъ: составъ воды, кажется, вродѣ Пятигорской...

Желающихъ нашлось очень много и мы цѣлою ватагой отправились къ упомянутому зданію. Хотя температура воды была довольно высокая (около 25° R.), но мы все-таки выкупались съ удовольствіемъ. Послѣ насъ въ бассейнъ биткомъ налѣзли казаки и вода приняла какой-то бурый цвѣтъ.

Въ два часа дня сотня наша усѣлась на коней и двинулась дальше, къ Эски-Загрѣ, до которой оставалось около 18 верстъ. Малыя Балканы, которыя намъ приходилось

переходить уже третій разъ (считая два конца при рекогносцировкѣ Ени-Загры), представляли и здѣсь довольно красивую, хотя и не столь живописную группу, какъ Большія Балканы: роскошная растительность (каштанъ, дубъ, букъ, чинаръ), покрывавшая мѣстами склоны горъ; быстрые горные ручьи, съ шумомъ низвергавшіе свои воды съ водопадами и каскадами въ низкія долины и глубокія ущелья; постоянные подъемы и спуски—все это разнообразило нашъ трудный путь, открывало передъ нами все новые и новые прелестные ландшафты, которыми всѣ мы невольно любовались. Непріятеля нигдѣ не встрѣчалось; мы шли совершенно спокойно.

Подходя къ Эски-Загрѣ высланъ былъ впередъ разъѣздъ, который вскорѣ донесъ, что въ городѣ турецкихъ войскъ вовсе нѣтъ. Новость эта была для насъ, конечно, очень пріятна. Появленіе нашихъ разъѣздовъ на улицахъ Эски-Загры вмигъ облетѣло городъ и произвело самое отрадное впечатлѣніе на болгарское населеніе и, напротивъ, удручающее на турецкое. Болгары цѣлыми толпами высыпали на улицы и бросились на встрѣчу подходившему отряду; по всему городу, за отсутствіемъ колоколовъ, стали бить въ желѣзныя доски. Турецкія власти стремительно бросились бѣжать изъ города, который очутился такимъ образомъ въ нашей полной власти.

У входа въ городъ шедшая въ авангардѣ наша сотня остановилась и выстроилась для встрѣчи начальника отряда. Около шести часовъ вечера показалась колонна главныхъ силъ, впереди которой ѣхалъ генералъ Столѣтовъ со свитой.

Принявъ депутацію отъ города, встрѣтившую его съ хлѣбомъ-солью, Столѣтовъ любезно отвѣчалъ на радостныя привѣтствія духовенства и жителей. Затѣмъ войска вступили въ городъ, улицы котораго были буквально запру-

жены жителями въ праздничныхъ, нарядныхъ костюмахъ, громкими криками «живіо» и бросаніемъ въ насъ цвѣтовъ выражавшими свою радость. Особенно восторгамъ ихъ не было конца, когда они увидѣли своихъ единокровныхъ братьевъ, шедшихъ въ рядахъ болгарскаго ополченія и явившихся сюда защищать свободу, честь и жизнь своихъ отцевъ, матерей, братьевъ и сестеръ. Молодые болгарскіе воины, еще недавно лишь мирные граждане, не умѣвшіе даже держать въ рукахъ оружія, теперь гордо и стройно маршировали бокъ-о-бокъ со своими старшими братьями—русскими опытными солдатами и веселымъ, сердечнымъ «ура» отвѣчали на привѣтствія своихъ родныхъ, знакомыхъ и соотечественниковъ. Воинская дисциплина не позволяла имъ выйти изъ строя и броситься на шею этихъ близкихъ людей, для спасенія которыхъ они рѣшились жертвовать своею жизнью.

Что-то великое, могучее, какая-то твердая вѣра въ свое будущее, въ свою силу слышалось въ этихъ оглушительныхъ русскихъ «ура», вырывавшихся изъ молодыхъ, экзальтированныхъ болгарскихъ грудей! У меня у самого что-то ёкнуло въ груди, невольно слезы выступили на глазахъ и хорошее, сладостное чувство испытывалъ я—совершенно посторонній зритель—при видѣ этой трогательной, счастливой сцены... Этотъ народъ, цѣлыя столѣтія не смѣвшій даже думать о гражданской свободѣ, цѣлые вѣка находившійся въ положеніи несчастныхъ, забитыхъ рабовъ и призываемый теперь къ новой, счастливой и свободной жизни своими могучими сѣверными братьями, видѣлъ свою собственную, стройную армію, защиту своей жизни, имущества, свободы... Да, для болгарскаго патріота это была великая, торжественная минута!.. Когда войска прошли городъ, расположились внѣ его бивакомъ, приняли мѣры охраненія и солдатамъ разрѣшено было отлучиться,

тогда уже юные болгарскіе воины бросились въ объятія дорогихъ, близкихъ людей и слезы радости и счастія текли изъ глазъ стариковъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ.

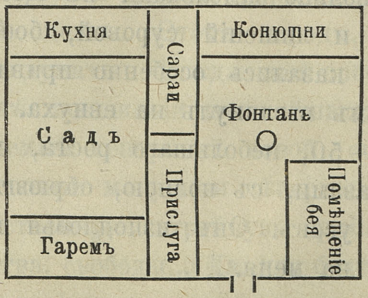
Большинство офицеровъ помѣстилось съ войсками на бивакѣ; нѣкоторые же, въ томъ числѣ и я, въ городѣ, на квартирахъ. На мою достался очень хорошій домъ одного богатаго турецкаго бея, бѣжавшаго какъ разъ передъ нашимъ приходомъ въ Филиппополь. Ротмистръ Мартыновъ помѣстился вблизи, тоже въ домѣ какого-то бея, и пригласилъ меня являться къ нему каждый день на обѣдъ.

Не успѣлъ я войти въ мои роскошные аппартаменты, лишь нѣсколько часовъ передъ этимъ находившіеся во владѣніи турецкаго деспота-бея, какъ нѣсколько казаковъ привели ко мнѣ какого-то безобразнаго пожилаго турка съ феской на головѣ. «Это что за звѣрь — гдѣ вы его поймали?» обратился я къ казакамъ. — «Это, ваше благородіе, евнухъ — начальникъ, значитъ, гаремный... Тутъ, сказываютъ, жены хозяина остались и онъ съ ними...» отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ, самодовольно ухмыляясь. — «А», подумалъ я, «это преинтересная, должно быть, штука; нужно будетъ съ этимъ господиномъ покороче познакомиться!..» и заманчивыя картины изъ «Тысячи и одной ночи» невольно замелькали въ моемъ воображеніи. Послѣ трудовъ и лишеній суровой, боевой жизни эти сладкія иллюзіи казались особенно привлекательными. Я съ любопытствомъ взглянулъ на евнуха. Это былъ человѣкъ лѣтъ 45 — 50, небольшаго роста, съ черными, безжизненными глазами, съ полною, обрюзглою физіономіей, безъ бороды и усовъ. Онъ изподлобья и какъ-то испуганно смотрѣлъ на меня.

Черезъ переводчика-грека я узналъ, что владѣтель этого дома, турецкій бей, очень богатый человѣкъ, былъ бичемъ для болгарскаго населенія Эски-Загры; своими

звѣрскими поступками, безчеловѣчнымъ обращенiемъ съ болгарами, постоянными несправедливыми доносами губернатору и самымъ нахальнымъ лихоимствомъ онъ прiобрѣлъ себѣ громадное состоянiе съ одной стороны и ненависть всего христiанскаго населенiя—съ другой. Симпатизировавшiй ему губернаторъ, съ которымъ онъ, вѣроятно, дѣлился своими незаконными доходами, назначилъ его, по объявленiи войны, начальникомъ баши-бузуковъ въ Филиппополѣ, куда бей и переѣхалъ въ послѣднее время съ четырьмя любимыми женами. 9-го же iюля, вечеромъ, онъ прiѣзжалъ снова въ Эски-Загру, чтобы забрать остальныхъ женъ и оставленное имущество, какъ, вдругъ, 10-го, около пяти часовъ вечера, разнесся слухъ о появленiи передъ городомъ русскихъ войскъ. Бей, дрожа за свою шкуру, поспѣшно бѣжалъ, захвативъ съ собою только двухъ слугъ и четырехъ лошадей и оставивъ все свое награбленное имущество и до 30-ти женщинъ въ гаремѣ на произволъ судьбы.

Всѣ эти свѣдѣнiя мнѣ сообщилъ одинъ мѣстный грекъ, довольно сносно объяснявшiйся по-русски. Меня чрезвычайно интересовалъ домашнiй бытъ богатаго турка и я рѣшился подробно осмотрѣть все хозяйство бея. Входя

съ улицы воротами на дворъ, направо находилось одно-

этажное кирпичное зданіе, гдѣ помѣщался самъ бей, налѣво — деревянныя зданія для прислуги и разные хозяйственные склады, напротивъ — были устроены конюшни для лошадей и сараи для скота и экипажей. Небольшой, почти квадратный дворъ (около 40 шаговъ въ длину и ширину), обнесенный съ двухъ сторонъ высокою кирпичною стѣной, былъ чрезвычайно изящно вымощенъ каменными плитами, а посреди его находился красивый мраморный фонтанъ съ золотыми рыбками въ резервуарѣ; вдоль стѣнъ росли деревья, причемъ лунка у каждаго была очень искусно обложена разноцвѣтными камнями. Черезъ балконъ, обвитый виноградомъ и находившійся подъ тѣнью роскошныхъ чинаръ и каштановъ, я вошелъ въ одноэтажное зданіе, расположенное направо отъ воротъ. Въ этомъ домѣ, гдѣ постоянно жилъ самъ бей, съ правой стороны находились двѣ маленькія комнаты, а съ лѣвой — большая зала, посреди которой устроенъ былъ фонтанъ съ резервуаромъ для купанья; полъ залы и резервуаръ сдѣланы были изъ прекрасныхъ мраморныхъ плитъ. Кругомъ всей залы, вдоль стѣнъ, находились широкіе и низкіе диваны съ подушками изъ дорогаго малиноваго бархата. Черезъ стеклянныя двери я вышелъ снова на дворъ, обошелъ всѣ строенія, конюшни, сараи и, къ удивленію своему, не нашелъ того, куда стремились всѣ мои молодые помыслы и желанія, т.-е. гарема. «А гдѣ же гаремъ?» обратился я къ переводчику, все время сопровождавшему меня вмѣстѣ съ евнухомъ. Грекъ, молча, показалъ рукой по направленію на сараи. «Скажи евнуху, чтобы онъ сейчасъ велъ меня туда», обратился я снова къ нему. Евнухъ безпрекословно повиновался, но переводчикъ съ выраженіемъ испуга на лицѣ наотрѣзъ отказался сопровождать насъ, объяснивъ, что, по турецкимъ законамъ, его за это могутъ повѣсить.

Захвативъ съ собою, на всякій случай, револьверъ и шашку, я отправился одинъ вслѣдъ за евнухомъ.

Подойдя къ потайной двери, устроенной во дворѣ противъ фонтана, между зданіемъ для прислуги и сараями, евнухъ остановился, вынулъ изъ за пояса какой-то особенный ключъ и вложилъ его въ едва замѣтную скважину. Еще мгновеніе, дверь тихо отворилась, я переступилъ порогъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и—въ изумленіи остановился... Совершенно новый, никогда невиданный мною мірокъ открылся передъ моими глазами: небольшой фруктовый садъ, обсаженный по краямъ роскошными, тѣнистыми орѣховыми и персиковыми деревьями, каштанами, миртами и чинарами; великолѣпный мраморный фонтанъ посрединѣ сада, окруженный красивыми, ароматическими цвѣтниками; двухъ-этажный, изящной архитектуры и обвитый виноградомъ домъ — влѣво отъ меня и, наконецъ, около 30-ти женщинъ въ турецкихъ оригинальныхъ костюмахъ и съ открытыми лицами—вотъ что̀ открылось передъ моими глазами. Въ моментъ моего входа почти всѣ обитательницы этого таинственнаго уголка находились въ саду; однѣ, сидя на коврахъ подъ тѣнью деревьевъ, занимались рукодѣльемъ, другія возились у цвѣтовъ, третьи—тихо гуляли по дорожкамъ и спокойно бесѣдовали. Я, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ и, широко раскрывъ глаза, нѣсколько даже растерявшись, смотрѣлъ на гаремныхъ обитательницъ. Неожиданное появленіе мое въ это, совершенно недоступное постороннему человѣку, жилище произвело на всѣхъ видимо сильное впечатлѣніе: дщери гарема точно застыли или окаменѣли въ тѣхъ позахъ, въ какихъ онѣ увидѣли меня, и только невольное восклицаніе не то ужаса, не то удивленія вырвалось у нѣкоторыхъ...

Это была живая картина, достойная кисти лучшаго

художника! Не могу точно передать того чувства, которое я испытывалъ въ эту минуту. Какая-то радость, что вотъ, наконецъ, мнѣ удалось-таки проникнуть въ этотъ таинственный магометанскій мірокъ и вмѣстѣ какая-то неловкость, что я такъ грубо нарушаю этотъ строгій мусульманскій обычай—эти два чувства, кажется, боролись во мнѣ тогда.

Нѣсколько мгновеній женщины смотрѣли на меня испуганными, вопросительными глазами.

«Кто это такой? Что ему надо?» говорило выраженіе каждой изъ нихъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ старухъ я прочелъ даже ужасъ; кажется, онѣ догадались, что видятъ передъ собою ненавистнаго москова, гяура.

Евнухъ что-то грозно крикнулъ, и картина сразу измѣнилась: женщины быстро опустили свои покрывала — и, вмѣсто красивыхъ, античныхъ личикъ, я увидѣлъ только черныя, неподвижныя статуи. Такою перемѣной я, конечно, не могъ остаться доволенъ и, въ свою очередь, сталъ объяснять евнуху, чтобы онъ приказалъ имъ снова открыться. Долго онъ не могъ ничего понять и, выпучивъ свои безсмысленные и безжизненные глаза, испуганно-тупо смотрѣлъ ими на меня; но когда я болѣе энергично сталъ жестикулировать руками, показывая въ то же время на лицо, евнухъ быстро понялъ въ чемъ дѣло. Вновь послышалась его команда, и я опять могъ любоваться на южныхъ черноокихъ красавицъ Востока. Я обошелъ всѣхъ женщинъ и внимательно разсмотрѣлъ ихъ: изъ тридцати гаремныхъ обитательницъ только 10—12 было очень молодыхъ, въ возрастѣ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, съ правильными, красивыми чертами лицъ и смуглымъ цвѣтомъ кожи; впрочемъ, двѣ были блондинки и одна шатенка. Особенно врѣзалась мнѣ въ память одна изъ видѣнныхъ мною красавицъ: она стояла

прислонившись къ стѣнѣ и держала въ рукахъ какое-то рукодѣлье; ей было не болѣе 17-ти лѣтъ. Никогда не забуду я эти чудные, выразительные глазки, смотрѣвшіе на меня какъ-то вопросительно и съ какимъ-то любопытствомъ, эти роскошные, виднѣвшіеся изъ подъ чадры, черные волосы, миніатюрную, обутую въ изящную туфельку, ножку и вообще всю эту маленькую стройную фигурку южной красавицы.

Много послѣ того мнѣ пришлось пережить разныхъ невзгодъ, не разъ рисковать своею безцѣльною жизнью и видѣть смерть у самыхъ глазъ, но образъ Пембы (такъ звали красавицу, какъ послѣ сказалъ мнѣ евнухъ) до сихъ поръ еще не изгладился изъ моей памяти.

И у меня вдругъ явилось непреодолимое, страстное желаніе подойти ближе къ этой очаровательной темной фигуркѣ, обвить руками ея стройную, тонкую талію и — цѣловать, цѣловать безъ конца эти глубокіе, черные глазки, красивый смуглый лобикъ, полуоткрытыя губы, покрытыя слабымъ румянцемъ щеки... и забыть всю эту окружающую обстановку, эту войну съ ея ужасами, воплями и кровью... Мысли стали путаться, въ глазахъ потемнѣло... я чувствовалъ, что еще мгновеніе, и—я превращусь въ звѣря!..

Я уже сдѣлалъ шагъ по направленію къ красавицѣ, протянулъ къ ней руки... какъ вдругъ услышалъ какое-то странное, непонятное восклицаніе и въ то же время увидѣлъ устремленные на себя злые, страшные глаза старухи-турчанки, стоявшей близь Пембы. Казалось, она поняла мои мысли и намѣренія и, какъ старый церберъ, рѣшилась защищать юную красавицу отъ дикихъ объятій гяура. Я остановился, пришелъ нѣсколько въ себя, оглянулся кругомъ и увидѣлъ десятки ненавистныхъ, испуганныхъ глазъ, устремленныхъ на меня, увидѣлъ снова

евнуха, стоявшаго недалеко съ какою-то старухой и что-то ей бормотавшаго, увидѣлъ нѣсколько полунагихъ дѣтей, вначалѣ мною незамѣченныхъ, трехъ молодыхъ негритянокъ и пр... И когда я снова сталъ отыскивать глазами Пембу, ея уже не было—она куда-то скрылась. Я понялъ, что она убѣжала въ зданіе гарема и рѣшился его немедленно же осмотрѣть. Крикнувъ евнуха, я вошелъ съ нимъ въ нижній этажъ, гдѣ оказались двѣ залы, нѣсколько спаленъ и кладовыхъ. Затѣмъ мы поднялись наверхъ, гдѣ находилась баня и опять спальни. Обстановка была самая богатая, роскошная; все располагало къ нѣгѣ, наслажденіямъ, любви... Въ одной изъ комнатъ я снова встрѣтилъ Пембу. Она стояла, прижавшись къ стѣнѣ и также вопросительно, удивленно смотрѣла на меня... Въ этотъ разъ я не могъ уже удержаться. Евнухъ предупредительно куда-то скрылся; насъ никто не видѣлъ. Я быстро и рѣшительно подошелъ къ Пембѣ, крѣпко обнялъ ее и долго, долго цѣловалъ эти блѣдныя, дрожавшія губы... Она не сопротивлялась и молча, покорно отдалась своему новому временному повелителю... Чудный, блаженный мигъ—никогда я его не забуду!.. И теперь вспоминаю тебя съ наслажденіемъ, съ любовью!.. И какъ скучна, какъ безцвѣтна кажется эта настоящая будничная, сѣренькая жизнь по сравненію съ тѣми счастливыми, незабвенными минутами!..

Спустившись внизъ, я осмотрѣлъ находившуюся на противоположномъ концѣ сада кухню, причемъ евнухъ помощью пантоминъ объяснилъ мнѣ, что всѣ женщины ѣдятъ вмѣстѣ, и что число кушаньевъ за обѣдомъ бываетъ обыкновенно 6—7, а иногда доходитъ даже до 15-ти. Затѣмъ я отправился домой.

На другой день, послѣ обѣда у Мартынова, мы осматривали вмѣстѣ гаремъ его хозяина, тоже какого-то бея,

командовавшаго регулярною кавалеріей въ Адріанополѣ, и нашли тамъ 32 женщины, большею частью молодыхъ, красивыхъ. Обстановка и здѣсь была богатая, роскошная...

Вообще день 11 іюля мы провели въ Эски-Загрѣ очень весело... Самое радостное настроеніе господствовало во всемъ нашемъ отрядѣ, которому вполнѣ гармонировало состояніе духа всего болгарскаго населенія города. Блестящіе успѣхи передоваго отряда Гурко въ долинѣ розъ, перевалившаго даже теперь, въ лицѣ нашемъ, Малыя Балканы, положительно отуманили намъ голову. Мы рвались съ нетерпѣніемъ все впередъ и впередъ, мечтали даже о завладѣніи Адріанополемъ, о полнѣйшемъ истребленіи турецкихъ армій, о скоромъ окончаніи всей кампаніи. Въ шовинизмѣ, словомъ, у насъ недостатка не было, мы шапками готовы были забросать врага! «Побѣдъ и славы!» сдѣлалось нашимъ капризнымъ лозунгомъ... Правда, носились темные и грозные слухи о томъ, что изъ Черногоріи двигается Сулейманъ-паша съ отборными, испытанными войсками; что намъ угрожаетъ серьезная опасность встрѣтиться съ сильнымъ и энергичнымъ противникомъ, который можетъ остановить наше побѣдное шествіе... Но все это были лишь слухи, предположенія, догадки!.. А тутъ южное солнце такъ ярко и тепло свѣтило намъ, чудная іюльская природа такъ нѣжно ласкала своею прелестью, роскошные сады манили въ свои тѣнистыя объятія, прекрасное мѣстное вино такъ пріятно пилось, веселыя русскія пѣсни дружно пѣлись и хорошенькія болгарки такъ мило и привѣтливо улыбались намъ, своимъ избавителямъ... До грустныхъ-ли думъ въ такія счастливыя, сладкія минуты!..

12 іюля наша сотня назначена была въ составъ отряда, состоявшаго изъ двухъ эскадроновъ Казанскихъ драгунъ и взвода (двухъ орудій) 16-й конной батареи

подъ общею командой дивизіонера упомянутаго полка, маіора Теплова.

Задача отряда состояла въ томъ, чтобы разрушить желѣзную дорогу у станціи Каяджикъ (на линіи Филиппо-поль-Адріанополь), взорвать желѣзно-дорожный мостъ, порвать телеграфное сообщеніе, уничтожить запасы... словомъ, надѣлать возможно больше золъ противнику. Исполнивъ все это, мы должны были вернуться обратно въ Эски-Загру. Туда и обратно около сотни верстъ—разстояніе приличное! Вообще это былъ настоящій кавалерійскій набѣгъ—смѣлый, лихой! Мы дерзко вторгались чуть не въ самое сердце турецкой территоріи, мы вздумали порвать ихъ важную коммуникаціонную линію, соединявшую такіе крупные административные центры, какъ Филиппополь и Адріанополь. Я, конечно, былъ очень доволенъ предстоящею поѣздкой и заранѣе предвкушалъ ея удовольствія.

Рано утромъ 12 іюля нашъ небольшой отрядъ двинулся налегкѣ по довольно хорошей дорогѣ прямо на югъ къ д. Кёчерлы, лежащей на р. Марицѣ. Разстояніе это было пройдено очень быстро и безъ всякихъ задержекъ. Противникъ отсутствовалъ. Наша сотня, по обыкновенію, шла въ авангардѣ со всѣми мѣрами охраненія, съ головнымъ и боковыми разъѣздами. Я находился впереди, при головномъ разъѣздѣ. Не доходя верстъ шести до Кёчерлы, мы свернули вправо съ большой дороги и проселкомъ направились къ д. Каяджикъ. Желѣзная дорога лежала по правую сторону Марицы и, слѣдовательно, нужно было переправиться на противоположный берегъ. Подъѣхавъ къ рѣкѣ близь деревни, я, помощью пикъ, отыскалъ бродъ и перебрался со своими казаками на правую сторону Марицы. Бродъ былъ довольно неудобный ($1\frac{1}{2}$—2 аршина глубины), теченіе очень быстрое, но мы переправились все-таки совершенно благополучно. Еще ранѣе, изъ

деревни, мы замѣтили близъ желѣзно-дорожной станціи партію черкесовъ и баши-бузуковъ, которые при нашемъ приближеніи удалились безъ выстрѣла въ горы и оттуда продолжали издали наблюдать за нашими дѣйствіями. Переправившись черезъ Марицу (причемъ мои казаки, въ виду черкесовъ и баши-бузуковъ, весело распѣвали: «Шуми Марица, окровавлена...», пѣсню, выученную ими отъ солдатъ болгарскаго ополченія—нашихъ товарищей по Забалканскому походу), я направилъ 10 человѣкъ, подъ командой урядника, на станцію желѣзной дороги, давъ ему извѣстную инструкцію, а самъ съ остальными десятью казаками поскакалъ ближайшимъ путемъ къ полотну. Мой «Донъ» первый, кажется, изъ всѣхъ русскихъ боевыхъ коней ступилъ на турецкіе рельсы. Высоко поднявъ голову, онъ гордо посматривалъ по сторонамъ, точно любуясь незнакомою, красивою долиной болгарской Волги...

Не теряя ни минуты, я приступилъ со своими казаками къ дѣлу, т.-е. къ разрушенію, истребленію и сожженію всего того, что находилось близъ полотна дороги, что было необходимо или полезно нашему врагу. Телеграфная проволока была вмигъ сорвана, столбы срублены. сторожевыя будки разрушены. Откуда взялась у всѣхъ сила и энергія! Ни утомительный, длинный переходъ, ни страшная жара, ни голодъ и усталость — ничто не помѣшало намъ съ замѣчательною быстротой уничтожать и истреблять все. Отыскавъ въ будкѣ ломъ и ключъ, я попробовалъ разобрать рельсы — и попытка моя увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Оставивъ казаковъ продолжать разрушительную работу, я поскакалъ по полотну на желѣзно-дорожную станцію и черезъ нѣсколько минутъ былъ возлѣ нея. Соскочивъ съ коня и привязавъ его къ телеграфному столбу, я вбѣжалъ въ помѣщеніе маленькой станціи. У аппарата

сидѣлъ какой-то господинъ въ штатскомъ платьѣ, который при моемъ входѣ вскочилъ и отрекомендовался начальникомъ станціи («Chef de Station») и подданнымъ французской республики.

Я его, тѣмъ не менѣе, попросилъ сейчасъ же убраться во-свояси, а находившимся здѣсь казакамъ приказалъ испортить аппаратъ, бить стаканчики, рвать проволоку и рубить столбы. Въ углу, между прочимъ, я замѣтилъ какой-то желѣзный массивный сундукъ. «Это что?» обратился я къ перепуганному французу, который съ ужасомъ смотрѣлъ на моихъ казаковъ, безжалостно истреблявшихъ всѣ его дорогіе аппараты, у которыхъ онъ, быть можетъ, такъ долго и спокойно работалъ, мечтая о своей милой Франціи, о скорой пенсіи и возвращеніи на родину... И вдругъ являются сюда эти сѣверные медвѣди, ломаютъ все, что попадается имъ подъ руку, разрушаютъ всѣ его планы, надежды, завѣтныя мечты...

— Que ce que ça? повторилъ я вопросъ, указывая на сундукъ.

— La caisse, monsieur, la caisse!.. отвѣчалъ вѣжливо и торопливо французъ.

— А, финансы! Отличная штука—пригодится намъ... рѣшилъ я вслухъ и тотчасъ же поставилъ къ этому сундуку, въ качествѣ часоваго, одного казака.

Въ это время на станцію прибылъ мой сотенный командиръ, есаулъ Гречановскій, которому я и доложилъ о своихъ распоряженіяхъ, а самъ отправился къ водокачкѣ, чтобы разрушить ее динамитомъ *).

Спустя четверть часа на правый берегъ Марицы переправился эскадронъ нашихъ драгунъ и рысью направился къ каменному желѣзно-дорожному мосту, находив-

*) Динамитные патроны имѣются въ каждомъ кавалерійскомъ полку.

шемуся верстахъ въ трехъ отъ станціи у какой-то горной рѣчки, и вскорѣ разрушилъ его динамитомъ. Другой же эскадронъ казанцевъ оставался въ прикрытіи къ артиллеріи, которая заняла позицію на лѣвомъ берегу Марицы и должна была прикрывать наше отступленіе, въ случаѣ нападенія противника и неудачи.

Явился и начальникъ отряда, маіоръ Тепловъ, и приказалъ зажечь станцію, всѣ желѣзно-дорожныя постройки, склады съ хлѣбомъ и военными припасами и пр.; изъ желѣзнаго же сундучка (кассы), у котораго я поставилъ часоваго, маіоръ Тепловъ вынулъ деньги и приказалъ ихъ положить на одну изъ двухъ каруцць, найденныхъ въ деревнѣ. Сюда же помѣстились начальникъ станціи (онъ же и телеграфистъ) съ женой, дѣтьми, нянькой и нѣкоторыми вещами. Все же остальное имущество француза (мебель, дорогія картины, зеркала и пр.) сгорѣло вмѣстѣ со станціей *).

Исполнивъ все, что нужно было, т.-е. истребивъ, взорвавъ и разрушивъ, сотня наша и эскадронъ переправились на лѣвый берегъ Марицы и направились обратно къ Эски-Загрѣ. На насъ, казаковъ, возложена была снова самая трудная обязанность — двигаться въ аррієргардѣ. Поднимаясь на гору, я оглянулся назадъ. Картина праваго берега рѣки сильно измѣнилась и слѣды нашихъ трудовъ, слѣды опустошенія и разоренія рѣзко бросались въ глаза: пылающія и разрушенныя зданія, порубленные телеграфные столбы, масса спутанной проволоки, битые стаканчики, испорченный путь—все это были результаты нашихъ подвиговъ. Да, подвиговъ! Въ мирное время это

*) Впослѣдствіи, впрочемъ, французъ взыскалъ съ нашего правительства всѣ, причиненные ему этою рекогносцировкой, убытки и получилъ вознагражденія чуть-ли не 50,000 звонкою монетой.

можно было бы назвать разбоемъ, вандализмомъ, звѣрствомъ; неумолимые же законы войны возводятъ такой лихой кавалерійскій набѣгъ въ особый подвигъ.

Между тѣмъ, черкесы и баши-бузуки, которые все время издали наблюдали за нашими дѣйствіями, спустились съ горъ, переправились вслѣдъ за нами черезъ Марицу и стали все смѣлѣе насѣдать на нашъ слабый арріергардъ.

Я ѣхалъ сначала рядомъ со своимъ сотеннымъ командиромъ, есауломъ Гречановскимъ; третій нашъ офицеръ, хорунжій Ретивовъ, находился въ лѣвомъ боковомъ разъѣздѣ. Есаулъ Гречановскій былъ человѣкъ средняго роста, среднихъ лѣтъ (около 40), брюнетъ, очень любезный, вѣжливый и разговорчивый. Образованіе онъ получилъ университетское, что такъ рѣдко встрѣчается между нашими офицерами, и былъ прекрасный товарищъ и вмѣстѣ отличный начальникъ. Но при всемъ этомъ онъ былъ, на мой взглядъ, вовсе не созданъ для военной службы и болѣе походилъ на мирнаго гражданина—административнаго дѣятеля, чѣмъ на природнаго воина-казака: той лихости и отваги, которыя такъ присущи нашимъ степнымъ сынамъ, у Гречановскаго не было въ натурѣ... Ретивовъ былъ еще совсѣмъ молодой офицеръ, простякъ, весельчакъ и добрякъ; любилъ очень уединеніе, за что мы его звали «волчкомъ» и «зеброй».

Пройдя около трехъ верстъ отъ д. Каяджикъ, Гречановскій вдругъ получилъ донесеніе изъ лѣваго боковаго разъѣзда отъ Ретивова, который сообщалъ, что на него сильно насѣдаютъ баши-бузуки съ черкесами и просилъ скорѣйшей помощи. Такъ какъ людей въ сотнѣ было очень мало *), то Гречановскій отправилъ казака къ маіору

*) Всего 8 рядовъ во взводѣ, слѣдовательно 64 рядовыхъ при десяти урядникахъ

Теплову, бывшему при главныхъ силахъ отряда, съ донесеніемъ Ретивова и съ просьбой о помощи. Но послѣдняя не явилась, и маіоръ предложилъ намъ управиться собственными силами. Тогда Гречановскій рѣшилъ самъ помочь Ретивову и, взявъ съ собою 24 человѣка, приказалъ мнѣ съ остальными 26-ю продолжать слѣдовать за колонной главныхъ силъ, присоединивъ къ себѣ также правый боковой разъѣздъ. Образовалось около сорока всадниковъ, и я медленно съ ними продолжалъ отступленіе. Мѣстность, по которой мы двигались, была волнистая, покрытая мелкимъ кустарникомъ. Солнце продолжало невыносимо жечь, усталые кони медленно шли, опустивъ головы. Скоро Гречановскій со своими людьми совершенно скрылся изъ нашихъ глазъ. Казаки затянули какую-то «жалостливую» пѣсню про «шинкарку» и, подъ ея минорный мотивъ, я невольно задумался. Но мысли мои были не дома, не на Дону, а въ Эски-Загрѣ, въ гаремѣ турецкаго бея. Чудный образъ миніатюрной брюнетки съ черными выразительными глазками, съ симпатичнымъ, смуглымъ личикомъ и стройною фигуркой носился передъ моими глазами, сидѣлъ со мною рядомъ на сѣдлѣ..

Вдругъ унылая пѣсня сразу оборвалась и веселая, плясовая громко огласила волнистыя окрестности.

«Раздушечка казакъ молодой, (bis)
Разудалый добрый молодецъ! (bis)

Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ? (bis)
Безъ тебя, мой другъ, постелька холодна, (bis)

Одѣяльце заиндивѣло, (bis)
Подушечка потонула во слезахъ!» (bis).

никахъ; въ боковые разъѣзды были посланы по 12 человѣкъ и въ главныхъ силахъ сотни оставалось только 50 казаковъ.

Точно они угадали мои мысли объ уютномъ уголкѣ, объ отдыхѣ, о Пембѣ!..

Было около пяти часовъ вечера, когда отрядикъ мой подошелъ къ д. Акъ-Бунаръ, отстоявшей отъ Каяджика верстъ на двѣнадцать. Передохнувъ здѣсь съ четверть часа и напоивъ лошадей, мы двинулись дальше. Черкесы, разсыпавшись на высотахъ къ сѣверо-западу отъ деревни, держали себя очень скромно и ни разу даже въ насъ не выстрѣлили. Передъ выходомъ изъ деревни я приказалъ трубачу играть генералъ-маршъ, и черкесы съ видимымъ удивленіемъ прислушивались къ непонятнымъ звукамъ нашихъ сигналовъ.

Съ пѣснями прошли мы черезъ д. Узухъ-Хассанъ, у которой черкесы прекратили свое преслѣдованіе. Солнце уже сѣло, когда мы подошли къ р. Сюютли, на берегу которой находилась какая-то пустая помѣщичья усадьба (чифтликъ), вѣроятно, покинутая владѣтелемъ туркомъ. Отъ Гречановскаго я не получалъ никакихъ извѣстій и потерялъ его совершенно изъ виду. Поэтому я рѣшился остановиться здѣсь на ночлегъ и дожидаться его. Я помѣстился въ пустомъ турецкомъ домѣ, а казаки расположились въ большомъ дворѣ, обнесенномъ кирпичною стѣной. Распорядившись относительно мѣръ охраненія на случай нечаяннаго нападенія, я заснулъ, какъ убитый, на мягкомъ и широкомъ турецкомъ диванѣ. Ночь прошла совершенно спокойно. Утромъ рано пріѣхалъ отъ Гречановскаго казакъ, сообщилъ, что у нихъ тоже все благополучно и что баши-бузуки не тревожили ихъ больше; намъ приказано было двигаться дальше.

Позавтракавъ наскоро яйцами, молокомъ и хлѣбомъ, откуда-то раздобытыми казаками, я снова усѣлся на коня и направился со своею командой къ Эски-Загрѣ, до которой оставалось еще около 15-ти верстъ. «Донъ» весело

и бодро выступалъ впереди, оглядываясь по временамъ на своихъ боевыхъ товарищей, съ которыми онъ такъ пріятно провелъ ночь въ турецкихъ конюшняхъ, наѣвшись вволю прекраснаго овса.

Еще усѣвшись только на коня, я замѣтилъ, что сѣдло мое какъ-то особенно блестѣло и издавало пріятный, сильный запахъ.

— Чѣмъ это вы смазали аммуницію? обратился я къ казакамъ, увидѣвъ, что и ихъ сѣдла тоже блестятъ.

— А это, ваше благородіе, отвѣчалъ, улыбаясь, урядникъ,—нонче утромъ казаки отыскали въ погребѣ маленькій боченокъ, зарытый въ землю, съ какимъ-то масломъ. Такъ вотъ имъ и смазали аммуницію, сапоги, а кой-кто и голову. Пахучее оно; должно, изъ него турки помаду дѣлаютъ!..

Я тогда только догадался, что это былъ боченокъ съ розовымъ масломъ, который бѣжавшій помѣщикъ не успѣлъ, вѣроятно, захватить съ собою.

Казаки сильно опечалились, когда узнали отъ меня, что этотъ боченокъ стоилъ большихъ денегъ...

— Ну, братцы, въ другой разъ будемъ умнѣе! говорили они другъ другу.—Кто жь его зналъ, что оно такое дорогое!..

— А вы, подлецы, не смѣйте этого въ другой разъ дѣлать, выругалъ я казаковъ;—отъ масла вся аммуниція погорѣть можетъ...

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, я услышалъ, во время бесѣды казаковъ, произнесенную ими нѣсколько разъ фамилію начальника отряда, маіора Теплова, и при этомъ не особенно лестные эпитеты по его адресу. Заинтересованный этимъ, я придержалъ нѣсколько коня, чтобы лучше слышать разговоръ и скоро понялъ въ чемъ дѣло: во время разрушенія желѣзно-дорожной станціи и истребленія раз-

ныхъ складовъ и запасовъ въ Каяджикѣ, нѣкоторые изъ казаковъ воспользовались турецкими шелковыми рубахами, чтобы замѣнить ими свое старое, рваное бѣлье. Увидя это, маіоръ сильно разсердился, сталъ ругаться и одного изъ казаковъ побилъ даже нагайкой; всѣ же рубахи приказалъ бросить въ огонь. Такъ вотъ за это они его теперь и ругали. «А въ самомъ дѣлѣ», думалъ я, «отчего бы и не разрѣшить замѣнить старыя, порваныя рубахи новыми? Кому съ того польза, что ихъ пожегъ?.. Будь я на его мѣстѣ, то, напротивъ, приказалъ бы бросить въ огонь наше старье, а не прекрасное новое!..» Вообще, кажется, маіоръ Тепловъ не особенно-то долюбливалъ насъ, казаковъ. Такъ, напримѣръ, онъ обѣщалъ Гречановскому, что деньги, которыя окажутся въ кассѣ (найденной мною на желѣзно-дорожной станціи въ Каяджикѣ), онъ раздѣлить поровну на весь отрядъ. Не знаю, можетъ быть драгуны и артиллеристы получили, но казакамъ ничего не досталось. Вообще, какая участь постигла эту кассу и сколько въ ней оказалось денегъ — я объ этомъ ничего не слыхалъ. Далѣе: донося рапортомъ о результатахъ рекогносцировки, о порчѣ желѣзной дороги и телеграфа и упомянувъ подробно о дѣйствіяхъ своихъ эскадроновъ и конно-артиллерійскаго взвода, а также назвавъ по фамиліямъ всѣхъ драгунскихъ офицеровъ и даже нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ, маіоръ Тепловъ только въ концѣ рапорта упомянулъ про насъ: «и сотня казаковъ», не назвавъ при этомъ ни нумера полка и сотни, ни фамиліи ея командира и офицеровъ — точно роль наша въ этой рекогносцировкѣ была самая ничтожная, мизерная... А сотня, между тѣмъ, при наступленіи шла въ авангардѣ, а при отступленіи — въ арріегардѣ, т.-е на ея долю выпала при движеніи самая тяжелая роль, уже не говоря о разрушеніи желѣзно-дорожныхъ построекъ.

Въ Эски-Загру я прибылъ около 12 часовъ дня и вскорѣ туда же явились Гречановскій и Ретивовъ съ остальными казаками нашей молодецкой сотни.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ приказаніе произвести рекогносцировку дорогъ въ Малыхъ Балканахъ и два дня долженъ былъ провести на конѣ въ нѣсколько знакомыхъ уже мнѣ горахъ, не выпуская почти изъ рукъ планшета съ компасомъ и карандаша.

Два дня я дышалъ здоровымъ, горнымъ воздухомъ, любовался съ высокихъ вершинъ на виднѣвшіяся вдали роскошныя долины Марицы и Тунджи, отдыхалъ въ тѣни столѣтнихъ каштановъ и дубовъ въ то время, какъ «Донъ» мой съ аппетитомъ пощипывалъ вкусную, ароматическую травку, — словомъ, провелъ эти два дня въ здоровомъ, пріятномъ трудѣ.

Наконецъ, я окончилъ свою работу, вычертилъ кроки, написалъ легенду и представилъ все это въ штабъ начальника кавалеріи передоваго отряда, Николая Максиміліановича Лейхтенбергскаго, за что и удостоился лично получить благодарность отъ Его Высочества.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ, слухи о наступленіи съ юга и юго-востока грозныхъ силъ Сулеймана все болѣе и болѣе подтверждались какъ нашими рекогносцировками, такъ равно и разсказами бѣжавшихъ, испуганныхъ жителей. Пронесся также слухъ, что въ Ени-Загрѣ появился довольно значительный турецкій отрядъ. Чтобы провѣрить эти свѣдѣнія, туда направленъ былъ, 17 іюля, дивизіонъ Казанскихъ драгунъ, который дѣйствительно, не доходя Ени-Загры, встрѣтилъ сильный непріятельскій отрядъ и долженъ былъ

отступить. Въ тотъ же день отрядъ Николая Максиміановича (казанскіе и астраханскіе драгуны, кіевскіе гусары, болгарское ополченіе, 16-я конная батарея, взводъ 10-й донской батареи и наша сотня) тоже двинулся изъ Эски-Загры по дорогѣ въ Ени-Загру и, пройдя верстъ 25, близь деревни Карабунаръ, столкнулся съ турецкими силами, которыя шли намъ на встрѣчу. Завязалась перестрѣлка, хотя довольно и нерѣшительная. Наша сотня во время дѣла охраняла правый флангъ отряда, находившагося между деревнями Карабунаръ и Чаулыкіой.

Было около двухъ часовъ дня, когда мы замѣтили сильныя колонны непріятельской пѣхоты и артиллеріи (тысячъ около шести), которыя медленно приближались къ деревнѣ Карабунаръ, предшествуемыя густою цѣпью черкесовъ. Я былъ посланъ Гречановскимъ къ Его Высочеству съ донесеніемъ о наступленіи турокъ. Великіе Князья Николай Максиміановичъ и Евгеній Максиміановичъ, окруженные блестящею свитой, находились при резервѣ между деревнями Долбока и Чаталы. Выслушавъ мое донесеніе, Николай Максиміановичъ приказалъ, въ случаѣ сильнаго напора со стороны турокъ, медленно отойти сотнѣ къ деревнѣ Чаталы и остановиться здѣсь на правомъ флангѣ нашихъ войскъ. Бывшія въ это время въ резервѣ дружины болгарскаго ополченія развертывались въ боевой порядокъ и занимали позицію между деревнями Долбока и Чаталы.

Поскакавъ обратно въ цѣпь, я передалъ приказаніе Его Высочества сотенному командиру, и такъ какъ черкесы въ это время стали сильно напирать на насъ, то мы и покинули занятую нами линію кургановъ, медленно отступивъ къ деревнѣ Чаталы.

Не успѣли мы отойти и на полверсты, какъ на одномъ изъ покинутыхъ нами кургановъ показалась группа

всадниковъ, въ числѣ которыхъ особенно выдѣлялся человѣкъ на великолѣпномъ бѣломъ конѣ.

Взводъ 16-й конной батареи, находившійся на позиціи вблизи насъ, открылъ по этой группѣ огонь, и такъ удачно, что первымъ же выстрѣломъ была убита бѣлая лошадь съ всадникомъ и еще нѣсколько человѣкъ; остальные быстро разсыпались. Этотъ удачный выстрѣлъ былъ привѣтствованъ громкимъ «ура» въ нашей, казачьей цѣпи...

Хотя сраженіе подъ Карабунаромъ и не имѣло рѣшительнаго исхода и хотя даже противникъ, вслѣдствіе обходнаго движенія нашей кавалеріи, отступилъ въ горы, отрядъ нашъ, тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день, т.-е 19 іюля, двинулся обратно къ Эски-Загрѣ, въ виду важнаго стратегическаго значенія этого пункта и наступленія къ нему съ юга сильной непріятельской арміи.

Поспѣшно бѣжавшіе съ береговъ Марицы болгары со страхомъ разсказывали намъ о наступленіи грозныхъ полчищъ Сулеймана со стороны Тырново-Сейменли (желѣзнодорожнаго узла). Сулейманъ-паша, пользовавшійся въ своей арміи репутаціей опытнаго, боеваго и энергичнаго полководца, очевидно, рѣшился отбросить наши слабыя силы за Балканы и снова овладѣть проходами.

Разъѣзды наши, сталкиваясь постоянно съ сильнѣйшимъ противникомъ, постепенно отступали къ Эски-Загрѣ. Верстахъ въ десяти отъ позицій нашихъ войскъ у города, Сулейманъ-паша выслалъ впередъ всю свою кавалерію и, подъ ея прикрытіемъ, началъ выстраивать свои многочисленные таборы въ боевой порядокъ. Наши передовыя части (пѣхотная и казачья цѣпь) медленно отступили до самыхъ виноградныхъ садовъ, расположенныхъ къ югу отъ города, и здѣсь, на опушкѣ, прочно засѣли. Двигаться дальше турецкая конница не рѣшалась, а остановившись отъ нашей цѣпи въ разстояніи около полу-

версты, завязала съ нею перестрѣлку. Нѣкоторые отчаянные смѣльчаки маршъ-маршемъ подскакивали довольно близко къ нашей цѣпи въ виноградникахъ и, не прицѣливаясь, очень эффектно стрѣляли въ насъ. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, были скоро сбиты съ коней мѣткими пулями нашихъ стрѣлковъ; у нѣкоторыхъ убиты лошади и спѣшенные черкесы во весь духъ улепетывали обратно восвояси, возбуждая своимъ комичнымъ положеніемъ смѣхъ и остроты нашихъ казаковъ и солдатъ.

Въ то время, какъ турки стали тѣснить насъ съ юга, съ востока — со стороны Джуранлы, гдѣ находился генералъ Гурко, доносились тоже глухіе оружейные выстрѣлы.

Наша сотня стояла въ резервѣ у города и около 11 часовъ была вытребована полковникомъ Красновымъ для подкрѣпленія двухъ сотень въ боевой линіи, сильно тѣснимыхъ непріятельскою цѣпью. Поспѣшая по чрезвычайно пересѣченной мѣстности на подмогу къ своимъ товарищамъ, мы попали подъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь; снаряды то и дѣло взрывали землю впереди насъ, позади и по сторонамъ, пули цѣлыми тучами проносились надъ головами. Въ это же время черкесы вдругъ очистили передъ нами фронтъ и полуоборотомъ поскакали на нашъ правый флангъ къ Филиппопольскому шоссе, гдѣ стояли незначительныя части болгарскаго ополченія. Мы очутились лицомъ къ лицу съ турецкою пѣхотною цѣпью, за которою виднѣлись густыя колонны таборовъ и батареи.

— Хорунжій Дукмасовъ! обратился ко мнѣ подъѣхавшій полковникъ Красновъ,—поѣзжайте скорѣе со взводомъ на правый флангъ—туда поскакали черкесы!..

Я немедленно двинулся къ мѣсту назначенія, съ трудомъ пробираясь черезъ виноградники и поперечныя углубленныя дороги; по пути намъ то и дѣло встрѣчались толпы бѣ-

гущихъ болгаръ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, испуганно кричавшихъ: «турци, турци!» При поворотѣ одной углубленной дороги я вдругъ замѣтилъ довольно близко къ сторонѣ непріятеля густое облако пыли, быстро приближавшееся къ намъ.

Присмотрѣвшись внимательно, я увидѣлъ около полусотни черкесовъ, рысью подвигавшихся къ Филиппопольскому шоссе.

Такъ какъ мѣстность не позволяла намъ дѣйствовать въ конномъ строю, т.-е. броситься въ атаку, а спѣшиться между тѣмъ не было времени, то я и рѣшилъ встрѣтить врага огнемъ съ коня. Повернувъ взводъ во фронтъ и подпустивъ черкесовъ шаговъ на полтораста, я скомандовалъ уже «взводъ...», какъ вдругъ услышалъ торопливое замѣчаніе нѣкоторыхъ казаковъ: «Ваше благородіе, да это наши казаки-кавказцы!..» Дѣйствительно, костюмъ у скакавшихъ всадниковъ былъ настолько похожъ на форму кавказскихъ казаковъ, что я самъ вначалѣ заколебался, и только отсутствіе погонъ убѣдило меня, что мы имѣли передъ собою подданныхъ не русскаго Царя, а турецкаго султана. Они были уже совсѣмъ близко и я ясно различалъ эти смуглыя, воинственныя физіономіи, блестящіе черные глаза и дикое выраженіе лицъ...

— Стрѣлять!.. крикнулъ я энергично, — это непріятель... Взводъ—пли!

Раздался дружный залпъ, и два черкеса слетѣли съ коней, а остальные, огорошенные неожиданными выстрѣлами, бросились въ сторону и наскочили на залпы нашей сотни.

Отбросивъ такимъ образомъ со своимъ миніатюрнымъ взводикомъ втрое сильнѣйшаго противника, я продолжалъ движеніе къ правому флангу и скоро доѣхалъ до Филиппопольскаго шоссе; здѣсь, возлѣ самаго города, я выбралъ

небольшую площадку, впереди которой, шагахъ въ ста всего, начинались виноградники. Мы находились, такимъ образомъ, между нашею сотней и ротой болгарскаго ополченія, занимавшей часть мѣстности вправо, отъ Филиппопольскаго шоссе до самыхъ горъ.

Не успѣлъ я осмотрѣться и сообразить, какимъ образомъ мнѣ удобнѣе дѣйствовать при нападеніи противника, какъ неожиданно въ виноградникахъ показалась конная цѣпь черкесовъ, а по дорогѣ двигался цѣлый непріятельскій эскадронъ, во главѣ котораго рѣзко выдѣлялся красивый синій значекъ. Минута была критическая и, будь врагъ поэнергичнѣе, посмѣлѣе, мы были бы смяты, уничтожены. Броситься нашей горсти въ атаку было бы безуміемъ, и я рѣшился снова дѣйствовать огнемъ. «Цѣлься лучше, братцы!» обратился я къ казакамъ. «Взводъ—пли!..» Нѣсколько всадниковъ слетѣло съ коней, остальные въ нерѣшительности остановились. Казаки поспѣшно зарядили берданки. «Взводъ—пли!» заоралъ снова я, рѣшивъ послѣ втораго залпа броситься съ мѣста маршъ-маршемъ въ пики... Но въ эту тяжелую для насъ минуту черкесы вдругъ поворотили коней и понеслись обратно... Я пустилъ имъ въ догонку еще третій залпъ, а затѣмъ бросился съ казаками въ разсыпную (лавой) преслѣдовать бѣглецовъ. Мысль завладѣть непріятельскимъ синимъ значкомъ, который такъ рельефно развѣвался посреди удалявшихся въ безпорядкѣ всадниковъ, не давала мнѣ покоя и я нещадно билъ плетью своего дорогаго, усталаго степняка. Но пересѣченная мѣстность, виноградники и канавы не позволяли намъ развернуть вполнѣ быстроту нашихъ коней и черкесы, привычные къ такимъ мѣстамъ, скоро далеко ускакали.

Собравъ людей, я возвратился на прежнее мѣсто, на площадку. Результатомъ нашихъ первыхъ двухъ залповъ оказалось шесть убитыхъ и два раненыхъ черкеса. Одинъ

изъ казаковъ, проѣзжая мимо раненаго врага, не выпускавшаго, впрочемъ, изъ рукъ оружія, быстро всадилъ ему въ грудь пику. Вмѣсто того, чтобы окончательно свалиться, экзальтированный мусульманинъ, собравъ послѣднія силы, съ поднятою саблей, поползъ на казака, намѣреваясь его зарубить. Видя такую отчаянную рѣшимость, казакъ бросилъ пику, глубоко воткнутую въ грудь азіата, осадилъ коня и снялъ со спины берданку. Раздался выстрѣлъ—и пуля влѣпилась въ глазъ фанатика.

Въ то время, когда мы выстрѣлами отражали нападеніе врага, позади насъ, на холмѣ, собралась большая толпа болгаръ (человѣкъ 400 — 500) и громкими «ура» привѣтствовала наши залпы, желая, вѣроятно, выразить этимъ свое сочувствіе и поддержать насъ нравственно *).

Возвращаясь обратно, послѣ неудачной погони за синимъ значкомъ, я не мало былъ удивленъ, увидя убитыхъ нами черкесовъ почти голыми и не найдя вовсе бывшаго при нихъ оружія. Оказалось, что это братушки уже постарались и вооружились черкесскими ружьями и шашками.

Объ отбитіи непріятельской атаки я послалъ съ донесеніемъ командиру полка и своимъ сосѣдямъ по оборонѣ— Гречановскому и ротѣ болгарскаго ополченія.

Черкесы, послѣ неудачныхъ попытокъ ворваться въ городъ съ западной стороны, отошли за свой лѣвый флангъ и предоставили дѣйствовать пѣхотѣ и артиллеріи.

*) За проявленіе всего этого сочувствія турки жестоко отомстили впослѣдствіи болгарамъ: многіе были варварски убиты, тысячи изувѣчены, городъ совершенно разрушенъ и сожженъ, имущество расхищено; женщины и дѣти не избѣгли той же участи. Немногіе спаслись бѣгствомъ за Балканы... Словомъ, Сулеймана, разрушавшаго Эски-Загру, можно смѣло поставить рядомъ съ другими именами, пріобрѣвшими историческую извѣстность своимъ варварствомъ (напр., Тилли, разрушившимъ Магдебургъ...)

Вскорѣ подошли къ намъ, т.-е. на Филиппопольское шоссе, два полка драгунъ (казанцы и астраханцы), но такъ какъ въ нихъ не было уже надобности, то они и ушли обратно на восточную окраину города, наиболѣе угрожаемую.

Черезъ нѣкоторое время я получилъ приказаніе присоединиться къ своей сотнѣ и спѣшиться.

Между тѣмъ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ завязалось горячее, кровавое дѣло. Туда, очевидно, повелъ Сулейманъ свою главную атаку. Частые пушечные выстрѣлы, ружейная трескотня и залпы не прекращались ни на минуту. Ясно видно было, какъ густыя колонны турецкой пѣхоты одна за другой лѣзли на нашу позицію на линіи кургановъ, усиленную земляными укрѣпленіями; какъ встрѣченныя дружными залпами болгарскаго ополченія и картечью артиллеріи, а также контръ-атаками, красныя фески поворачивали обратно и въ безпорядкѣ бѣжали, провожаемыя мѣткими пулями берданокъ и крынокъ... Но новые, свѣжіе таборы двигались на смѣну отброшенныхъ и новый славянскій огонь встрѣчалъ разсвирѣпѣвшихъ мусульманъ и грозное, могучее «ура» заглушалось пронзительными, адскими криками «алла, алла!»

Я невольно залюбовался этою величественною картиной боя, этимъ смертельнымъ поединкомъ двухъ историческихъ враговъ. Любовался также славнымъ боевымъ дебютомъ юныхъ болгарскихъ дружинъ, съ честью умиравшихъ за свободу и счастье своей дорогой родины. Какъ львы дрались молодые воины, лишь нѣсколько мѣсяцевъ оторванные отъ сохи, съ вдесятеро сильнѣйшимъ и, притомъ, опытнымъ противникомъ, съ остервененіемъ и злобой бросались они на цѣлый лѣсъ турецкихъ штыковъ, на почти вѣрную гибель... Много ужь отважныхъ головъ легло

здѣсь, у окраины роднаго города, много болгарской крови впиталось въ родную землю и немногимъ изъ этихъ честныхъ бойцовъ суждено было увидѣть желанную, счастливую минуту освобожденія ихъ народа отъ вѣковаго, позорнаго и ненавистнаго ига.

Уже палъ мертвымъ со знаменемъ въ рукахъ мужественный командиръ дружины, полковникъ Калитинъ *); пало еще геройскою смертью много храбрыхъ офицеровъ этого ополченія, но юные милиціонеры и не думали объ отступленіи и готовы были всѣ до единаго умереть у окраины роднаго города.

«Гвардія умираетъ, но не сдается!» писалъ Наполеонъ I-й въ Парижъ съ Ватерлооскаго поля сраженія. Ту же фразу можно было бы повторить теперь относительно болгарскихъ дружинниковъ, въ которыхъ русскіе инструкторы съумѣли вложить русскую же отважную душу и умѣнье всецѣло жертвовать собой за честь и счастье родной земли.

Но и для героевъ есть невозможное! Сила солому ломитъ! Какъ грозныя тучи, все болѣе и болѣе надвигались турки на наши слабыя позиціи, цѣлыми потоками магометанской крови завоевывая себѣ каждый шагъ поля сраженія.

Было около трехъ часовъ. Городъ отъ турецкихъ артиллерійскихъ снарядовъ горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; острый запахъ крови стоялъ въ воздухѣ; страшная картина разрушенія и смерти виднѣлась со всѣхъ сторонъ.

Большинство жителей Эски-Загры бѣжало изъ домовъ

*) Одинъ мой товарищъ по поводу геройской смерти Калитина примѣнилъ къ нему очень умѣстно не помню чей-то стихъ:

«Онъ, презирая смерти страхъ,
Вооруженною рукою,
Народъ болгарскій защищалъ
И за его свободу палъ..»

и расположилось группами на возвышенныхъ мѣстахъ за городомъ, внимательно слѣдя за ходомъ сраженія. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти. Раненымъ они подавали помощь, относили ихъ въ дома и снова возвращались на свои мѣста. Я не мало удивлялся желѣзнымъ нервамъ болгарскихъ женщинъ, которыя, казалось, довольно спокойно смотрѣли на эту тяжелую картину колоссальной бойни.

Не смотря на неудачи, турки не отступали и все новыя атаки слѣдовали одна за другой. Ожидаемое подкрѣпленіе изъ Ени-Загры къ намъ не подходило, такъ какъ Гурко самъ имѣлъ жаркое дѣло съ отрядомъ Реуфа-паши у Джуранлы.

Наконецъ, въ исходѣ пятаго часа войска наши, совершенно обезсиленныя въ неравной борьбѣ съ многочисленнымъ врагомъ, по приказанію начальника отряда Николая Максимиліановича, стали отступать.

Около четырехъ тысячъ русскихъ и болгаръ въ продолженіи шести часовъ упорно выдерживаютъ атаку 25-ти тысячъ лучшихъ турецкихъ войскъ, испытанныхъ на боевой практикѣ въ Черногоріи и Сербіи и подъ командой такого опытнаго, энергичнаго и суроваго начальника, какъ Сулейманъ-паша!.. Военная исторія представляетъ немного подобныхъ примѣровъ! Невольно приходится вспомнить афоризмъ Наполеона I-го, что «на войнѣ успѣхъ зависитъ на $^3/_4$ отъ нравственнаго элемента и лишь на одну четверть отъ матеріальныхъ силъ». Благодаря только этому сильному нравственному элементу, мы и могли бороться такъ упорно съ юными, неопытными войсками противъ грозныхъ, испытанныхъ полчищъ Сулеймана.

Отрядъ, значительно порѣдѣвшій, сталъ медленно и въ порядкѣ отступать на востокъ, по дорогѣ въ Ени-Загру. Четыре же сотни нашего полка, будучи удалены отъ

центра и лѣваго фланга, принуждены были двинуться по другой дорогѣ. Тѣснимые превосходными непріятельскими силами, спѣшенные казаки едва успѣли добраться до своихъ коней и черезъ городъ начать отступленіе. Узкія и кривыя улицы горѣвшаго города были буквально запружены каруццами бѣжавшихъ жителей, разнымъ домашнимъ хламомъ, бревнами и баррикадами, устроенными болгарами противъ вторженія непріятеля. Словомъ, хаосъ былъ страшный, особенно если прибавить къ этому постоянно лопающіеся на улицахъ, дворахъ и домахъ снаряды и жалобно свистящія надъ головами пули.

Съ неимовѣрными усиліями, постоянными остановками для разбрасыванія баррикадъ, то въ одну, то въ двѣ лошади выбрались мы, наконецъ, на сѣверную сторону этого несчастнаго, разореннаго города и по горной тропинкѣ вытянулись въ ущелье Малыхъ Балканъ.

Наша сотня шла въ хвостѣ и пули все время провожали насъ, хотя, по счастливой случайности, мы лишились при этомъ отступленіи только двухъ лошадей.

Мало-по-малу мы скрылись, наконецъ, въ горахъ отъ турокъ и вздохнули нѣсколько свободнѣе. Двигаясь все время въ сѣверо-восточномъ направленіи то по едва замѣтной тропинкѣ, то прямо черезъ овраги и лѣса, мы ночью уже спустились съ Малыхъ Балканъ и расположились бивакомъ у праваго берега Тунджи между селеніями Ельгово и Эссекчи. Усталые, изнуренные, голодные и нравственно потрясенные хотя геройскою, но все же неудачною защитой Эски-Загры провели мы ночь въ роскошной долинѣ розъ.

Выбравъ себѣ поуютнѣе мѣстечко у самаго берега Тунджи и разостлавъ на травѣ пальто, я улегся на ночлегъ подъ старымъ каштаномъ.

Къ сѣверу едва виднѣлись покрытыя густыми лѣсами

грозныя выси Великихъ Балканъ, къ югу—только-что пройденная живописная группа Малыхъ Балканъ. И по ту, и по другую сторону этихъ чудныхъ горъ льются теперь цѣлые потоки русской, болгарской и турецкой крови. Цѣлый рой мыслей вертѣлся въ моей головѣ; не смотря на усталость, я никакъ не могъ уснуть...

«И зачѣмъ все это?» думалось мнѣ. «Какая польза намъ отъ этого?.. Освободить братушекъ! Да хорошо, если они будутъ вѣрными друзьями нашими, не забудутъ этихъ благодѣяній и десятокъ тысячъ погибшихъ изъ за нихъ жертвъ!.. А если нѣтъ, если они заплатятъ намъ черною неблагодарностью и сдѣлаются нашими недоброжелателями, зачѣмъ тогда вся эта безполезная бойня?..» Невольно припомнился мнѣ чудный стихъ Байрона, котораго я такъ любилъ, которымъ увлекался въ дни юнкерской жизни:

«О! для того-ль, скажи, мой Богъ,
Весь этотъ міръ создать Ты могъ,
Чтобъ люди гибнули со страхомъ,
И, покорясь своей судьбѣ,
Ложились трупами въ борьбѣ!..»

«А какой чудный уголокъ эта долина розъ!» продолжалъ я свои размышленія, устремивъ глаза на быстро бѣгущія воды Тунджи. «Не чета нашему Дону съ его скучными, монотонными степями! Вотъ бы здѣсь жить мирнымъ гражданиномъ! Привольно, легко! Здоровый климатъ, роскошная природа, богатство во всемъ... Тутъ на берегу выстроить бы себѣ домикъ и жить мирно, спокойно, хотя бы съ тою же Пембочкой!.. А что-то теперь съ ней, бѣдной? Навѣрно какой-нибудь уродъ-паша завладѣлъ ею и забавляется, какъ вещью!.. А несчастные болгары! Что-то теперь съ ними дѣлаютъ турки въ Эски-Загрѣ?.. Не одна сотня, я думаю, будетъ повѣшена, разстрѣлена, замучена!..

А зачѣмъ это мы удрали такъ далеко и такъ поспѣшно?.. И гдѣ теперь остальныя наши войска?..»

Мысли мало-по-малу стали путаться, глаза закрылись и я заснулъ нервнымъ, тревожнымъ сномъ...

Рано утромъ меня растолкалъ казакъ.

— Ваше благородіе, сейчасъ сотни выступаютъ!

Я вскочилъ, умылся въ рѣкѣ и усѣлся на коня. Командиръ полка приказалъ снова двигаться черезъ Малыя Балканы къ Ени-Загрѣ съ цѣлью присоединиться къ отряду, который отступилъ по направленію къ упомянутому городу.

Какъ мы ни уговаривали его направить туда только разъѣздъ, а самимъ, въ виду страшнаго изнуренія лошадей, дожидаться приказаній отъ генерала Гурко, Красновъ былъ неумолимъ, и по отвратительной дорогѣ мы двинулись въ юго-восточномъ направленіи къ Ени-Загрѣ. Около д. Бузаачъ намъ попался разъѣздъ отъ 4-й сотни нашего же полка, который сообщилъ, что отрядъ Гурко стоитъ у д. Калена. Спустившись съ горъ и измѣнивъ направленіе, потянулись мы по шоссе вдоль южнаго подножья Малыхъ Балканъ и около трехъ часовъ достигли д. Калена, пройдя по страшной жарѣ до 60-ти верстъ. Подходя къ деревнѣ, мы замѣтили нашу пѣхоту и артиллерію, отступавшую къ сѣверу по горной тропинкѣ. Сотни наши остановились и Красновъ поѣхалъ впередъ доложить начальнику отряда о своемъ прибытіи. Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ сообщилъ, что Гурко приказалъ намъ немедленно же двигаться снова черезъ Балканы въ долину Тунджи и не задерживать пѣхоту. Новость эта была для насъ крайне непріятна: послѣ тяжелаго и утомительнаго перехода люди и лошади были сильно уставши, ѣсть всѣмъ страшно хотѣлось и новымъ форсированнымъ переходомъ по отвратительной горной тропинкѣ, доступной

лишь вьючнымъ осламъ и муламъ, мы окончательно могли испортить нашихъ степняковъ, непривычныхъ къ такимъ крутымъ подъемамъ и спускамъ, и превратиться въ жалкую пѣхоту.

Всѣ эти соображенія мы, офицеры, высказали Краснову и просили его ходатайствовать передъ Гурко хотя о короткомъ отдыхѣ. Разрѣшеніе послѣдовало и мы немного отдохнули и подкрѣпились.

Къ вечеру весь отрядъ благополучно спустился по убійственной горной тропинкѣ снова въ долину розъ. Великое спасибо Сулейману, что онъ не тревожилъ насъ, не преслѣдовалъ и позволилъ намъ спокойно перевалить горы съ обозомъ и артиллеріей. Вѣроятно, онъ такъ обрадовался своей побѣдѣ надъ горстью русскихъ и болгаръ, а также овладѣніемъ Эски-Загрой, что и не подумалъ о томъ вредѣ, какой могъ бы нанести намъ при энергичномъ преслѣдованіи. Несомнѣнно, мы много обязаны нашему спасенію славной, хотя и тяжелой побѣдѣ генерала Гурко надъ Реуфомъ-пашею при Джуранлы. Потерпи мы здѣсь пораженіе, Сулейманъ навѣрное не оставилъ бы насъ въ покоѣ! А можетъ быть, видя тотъ героизмъ, который проявилъ нашъ маленькій отрядъ при Эски-Загрѣ, Сулейманъ просто боялся со своими сорока тысячами напасть на десять тысячъ русскихъ! Можетъ быть, наконецъ, онъ припомнилъ тотъ историческій фактъ, какъ, почти сто лѣтъ тому назадъ, 15-ти-тысячный русскій отрядъ, предводимый Румянцевымъ-Задунайскимъ, разбилъ при Кагулѣ 100-тысячную турецкую армію!.. Какъ бы то ни было, но мы, не тревожимые непріятелемъ, перевалили Малыя Балканы и расположились на отдыхъ въ долинѣ Тунджи, а Сулейманъ сталъ возводить земляныя укрѣпленія вокругъ разграбленнаго и полусожженнаго города.

22 іюля я былъ посланъ съ десятью казаками къ Эски-

Загрѣ съ цѣлью собрать свѣдѣнія о непріятелѣ, разузнать, что подѣлываютъ турки и какія намѣренія у Сулеймана.

Получивъ надлежащія инструкціи отъ генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова, я въ восьмой разъ отправился въ путь черезъ Малыя Балканы. Въ сумеркахъ остановился я въ горахъ, верстахъ въ трехъ къ сѣверо-востоку отъ Эски-Загры и, оставивъ здѣсь восемь казаковъ, съ остальными двумя, безъ лошадей, подобрался еще ближе къ городу.

Красивая, хотя и страшная картина разоренія и смерти раскидывалась внизу подъ моими ногами; вся окрестная мѣстность, насколько только хваталъ глазъ, носила въ себѣ слѣды турецкаго звѣрства, вандализма: городъ, разрушенный и разграбленный, во многихъ мѣстахъ еще горѣлъ и яркіе, огненные языки красиво вспыхивали надъ печальными развалинами болгарскихъ жилищъ... Турки, какъ оказалось потомъ, не только не тушили пожара, но, напротивъ, старались совершенно уничтожить всѣ уцѣлѣвшіе болгарскіе дома. Нѣсколько деревень, разбросанныхъ въ широкой долинѣ въ окрестностяхъ города, тоже пылали въ огнѣ и густые клубы красноватаго дыма высоко стояли надъ ними... Тихая красота природы лежала рядомъ съ мрачною картиной человѣческаго истребленія и бѣдствія!..

Шумъ, крики и говоръ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, стукъ повозокъ, ржаніе, фырканье и топотъ лошадей, доносившіеся изъ города и окрестностей, нарушали торжественное молчаніе наступавшей южной ночи. Пять отдѣльныхъ, большихъ лагерей, расположенныхъ возлѣ города, рѣзко бросались въ глаза, благодаря яркимъ кострамъ, и по нимъ можно было, приблизительно, опредѣлить силу каждаго лагеря въ 7—8 тысячъ человѣкъ.

Наступила прелестная, тихая и теплая ночь. Здоро-

вый горный воздухъ, пропитанный ароматическимъ запахомъ орѣховыхъ деревьевъ, чинара, каштана и душистыхъ травъ, мелодичное журчаніе воды въ быстрыхъ горныхъ потокахъ и эта волшебная картина пылающаго города и окрестныхъ деревень — все возбуждало нервную систему, заставляло слегка забыться и замечтать. Молча смотрѣлъ я на эти всепожирающіе огненные языки, охватившіе весь городъ, и сердце невольно болѣзненно сжалось за этихъ несчастныхъ жителей-болгаръ, лишившихся теперь, вслѣдствіе нашего легкомысленнаго набѣга, своего крова, имущества, а многіе и жизни... Вспомнилъ также я о красавицѣ, оставшейся въ этомъ горящемъ Содомѣ. «Бѣдная Пембочка!» думалъ я, стоя у крутаго лѣсистаго оврага, на днѣ котораго быстро стремился куда-то маленькій ручеекъ, «гдѣ ты теперь и что́ подѣлываешь? Навѣрное какой-нибудь черномазый паша завладѣлъ тобой, и ты, какъ рабыня, безпрекословно исполняешь всѣ его дикія прихоти!.. Эхъ, жаль — турецкаго языка не знаю, а то пробрался бы въ городъ, нарядившись въ платье какого-нибудь убитаго турка, увезъ бы красавицу изъ гарема и отправилъ пока на Донъ... Вѣдь, въ старину наши предки, казаки, такимъ образомъ и добывали себѣ женъ!.. И какъ это раньше мнѣ въ голову не пришло этого!..»

Рѣзкій, пронзительный крикъ раздался вдругъ въ разстояніи шаговъ трехсотъ отъ меня, и снова все замолкло... Широко раскрывъ глаза, съ бьющимся сердцемъ, всматривался я въ темноту, но ничего невозможно было разобрать. Оставаться на мѣстѣ было опасно и я съ своими двумя спутниками осторожно перебрался нѣсколько западнѣе и еще ближе къ городу. Здѣсь я провелъ время до самаго разсвѣта. Огни въ турецкихъ лагеряхъ мало-по-малу начали тухнуть, шумъ и говоръ почти прекрати-

лись, сдѣлалось замѣтно прохладнѣе... Наконецъ, на востокѣ появилась свѣтлая полоса, стало понемногу свѣтать... Я въ бинокль уже ясно различалъ расположеніе непріятельскихъ войскъ, увидѣлъ тѣ же пять большихъ лагерей, печальную картину разрушеннаго и сожженнаго города и нѣсколько земляныхъ батарей и траншей, устроенныхъ турками въ продолженіи ночи... Все было вокругъ тихо — врагъ нашъ, очевидно, спалъ!

Я подобрался еще ближе къ городу, по крайней мѣрѣ на версту, и меня никто не безпокоилъ, никто не видѣлъ... Признаться, меня не мало удивляла эта безпечность турокъ и полное отсутствіе мѣръ охраненія, уже не говоря о развѣдываніи. Лихой кавалерійскій отрядъ могъ бы надѣлать имъ не мало золъ!..

Выбравъ нѣсколько позади новый наблюдательный постъ, скрытый отъ взоровъ противника и удобный для обороны, я собралъ всѣхъ своихъ людей и рѣшилъ провести здѣсь полдня въ наблюденіи за непріятелемъ, а затѣмъ ѣхать обратно къ своимъ.

Подъ утро меня сильно стало клонить ко сну и даже о Пембѣ я совершенно позабылъ. Но сознаніе долга, а главное, опасность быть открытымъ заставили отклонить всякую мысль объ отдыхѣ.

Было по моимъ часамъ около семи, когда я замѣтилъ въ двухъ лагеряхъ движеніе и вскорѣ затѣмъ двѣ большихъ колонны вытянулись по направленію къ Ени-Загрѣ, причемъ одна шла по шоссе, а другая по большой дорогѣ, вдоль подошвы Малыхъ Балканъ. Судя по числу таборовъ, эскадроновъ и батарей, довольно отчетливо видѣнныхъ мною даже простымъ глазомъ, сила каждаго отряда простиралась въ 7—8 тысячъ человѣкъ.

«Вѣроятно», думалъ я, «Сулейманъ хочетъ съ частью

своихъ силъ броситься на насъ со стороны Ени-Загры, а съ остальными оборонять Эски-Загру, въ виду чего онъ и настроилъ эти укрѣпленія...»

— Ваше благородіе! шепотомъ прервалъ вдругъ урядникъ мои размышленія,—вонъ турки на насъ ѣдутъ.

Я взглянулъ по указанному направленію и, дѣйствительно, увидѣлъ черкесскій разъѣздъ, прямехонько двигавшійся на насъ. Сила разъѣзда была почти такая же, какъ и наша. Удрать незамѣченнымъ нельзя ужь было, волей-неволей приходилось вступать въ поединокъ. Я тихонько приказалъ взвести замочныя трубки заряженныхъ уже ружей и спѣшенные казаки притаились за кустами; лошади наши оставались нѣсколько позади и въ лощинѣ. «Ждите команды, братцы, и цѣлиться лучше!» предупредилъ я людей. Черкесы ѣхали совершенно безпечно, не замѣчая насъ и, очевидно, не подозрѣвая даже о возможной близости гяуровъ. Ихъ маленькія лошаденки дружно шли по два въ рядъ; впереди, на ворономъ конѣ, ѣхалъ стройный, красивый черкесъ; вѣроятно, унтеръ-офицеръ.

Я ужь хотѣлъ подать сигналъ своимъ людямъ стрѣлять, какъ неожиданно, не доѣзжая какихъ-нибудь полутораста шаговъ до насъ, разъѣздъ своротилъ на востокъ и двинулся вдоль горъ за своимъ отрядомъ. Очевидно, это былъ лѣвый боковой разъѣздъ турецкихъ походныхъ колоннъ. Опасность, такимъ образомъ, миновала, мы спустили замочныя трубки и успокоились.

Но не прошло и четверти часа, какъ въ тылу у насъ, въ горахъ, показался одинъ черкесъ (вѣроятно, изъ шатавшихся мародеровъ); въѣхавъ на возвышенное мѣсто, онъ осмотрѣлся, замѣтилъ вдругъ нашу группу и въ изумленіи остановился. Онъ, видимо, былъ сильно пораженъ этою неожиданною встрѣчей и, разинувъ ротъ, тупо

смотрѣлъ на насъ испуганными глазами. Я могъ его легко снять съ коня нашей берданкой, но боялся своимъ выстрѣломъ поднять тревогу въ Эски-Загрѣ.

— А ну-ка, какъ бы намъ этого черта поймать! обратился я къ казакамъ. — Сидоровъ, у тебя быстрый конь!..

Сидоровъ понесся за черкесомъ, а послѣдній, выстрѣливъ въ него, сталъ улепетывать по направленію къ д. Новая Махала. Догнать черкеса не удалось, такъ какъ въ горахъ ихъ лошади имѣютъ, конечно, преимущество передъ нашими степняками. «Однако, онъ подниметъ на ноги всѣхъ турокъ въ Махалѣ! Нужно давать тягу!..» (Я позабылъ упомянуть, что деревни Дервентъ и Новая Махала, лежащія въ Малыхъ Балканахъ къ сѣверо-востоку отъ Эски-Загры, были населены жителями-турками). Мы быстро усѣлись на коней и безъ дорогъ, оріентируясь по компасу, оврагами, балками и перелѣсками благополучно добрались до бивака отряда у деревни Ханкіой. Обо всемъ мною было доложено Краснову, Чернозубову, Сухомлинову и начальнику штаба, генералу Нагловскому. Потребовалъ меня также и начальникъ отряда, Гурко, и я снова подробно повторилъ разсказъ о своей рекогносцировкѣ и наблюденіяхъ.

Генералъ со вниманіемъ выслушалъ меня и затѣмъ поблагодарилъ за труды и стараніе.

На этомъ собственно и кончается мое участіе въ Забалканскомъ походѣ, который все-таки обезпечилъ за нами обладаніе однимъ изъ важнѣйшихъ горныхъ проходовъ—Шибкинскимъ, и еще разъ доказалъ всему міру, что русскій солдатъ способенъ на самые тяжелые, героическіе подвиги... Не на немъ, конечно, лежитъ нравственная отвѣтственность за тѣ грустныя послѣдствія, которыя

постигли несчастныхъ жителей Эски-Загры и окрестностей!.. *).

Бригада наша, т.-е. донскіе казачьи № 21 и 26 полки, вмѣстѣ съ другими кавалерійскими полками (Казанскими и Астраханскими драгунами, Кіевскими гусарами) направлена была къ сѣверу отъ Тырнова въ д. Ново-Никупъ для отдыха и укомплектованія въ людяхъ и лошадяхъ. Здѣсь мы были обречены на скучное бездѣйствіе—самое несносное, томительное состояніе въ военное время и особенно тогда, когда другіе работаютъ, дерутся...

Отъ скуки мы, офицеры, цѣлыми ватагами ѣздили въ Тырновъ, который принялъ уже совсѣмъ другую физіономію послѣ того, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ. Лавки, ресторанчики и кабачки попадались на каждомъ шагу. На улицахъ то и дѣло встрѣчались, кромѣ офицеровъ, докторовъ и интендантовъ, всевозможные подрядчики и прихвостни гг. Когана, Горвица и Варшавскаго, разные аферисты, комиссіонеры, мишурисы и другіе гешефтмахеры, слетѣвшіеся какъ мухи на медъ, намазанныя горизонталки со своими мадамами и прочая челядь, которая неизбѣжно всюду слѣдуетъ въ тылу дѣйствующей арміи. Вся эта спекулятивная орава съ азартомъ накидывалась на добродушныхъ и щедрыхъ офицеровъ и алчно высасывала изъ ихъ кармановъ трудовыя, желтыя монетки.

*) По поводу Забалканскаго набѣга одинъ мой товарищъ, большой руки острякъ, сочинилъ слѣдующее оригинальное четверостишіе:

«Еслибъ на Шибку мы не пошли такъ шибко,
А за рѣку Видъ—plus vite;
То было бъ Gut
И туркамъ—капутъ!»

Содержаніе, правда, мы получали порядочное, но и цѣны на предметы первой необходимости стояли тоже довольно изрядныя.

Скучно жилось въ Новомъ Никупѣ. Проснешься утромъ въ своей палаткѣ (мы всѣ стояли лагеремъ) и слышишь отдаленные орудійные выстрѣлы съ трехъ сторонъ: съ юга, со стороны Шибки, отъ Радецкаго, съ востока—изъ отряда Наслѣдника Цесаревича, съ запада — со стороны Плевны и Ловчи, изъ отряда князя Имеретинскаго. И только съ сѣвера—далекаго, роднаго—вѣяло миромъ, любовью и тишиной. Отсюда мы получали письма и извѣстія отъ дорогихъ, близкихъ людей и въ нихъ находили нравственную поддержку для новыхъ трудовъ, жертвъ и подвиговъ.

Какъ-то проснулся я на зарѣ; тѣ же отдаленные выстрѣлы съ трехъ сторонъ явственно доносились до моего уха. «Чортъ знаетъ!» думалъ я, лежа на постели, «да скоро-ли, наконецъ, насъ направятъ куда-нибудь?.. Неужели для конницы не могутъ найти никакого дѣла?.. Просто безсовѣстно: тамъ товарищи умираютъ, мучатся, а тутъ кейфуешь себѣ, бездѣльничаешь, киснешь, да шатаешься по тырновскимъ кабакамъ!.. Попытаюсь-ка попроситься куда-нибудь!..» И я рѣшительно вскочилъ съ постели, одѣлся и отправился къ командиру полка.

— Г. полковникъ! прикомандируйте меня, пожалуйста, къ 1-й или 2-й сотнѣ, которыя остались на Шибкѣ! обратился я къ нему.

— Что, захотѣлось подраться? улыбнулся добродушно Красновъ, хлопая меня по плечу.—Успѣете еще, юноша, имѣйте терпѣніе... Будетъ скоро и намъ работа...

Такъ я ни съ чѣмъ и ушелъ.

Вскорѣ, однакожъ, по биваку пронесся слухъ, что надняхъ насъ двинутъ въ Ловчу или Плевну.

Во всѣ полки пришли изъ Россіи команды для укомплектованія недостающихъ людей и лошадей и привезли намъ новости изъ родныхъ мѣстъ.

Наконецъ, 20 августа, изъ главной квартиры получено было предписаніе: кавалеріи, стоящей въ Новомъ Никупѣ, направиться къ Плевнѣ и Ловчѣ. Всѣ встрепенулись, просіяли, ожили... Бригада наша двинулась на западъ и ночь съ 22-го на 23-е провела на бивакѣ между деревнями Павликени и Слатина, т.-е. нѣсколько восточнѣе Плевно-Ловчинскаго шоссе.

22 августа, какъ извѣстно, отряды Скобелева и князя Имеретинскаго взяли штурмомъ г. Ловчу. Находившійся въ это время въ Плевнѣ Османъ-паша, намѣреваясь помочь ловчинскому гарнизону и разсчитывая поспѣть еще во-время, вышелъ съ значительною частью своихъ силъ изъ Плевны и двинулся на югъ, къ г. Ловчѣ. 23 августа, когда Ловча была уже въ нашихъ рукахъ, силы эти имѣли столкновеніе какъ съ нашимъ отрядомъ, такъ равно и съ войсками Скобелева, выступившими имъ на встрѣчу.

Утромъ рано, 23 августа, я былъ посланъ съ разъѣздомъ въ десять человѣкъ къ д. Зилково; по шоссе же къ Плевнѣ направился другой разъѣздъ съ хорунжіемъ Платоновымъ. Проѣхавъ Зилково, я сталъ подниматься въ горы и вдругъ увидѣлъ отступающій по шоссе разъѣздъ Платонова. Вскорѣ онъ присоединился ко мнѣ и сообщилъ, что турки наступаютъ со стороны Плевны, что силы ихъ довольно значительны и состоятъ изъ трехъ родовъ оружія.

— Ты, какъ старшій, дѣлай, что̀ хочешь! закончилъ свой разсказъ Платоновъ.

— Да что жь тутъ дѣлать съ двадцатью казаками! усмѣхнулся я.—Давай, братъ, займемся наблюденіями.

Въ это время на возвышенности, покрытой кустарни-

комъ и лежавшей по обѣ стороны шоссе шагахъ въ тысячѣ отъ насъ, показалась густая цѣпь турецкой пѣхоты, а за нею и сомкнутыя части. Я разсыпалъ всѣхъ людей въ цѣпь и послалъ съ донесеніемъ къ командиру полка, прося поддержки. Между тѣмъ турки, увидя нашу горсть, остановились, заняли позицію и простояли выжидательно минутъ 20. Но вотъ вдали, въ кустахъ, мелькнулъ возлѣ красной фески знакомый зловѣщій огонекъ, жалобно просвистѣлъ надъ головой смертоносный кусочекъ свинца, затѣмъ еще, еще и—цѣлая огненная линія все ближе и ближе стала приближаться къ намъ... Турки перешли въ наступленіе. За цѣпью двигались сомкнутыя части пѣхоты, а между ними—восьми-орудійная батарея; позади, на красивыхъ лошадяхъ, два полка черкесовъ. Турокъ было около шести тысячъ. Невольно залюбовался я въ бинокль на черкесскихъ всадниковъ: одинъ полкъ былъ на сѣрыхъ лошадяхъ, другой — на бѣлыхъ. Такихъ чудныхъ коней мнѣ ни разу не приходилось видѣть! И только послѣ кампаніи, когда мнѣ удалось быть на смотру турецкихъ войскъ въ Константинополѣ въ присутствіи султана, я видѣлъ подобныхъ же великолѣпныхъ лошадей. Такъ какъ бороться нашей горсти съ такою грозною силой было бы безуміемъ, то я, не отвѣчая на огонь турецкой пѣхоты, отвелъ свою цѣпь въ д. Зилково. Вскорѣ на смѣну мнѣ явилась сотня Сизова, а я получилъ приказаніе присоединиться къ полку.

Между тѣмъ, Красновъ съ тремя сотнями на рысяхъ двинулся въ тылъ наступавшимъ туркамъ, приказавъ Сизову одновременно тѣснить ихъ съ фланга. Противъ сотни Сизова турки разсыпали, въ свою очередь, цѣпь черкесовъ, а видя движеніе въ свой тылъ трехъ сотень Краснова, быстро заняли на поперечной возвышенности пози-

цію и открыли учащенный пѣхотный огонь и изъ двухъ орудій по нашимъ казакамъ.

Продолжать атаку было рисковано, и Красновъ скрылъ свои сотни отъ выстрѣловъ въ безопасную лощину. Сотня Сизова успѣшно боролась съ черкесами и заставила отойти ихъ къ своей пѣхотѣ. Въ то время, какъ мы отражали нападеніе непріятеля близь шоссе у д. Зилково, стараясь не допустить его къ Ловчѣ, къ юго-западу отъ насъ тоже гремѣла канонада, гдѣ тотъ же турецкій отрядъ натолкнулся на храбрыя и побѣдоносныя войска Скобелева и Имеретинскаго и встрѣтилъ со стороны ихъ энергичный отпоръ.

Часовъ около двѣнадцати, турецкія войска, находившіяся противъ насъ, стали медленно и въ порядкѣ отступать обратно къ Плевнѣ, оставивъ на своей позиціи только три убитыхъ лошади. У насъ потерь въ людяхъ тоже не было; у одного казака только убили лошадь, да у Гречановскаго ранили.

Мы, офицеры, собрались вокругъ Краснова и занялись обсужденіемъ нашихъ дѣйствій.

— А что, г. полковникъ, обратился я довольно храбро къ нашему симпатичному, любимому начальнику,—вѣдь дѣйствовали-то мы, кажется, нѣсколько вяло, нерѣшительно! Если бы побольше энергіи, смѣлости, да пустить въ дѣло оставшіяся въ резервѣ три сотни 21-го полка и батарею, да понажать на нихъ, подлецовъ, съ тыла и фланговъ—они не отдѣлались бы такъ дешево...

— Ну, батенька, спокойно отвѣчалъ Красновъ,—слишкомъ молоды вы еще критиковать дѣйствія начальства!.. Да и мало-ли чего намъ не хочется! Вотъ, напримѣръ, я просилъ у бригаднаго командира два орудія — не далъ, что жь подѣлаешь...

24 августа мы отдыхали на бивакахъ у деревень Зилково и Сотово, близь Плевно-Ловчинскаго шоссе, и любовались на героевъ Ловчи—войскà князя Имеретинскаго и Скобелева, проходившихъ мимо насъ къ Плевнѣ.

Часть II-я.

СО СКОБЕЛЕВЫМЪ ВЪ ОГНѢ.

ГЛАВА I.

На слѣдующій день, т.-е. 25 августа, наша бригада направилась туда же, къ этому заколдованному и роковому для нѣсколькихъ тысячъ русскихъ воиновъ городу и расположилась бивакомъ въ лощинѣ между шоссе и деревней Баготомъ.

Съ 26 августа я почти не считаю себя кавалеристомъ, такъ какъ мнѣ приходилось имѣть дѣло преимущественно съ пѣхотой и пѣшею артиллеріей—главными родами оружій при плевненскихъ операціяхъ.

Такъ какъ мнѣ придется довольно долго остановиться на своемъ пребываніи подъ Плевной, на Зеленыхъ горахъ, то я позволю себѣ вкратцѣ описать эту мѣстность, на которой такъ упорно и мужественно боролись храбрыя скобелевскія войска, гдѣ пролито было такъ много молодой русской крови и которой, все-таки, справедливо гордится каждый истый русскій патріотъ.

Къ юго-востоку отъ деревни Брестовца (въ разстояніи отъ нея около версты) находится наиболѣе возвышенная часть этого района — гора Рыжая; къ сѣверу же и сѣверо-востоку отъ упомянутой деревни мѣстность постепенно понижается, образуя въ послѣднемъ случаѣ такъ-называемый первый гребень Зеленыхъ горъ, южный скатъ котораго, вмѣстѣ съ сѣверною покатостью горы Рыжей, представляютъ довольно глубокую лощину, мѣстами переходящую въ оврагъ и называемую Брестовацкимъ логомъ. Къ востоку отъ деревни Крышино (въ разстояніи тоже

около версты) находится довольно обширная возвышенность, которая образуетъ два длинныхъ гребня: южный (или второй гребень Зеленыхъ горъ) тянется почти въ восточномъ направленіи и сѣверный (или третій гребень Зеленыхъ горъ) въ сѣверо-восточномъ направленіи къ южной окраинѣ города. Всѣ эти три гребня, имѣвшіе такое важное значеніе при атакѣ и оборонѣ этой мѣстности, оканчиваются у Тученицкаго оврага, очень крутаго, мѣстами совершенно обрывистаго, на днѣ котораго протекаетъ небольшая рѣчка того же имени. У самаго города въ р. Тученицу вливается съ западной стороны незначительный ручей Зеленогорскій, лѣвый берегъ котораго на протяженіи 150—200 саженъ довольно круто поднимается и увѣнчанъ былъ сильными турецкими укрѣпленіями: Иса-Ага (или Скобелевскій № 2)—ближайшій къ городу, Каванлыкъ (или Скобелевскій № 1-й)—къ западу отъ послѣдняго и соединенный съ нимъ траншеей, и Баглыкъ Сарты (или Садовое)—еще западнѣе.

Къ сѣверу отъ деревни Крышино турки устроили на высотахъ тоже нѣсколько редутовъ, причемъ ближайшій изъ нихъ—Юнусъ-бей, отстоялъ отъ деревни почти на полверсты.

Вотъ вкратцѣ характеръ мѣстности и укрѣпленія горъ лѣваго берега Тученицы, получившихъ свое названіе «Зеленыхъ» вслѣдствіе того, что онѣ покрыты виноградниками, кустами и отдѣльными деревьями.

«Зеленыя горы»!.. Какъ сильно бьется сердце у каждаго русскаго воина при воспоминаніяхъ объ этихъ кровавыхъ, славныхъ мѣстахъ! И какая страшная разница между этими словами и другими двумя, съ ними сходными—«Зеленымъ островомъ»! Здѣсь — смѣхъ, веселье, радость, музыка, апплодисменты; тамъ — смерть, мученія, пушечные громы, ружейная трескотня, скорбь, слезы, кровь...

Да, много русскихъ костей осталось тамъ, на этихъ страшныхъ горахъ, гдѣ теперь болгаринъ-земледѣлецъ мирно и спокойно разрабатываетъ свои виноградники и нивы, удобренныя русскими трупами!..

Послѣ двухъ неудачныхъ и тяжелыхъ попытокъ (8 и 18 іюля) овладѣть Плевной и разбить армію Османа, въ нашей главной квартирѣ рѣшено было, собравъ къ этому важному пункту значительное число войскъ, произвести въ третій разъ рѣшительную атаку плевненскихъ укрѣпленій, подготовивъ ее предварительно въ достаточной степени сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Съ востока и сѣвера дѣйствовали войска 4-го и 9-го корпусовъ, а также румынская армія; съ юга, со стороны деревни Брестовца и къ западу отъ Тученицкаго оврага, назначены были дѣйствовать тѣ самыя войска (князя Имеретинскаго и Скобелева), которыя 22 августа съ такою отвагой овладѣли Ловчей.

Наша бригада (собственно семь сотень, такъ какъ пять сотень осталось на Шибкѣ), подъ командой полковника Чернозубова, вошла въ составъ этихъ войскъ и подчинилась князю Имеретинскому.

Еще съ утра 26 августа завязался оживленный артиллерійскій бой между батареями 4-го и 9-го корпусовъ, а также румынскими съ одной стороны и турецкими орудіями, помѣщавшимися въ редутахъ, съ другой. Пушечные выстрѣлы, то одиночные, то залпами, почти непрерывно раздавались къ сѣверо-востоку отъ насъ. Отрядъ князя Имеретинскаго въ этотъ день почти бездѣйствовалъ и только казаки наши имѣли незначительное столкновеніе съ черкесами, оттѣснивъ ихъ цѣпь съ перваго гребня Зеленыхъ горъ.

27 августа бой продолжался.

Нашей сотнѣ приказано было занять цѣпь на первомъ

гребнѣ Зеленыхъ горъ. Я со своею полусотней расположился вправо отъ шоссе въ сѣверо-восточномъ направленіи до Тученицкаго оврага; Ретивовъ съ другою полусотней—влѣво отъ шоссе до деревни Брестовца, которая была занята нашей пѣхотой.

Сотни русскихъ орудій гремѣли къ востоку и югу отъ Плевны и турецкія дальнобойки энергично отвѣчали на нашъ страшный огонь.

Противъ нашей сотни, на первомъ же гребнѣ, находилась цѣпь черкесовъ, съ которой мы изрѣдка перестрѣливались. Было около трехъ часовъ дня, когда я получилъ приказаніе отбросить эту цѣпь съ перваго гребня. Медленно началъ я подвигаться со своими людьми впередъ, постепенно учащая огонь. Черкесы сначала шагомъ отступали, затѣмъ быстро очистили фронтъ и навели насъ на свою пѣхоту, которая и открыла по казакамъ сильный огонь. Волей-неволей пришлось остановиться, и я послалъ просить себѣ помощи. Къ счастью, скоро подошла наша пѣхота (цѣпь Калужскаго полка) и мы, совмѣстными силами, стали энергично насѣдать на турокъ, поражая ихъ мѣткимъ огнемъ изъ крынокъ и берданокъ. Красныя фески, выпуская цѣлыя тучи пуль, поспѣшно отступили и заняли второй гребень Зеленыхъ горъ.

Въ это время прискакалъ казакъ и передалъ мнѣ приказаніе Гречановскаго—собрать свою полусотню и расположиться за правымъ флангомъ, зорко наблюдая Тученицкій оврагъ на случай обхода насъ непріятелемъ. Лишь только я успѣлъ собрать людей, какъ калужцы двинулись впередъ, въ атаку на второй гребень. Я съ полусотней направился вслѣдъ за ними. Турки не выдержали дружнаго натиска нашей пѣхоты и бѣжали. Спустившись съ перваго гребня въ лощину и поднявшись, затѣмъ, по заросшему частымъ кустарникомъ скату на второй гребень,

очищенный турками, я остановился на пологомъ хребтѣ между деревьями.

Къ намъ скоро подошла какая-то рота Калужскаго полка и залегла тутъ же въ виноградникахъ. Турки съ редутовъ, очевидно, замѣтили наше присутствіе и начали буквально обсыпать насъ снарядами, которые скоро избороздили вокругъ всю землю. Нужно было имѣть много присутствія духа и самообладанія, чтобы спокойно и неподвижно стоять подъ этимъ убійственнымъ огнемъ. Особенно подѣйствовало это на пѣхотныхъ солдатъ и нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, болѣе молодые, стали потихоньку, озираясь по сторонамъ, удирать назадъ.

Не видя офицера и замѣчая, какое сильное нравственное впечатлѣніе производятъ на солдатъ эти рвущіяся съ пронзительнымъ, злобнымъ шипѣніемъ непріятельскія гранаты, я подъѣхалъ къ нимъ. «Ну какъ вамъ не стыдно, братцы, убѣгать! А еще Скобелевскіе герои!.. И нашли кого бояться—турецкихъ снарядовъ!.. Они только пугаютъ, а вреда не дѣлаютъ... Вотъ посмотрите на казаковъ, какъ они стоятъ!..» Дѣйствительно, мои казаки, какъ бывалые уже и опытные, держали себя молодцами. Солдатики видимо ободрились послѣ моихъ словъ и стали гораздо спокойнѣе; за разбѣжавшимися же я послалъ нѣсколькихъ казаковъ.

Черезъ нѣкоторое время ротѣ этой, также какъ и другимъ частямъ Калужскаго полка, приказано было двинуться въ атаку. Съ замѣчательнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ ринулись они впередъ, на врага. Нѣкоторые солдаты увлеклись до того, что овладѣли не только вторымъ гребнемъ, но даже третьимъ, и преслѣдовали сбитыхъ и бѣжавшихъ турокъ до самаго Зеленогорскаго ручья и далѣе, до редута.

Но тутъ, на крутомъ скатѣ, ихъ встрѣтли непріия-

тельскіе резервы и, въ свою очередь, атаковали нашихъ малочисленныхъ и усталыхъ храбрецовъ...

Во время этой атаки я съ казаками охранялъ правый флангъ и зорко наблюдалъ за Тученицкимъ оврагомъ.

Вскорѣ ко мнѣ подъѣхалъ есаулъ Гречановскій и приказалъ, собравъ полусотню, присоединиться къ полку.

Двигаясь обратно со своею командой по шоссе, я увидѣлъ въ сторонѣ скакавшую отъ позиціи и по направленію къ намъ группу всадниковъ, надъ которою рельефно развѣвался бѣлый значекъ и впереди которой особенно выдѣлялся на бѣлой лошади молодой красивый генералъ. Я сразу узналъ Скобелева 2-го, о которомъ такъ много уже слышалъ и котораго видѣлъ еще ранѣе въ Бухарестѣ, въ гостинницѣ, и 24 августа, послѣ взятія Ловчи, при прохожденіи отряда кн. Имеретинскаго въ Плевну.

— Смирно! Пики въ руку!.. скомандовалъ я полусотнѣ и самъ взялъ подъ козырекъ.

— Пожалуйте сюда! подозвалъ меня генералъ, подъѣхавъ ближе,— вы откуда и куда?

— Я съ полусотней все время находился на правомъ флангѣ, между шоссе и Тученицкимъ оврагомъ. А теперь командиръ сотни приказалъ мнѣ присоединиться къ полку...

— А знаю... Спасибо, казаки, за службу!.. крикнулъ онъ полусотнѣ.

— Рады стараться, ваше превосходительство! дружно отвѣчали они подъ акомпаниментъ свистящихъ и плачущихъ пуль.

— Я—начальникъ боевой линіи отряда, продолжалъ генералъ, обращаясь ко мнѣ,—а потому приказываю вамъ сейчасъ же вернуться обратно на позицію, разсыпать вашихъ людей и подобрать всѣхъ нашихъ раненыхъ. Старайтесь пробираться даже черезъ цѣпь. Надѣюсь, что вы

исполните возлагаемое на васъ порученіе добросовѣстно, честно!..

— Слушаю, ваше превосходительство, постараюсь. отвѣчалъ я.

— А завтра утромъ, прибавилъ онъ,—доложите мнѣ, сколько всего раненыхъ вы подобрали... И, давъ шпоры лошади, герой Зеленыхъ горъ поскакалъ дальше, по направленію къ Брестовцу.

Хотя контръ-атака турокъ и была отбита прибывшими подкрѣпленіями и мы удержали за собою второй гребень Зеленыхъ горъ, но калужцы потеряли въ этомъ бою нѣсколько сотъ человѣкъ и оба гребня были усѣяны убитыми и ранеными воинами. Мнѣ съ полусотней предстояло работы не мало.

Извѣстивъ Гречановскаго о своей новой миссіи и давъ наставленіе казакамъ по исполненію совершенно неизвѣстной для нихъ обязанности санитаровъ, я, разсыпавъ полусотню, лавой, двинулся черезъ виноградники на позицію.

Началась тяжелая работа эвакуаціи раненыхъ съ поля сраженія и подъ пулями на перевязочный пунктъ. Крѣпкіе нервы нужно было имѣть, чтобы терпѣливо переносить эти ужасные стоны страдальцевъ, ихъ, хватающія за душу, мольбы, а часто и проклятія. Нѣкоторыхъ раненыхъ казаки несли, устраивая изъ шинелей и пикъ импровизированныя носилки, другихъ вели подъ руки, третьихъ сажали на своихъ коней и поддерживали на ходу.

Такъ работали мы всю ночь безъ отдыха.

— Ваше благородіе! подъѣхалъ ко мнѣ на зарѣ вахмистръ. — Казаки не возвращаются съ перевязочнаго пункта, застряли тамъ чего-то. Совсѣмъ людей изъ полусотни мало осталось...

— А раненыхъ много еще?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, всѣхъ подобрали уже.

— Ну, такъ вотъ что, распорядился я, еле удерживаясь самъ отъ одолѣвавшаго меня сна,—ты побудь здѣсь, а я отправлюсь назадъ и посмотрю, что тамъ дѣлается.

Оказалось, что большинство казаковъ чуть держалось на ногахъ отъ усталости; лошади тоже были страшно изнурены и другія сутки работали безъ корма.

Было уже совершенно свѣтло, когда я, приказавъ вахмистру собрать людей и отвести ихъ въ полкъ, поѣхалъ доложить объ этомъ командиру полка. На бивакѣ засталъ Гречановскаго, съѣлъ у него наскоро кусокъ курицы, выпилъ, вмѣсто чаю, водки и поскакалъ затѣмъ на гору 16-й дивизіи, возлѣ которой, въ логу, устроенъ былъ перевязочный пунктъ. «Нужно будетъ узнать здѣсь, сколько всего раненыхъ», разсуждалъ я, «Скобелевъ приказалъ считать ихъ, а я этого положительно не могъ дѣлать...»

Получивъ отъ доктора всѣ необходимыя мнѣ свѣдѣнія, я поѣхалъ разъискивать Скобелева.

Въ виду того, что предположенная на 28 августа атака плевненскихъ укрѣпленій была по нѣкоторымъ соображеніямъ отложена, Скобелевъ, дабы не подвергать своихъ людей напраснымъ потерямъ, приказалъ очистить второй гребень Зеленыхъ горъ и отступить на первый. Калужскій полкъ, какъ сильно пострадавшій въ бою 27 августа, былъ убранъ въ резервъ и замѣненъ эстляндцами.

Утро 28 августа началось на Зеленыхъ горахъ грохотомъ орудій и сильною ружейною трескотней: турки перешли въ наступленіе на наши войска, занимавшія позицію перваго гребня. Но нѣсколько попытокъ ихъ не увѣнчались успѣхомъ и эстляндцы, поддержанные стрѣлками, мужественно отразили всѣ смѣлыя атаки турокъ.

Скобелева я нашелъ на Рыжей горѣ. Онъ сидѣлъ на

походномъ складномъ стулѣ возлѣ длинной нашей батареи и въ бинокль разсматривалъ позицію.

— Ваше превосходительство изволили приказать мнѣ вчера доложить вамъ о числѣ раненыхъ: полусотня работала всю ночь и на перевязочный пунктъ доставлено 450 человѣкъ, доложилъ я генералу.

— Хорошо, благодарю васъ, отвѣчалъ онъ. Я хотѣлъ ѣхать во-свояси.—Постойте, обратился ко мнѣ снова генералъ,—вотъ вамъ новая работа: возьмите мой бинокль, садитесь на этотъ стулъ и внимательно наблюдайте за всею позиціей. Если замѣтите что особенное — сейчасъ дайте мнѣ знать. Въ вашемъ распоряженіи оставляю трехъ казаковъ. А я поѣду къ князю Имеретинскому... И, усѣвшись на коня, онъ поскакалъ въ Боготъ.

Я умостился поудобнѣе на трехногомъ скобелевскомъ стулѣ, вооружился его биноклемъ и сталъ разсматривать Зеленогорскую позицію, высоты по обѣ стороны Тученицы и Крышинскій редутъ. (Лежавшій въ лощинѣ г. Плевна съ его бѣлыми домиками и стройными минаретами съ моего мѣста не былъ видѣнъ).

«Господи, да когда же, наконецъ, мы возьмемъ этотъ заколдованный, страшный городъ?» думалъ я подъ грохотъ стоявшихъ возлѣ меня нѣсколькихъ батарей, въ числѣ которыхъ была одна, составленная изъ турецкихъ дальнобойныхъ орудій, взятыхъ 9-мъ корпусомъ подъ Никополемъ. «Вѣдь вотъ, кажется, пустое: никакой крѣпости нѣтъ, непривычному глазу почти не видно даже этихъ укрѣпленій—какихъ-то ничтожныхъ земляныхъ насыпей; какъ будто даже тамъ нѣтъ никого, точно спитъ все или вымерло... А попробуй-ка, сунься туда въ это мертвое царство! И какой адъ поднимется тамъ, какіе громы станутъ изрыгать эти сѣрыя земляныя насыпи, эти длинные тонкіе ровики!.. И сколько жизней—молодыхъ, здоровыхъ,

сильныхъ—за которыхъ теперь молятся десятки милліоновъ славянъ, снова вырвутъ эти злыя свинцовыя пчелки, эти куски чугуна, разрывающіе въ клочки человѣческое мясо и кости... Но, рано или поздно, сломимъ же мы, наконецъ, это геройское сопротивленіе Османа! Терпѣніе и трудъ все перетрутъ!.. Настанетъ же нѣкогда день и погибнетъ кровавая Плевна, храбрый погибнетъ Османъ и весь станъ муширъ-гази Османа!..» пародировалъ я извѣстныя слова Гомера, сказанныя имъ относительно знаменитой Трои.

Турки отвѣчали временами довольно энергично на огонь нашихъ батарей и непріятельскія гранаты рвались и зарывались въ землю то впереди, то позади орудій, то между ними, къ счастью не задѣвая никого изъ насъ. Послѣ безсонно-проведенной ночи меня страшно клонило ко сну, и нужно было много усилій, чтобы не поддаться этому тяжелому состоянію. Сначала я бесѣдовалъ съ ординарцемъ Скобелева, нашего же полка хорунжіемъ Чеботаревымъ. Но скоро онъ улегся возлѣ меня на землю, завернулся въ пальто и, не обращая вниманія на турецкія гранаты, зарывавшіяся возлѣ насъ, захрапѣлъ черезъ минуту такъ громко и аппетитно, что мнѣ сдѣлалось просто завидно.

Такъ просидѣлъ я подъ огнемъ на скобелевскомъ стулѣ около пяти часовъ. Наконецъ, часа въ четыре, я увидѣлъ приближавшуюся конную группу со знакомымъ значкомъ и съ бѣлымъ всадникомъ впереди. «Ну что новаго?» обратился ко мнѣ Скобелевъ, подъѣхавъ къ батареѣ и останавливая коня. — «Ничего особеннаго нѣтъ, ваше превосходительство!» отвѣчалъ я; «за это время турки передвигали только незначительныя части пѣхоты, по которымъ стрѣляла наша артиллерія...»

Побывъ еще нѣкоторое время на батареѣ, Скобелевъ

со штабомъ, къ которому пристроился и я, поѣхалъ осматривать позиціи нашихъ войскъ на Зеленыхъ горахъ.

Не взирая на сильный артиллерійскій и ружейный огонь, который открыли турки по нашей конной группѣ, Скобелевъ смѣло галопировалъ даже за линію аванпостовъ, внимательно осматривая мѣстность и позиціи — наши и непріятельскія.

— Господа, обратился къ намъ, между прочимъ, Скобелевъ, — старайтесь хорошенько запоминать окружающую мѣстность и расположеніе нашихъ войскъ. Во время боя я буду часто посылать васъ съ приказаніями, и вы должны быстро исполнять ихъ и не блудить... Даже по ночамъ вамъ придется нерѣдко ѣздить... Отъ толковаго и храбраго ординарца часто зависитъ успѣхъ боя!..

Объѣхавъ всѣ позиціи, мы шагомъ направились къ д. Брестовцу. Солнце уже садилось, въ воздухѣ стало замѣтно свѣжѣть. Скобелевъ разослалъ почти всѣхъ бывшихъ при немъ ординарцевъ съ разными приказаніями и скоро изъ десяти человѣкъ остался одинъ я.

— Дукмасовъ, обратился вдругъ генералъ ко мнѣ, — поѣзжайте сейчасъ ко всѣмъ командирамъ частей и объявите имъ, чтобы къ завтрашнему дню они непремѣнно пополнили свои патроны, а въ батареяхъ снаряды. Чтобы вездѣ была приготовлена горячая пища и непремѣнно по полтора фунта мяса на человѣка. Я строго взыщу съ командировъ, если замѣчу отступленіе отъ этого. Затѣмъ пусть позаботятся о шанцевомъ инструментѣ, и чтобы каждую минуту были готовы двинуться въ атаку... На передовыхъ позиціяхъ пусть люди углубляютъ траншеи и чтобы имѣли при себѣ по фунту мяса... Вы поняли, что я вамъ сказалъ, не позабудете?

— Помню все, ваше превосходительство, будьте покойны! отвѣчалъ я.

Но генералъ прервалъ меня.

— Нѣтъ, лучше поѣдемте въ лагерь; я прикажу начальнику штаба все это написать... А то вы, пожалуй, перепутаете еще, а я потомъ буду взыскивать съ командировъ частей... Смотрите только, когда будете ночью развозить приказаніе, не попадитесь въ руки турокъ! Хорошо-ли вы запомнили мѣстность и расположеніе нашихъ войскъ?..

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, какой же я казакъ послѣ этого буду!.. отвѣчалъ я.

Въ лагерѣ Скобелевъ представилъ меня своему начальнику штаба, капитану Алексѣю Николаевичу Куропаткину. Это былъ довольно молодой еще офицеръ генеральнаго штаба, небольшаго роста, брюнетъ, съ маленькими, черными и выразительными глазами, очень спокойный, хладнокровный и разсудительный. Вообще Куропаткинъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ немъ не было того высокаго, порой надменнаго отношенія къ намъ, маленькимъ офицерамъ, которое мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать въ людяхъ, носящихъ мундиръ генеральнаго штаба, и которое всегда такъ глубоко оскорбляло насъ, неученыхъ строевиковъ.

Онъ крѣпко, по товарищески, пожалъ мнѣ руку, сейчасъ же написалъ приказаніе Скобелева и, передавъ мнѣ бумаги, пожелалъ успѣха и счастливаго пути.

Вообще Куропаткинъ представлялъ нѣкоторый контрастъ со Скобелевымъ—не по уму, конечно, а по натурѣ. Спокойный, нѣсколько медлительный, осторожный, осмотрительный и дѣльный, онъ представлялъ противовѣсъ пылкой, увлекающейся и нервной натурѣ Михаила Дмитріевича.

Получивъ отъ Куропаткина письменныя приказанія, я повезъ ихъ развозить начальникамъ пѣхотныхъ, кавале-

рійскихъ и артиллерійскихъ частей. Ночь была безлунная, темная, въ 3—4 шагахъ ничего не было видно. Нерѣдко попадая въ канавы, овраги, то пѣшкомъ, то верхомъ, рыскалъ я всю ночь по траншеямъ, развозя приказанія. И только подъ утро попалъ я на бивакъ своего полка, командиру котораго тоже передалъ пакетъ.

Забравшись въ первую попавшуюся палатку и повалившись здѣсь на землю, я крѣпко и почти моментально уснулъ послѣ двухъ тяжелыхъ безсонныхъ ночей.

Часовъ въ восемь утра я проснулся. Товарищи мои уже встали и пили чай.

— А, и ординарецъ скобелевскій глаза продралъ!.. Ишь разважничался, фазанъ этакій!.. Ну поднимайся, у насъ коньякъ есть!.. такъ привѣтствовали меня станичники—господа хорунжіи и сотники.

Откровенно говоря, мнѣ вовсе не нравилась ординарческая, посыльная служба. Я зналъ, какъ мы, строевые офицеры, недружелюбно, порой враждебно даже, относились къ этимъ штабнымъ дѣятелямъ, отнимавшимъ у насъ обыкновенно награды и лавры, называя ихъ фазанами, моншерами, шаркунами, полотерами и другими эпитетами, хотя многіе изъ нихъ совершенно и не заслужили этого. Я съ глубокимъ уваженіемъ и любовью относился только къ строевой службѣ и хотѣлъ всю кампанію оставаться въ рядахъ своей сотни... И только имя Скобелева, его популярность въ арміи и народѣ и, наконецъ, самая опасность моего положенія мирили меня съ этимъ мѣстомъ.

Поболтавъ съ товарищами, напившись чаю и подѣлившись съ ними своею ночною поѣздкой по позиціи (къ счастью, ночь эта прошла у насъ совершенно спокойно), я снова усѣлся на коня и поѣхалъ разъискивать генерала. Нашелъ его, по обыкновенію, на позиціи, подъ пулями.

— А, здравствуйте, казакъ! сказалъ онъ весело, увидѣвъ меня,—а я думалъ, что вы попались туркамъ и они васъ на колъ посадили!..

— Ну, врядъ-ли это имъ удастся, ваше превосходительство! отвѣчалъ я, здороваясь съ новыми своими товарищами.—Живымъ-то я не дамся имъ, ну а съ мертвымъ пускай дѣлаютъ что хотятъ!

Генералъ засмѣялся и посмотрѣлъ на меня одобрительно.

Въ этотъ день, т.-е. 29-го августа, послѣ полудня войска наши, по приказанію Скобелева, съ перваго гребня двинулись впередъ и быстро овладѣли вторымъ гребнемъ. Турки въ безпорядкѣ бѣжали и открыли какъ съ третьяго гребня, такъ и съ редутовъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь по нашей передовой линіи, на которой, подъ пулями и снарядами, наши солдаты уже начали рыть закрытія для себя - траншеи. Въ ночь съ 29-го на 30-е турки снова дѣлали слабыя попытки наступать на наши позиціи на второмъ гребнѣ, но по прежнему были отражены эстляндцами.

ГЛАВА II.

Наконецъ, наступилъ кровавый день 30 августа. Густой туманъ окутывалъ насъ во всѣхъ сторонъ, мелкій дождикъ зарядилъ, повидимому, на весь день, образуя липкую грязь на глинистыхъ, поросшихъ виноградниками и кукурузой, скатахъ Плевненскихъ возвышенностей. Съ ранняго утра уже загремѣли пушечные выстрѣлы вокругъ Плевны и цѣлыя сотни русскихъ гранатъ и бомбъ, шипя и свистя, летѣли въ редуты, траншеи и въ городъ; большинство ихъ, конечно, впивалось не въ человѣческое мясо, а въ землю и камень. Турки отвѣчали довольно вяло. Уже давно мы всѣ на ногахъ, или, вѣрнѣе, на коняхъ, и ѣздимъ

по позиціямъ за Скобелевымъ, у котораго сегодня лицо необыкновенно серьезно, озабочено. Вотъ вся группа остановилась на возвышенности и Скобелевъ внимательно разсматриваетъ расположеніе войскъ.

— Послушайте, внезапно обратился онъ къ Куропаткину,—я и забылъ совсѣмъ. Какъ бы назначить кого-нибудь изъ расторопныхъ офицеровъ, чтобы позаботился о доставкѣ воды на позицію для войскъ во все время сраженія—это необходимо!

Куропаткинъ оглянулся кругомъ и остановился на мнѣ.

— Да вотъ—Дукмасовъ можетъ. Пожалуйте-ка сюда!

И Куропаткинъ началъ объяснять мнѣ мою новую обязанность. Въ началѣ я страшно обидѣлся за такое порученіе. «Вотъ, чортъ возьми», думалъ я, слушая наставленіе Куропаткина, «неужели я ни къ чему болѣе не способенъ, какъ только развозить воду... Люди идутъ въ бой, грудью столкнутся съ врагомъ, и вся честь побѣды падетъ на ихъ долю, а тутъ изображай изъ себя водовоза». Наконецъ, я не выдержалъ.

— Г. капитанъ, обратился я къ Куропаткину,—нельзя-ли васъ просить избавить меня отъ этой обязанности; назначьте, пожалуйста, какого-нибудь урядника, что-ли. Я предпочелъ бы идти въ атаку, на штурмъ, чѣмъ возиться съ такимъ не боевымъ дѣломъ!

Капитанъ, замѣтя, по выраженію моего лица и тону голоса, мое неудовольствіе, слегка улыбнулся.

— Вы напрасно думаете, мягко и дружески замѣтилъ онъ,—что то дѣло, которое вамъ поручено, такъ ничтожно и обидно для самолюбія: каждый приноситъ извѣстную долю пользы въ этомъ общемъ, великомъ дѣлѣ... Доставлять ближнему облегченіе въ страданіяхъ, подкрѣплять его силы—это, напротивъ, великая роль, и каждый принесетъ вамъ за это искреннюю благодарность...

Доводы Алексѣя Николаевича были настолько убѣдительны, что я вполнѣ съ нимъ согласился, и задѣтое слегка самолюбіе было совершенно успокоено.

Вообще, нельзя не отдать должную справедливость уму Алексѣя Николаевича, такту его и умѣнью обращаться съ подчиненными.

Вѣдь другой на его мѣстѣ, на мое замѣчаніе о назначеніи урядника распоряжаться подвозомъ воды, крикнулъ бы просто: «Извольте не разсуждать, а исполнять, что вамъ приказываютъ!»

Положимъ, я и сталъ бы исполнять, но не съ такою энергіей, не съ такимъ глубокимъ сознаніемъ пользы и важности порученнаго мнѣ дѣла, а просто съ формальной лишь стороны... Здѣсь же сила убѣжденія, спокойная логика и теплое, товарищеское обращеніе вполнѣ достигаютъ своей цѣли.

Куропаткинъ ускакалъ догонять Скобелева, а я рѣшился добросовѣстно заняться своею новою мирною миссіей въ сферѣ пуль и гранатъ.

Обидно мнѣ было только то, что меня могли убить или ранить въ то время, когда я занимался самымъ мирнымъ занятіемъ.

Получивъ въ свое распоряженіе десять казаковъ, я отправился съ ними въ деревню Брестовацъ, собралъ тамъ нѣсколько каруццъ съ волами и бочками и организовалъ подвозъ воды на позицію.

Двѣнадцать бочекъ съ водой постоянно стояли на извѣстныхъ мѣстахъ, а четыре безостановочно снабжали войска на позиціяхъ.

— Вотъ, спасибо, дай Богъ вамъ здоровья, казачки! говорили солдатики, утоляя томительную жажду въ самомъ разгарѣ жаркаго боя.

Устроивъ такимъ образомъ порученное мнѣ дѣло, я

вернулся снова въ свиту Скобелева исполнять свои ординарческія обязанности.

Не буду останавливаться на описаніи подробностей боя 30 августа на Зеленыхъ горахъ, на геройскихъ подвигахъ нашихъ войскъ. Русскому читателю эти подвиги прекрасно извѣстны изъ многочисленныхъ корреспонденцій, разсказовъ и особенно изъ правдиваго, подробнаго и высокохудожественнаго описанія этого славнаго боя въ капитальномъ трудѣ генерала Куропаткина «Ловча и Плевна». Въ лѣтописяхъ русской военной исторіи бои 30 и 31 августа на Зеленыхъ горахъ прибавятъ еще нѣсколько славныхъ страницъ.

Планъ Скобелева атаковать редуты № 1-й и № 2-й дѣйствительно геніаленъ и сильно поразилъ турокъ и ихъ недюжиннаго предводителя своею неожиданностью, смѣлостью, даже дерзостью. Идея блестящая, исполненіе не менѣе славное.

И если храбрые бойцы и ихъ геніальный полководецъ не получили своевременно поддержки, помощи, то въ этомъ не ихъ вина!

Будь направлена сюда главная атака всѣхъ, оставшихся свободныхъ резервовъ — несомнѣнно, что армія Османа-паши сложила бы оружіе или, въ противномъ случаѣ, совершенно была бы истреблена.

Общая атака плевненскихъ укрѣпленій назначена была въ три часа дня, но на Зеленыхъ горахъ бой начался гораздо раньше: Скобелевъ рѣшилъ занять сначала третій гребень, укрѣпиться на немъ и затѣмъ уже двинуться въ три часа, вмѣстѣ съ другими войсками, на штурмъ редутовъ.

Подъ грохотъ нашихъ батарей двинулись въ атаку, въ десять часовъ утра, на третій гребень владимірцы и стрѣлки. Прикрываемые туманомъ, они быстро и молодецки оттѣснили турокъ съ этого гребня; нѣкоторые, какъ

приказано было имъ, остановились здѣсь и занялись само-окапываніемъ; другіе же, не видя яснаго очертанія гребня, продолжали преслѣдовать бѣжавшаго врага до самыхъ редутовъ, причемъ нѣсколько смѣльчаковъ даже вскочили въ непріятельское укрѣпленіе. Впрочемъ, вскорѣ турки вытѣснили эту слабую горсть храбрецовъ и, въ свою очередь, перешли въ наступленіе. Но встрѣченные огнемъ владимірцевъ и суздальцевъ, мусульмане принуждены были отойти обратно къ своимъ редутамъ, оставивъ третій гребень въ нашихъ рукахъ.

Общій штурмъ начался ровно въ три часа дня. Владимірцы получили приказаніе атаковать редутъ № 1-й, суздальцы—редутъ № 2-й, стрѣлки 9-го и 10-го батальоновъ—направились правѣе послѣднихъ.

Стройно, въ полномъ порядкѣ и подъ музыку, двинулись эти части впередъ, быстро спустились съ третьяго гребня, перескочили ручей и стали карабкаться наверхъ по скользкому, вслѣдствіе дождей, и голому скату... Но тутъ убійственный огонь непріятеля заставилъ ихъ временно остановиться. Поддержанные ревельцами, которые изъ резерва подошли къ нимъ на подмогу, наши молодцы снова полѣзли по вязкому грунту на встрѣчу страшному свинцовому дождю, теряя по дорогѣ сотни своихъ храбрыхъ товарищей... На половинѣ ската солдаты снова пріостановились: эти тучи пуль на совершенно открытомъ скатѣ производили ужасное опустошеніе въ рядахъ нашихъ бойцовъ, что, въ связи съ физическою усталостью, дѣлало дальнѣйшее наступленіе почти невозможнымъ. Еще нѣсколько мгновеній — и наступающія части бросятся назадъ!.. Моментъ былъ критическій!.. Скобелевъ рѣшился тогда на послѣднюю, крайнюю мѣру—бросить въ боевую линію весь оставшійся въ его распоряженіи резервъ—три батальона либавцевъ и два стрѣлковъ...

Я позволю себѣ здѣсь выписать почти двѣ страницы высокохудожественнаго и правдиваго описанія этихъ боевыхъ минутъ изъ замѣчательнаго труда генерала Куропаткина «Ловча и Плевна»:

«Пять свѣжихъ батальоновъ—пишетъ почтенный авторъ—скрылись въ зловѣщей долинѣ, которая такъ же быстро поглотила ихъ, какъ уже поглотила одиннадцать батальоновъ, ранѣе посланныхъ. Эта лощина представлялась какимъ-то чудовищемъ, которое ненасытно требовало и поглощало все новыя и новыя жертвы. Нѣсколько тысячъ человѣкъ уже убыли изъ строя. Либавцы и стрѣлки молодецки достигли лощины и, оставивъ тамъ свои жертвы убитыми, ранеными и отсталыми, стали, въ свою очередь, карабкаться по скату. Вотъ они уже достигли до изнемогавшихъ въ борьбѣ съ губительнымъ огнемъ нашихъ передовыхъ частей, слились съ ними и начали продвигаться впередъ сперва довольно быстро, затѣмъ все медленнѣе. Въ это время турки перешли сами въ наступленіе противъ нашего крайняго праваго фланга изъ г. Плевны. Тутъ были у нихъ пѣхота, черкесы и баши-бузуки.

«Дрались въ рукопашную. Нашъ правый флангъ пріостановился; фронтъ и лѣвый флангъ были тоже близки къ остановкѣ.

«Успѣхъ боя окончательно заколебался. Тогда генералъ Скобелевъ рѣшилъ бросить на вѣсы военнаго счастія единственный оставшійся въ его распоряженіи резервъ — самого себя. Неподвижно, не спуская глазъ съ редутовъ, стоялъ онъ верхомъ, спустившись съ третьяго гребня на половинѣ ската до ручья, окруженный штабомъ, съ конвоемъ и значкомъ. Скрывая волненіе, генералъ Скобелевъ старался безстрастно - спокойно глядѣть, какъ полкъ за полкомъ исчезали въ пеклѣ боя. Градъ пуль уносилъ все новыя и новыя жертвы изъ конвоя, но ни на секунду не

разсѣевалъ его вниманія. Всякая мысль лично о себѣ была далека въ эту минуту. Одна крупная забота объ успѣхѣ порученнаго ему боя всецѣло поглощала все. Если генералъ Скобелевъ не бросился ранѣе съ передовыми войсками, какъ то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на резервъ, которымъ заранѣе рѣшилъ пожертвовать безъ оглядки, какъ только наступитъ по его мнѣнію, рѣшительная минута. Минута эта настала; генералъ Скобелевъ пожертвовалъ собою и только чудомъ вышелъ живымъ изъ боя, въ который беззавѣтно окунулся. Давъ шпоры коню, генералъ Скобелевъ быстро доскакалъ до оврага, опустился или, вѣрнѣе, скатился къ ручью и началъ подниматься на противуположный скатъ къ редуту № 1-й. Появленіе генерала было замѣчено даже въ тѣ минуты, настолько Скобелевъ уже былъ популяренъ между войсками. Отступавшіе возвращались, лежавшіе вставали и шли за нимъ, на смерть. Его громкое: «впередъ, ребята!» придавало новыя силы. Турки, занимавшіе ложементы передъ редутомъ № 1-й, не выдержали, оставили ихъ и бѣгомъ отступили въ редуты и траншею между ними.

«Видъ отступавшихъ отъ ложементовъ турокъ одушевилъ еще болѣе нашихъ. «Ура», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линіи. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшіяся, охрипшія отъ крика, наши войска за Скобелевымъ все лѣзли и лѣзли впередъ. Двигались нестройными, но дружными кучками различныхъ частей и одиночными людьми. Огонь турокъ точно ослабѣлъ или дѣйствіе его, за захватившею всѣхъ рѣшимостью дойти до турокъ и все возроставшею увѣренностью въ успѣхѣ, стало менѣе замѣтнымъ. Казалось, въ рядахъ турокъ замѣчалось колебаніе. Еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній — и наши пере-

довые ворвались съ остервененіемъ въ траншею и, затѣмъ, въ 4 часа 25 минутъ пополудни, въ редутъ № 1.

«Генералъ Скобелевъ, добравшись до редута, скатился съ лошадью въ ровъ, высвободился изъ подъ нея и изъ числа первыхъ ворвался въ редутъ. Внутри и около редута завязалась короткая рукопашная схватка. Упорнѣйшіе турки были перебиты, остальные отступили назадъ къ своему лагерю, лежащему въ 300 саженяхъ къ сѣверу отъ линіи редутовъ. Другіе отступили къ редуту № 2.

«Интересенъ слѣдующій эпизодъ: схватка еще не всюду была кончена, какъ офицеры и солдаты, шедшіе на редутъ за Скобелевымъ, какъ за знаменемъ, окружили его и умоляли идти назадъ, умоляли поберечь себя. Тяжело раненый маіоръ Либавскаго полка тащилъ его за ногу изъ сѣдла; лошадь, на которую Скобелевъ сѣлъ, была повернута и выведена изъ редута.

«Въ эти минуты каждый отъ сердца готовъ былъ прикрыть своею грудью начальника, разъ увѣровалъ въ него и видѣлъ его личный примѣръ, личное презрѣніе къ смерти...»

И такъ, редутъ № 1-й и часть траншеи вправо отъ него остались за нами. Попытка овладѣть редутомъ № 2-й сначала была неудачна и турки отразили наши атаки какъ съ юга, такъ равно и со стороны редута № 1-й. Но за то и наши войска, занимавшія редутъ № 1-й и ближайшую траншею, отбросили ружейнымъ огнемъ турокъ, пытавшихся черезъ полчаса послѣ потери своего укрѣпленія вновь его захватить.

Нѣсколько позже, по прибытіи свѣжихъ подкрѣпленій, бойцы наши (суздальцы и либавцы) снова бросились на редутъ № 2-й, и, имѣя впереди достойнаго предводителя въ лицѣ подполковника Мосцеваго, ворвались въ него, пе-

реколовъ на брустверѣ отчаянно сопротивлявшихся фанатиковъ. Остальные въ страхѣ бѣжали въ Плевну.

Наконецъ, наступила ночь — тяжелая, страшная. Не ночь отдыха, успокоенія, а напротивъ, ночь новыхъ трудовъ, новыхъ треволненій. Днемъ, когда видишь передъ собой врага, стоящаго на мѣстѣ, приближающагося или удаляющагося, опасность не такъ страшна; но ночью нравственное состояніе дѣлается гораздо тяжелѣе, нервы слишкомъ напрягаются; каждую минуту ожидаешь неожиданнаго нападенія... Не до отдыха, конечно, было въ такія тяжелыя минуты! Всѣ ординарцы были разосланы съ приказаніями и донесеніями. Мнѣ тоже было приказано отправиться съ бумагами къ князю Имеретинскому. Темень наступила страшная; дождь не прекращался ни на минуту. Завязая въ грязи, доѣхалъ я до перваго гребня, гдѣ, возлѣ шоссе, была разбита палатка князя. Кромѣ его, въ ней помѣщался начальникъ штаба, полковникъ Паренсовъ, и нѣсколько адъютантовъ. Всѣ они, не смотря на поздній часъ, были заняты дѣломъ. Нашему брату, ординарцу, пріѣхавшему съ донесеніемъ, конечно, не нашлось мѣста въ палаткѣ укрыться отъ дождя и непогоды.

Соскочивъ съ коня, я завернулся въ бурку и прилегъ на мокрой землѣ возлѣ палатки. Вѣки скоро сомкнулись и я уснулъ тяжелымъ, свинцовымъ сномъ. Не долго, впрочемъ, пришлось мнѣ наслаждаться отдыхомъ. Вскорѣ я почувствовалъ, что меня кто-то расталкиваетъ.

— Послушайте, бумаги готовы — поѣзжайте скорѣй. Отъ души желаю вашему отряду полнаго успѣха, говорилъ мнѣ Паренсовъ.

— Передайте, пожалуйста, Скобелеву, сказалъ въ это время вышедшій изъ палатки князь,—что я ему буду посылать все, что только возможно собрать въ тылу, а

также, что я послалъ въ главную квартиру и просилъ подкрѣпленій. Ну поѣзжайте, дай Богъ удачи!

Передавъ Скобелеву бумаги и слова князя, я думалъ на зорькѣ хоть немного вздремнуть, такъ какъ тѣ нѣсколько минутъ, которыя я не заснулъ, а забылся возлѣ палатки князя, не подкрѣпили, а, напротивъ, утомили меня еще болѣе.

Но Скобелевъ не далъ мнѣ спать.

— Послушайте, Дукмасовъ, обратился онъ ко мнѣ,— возьмите человѣкъ двадцать казаковъ, да займитесь подвозомъ патроновъ стрѣлкамъ на позицію, а то они жалуются на недостатокъ.

Снова вскочилъ на уставшаго не менѣе меня «Дона» и всю ночь, до самаго утра, ѣздилъ отъ патронныхъ ящиковъ до редутовъ, снабжая стрѣлковъ патронами Бердана, которые казаки помѣщали въ свои торбы и карманы.

Суровое пасмурное утро 31 августа освѣтило непроглядную, мрачную картину на Зеленыхъ горахъ. Туманъ, пропитанный запахомъ крови, стоялъ въ воздухѣ. Сотни молчаливыхъ убитыхъ и цѣлыя тысячи стонущихъ раненыхъ, ожиданіе уцѣлѣвшими новыхъ жертвъ, новой бойни— все это ухудшало нравственное настроеніе храбрыхъ, но несчастныхъ воиновъ; лица ихъ были суровы, угрюмы, разговоры были сдержанные... Хотя большинство и получило пищу, но немногимъ пришлось сомкнуть глаза и запастись силами для новыхъ тяжелыхъ испытаній. Ожиданія наши не были напрасны. Съ ранняго утра уже загремѣла канонада съ обѣихъ сторонъ. Туманъ мало-по-малу сталъ разсѣеваться. Кромѣ артиллерійскаго огня, турки участили и ружейный. Со всѣхъ сторонъ летѣли свинцовыя и чугунныя чудовища въ Скобелевскіе редуты, защищаемые нѣсколькими тысячами нашихъ измученныхъ солдатъ (суздальцевъ, эстляндцевъ, владимірцевъ).

Доступы къ редутамъ—склонъ третьяго гребня и подъемъ за Зеленогорскимъ ручьемъ сильно обстрѣливался непріятельскимъ перекрестнымъ огнемъ; сообщенія по этому пространству производились большею частью одиночными людьми и притомъ бѣгомъ.

Самые редуты и траншеи между ними представляли для защитниковъ очень слабое закрытіе и турецкій огонь убивалъ въ нихъ не мало народу.

Послѣ короткой бомбардировки нашей передовой позиціи, турки густыми цѣпями двинулись въ атаку на Скобелевскій редутъ № 1-й, но, встрѣченные дружнымъ огнемъ нашей пѣхоты съ редутовъ и Горталовской траншеи, принуждены были немедленно отступить, не смотря на значительное превосходство въ силахъ, понеся большія потери и оставивъ нѣсколько сотъ убитыхъ и раненыхъ.

Главная сила турокъ двигалась при этомъ со стороны Садоваго редута. «Слава Богу! атака отбита», вздохнули мы свободнѣе и перекрестились.

Спустя часа три послѣ описанныхъ, неожиданныхъ для насъ атакъ, часовъ около десяти утра, они снова начали усиленно обстрѣливать нашу передовую позицію, а затѣмъ густыми цѣпями красныхъ фесокъ двинулись въ атаку и повели ее такъ энергично, такъ храбро, что едва не овладѣли укрѣпленіями, стоившими намъ такихъ ужасныхъ жертвъ. Видно было, какъ нѣсколько десятковъ человѣкъ нашихъ солдатъ дрогнули и бросились бѣжать изъ редутовъ; за ними вскорѣ послѣдовали еще большія кучки, и число защитниковъ становилось все менѣе и менѣе. Если бы не геній Скобелева, не его обаяніе и безумная храбрость въ эту тяжелую минуту, то турки въ этотъ разъ навѣрно овладѣли бы редутомъ.

Видя критическій моментъ боя, Скобелевъ вихремъ понесся на своемъ красивомъ бѣломъ конѣ, окруженный

свитой, къ редутамъ. Увидѣвъ любимаго начальника, скакавшаго на встрѣчу врагу со своимъ рельефнымъ значкомъ среди этого свинцоваго дождя, наэлектризованные его словомъ, его самоотверженіемъ, отступавшіе бросились обратно къ покинутымъ мѣстамъ и дружнымъ, убійственнымъ огнемъ встрѣтили почти въ упоръ наступавшаго врага. Послѣдній не выдержалъ, дрогнулъ и, оставивъ у самыхъ рвовъ редутовъ нѣсколько десятковъ тѣлъ своихъ храбрецовъ, быстро отступилъ.

Въ это время на правомъ флангѣ позиціи у Тученицкаго оврага завязалась оживленная перестрѣлка. Турки, не тревожимые нашими войсками со стороны Радишева, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ ихъ на редутъ Омаръ-бей-Табію, разсыпавъ густую цѣпь стрѣлковъ по правому берегу Тученицкаго оврага и видя, что силы скобелевскаго отряда съ этой стороны очень слабы, смѣло начали спускаться въ оврагъ и даже подниматься на лѣвый берегъ его. Наша рѣдкая цѣпь, не будучи въ состояніи сопротивляться, стала медленно отходить, цѣпляясь за деревья, кусты и энергично отстрѣливаясь; турки наступали все смѣлѣе и смѣлѣе.

Видя новую угрожаемую опасность, Скобелевъ поскакалъ къ отступавшимъ солдатамъ, удержалъ ихъ и приказалъ во что бы то ни стало отбросить турокъ за оврагъ; къ счастью, въ это время подошло подкрѣпленіе изъ резервовъ—двѣ роты, которыя, вмѣстѣ съ бывшими въ боевой линіи людьми, дружно бросились на турокъ, заставили ихъ торопливо спуститься въ Тученицкій оврагъ и убраться во-свояси; на пути они оставили не мало тѣлъ—пули и гранаты наши дѣлали свое дѣло. Героемъ въ этой стычкѣ былъ подполковникъ Эрнъ.

Я позабылъ упомянуть, что на взятый нами редутъ (Скобелева № 1) еще ночью съ 30 на 31 августа были

втащены два нашихъ орудія, которыя все время прекрасно дѣйствовали и принесли большую пользу для защитниковъ редута. Но, поражаемые со всѣхъ сторонъ, орудія эти около полудня 31-го были подбиты и большая часть прислуги истреблена. Тогда Скобелевъ приказалъ перевезти въ тотъ же редутъ еще три орудія. Съ громадными усиліями и съ большими жертвами притащили ихъ до мѣста назначенія, и новыя орудія снова завязали оживленную перестрѣлку съ турецкою артиллеріей.

Одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ, привезенный съ этими орудіями, былъ поставленъ за траверсомъ и послужилъ причиной страшнаго несчастія: турецкая граната ударилась въ него, разорвалась, и ящикъ взлетѣлъ на воздухъ!..

Оглушающій ударъ раздался по всей позиціи и цѣлый столбъ дыма и земли поднялся надъ редутомъ. Нѣсколько человѣкъ артиллеристовъ и лошадей были убиты и страшно изувѣчены, а нѣкоторые буквально разорваны на клочки; убитъ былъ осколкомъ храбрый генералъ Тебякинъ, раненъ командиръ стрѣлковаго батальона полковникъ Курсель; начальникъ штаба Куропаткинъ этимъ же злополучнымъ взрывомъ былъ контуженъ и обожженъ, но, не смотря на это, остался на позиціи и продолжалъ такъ же хладнокровно распоряжаться обороной.

Конечно, на наши войска этотъ взрывъ, стоившій намъ такихъ жертвъ, произвелъ крайне тяжелое впечатлѣніе и въ первое время просто ошеломилъ... Турки, напротивъ, привѣтствовали его громкими криками и, совершенно основательно разсчитывая на наше смущеніе, бросились неожиданно въ атаку. Но и въ этотъ разъ имъ не удалось овладѣть редутомъ. Дружные залпы нашихъ ротъ, особенно изъ Горталовской траншеи, заставили ихъ постепенно отойти. Это было около часу.

Мы снова вздохнули свободнѣе. По отбитіи этой атаки

Скобелевъ поѣхалъ на правый флангъ, на редутъ № 2-й. Я немного отсталъ отъ него и догналъ только тогда, когда онъ выѣзжалъ уже изъ этого редута.

— Вотъ, посмотрите, Дукмасовъ, обратился ко мнѣ, когда я подъѣхалъ, Скобелевъ, указывая на полусотню казаковъ, бывшихъ впереди редута.—Этимъ господамъ я приказалъ выбить изъ огородовъ и виноградниковъ черкесовъ и баши-бузуковъ, которые засѣли тамъ въ канавахъ и сильно безпокоятъ нашихъ.

Я посмотрѣлъ на своихъ станичниковъ и увидѣлъ, что дѣйствительно они дѣйствовали очень вяло, нерѣшительно: верхомъ медленно подвигаясь впередъ, осторожно перебираясь черезъ канавы и другія препятствія.

— Вотъ ваши казаки (тутъ генералъ употребилъ крѣпкое, ругательное слово), продолжалъ Скобелевъ, замѣтно раздражаясь. — Поѣзжайте и скажите, чтобы сейчасъ же выбили эту сволочь!..

Своимъ нецензурно-ругательнымъ словомъ Скобелевъ сильно задѣлъ мое казачье самолюбіе. Вспыливъ и не сознавая ясно, что говорю, я, взявъ подъ козырекъ, твердо отвѣтилъ:

— Если вы, ваше превосходительство, ругаете такъ насъ, казаковъ, то я не могу исполнять вашего приказанія.

— Какъ вы смѣете разсуждать, хорунжій! грозно крикнулъ на меня Скобелевъ, весь вспыхнувъ. — Я прикажу васъ разстрѣлять сейчасъ!..

— Какъ угодно будетъ вашему превосходительству!.. Хотя мы стоимъ теперь подъ перекрестнымъ огнемъ и каждый изъ насъ можетъ быть разстрѣленъ непріятельскими пулями, но, если прикажете, меня разстрѣляютъ свои пули...

У Скобелева, между тѣмъ, вспышка горячности про-

шла. Онъ протянулъ мнѣ руку и съ добродушною улыбкой сказалъ:

— Ну, довольно... Извините меня, голубчикъ, я погорячился!..

Эта искренняя фраза генерала, который дѣйствительно могъ предать меня суду за мою дикую выходку, за дерзкое возраженіе, еще болѣе расположила меня къ этому человѣку, въ которомъ я и прежде души не чаялъ, которымъ былъ просто очарованъ. Прикажи онъ мнѣ тогда скакать въ главный лагерь и привезти голову Османа-паши, и я ни минуты не колебался бы, не задумался бы отправиться на это съумасшедшее предпріятіе!.. Я поѣхалъ къ казакамъ, передалъ имъ приказаніе Скобелева, и они немедленно и дружно его исполнили, оттѣснивъ черкесовъ и баши-бузуковъ изъ близь лежащихъ виноградниковъ.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ новое порученіе. Мнѣ приказано было отправиться на лѣвый флангъ позиціи и съ сотней донскихъ казаковъ 34-го полка охранять этотъ флангъ со стороны Крышинскаго редута, удерживая этимъ турокъ отъ атаки въ тылъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ центрѣ Зеленыхъ горъ. Сотней командовалъ бравый есаулъ Енютинъ, съ которымъ вмѣстѣ мы направились въ цѣпь. Выйдя изъ виноградниковъ, Енютинъ разсыпалъ полусотню, которая тотчасъ завязала перестрѣлку съ турецкою пѣхотой, занимавшей траншеи и ложементы близь Крышинскаго редута. Не смотря на близость непріятеля (шаговъ 500), казаки успѣшно состязались въ стрѣльбѣ съ турецкими пѣхотинцами и, прикрываясь деревьями и кустами, держались до самаго вечера на позиціи, не допуская турокъ атаковать наши войска, находившіяся въ центрѣ. Потери нашей сотни были довольно ничтожны: 2—3 казака и 6—7 лошадей.

Исполнивъ это порученіе, я снова вернулся къ Скобе-

леву и засталъ его крайне встревоженнымъ и огорченнымъ. Въ рукахъ онъ держалъ телеграмму отъ генерала Зотова и говорилъ Куропаткину: «Чортъ знаетъ что такое! Пишутъ, что нѣтъ подкрѣпленій, а между тѣмъ мы видимъ у нихъ цѣлыя колонны, ничего не дѣлающія... Хоть бы произвели демонстрацію съ той стороны и отвлекли отъ насъ такимъ образомъ часть непріятельскихъ силъ! Вѣдь намъ приходится бороться чуть не со всею арміей Османа-паши! Отрядъ нашъ истощаетъ свои послѣднія силы въ непосильной борьбѣ!» Отъ внутренняго волненія у него показались даже слезы на глазахъ; онъ опустилъ голову и отвернулся.—«Если бы мнѣ теперь свѣжую бригаду — я доказалъ бы...» проговорилъ онъ тихо немного спустя (окончанія фразы я не разслышалъ). Затѣмъ онъ поднялъ голову и, обратившись ко мнѣ, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Дукмасовъ! поѣзжайте сейчасъ на оба редута и прочтите тамъ вслухъ вотъ эту телеграмму, которую я получилъ отъ генерала Зотова.

Не зная содержанія телеграммы и видя Скобелева крайне возбужденнымъ, взволнованнымъ, я не мало былъ удивленъ этимъ лаконическимъ приказаніемъ.

— Слушаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, взявъ подъ козырекъ.—Больше ничего не прикажете?

— Нѣтъ ничего. Это рѣшило все!.. Поѣзжайте и прочтите войскамъ эту телеграмму.

Ударивъ плетью своего коня, я рысью направился къ редуту № 1, до котораго было около тысячи шаговъ. Пули свистали вокругъ меня точно рой пчелъ, но я не обращалъ на нихъ никакого вниманія и больше думалъ о Скобелевѣ. Мнѣ стало жаль его, мнѣ было грустно, что мы не выиграемъ дѣла, которое такъ славно начали. Лошадь моя часто спотыкалась на трупы нашихъ солдатъ,

многіе изъ которыхъ уже разложились и наполняли воздухъ ужасными зловоніями. При подъемѣ на скатъ, гдѣ находились взятые нами редуты, огонь турокъ еще болѣе усилился и возлѣ меня стали шлепаться съ злобнымъ шипѣньемъ одна за другою непріятельскія гранаты. Я рѣшилъ, что цѣлый не выѣду изъ этого царства смерти и ужаса... Одинъ изъ осколковъ прогудѣлъ вдругъ надъ самымъ моимъ ухомъ; я схватился машинально за голову и думалъ, что контуженъ. Но счастье не покидало меня и я невредимый добрался до цѣпи. Быстро вскочилъ я во внутрь укрѣпленія и былъ пораженъ тою страшною картиной, которая открылась передъ моими глазами: цѣлыя груды труповъ—православныхъ и мусульманъ—валялись возлѣ редута и внутри его; раненые, которыхъ немыслимо было вынести изъ этой кровавой, заколдованной горы, лежали тутъ же, рядомъ съ убитыми, оглашая воздухъ стонами, мольбами и проклятіями; та часть бруствера, которая обращена была къ городу, состояла буквально изъ кучъ мертвыхъ тѣлъ, присыпанныхъ слегка съ наружной стороны землей; два русскихъ орудія стояли безмолвно, подбитыя и негодныя къ употребленію; нѣсколько сотъ солдатъ различныхъ полковъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, стояли, сидѣли и лежали на банкетѣ, по временамъ стрѣляя черезъ валъ... Они какъ-то тупо, апатично посмотрѣли на меня, когда я верхомъ вскочилъ въ редутъ.

— Послушайте, братцы, а гдѣ тутъ вашъ командиръ? обратился я къ нимъ, не видя офицера.

— А вонъ тамъ—въ энтой траншеѣ, что впереди... отвѣтило нѣсколько голосовъ, указывая по направленію къ Садовому редуту.

Пришлось скакать еще шаговъ полтораста и снова подъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ...

Невредимый доѣхалъ я, наконецъ, до самой траншеи, занятой тоже нашими солдатами.

— Гдѣ тутъ командиръ? повторилъ я тотъ же вопросъ, останавливая на всемъ скаку своего коня.

— А я самый и есть! Что прикажете? проговорилъ какой-то офицеръ, приподнимаясь съ земли.

Я увидѣлъ передъ собою человѣка небольшаго роста, среднихъ лѣтъ, довольно плотнаго, съ симпатичнымъ, добродушнымъ и чисто-русскимъ лицомъ, въ старенькомъ пальто съ потертыми, древними капитанскими погонами и въ такой же шапкѣ.

— Позвольте познакомиться, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—маіоръ Горталовъ; чѣмъ могу служить?

Маіоръ Горталовъ—личность историческая въ военномъ отношеніи, которая должна занять почетное мѣсто на ряду со Скобелевымъ, Добровольскимъ, Куропаткинымъ, Эрномъ и другими героями Зеленыхъ горъ.

— Очень пріятно; хорунжій Дукмасовъ, ординарецъ генерала Скобелева, отвѣчалъ я, пожимая радушно протянутую мнѣ руку храбраго воина.—Только не съ радостными вѣстями я къ вамъ, маіоръ! Генералъ Скобелевъ прислалъ меня сюда и приказалъ прочесть телеграмму, которую онъ только-что получилъ отъ генерала Зотова.

Тутъ я громко прочиталъ телеграмму, гласившую, что подкрѣпленія не могутъ быть присланы, ибо таковыхъ не имѣется, и что онъ, генералъ Зотовъ, надѣется, что войска Скобелева удержатся собственными силами.

Новость эта произвела на героевъ-защитниковъ, изнемогавшихъ въ неравной борьбѣ съ энергичнымъ противникомъ и каждую минуту ожидавшихъ подмоги, видимо удручающее впечатлѣніе. Невольно закрадывалась мысль, что эти отважные бойцы, подъ впечатлѣніемъ грустной

вѣсти, падутъ духомъ и будутъ обороняться далеко уже не съ прежнимъ энтузіазмомъ, не съ прежнею отвагой...

Хотя меня и не уполномочилъ Скобелевъ говорить имъ что-либо еще, но я, тѣмъ не менѣе, сталъ увѣрять солдатъ, будто генералъ вполнѣ увѣренъ, что они и безъ подкрѣпленій сами удержатся на завоеванной позиціи, что Великій Князь, главнокомандующій, обѣщалъ непремѣнно прислать имъ помощь и пр. Словомъ, всѣми силами старался хоть немного подбодрить ихъ.

— Ну, до свиданья, дай Богъ счастья!.. проговорилъ я на прощанье, пожимая руку Горталова и поворачивая своего усталаго коня.

Въ это время турки неожиданно перешли въ наступленіе противъ этого участка. Увидѣвъ мою фигуру на лошади и принимая, вѣроятно, меня за какого-нибудь начальника, они открыли шаговъ съ 300 самый убійственный огонь. Пули назойливо стали свистѣть мимо моихъ ушей и вдругъ одна изъ нихъ злобно влѣпилась въ голову моего вѣрнаго боеваго товарища «Дона». Зашаталось бѣдное животное, грохнулось затѣмъ на землю и жалобно застонало... Я едва успѣлъ соскочить на землю. «Это Богъ меня наказываетъ за вранье!» подумалъ я, прощаясь съ несчастнымъ, любимымъ другомъ.

— Эхъ, жаль, братцы, хорошая лошадь была!.. говорили пѣхотные солдатики, съ соболѣзнованіемъ смотря на бѣдное животное, которое, откинувъ назадъ голову, страшно хрипя и конвульсивно вздрагивая ногами, боролось со смертью.

«Вотъ, ужь одному изъ насъ не суждено вернуться въ родныя степи, на Донъ», думалъ я, маршируя обратно отъ Горталовской траншеи къ редуту № 1 и изъ кавалериста превратившись въ пѣхотинца. «Скоро и мой чередъ, пожалуй! Можетъ, сейчасъ вотъ какой-нибудь роковой ку-

сочекъ свинцу влѣпится мнѣ въ спину или въ затылокъ и уложитъ такъ же, какъ и моего вѣрнаго Пегаса!..»

Не заходя въ редутъ № 1-й, я направился ближайшимъ путемъ къ редуту № 2-й. Подходя къ нему, я встрѣтилъ знакомаго офицера (причисленнаго къ генеральному штабу штабсъ-капитана Сокольскаго), который возвращался изъ редута тоже пѣшкомъ.

— Что же это пѣшечкомъ? обратился я къ нему. — А конь твой гдѣ?

— Убили только-что, отвѣчалъ онъ, пожимая мою руку.

— Ну, въ такомъ случаѣ, мы съ тобой товарищи: я тоже лишился своего дорогаго «Дона». Вотъ что: ты подожди меня здѣсь немного, я объявлю сейчасъ приказаніе генерала на редутѣ и отправимся вмѣстѣ назадъ.

— Ладно, ступай, я подожду!

На редутѣ № 2-й командиромъ былъ подполковникъ Мосцевой, которому я передалъ то же извѣстіе и прочиталъ телеграмму. И здѣсь новость эта произвела видимо удручающее впечатлѣніе. Не желая заставлять ждать себя, я пустился въ обратный путь и вскорѣ подошелъ къ Сокольскому; онъ сидѣлъ на камнѣ между редутами и совершенно спокойно курилъ папиросу подъ перекрестнымъ непріятельскимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

— А я тебя все поджидаю, хладнокровно сказалъ онъ, точно дѣло происходило гдѣ-нибудь на бульварѣ или въ гостинной.

— Однако, ты храбрецъ! невольно замѣтилъ я, удивляясь тому мѣсту, которое онъ выбралъ себѣ для отдыха.— Тебѣ какъ будто доставляетъ удовольствіе сидѣть здѣсь, гдѣ ты каждый мигъ рискуешь быть убитымъ!

— Э, братъ, все равно, куда ни прячься—одинъ чортъ! спокойно отвѣчалъ Сокольскій.

Повторяю еще разъ читателю, что я не задаюсь вовсе цѣлью воспроизвести передъ его глазами полную картину боя на Зеленыхъ горахъ въ порядкѣ, въ системѣ и подробностяхъ. Я описываю лишь тѣ эпизоды, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ или слышалъ тутъ же, подъ огнемъ, отъ болѣе или менѣе авторитетныхъ лицъ. Поэтому, весьма вѣроятно, что въ описаніяхъ моихъ могутъ явиться и нѣкоторыя неточности. Моя главная цѣль—писать все безъ утайки, одну лишь голую правду, будь она лестная для нашего національнаго самолюбія или, напротивъ, непріятная.

Около четырехъ часовъ дня турки открыли усиленный артиллерійскій и ружейный огонь по нашимъ редутамъ. Еще раньше Скобелевъ началъ получать донесенія отъ Горталова и Мосцеваго о значительномъ сосредоточеніи непріятельскихъ войскъ противъ нашего отряда. Очевидно, Османъ-паша вздохнулъ свободнѣе послѣ отбитія атаки на другихъ пунктахъ позиціи и, не тревожимый болѣе никѣмъ, рѣшилъ обрушиться почти всѣми своими резервами на самаго назойливаго и опаснаго врага, который завладѣлъ такими важными, въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, пунктами, какъ редуты № 1 и № 2.

Густыя цѣпи турокъ съ сильными поддержками позади неистово лѣзли впередъ, не смотря на страшный огонь нашихъ солдатъ изъ редутовъ и траншей. Цѣлыя сотни ихъ валились на землю отъ русскихъ пуль и гранатъ; но это не удерживало остальныхъ и они, съ дикими криками «Алла, алла!», съ пѣніемъ и со стрѣльбой на ходу, неудержимою волной все ближе и ближе подвигались къ нашимъ. Впереди ясно развѣвалось зеленое знамя пророка: нѣсколько мулъ въ бѣлыхъ чалмахъ двигались съ атакую-

щими таборами, держа высоко надъ головами священные кораны. И всѣ эти тысячи мусульманъ, какъ бы опьяненныя, съ какимъ-то дикимъ энтузіазмомъ, точно съумасшедшіе или разъяренные звѣри, стремительно подвигались къ редутамъ. Они, вѣроятно, поклялись или погибнуть, или побѣдить!.. Вмѣстѣ съ пѣхотой двигалось нѣсколько сотъ черкесовъ и баши-бузуковъ, которые своимъ дьявольскимъ видомъ, своими криками и гиканьемъ придавали этой фанатической атакѣ какой-то адскій характеръ...

Въ этотъ роковой моментъ Скобелевъ со своею свитой и значкомъ стоялъ на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ и съ грустью смотрѣлъ, какъ была захвачена турками сначала Горталовская траншея, а затѣмъ и редутъ его имени (№ 1). Отчетливо было видно, какъ кучки нашихъ солдатиковъ поспѣшно спускались съ кроваваго ската къ Зеленогорскому ручью, какъ красныя фески появились въ редутѣ и огласили воздухъ неистовымъ, радостнымъ «Алла!» Горсть русскихъ героевъ не захотѣла отступить изъ завоеванныхъ дорогою цѣною укрѣпленій и штыками встрѣтила ворвавшихся сыновъ Магомета. Въ числѣ этихъ, павшихъ въ неравномъ штыковомъ бою, богатырей, память о которыхъ будетъ всегда священна на Руси для каждаго истиннаго патріота, былъ и честный храбрецъ—маіоръ Горталовъ. Отступавшіе солдаты наши видѣли, какъ нѣсколько ворвавшихся въ редутъ здоровыхъ турокъ, отъ которыхъ онъ защищался шашкой, подняли его безжалостно на штыки... Вѣчная память тебѣ, скромный герой и честный воинъ! Дай Богъ, чтобы въ рядахъ русской арміи было побольше такихъ, беззавѣтно преданныхъ своему долгу, людей, чтобы примѣръ твой не пропалъ даромъ для нашего потомства! Какъ мизерны и ничтожны кажутся передъ такимъ истиннымъ героемъ тѣ мишурные, изящ-

ные и паркетные воины, которые съ закрученными усиками и съ пенсне на носу, очень мило и увлекательно разсказываютъ въ обществѣ объ ужасахъ войны и своихъ подвигахъ, заставляя этимъ нервныхъ барынекъ вздрагивать и закрывать глаза... Этихъ господъ очень мѣтко охарактеризовалъ нашъ талантливый художникъ Верещагинъ въ своей прелестной картинѣ: «Si jeune et si décoré!» Какой-то философъ сказалъ, что «количество получаемыхъ боевыхъ наградъ обратно - пропорціонально квадратамъ разстояній, получаемыхъ отъ непріятеля». И дѣйствительно! Что если бы Горталовъ какимъ-нибудь чудомъ остался живъ и удержалъ за собою этотъ редутъ, или хотя спасся съ горстью своихъ храбрецовъ... Что бы было ему? Да ничего особеннаго. Много - много, если бы получилъ Георгія—и только! И то это у Скобелева; у другихъ, можетъ быть, и того не получилъ бы. И поплелся бы онъ послѣ войны съ роднымъ полкомъ на стоянку въ какую-нибудь Черниговскую или Полтавскую губернію, и хорошо еще, если бы получилъ послѣ какой-нибудь отдѣльный батальонъ!.. На этомъ идеалѣ и закончилъ бы свое мирное существоніе такой герой, память о которомъ для потомства, по всей справедливости, слѣдовало бы увѣковѣчить хотя скромнымъ монументомъ!..

Не могу не разсказать здѣсь, кстати зашла рѣчь о наградахъ, курьезнаго эпизодика, который, какъ мнѣ разсказывали, имѣлъ мѣсто въ Систовѣ. (За достовѣрность его, впрочемъ, не ручаюсь). Въ одинъ изъ ресторановъ (вѣрнѣе, кабачковъ), гдѣ, въ общей залѣ, сидѣли за столомъ много офицеровъ различныхъ родовъ оружія армейскихъ и гвардейскихъ—и за бутылками вина вели оживленныя бесѣды о военныхъ событіяхъ, о наградахъ и проч., — въ одинъ изъ такихъ ресторановъ, повторяю, зашелъ уже не особенно молодой морской

офицеръ, капитанъ-лейтенантъ—извѣстный юмористъ — замѣтно «a bon courage». Шапка его была на затылкѣ; онъ сильно покачивался. На порогѣ морякъ остановился и, заложивъ руки въ карманы пальто, обвелъ присутствующихъ мутнымъ, блуждающимъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ взоромъ. Постоялъ такъ минуты двѣ, прислушиваясь къ бесѣдамъ. За ближайшимъ столомъ сидѣли два гвардейскихъ офицера и съ ними блестящій офицеръ генеральнаго штаба. Мундиръ послѣдняго морякъ почему-то сильно не долюбливалъ. Разговоръ шелъ о наградахъ. «Моментъ!» поднявъ голову, внезапно громко проговорилъ сынъ флота, махнувъ головой на эксельбанты. «Георгія!» — «Э... Гвардія!» продолжалъ онъ, повелительно указывая рукой на гвардейскихъ офицеровъ. «Владиміра съ мечами и бантомъ!» Въ самомъ углу, у столика смиренно за бутылкой пива, сидѣлъ пѣхотный офицеръ. И его замѣтилъ комикъ-морякъ. «А - армія!.. Ну, тебѣ, братъ, клюкву!..» (такъ офицерство называетъ красный темлякъ), и махнулъ при этомъ рукой такъ, какъ бы говоря: «Богъ съ тобой, что тебя обижать, дамъ и тебѣ что-нибудь»... Никто, конечно, не обратилъ вниманія на пьянаго моряка, но офицеръ генеральнаго штаба считалъ своимъ долгомъ обидѣться и шумно поднялся. «Позвольте, капитанъ-лейтенантъ», обратился онъ къ нему, желая, очевидно, потребовать объясненія. — «Что, мало Георгія?» закричалъ вдругъ на него свирѣпо морякъ. «Ну— золотое оружіе еще!..» и, махнувъ рукой, повернулся кругомъ и вышелъ изъ залы, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ всѣхъ присутствовавшихъ.

ГЛАВА III.

Однако, я отвлекся отъ разсказа. Я сказалъ, что редутъ № 1 былъ взятъ турками; затѣмъ они бросились по траншеѣ къ редуту № 2, который былъ одновременно атакованъ и со стороны города. И здѣсь также дружно встрѣтили наши войска залпами наступающіе таборы... Но Скобелевъ видѣлъ, что сопротивленіе напрасно, безполезно и, чтобы спасти своихъ лучшихъ, испытанныхъ солдатъ, онъ приказалъ имъ отступать. Одинъ изъ ординарцевъ уже несся во весь духъ къ редутамъ съ приказаніемъ Скобелева. Не успѣлъ онъ доскакать до редута № 1, какъ его уже покинули наши... Но защитники редута № 2 и не думали объ отступленіи. Хотя турки стали даже заходить имъ въ тылъ, они продолжали упорно отстрѣливаться. Скобелевъ послалъ снова ординарца къ Мосцевому съ категорическимъ приказаніемъ покинуть редутъ. Но тотъ все не оставлялъ своего поста, купленнаго такою дорогою цѣной. Наконецъ, генералъ отправилъ еще третьяго ординарца съ тѣмъ же приказаніемъ... И только тогда Мосцевой вывелъ свой геройскій отрядъ изъ редута и, составивъ изъ него небольшое каре, въ полномъ порядкѣ и не торопясь, сталъ отступать къ Зеленогорскому ручью, отстрѣливаясь отъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ турокъ и черкесовъ, а мѣстами даже штыками прокладывая себѣ путь; раненыхъ своихъ солдаты забирали съ собой. Завладѣвъ обратно редутами, турки развернули на нихъ свои знамена и огласили воздухъ долго неумолкавшими криками «Алла!» и какими-то дикими пѣснями *).

*) Впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ офицеровъ, бывшихъ въ свитѣ Государя Императора, я слышалъ, что когда Его Величество увидѣлъ критическое положеніе нашего отряда, то хотѣлъ направить къ нему подкрѣпленіе. Но нѣкоторые генералы отсовѣтовали это Его Величеству, увѣряя, что крайне опасно

Между тѣмъ Скобелевъ и его начальникъ штаба дѣлали энергичныя распоряженія, чтобы сильнѣе укрѣпить второй гребень Зеленыхъ горъ и чтобы не допустить далѣе непріятеля. Вся артиллерія (24 орудія) была поставлена здѣсь на позицію на два фронта (къ сторонѣ Крышинскаго редута и къ сѣвернымъ) и всѣ резервы стянуты сюда; сходившихся со всѣхъ сторонъ къ передовой позиціи солдатъ формировали въ роты и батальоны, не стѣсняясь тѣмъ, что часто смѣшивались люди даже разныхъ полковъ, назначали тутъ же начальниковъ и пр. Всѣ ординарцы Скобелева были разосланы собирать людей и формировать ихъ въ роты.

Къ этому времени успѣлъ, къ счастью, подойти Шуйскій пѣхотный полкъ (или, вѣрнѣе, батальонъ, потому что въ немъ не было и тысячи человѣкъ), которымъ Скобелевъ воспользовался, чтобы прикрыть отступленіе нашихъ войскъ.

Относительно Шуйскаго полка сначала была получена телеграмма отъ генерала Зотова, а вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ ординарецъ отъ Его Высочества съ тѣмъ же извѣстіемъ. «Поздно!» сурово, сквозь зубы, проговорилъ Скобелевъ. «Двумя часами раньше мнѣ нужно было только бригаду, еще раньше — достаточно было даже полка... Теперь же этотъ полкъ можетъ только прикрыть отступленіе... Хотя, въ сущности, что это за полкъ, когда въ немъ 700 штыковъ и 26 офицеровъ! Это скорѣе батальонъ, хотя и съ тремя знаменами!..» *).

и рискованно ослаблять главный резервъ. Что если Скобелевъ и будетъ даже разбитъ, то все же въ главныхъ силахъ турки при наступленіи встрѣтятъ надежный отпоръ.

*) Шуйскій пѣхотный полкъ, бывшій подъ командой полковника Бохана, неудачно атаковалъ 30 августа такъ называемый Радишевскій редутъ (Омаръ-бей-Табію) и потерялъ почти $^{1}/_{3}$ солдатъ и половину офицеровъ.

Объ этой атакѣ, предпринятой по распоряженію начальника дивизіи, гене-

Тѣмъ не менѣе, эта свѣжая часть принесла громадную пользу и образовала ядро, вокругъ котораго мало-по-малу сгруппировались отступавшія и разрозненныя кучки. Между тѣмъ турки, послѣ временной передышки на редутахъ, снова двинулись слѣдомъ за нашими отступившими войсками. Черкесы и баши-бузуки съ гикомъ выносились впередъ и безпощадно рубили отставшихъ одиночныхъ людей и беззащитныхъ раненыхъ. Мы не могли помочь этимъ несчастнымъ: намъ нужно было очистить скорѣе мѣсто и встрѣтить атаку сильнымъ фронтальнымъ огнемъ съ занятой нами позиціи на второмъ гребнѣ. Нѣсколько сотъ черкесовъ и баши-бузуковъ, увлекшись преслѣдованіемъ нашихъ солдатъ, зарвались слишкомъ впередъ и были встрѣчены сильнымъ и мѣткимъ огнемъ нашей пѣхотной цѣпи, которая помѣщалась на склонѣ горы. Цѣлые десятки этихъ звѣроподобныхъ людей повалились съ коней, остальные обратились въ поспѣшное бѣгство и скоро попрятались за свою пѣхотную цѣпь; нѣсколько испуганныхъ лошадей безъ всадниковъ неслось прямо въ нашу сторону. Турецкая пѣхота между тѣмъ продолжала

рала Шнитникова, упоминается, между прочимъ, въ «Плевніадѣ», пѣснѣ, сочиненной еще на позиціяхъ нѣкоторыми офицерами для солдатскаго пѣнія. Вотъ нѣсколько куплетовъ этой боевой поэмы:

«Шнитникъ думалъ: Радишевъ
Будетъ больно намъ дешевъ—
Нарвался!..

Онъ пять тысячъ уложилъ
И начальству доложилъ —
Трудно!..

Зато Скобель-янаралъ
Самъ редута два забралъ —
Безъ войска!

Подкрѣпленій онъ просилъ,
Да ужъ мало было силъ—
Не дали!..»

наступленіе и все ближе и ближе подходила къ нашей оборонительной позиціи. По приказанію Скобелева, войска наши молчали, въ ожиданіи, когда непріятель подойдетъ на болѣе близкое разстояніе. Но вотъ Скобелевъ махнулъ рукой—сигналъ былъ поданъ, и по всей линіи вдругъ открылся сильный артиллерійскій и ружейный огонь. Залпы пѣхоты и частые орудійные выстрѣлы нѣсколькихъ батарей встрѣтили смѣлаго врага и заставили его тотчасъ же въ безпорядкѣ податься назадъ. Моментъ былъ очень удачный для дѣйствія кавалеріи. Двѣ сотни казаковъ (донцовъ и терцевъ) стремительно кинулись, по командѣ Скобелева и подъ предводительствомъ его самого, за отступавшимъ врагомъ, и шашкамъ и пикамъ была хорошая работа... Преслѣдованіе продолжалось до оврага. Когда же испуганные турки стали подниматься густыми колоннами по склону горы къ взятымъ ими редутамъ, наша артиллерія и пѣхота воспользовались удобнымъ моментомъ и положили ихъ тамъ не одну сотню... Такимъ образомъ нашъ отрядъ былъ спасенъ, благодаря только энергіи, распорядительности и спокойной находчивости такого умнаго и храбраго начальника, какимъ былъ Скобелевъ и его талантливый помощникъ Куропаткинъ. Шуйскій полкъ остался на позиціи, а большая часть войскъ отошла назадъ и расположилась бивакомъ близь д. Брестовца. Второй гребень былъ занятъ нами довольно сильно и приступлено къ его укрѣпленію; на третій же были выдвинуты аванпосты — казаки. Ночь провели мы довольно спокойно и турки насъ не тревожили.

Не смотря на сильное возбужденіе нервовъ въ этотъ ужасный, кровавый день 31 августа и ожиданіе ночной атаки со стороны непріятеля, я уснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ прямо на сырой землѣ. Рано утромъ вскочилъ я на ноги. Дождикъ перестапъ, небо прояснилось и пока-

залось солнце. Съ турецкой стороны дулъ легкій вѣтерокъ и приносилъ съ собою зловоніе отъ разлагавшихся труповъ. Въ войскахъ кипѣла уже работа: разборка людей по полкамъ, ротамъ и формированіе въ новыя единицы. Часто изъ батальона получалась рота, изъ полка — батальонъ.

Часовъ въ пять Скобелевъ и Куропаткинъ усѣлись на коней и поѣхали на второй гребень. Мы, ординарцы, были разосланы съ приказаніями, чтобы резервы и артиллерія отходили къ Рыжей горѣ. Скобелевъ объѣхалъ позицію и поправилъ расположеніе нѣкоторыхъ частей на ней. Въ это время съ третьяго гребня, съ аванпостной цѣпи, прискакалъ казакъ.

— Ваше превосходительство, у турецкихъ редутовъ собираются войска, а въ цѣпи замѣтно движеніе, торопливо доложилъ онъ.

— Наступать хотятъ, проговорилъ спокойно Скобелевъ. — Что жь, пусть сунутся!

— Смотрите, ребята, говорилъ онъ, проѣзжая по гребню, который занимали шуйцы,—сейчасъ непріятель станетъ наступать. Будьте готовы встрѣтить его, какъ истые русскіе герои! Если только мы уступимъ врагу эту позицію, то всѣ погибнемъ: резервовъ у насъ нѣтъ совсѣмъ; войска въ тылу разстроены... Подпускать ближе и бить залпами; по-пусту не стрѣлять. Глядите жь, молодцы, держитесь крѣпко!

— Постараемся, ваше превосходительство! дружно и весело отвѣтили сотни голосовъ, и слова эти видимо ободрили самого Скобелева: онъ прочелъ въ нихъ твердую рѣшимость и вѣру въ себя; выраженіе лицъ шуйцевъ было спокойное, въ немъ можно было прочесть, что они не боятся теперь врага и его атакъ.

Въ это время къ Скобелеву подскакало еще нѣсколько казаковъ.

— Ваше превосходительство, турецкая пѣхота перешла оврагъ и напираетъ на нашу конную цѣпь. Съ Крышинскаго редута тоже вышла турецкая цѣпь...

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ турки оттѣснили нашихъ казаковъ съ третьяго гребня и стали двигаться къ мѣсту расположенія нашей пѣхоты. Послѣдняя, помня приказаніе Скобелева, подпустивъ эти мелькающія въ виноградникахъ красныя фески на близкое разстояніе, встрѣтила ихъ сильными, отчетливыми залпами, которые, вмѣстѣ съ картечнымъ огнемъ нашихъ орудій, заставили ихъ быстро податься назадъ и отступить къ оврагу, гдѣ они начали собираться, очевидно, готовясь къ новой атакѣ. Въ это время совершенно уже разсвѣло.

Скобелевъ окинулъ глазами нашу позицію и замѣтилъ, какъ слабо была она усилена окопами.

— Шанцеваго инструмента нѣтъ почти, ничего не подѣлаешь! отвѣтилъ кто-то на замѣчаніе Скобелева.

— Послушайте, Дукмасовъ! обратился Скобелевъ ко мнѣ.—Поѣзжайте къ князю Имеретинскому и скажите, что я прошу его прислать мнѣ саперъ съ лопатами.

— Слушаю, ваше превосходительство! отвѣчалъ я и поскакалъ назадъ.

Еще утромъ я чувствовалъ себя крайне нехорошо: голова трещала, тѣло ломило и я еле сидѣлъ на конѣ. Вѣроятно, я простудился за ночь, пролежавъ въ тяжеломъ снѣ нѣсколько часовъ на мокрой землѣ. Я остановилъ коня (послѣ смерти «Дона» я купилъ у одного казака другую лошадь), слѣзъ съ него и едва не повалился на землю—такъ вдругъ мнѣ стало скверно. «Однако, дѣло подлецъ!» подумалъ я, удерживаясь за сѣдло, «нужно хоть передать приказаніе Скобелева, а тамъ заѣхать въ

госпиталь...» Съ трудомъ вскарабкался я снова на лошадь и кое-какъ доѣхалъ до палатки князя Имеретинскаго.

— Ваша свѣтлость! генералъ Скобелевъ проситъ прислать ему саперъ съ шанцевымъ инструментомъ, доложилъ я.

— Хорошо, отвѣчалъ князь,—сейчасъ получите.

Но здѣсь силы окончательно меня оставили, и я почувствовалъ, что не въ состояніи возвратиться обратно на позицію.

— Г. полковникъ, обратился я къ начальнику штаба, полковнику Паренсову,—позвольте васъ просить назначить вмѣсто меня кого-нибудь другаго, чтобы отвелъ саперъ къ генералу Скобелеву: я нездоровъ и не могу ѣхать.

Паренсовъ назначилъ одного изъ ординарцевъ князя, которому я объяснилъ, куда вести саперъ и гдѣ находится Скобелевъ. Самъ же я побрелъ на бивакъ нашего полка (Донскаго казачьяго № 26-го), который находился вблизи. Полковой докторъ, уважаемый г. Загроцкій (уже знакомый читателямъ изъ описанія Тырновскаго боя), осмотрѣлъ меня внимательно и покачалъ головой.

— Ну, батенька, у васъ тифъ. Держать васъ здѣсь, въ полковомъ лазаретѣ, нельзя. Вамъ надо немедленно въ госпиталь!

На тряской подводѣ меня отвезли въ госпиталь «Краснаго Креста»; со мной ѣхалъ хорунжій Чеботаревъ, тоже больной. Здѣсь нась любезно встрѣтила княгиня Шаховская, предложила чаю, закуску, но объявила, что принять къ себѣ не можетъ, такъ какъ болѣзнь моя, тифъ, очень опасна и прилипчива, и, кромѣ того, у нея много раненыхъ. Какъ это ни было грустно, но пришлось ѣхать дальше на этой же самой подводѣ. Черезъ два дня мы дотащились до Зимницы и были помѣщены въ одной изъ палатокъ походнаго госпиталя. На другой день насъ

осмотрѣли доктора и назначили меня и Чеботарева ѣхать еще дальше—въ Румынію, въ г. Яссы, куда насъ вскорѣ и эвакуировали сначала на повозкахъ, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ.

Не буду останавливаться на своей жизни въ стѣнахъ госпиталя. Душно и скучно показалось мнѣ здѣсь послѣ кипучихъ дней 30 и 31 августа на Зеленыхъ горахъ!.. Почти полтора мѣсяца провалялся я на койкѣ Ясскаго госпиталя и съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда вырвусь отсюда. Казалось, что, выйдя цѣлымъ и невредимымъ изъ того адскаго огня, изъ той страшной опасности, въ которой я находился на Зеленыхъ горахъ, и находясь теперь въ теплой, уютной комнатѣ гостепріимнаго госпиталя, наслаждаясь полнымъ комфортомъ, спокойствіемъ и заботливымъ уходомъ, я долженъ былъ бы благословлять свою судьбу!.. А между тѣмъ, я скучалъ за Зелеными горами, за Скобелевымъ, за Куропаткинымъ, за своими боевыми товарищами, за всѣмъ лихимъ отрядомъ, съ которымъ я такъ сжился, сроднился... Я скучалъ даже за этимъ грохотомъ, за этою трескотней... Въ ушахъ то и дѣло раздавались эти свистящіе и гудящіе звуки, съ которыми я такъ свыкся, сроднился... Мнѣ даже смѣшно становилось: тутъ - заболитъ у человѣка—у послѣдняго солдатика — голова, почувствуетъ онъ незначительный ознобъ, и доктора внимательно разспрашиваютъ его о подробностяхъ болѣзни, выслушиваютъ грудь, стукаютъ въ животъ, пичкаютъ всевозможными лекарствами, ухаживаютъ какъ за тяжело-больнымъ или раненымъ и т. д. А тамъ, на поляхъ битвъ, гдѣ смерть летаетъ, какъ у насъ въ комнатѣ мухи, гдѣ тысячи людей падаютъ, умираютъ, мучаются и взываютъ о помощи—тамъ гибель единичнаго человѣка, даже десятковъ почти не цѣнится, а считаются лишь сотни, тысячи... Какая страшная, по-

ражающая разница!.. Живетъ человѣкъ, лелѣетъ себя, дѣлаетъ сбереженія, строитъ планы, идеалы, призываетъ при малѣйшемъ прыщикѣ докторовъ, посылаетъ въ аптеку за лекарствами... И вдругъ этотъ роковой кусочекъ свинца—хлопъ!—и нѣтъ жизни, нѣтъ мыслей, желаній—ничего нѣтъ! Остается лишь какая-то масса, которая черезъ день-другой начинаетъ издавать страшное зловоніе!..

И такъ, повторяю, я не чувствовалъ подъ собою ногъ, когда 11 октября мнѣ позволено было ѣхать обратно въ дѣйствующую армію. Снова перебрался я черезъ Дунай, снова очутился на болгарской территоріи и торопился скорѣе къ Зеленымъ горамъ.

13 октября я доѣхалъ до Парадима, гдѣ помѣщалась главная квартира. Полковникъ Скалонъ любезно предложилъ мнѣ переночевать у него. Узнавъ, что я ѣду къ Скобелеву, онъ просилъ меня захватить съ собою нѣсколько ящиковъ, которые присланы были съ разными вещами и пожертвованіями мирныхъ русскихъ патріотовъ для офицеровъ и солдатъ славнаго Зеленогорскаго отряда. Я, конечно, съ удовольствіемъ взялся исполнить порученіе. Поблагодаривъ радушнаго и гостепріимнаго хозяина, на другой день, рано утромъ, я выѣхалъ дальше по направленію къ Плевнѣ. На половинѣ пути, между Парадимомъ и Брестовацемъ, я столкнулся со Скобелевымъ, который ѣхалъ мнѣ на встрѣчу. Узнавъ меня, онъ любезно поздоровался и приказалъ остановиться своей коляскѣ. Я слѣзъ съ повозки и передалъ порученіе Скалона.

— А, спасибо! сказалъ онъ.—Что это вы тогда такъ внезапно покинули позицію?

— Не могъ, ваше превосходительство: заболѣлъ тифомъ. Приказаніе ваше я исполнилъ и передалъ князю о саперахъ, а полковника Паренсова попросилъ назначить

вмѣсто меня другаго офицера вести саперъ. Не знаю, получили-ли вы ихъ, ваше превосходительство?

— Какже... Мы тогда, вѣдь, отбили турокъ!.. Впрочемъ, прибавилъ онъ, — въ сущности вы мало потеряли, что отсутствовали это время: дѣла никакого не было и мы больше баклушничали. Вотъ дня черезъ два у насъ ожидается работа!.. Ну, вы поѣзжайте ко мнѣ въ лагерь. Я ѣду въ главную квартиру и къ обѣду вернусь. До свиданія!

Скобелевъ пожалъ мнѣ руку и коляска быстро покатилась по направленію къ Парадиму.

Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ овладѣть Плевной открытою атакой, въ главной квартирѣ рѣшено было обложить это заколдованное турецкое гнѣздо нашими войсками со всѣхъ сторонъ и, усиливъ себя фортификаціонными укрѣпленіями, принудить къ сдачѣ Османа-пашу голодомъ. Рѣшено было, словомъ, блокировать Плевну. Планъ, безспорно, хорошъ, но для этого требовалось достаточное количество войскъ и достаточно терпѣнія. О матеріальныхъ расходахъ, конечно, и говорить нечего: каждый лишній день войны стоилъ Россіи громадныхъ денегъ!

Такъ какъ Османъ-паша могъ легко получать подкрѣпленіе и припасы, главнымъ образомъ, со стороны Софіи, то надо было отрѣзать ему сообщеніе со всѣми пунктами. По дорогѣ къ Софіи у Османа было двѣ сильно укрѣпленныхъ позиціи—Телишь и Горный Дубнякъ; въ каждомъ считалось до трехъ тысячъ защитниковъ. Такъ какъ рискованно было облагать Плевну со всѣхъ сторонъ, имѣя въ тылу такія сильныя укрѣпленія съ солидными гарнизонами, то рѣшили взять сначала ихъ, а затѣмъ уже, владѣя всею Орханійскою дорогой и обезпечивъ себя такимъ образомъ съ юга, произвести полное обложеніе Плевны. Честь взять эти два укрѣпленія выпала на гвардію, ко-

торая только-что пришла изъ Россіи для усиленія нашихъ, сильно порѣдѣвшихъ войскъ.

12 октября палъ Горный Дубнякъ, а 16-го, послѣ ожесточенной бомбардировки, Телишь. Въ день штурма Горнаго Дубняка нашему Зеленогорскому отряду приказано было произвести демонстративную атаку, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ Гурко. Ложная атака произведена была такъ искусно нашимъ отрядомъ, благодаря мудрой распорядительности Скобелева и его начальника штаба Куропаткина, что Османъ-паша не рѣшился направить на помощь Горно-Дубнякскому гарнизону часть своихъ силъ и все предполагалъ, что со стороны Ловчинскаго шоссе ведется настоящая атака. Войска наши были во-время остановлены Скобелевымъ на ближней позиціи, поддерживая все время усиленную перестрѣлку, и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока храбрые гвардейцы не овладѣли Горнымъ Дубнякомъ, гдѣ 3,000 турокъ, послѣ довольно упорной обороны, положили оружіе. Государь Императоръ, наблюдавшій все время за дѣйствіями нашихъ боевыхъ молодцовъ, остался очень доволенъ ими и передалъ свою Высочайшую благодарность. Съ цѣлью возможнаго уменьшенія линіи русскихъ войскъ и укрѣпленій, охватывающихъ Плевну, нашему отряду, между прочимъ, приказано было продвинуться отъ Учинъ-Дола нѣсколько впередъ и занять Рыжую гору и деревню Брестовацъ. На Рыжей горѣ Скобелевъ рѣшилъ помѣстить артиллерію, въ числѣ которой находилась также дальнобойная батарея изъ турецкихъ орудій, взятыхъ въ Никополѣ. Углицкій пѣхотный полкъ долженъ былъ занять деревню Брестовацъ, укрѣпить ее и баррикадировать улицы; казаки № 9-го донскаго полка получили приказаніе выдвинуть аванпостную цѣпь влѣво отъ деревни Брестовца на высотѣ и къ долу Камбулаткѣ.

Все это было исполнено въ ночь съ 23 на 24 октября чрезвычайно тихо и безъ всякихъ потерь. На занятыхъ мѣстахъ пѣхота и артиллерія устроили себѣ въ ту же ночь ложементы и траншеи.

Лишь только разсвѣло и турки замѣтили наше приближеніе и постройки, тотчасъ же открылась съ ихъ стороны оживленная артиллерійская и ружейная пальба, хотя, къ счастью, мало дѣйствительная. Скобелевъ, замѣтивъ утромъ, что прикрытія для пѣхоты чрезвычайно слабы — самой незначительной профили, тотчасъ же послалъ узнать о причинѣ этого и получилъ отвѣтъ, что лопатъ очень мало. Генералъ распорядился, чтобы шанцевый инструментъ былъ взятъ изъ другихъ полковъ и по счету сданъ Углицкому полку и батареямъ. Приказаніе Скобелева было немедленно приведено въ исполненіе. Угличане подъ огнемъ продолжали оканчивать свои фортификаціонныя работы — углублять и расширять ровики и траншеи. Передъ вечеромъ огонь турокъ нѣсколько стихъ. Скобелевъ съ начальникомъ штаба и ординарцами поѣхалъ осматривать позиціи. Только-что наша группа показалась на возвышенности, какъ турецкія гранаты одна за другою стали шлепаться возлѣ насъ, взрывая большіе комья земли. Тѣмъ не менѣе, Скобелевъ объѣхалъ все расположеніе передовой линіи и затѣмъ повернулъ къ лагерю.

Съ 25 до 30 октября происходили ежедневно перестрѣлки между нашими и турецкими войсками. Передовыя непріятельскія войска занимали первый гребень, гдѣ ими устроены были траншеи. Скобелевъ рѣшилъ овладѣть этимъ гребнемъ и этими траншеями. 30 октября, около полуночи, въ глубокой тишинѣ и темнотѣ, войска наши двинулись впередъ и безъ выстрѣла съ крикомъ «ура» стремительно вскочили въ непріятельскія траншеи. Турки въ паническомъ страхѣ бѣжали во второй рядъ своихъ

траншей на томъ же гребнѣ, отстоявшихъ шаговъ на 250—300, и оттуда открыли безпорядочную пальбу. Нѣсколько десятковъ труповъ со штыковыми ранами осталось въ траншеяхъ, которыя войска наши торопливо стали перекапывать, устраивая себѣ прикрытіе противъ сильнаго непріятельскаго огня. Скобелевъ и Куропаткинъ все время были впереди и энергично распоряжались работами и расположеніемъ частей на новой позиціи.

— Послушайте, Дукмасовъ, обратился ко мнѣ Михаилъ Дмитріевичъ, отъ котораго я не отставалъ ни на шагъ,—я поѣду въ лагерь, а вы останьтесь здѣсь, и когда все успокоится — дайте мнѣ знать. Слышите!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Скобелевъ съ Куропаткинымъ уѣхали, а я слѣзъ съ коня и, прислонившись головой къ сырой землѣ въ только-что вырытой турецко-русской траншеѣ, употреблялъ страшное усиліе, чтобы не заснуть. Пули безпрерывно жужжали надъ головой и ихъ монотонныя, смертельныя пѣсни дѣйствовали на меня убаюкивающимъ образомъ.

Солдатики усиленно и въ глубокомъ молчаніи работали маленькими лопатами, положивъ ружья позади себя. Потъ ручьями лился по ихъ усталымъ, загорѣлымъ лицамъ, но они и не думали даже о минутномъ отдыхѣ. Впереди работавшихъ была выдвинута цѣпь, прикрывавшая ихъ.

— Эхъ ты, Господи! слышалось по временамъ. — Лопаты маловаты, что ею сдѣлаешь?! Тутъ бы заступъ хорошій!

— Ой, братцы мои, убили на смерть!.. жалобно застоналъ кто-то возлѣ меня и, выпустивъ изъ рукъ лопатку, тяжело повалился на землю.

— Гдѣ носилки?.. Клади его скорѣе!.. раздался голосъ офицера въ темнотѣ.

Около часа продолжалась ружейная трескотня, потомъ постепенно начала стихать. Я прошелся по всѣмъ тран-

шеямъ. Работа подвигалась довольно тихо, такъ какъ лопатъ было очень мало. (Въ бояхъ подъ Ловчей и Плевной солдаты порастеряли ихъ, а запасныхъ близко не было). Нѣкоторые солдатики, за неимѣніемъ лопатъ, манерками и руками выгребали землю и бросали ее впередъ. Наконецъ, стрѣльба почти совсѣмъ прекратилась и я рѣшилъ поѣхать назадъ доложить Скобелеву о положеніи дѣла. Темнота была такая страшная, что, буквально, въ трехъ шагахъ ничего нельзя было разсмотрѣть. Немудрено при такихъ условіяхъ заѣхать, вмѣсто Скобелева, къ Осману! Но я этого не боялся: мѣстность изучилъ я прекрасно еще когда разставлялъ аванпосты. Я уже подъѣзжалъ къ Брестовацу, какъ съ турецкой стороны снова вдругъ открылся сильный огонь. «Вотъ тебѣ и разъ», сталъ я размышлять, остановивъ коня, «куда же ѣхать: къ Скобелеву или обратно на позицію?» Но въ это самое время я услышалъ вдругъ голосъ генерала.

— Чортъ знаетъ что такое! ругался онъ.—Куда вы меня завели?!. Этакъ мы къ туркамъ попадемъ!..

Въ темнотѣ я увидѣлъ свѣтъ отъ маленькаго фонаря, который держалъ въ рукѣ кто-то изъ лицъ, сопровождавшихъ Скобелева... Свѣтъ направлялся къ краю обрывистаго оврага.

— Куда вы, ваше превосходительство! закричалъ я. — Осторожнѣе: тамъ оврагъ!

— А, это вы, Дукмасовъ! обрадовался онъ. — Выведите меня, пожалуйста, изъ этой трущобы... Меня вотъ эти господа повели на прямикъ, да вотъ куда и залѣзли...

— Поѣзжайте за мной — я дорогу знаю, отвѣчалъ я и двинулся надъ краемъ крутаго оврага. По пути я изложилъ генералу ходъ работъ и обстоятельства дѣла.

— Я ѣхалъ, продолжалъ я,—къ вамъ доложить о бла-

гополучіи, а въ это время тамъ снова поднялась трескотня...

— Вы, смотрите, не заблудитесь—еще къ туркамъ заведете! снова замѣтилъ Скобелевъ.

— Будьте покойны, не ошибусь. Какой же послѣ этого буду я казакъ!

Мы переѣхали шоссе и спустились въ Брестовацкій долъ, откуда намъ нужно было подниматься по скату перваго гребня. Здѣсь мы невольно остановились, увидѣвъ бѣгущихъ солдатъ Владимірскаго полка. Нѣкоторые были съ ружьями, другіе безъ нихъ.

— Это что такое?!. закричалъ Скобелевъ на нихъ громовымъ голосомъ.—Стой! Что это за безобразіе! Гдѣ офицеръ?!.

Подошелъ испуганный офицеръ и взялъ подъ козырекъ.

— Объясните, что это значитъ? грозно обратился къ нему генералъ.

— Ваше превосходительство! Турки открыли такой сильный огонь и такую панику нагнали на солдатъ, что они, не смотря на наше стараніе, побросали лопаты, а нѣкоторые и ружья, и бросились бѣжать... Мы ничего не могли съ ними сдѣлать!.. смущенно докладывалъ офицеръ.

— Какой же вы офицеръ послѣ этого! Какъ вамъ не стыдно! У васъ самолюбія никакаго нѣтъ! Вы своего долга не знаете! Вы забыли присягу, данную Государю—не щадить живота!.. Стыдитесь, молодой человѣкъ!.. кричалъ на него генералъ. Подошло еще нѣсколько офицеровъ и ихъ тоже пристыдилъ Скобелевъ.—Соберите скорѣе вашихъ людей, разберитесь по ротамъ и въ порядкѣ идите обратно въ траншеи.. Смотрите, ребята, обратился онъ къ сильно сконфуженнымъ солдатамъ,—вы должны загладить вашу страшную вину—иначе я не хочу васъ знать, не хочу вами командовать! Будьте молодцами: сол-

датами, а не бабами!.. Господа! пойдемте пѣшкомъ въ траншеи, обратился Скобелевъ ко мнѣ и поручику Лисовскому.

Мы слѣзли съ коней и передали ихъ казакамъ. Туманъ ничуть не уменьшался, въ воздухѣ было очень сыро. Мы шли по виноградникамъ, поминутно спотыкаясь. Наконецъ, мы добрались до нашихъ траншей, но онѣ были совершенно пусты.

— Это отсюда, значитъ, бѣжали тѣ двѣ роты владимірцевъ, которыхъ мы встрѣтили, замѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Пойдемте къ правому флангу...

Мы направились по траншеѣ по направленію къ Тученицкому оврагу. Здѣсь солдаты оказались на своихъ мѣстахъ и за работой.

— Не отвѣчайте на мои слова, а только выслушайте, обратился Скобелевъ къ солдатамъ.—Прежде всего спасибо вамъ, братцы, за вашу храбрость и стараніе! Потомъ, молодцы, постарайтесь къ разсвѣту какъ можно глубже углубиться; землю не бросайте впередъ, а только вверхъ... Ну, еще разъ спасибо и желаю отъ души успѣха!

Затѣмъ мы направились обратно. Скобелевъ постоянно спотыкался о виноградные пни, и я съ Лисовскимъ взяли его подъ руки. Мы снова прошли пространство траншеи, которую покинули владимірцы. Послѣдніе до сихъ поръ не возвращались еще.

— Чортъ знаетъ, что они копаются! Сходите, пожалуйста, обратился онъ къ Лисовскому,—поторопите ихъ, чтобы скорѣе занимали свои мѣста!

Затѣмъ мы прошли на лѣвый флангъ. Тутъ тоже все было въ порядкѣ и Скобелевъ благодарилъ солдатъ за службу и работу.

Отсюда мы стали спускаться къ Брестовацкому логу, гдѣ стояли наши лошади. Генералъ опирался на меня и

все-таки спотыкался. Темнота ничуть не уменьшалась. Мы шли уже долго вдвоемъ, никого не встрѣчая.

— Вотъ темень-то, говорилъ дорогой Скобелевъ, постоянно спотыкаясь и раздражаясь этимъ.—Вы, смотрите, не заведите меня еще къ туркамъ, а то они насъ обоихъ на колъ посадятъ!.. Особенно это они съ удовольствіемъ продѣлаютъ со мной... Впрочемъ, вы за мою голову можете получить отъ Османа хорошія деньги: совѣтую пользоваться случаемъ...

— А вы за мою можете получить тоже приличный кушъ... перебилъ я, смѣясь, генерала.

— Ну, что за васъ дадутъ—2 галагана... Турки, вѣдь, обезьянъ не любятъ!.. Фу, чуть не упалъ!.. Смотрите, тутъ какой-то оврагъ...

Наконецъ, мы добрались до лошадей, усѣлись на нихъ и направились въ д. Брестовацъ, куда Скобелевъ перевелъ свою штабъ-квартиру.

Выстрѣлы стали раздаваться все рѣже и рѣже и, наконецъ, почти совершенно прекратились. Изрѣдка только проносились надъ нашею позиціей одиночныя пульки, которыя выпускали турецкіе часовые, какъ доказательство своего бодрствованія.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня турки снова открыли сильный огонь по нашимъ траншеямъ, которыя уже довольно ясно обрисовывались на первомъ гребнѣ и изъ которыхъ солдаты свободно стрѣляли, стоя на колѣняхъ. Лишь только поднялась трескотня, Скобелевъ вскочилъ съ постели и нетерпѣливо началъ кричать: «Скорѣй лошадь мнѣ, чего копаетесь!» Вся свита была возлѣ него. Рысью спустились мы въ Брестовацкій логъ, оставили здѣсь коней и пѣшкомъ направились на лѣвый флангъ позиціи. Осмотрѣвъ траншеи, онъ поблагодарилъ капитана Бырдина за распорядительность и выразилъ надежду, что войска скоро

окончатъ работу. «Ну, желаю вамъ успѣха, господа, до свиданія!» Затѣмъ, спустившись къ лошадямъ, мы направились рысью къ позиціи Углицкаго полка, находившейся у д. Брестовацъ, а отсюда на Рыжую гору къ батареямъ. Вездѣ генералъ дѣлалъ замѣчанія, нѣкоторыхъ хвалилъ и выражалъ надежду, что войска будутъ держать себя съ честью.

2 ноября Скобелевъ снова поѣхалъ осматривать траншеи, которыя углубились уже настолько, что во рву можно было свободно ходить, прикрываясь отъ пуль насыпью. Этому много способствовалъ Куропаткинъ, который приказалъ доставить на позицію весь шанцевый инструментъ, бывшій въ обозѣ, а также собранный у болгаръ.

— Еще немножко надо, господа, углубить траншеи, говорилъ Скобелевъ офицерамъ,—такъ чтобы одна шеренга помѣщалась на банкетѣ, а другая свободно могла сидѣть позади во рву, оставивъ между ними проходъ.

Въ одномъ мѣстѣ траншея была нѣсколько расширена.

— Господа, обратился генералъ къ сопровождавшимъ его, кромѣ ординарцевъ, Куропаткину и генералу Гренквисту, бригадному командиру,—присядемте здѣсь и обдумаемъ нѣкоторые вопросы: гдѣ намъ удобнѣе разбить редутъ, который будетъ служить опорнымъ и сборнымъ пунктомъ для всѣхъ траншей; гдѣ удобнѣе расположить подходные пути (а то сообщеніе резервовъ съ траншеями сильно обстрѣливается); гдѣ, наконецъ, устроить отхожія мѣста для солдатъ, а то они выходятъ для этого изъ траншей и часто дѣлаются жертвами пуль... Всѣ эти вопросы надо обсудить обстоятельно.

— Да вотъ еще что: такъ какъ позиція непріятеля находится очень близко отъ нашей, а мы, т.-е. начальство, находимся довольно далеко, что крайне неудобно въ смыслѣ командованія, своевременности распоряженій,

то я рѣшилъ лучше перебраться со всѣмъ штабомъ сюда, въ траншеи. Я надѣюсь, господа, что съ помощью вашей, онъ обратился къ намъ, ординарцамъ,—и въ особенности васъ. Алексѣй Николаевичъ, мы устроимъ все и приведемъ въ порядокъ, а потомъ можно будетъ переселиться обратно. Пока же, господа, забудьте о деревнѣ. Намъ сюда будутъ приносить обѣдъ и завтракъ. Когда размѣры траншей увеличимъ, притащимъ сюда музыкантовъ и намъ не будетъ скучно. Музыка подбодритъ солдатъ и они навѣрное будутъ высматривать веселѣе.

Затѣмъ общимъ совѣтомъ было выбрано мѣсто для редута позади линій траншей; редутъ этотъ долженъ былъ соединяться прикрытымъ путемъ какъ съ траншеями, такъ равно и съ Брестовацкимъ логомъ, обезпечивая такимъ образомъ безопасное сообщеніе.

Кромѣ этого рѣшено было устроить еще два прикрытыхъ пути прямо отъ траншей до Брестовацкаго лога, чтобы по нимъ люди могли свободно подносить на траншеи пищу, патроны и пр.

Въ этихъ ходахъ Скобелевъ приказалъ устроить отхожія мѣста, которыя черезъ извѣстное время зарывать. Словомъ, были обсуждены всѣ кажущіяся на первый взглядъ мелочи, которыя, однакожъ, въ военное время играютъ очень важную роль и сохраняютъ нерѣдко не только здоровье, но и жизнь людей. Ко всему этому рѣшено было приступить немедленно и постепенно окончить къ 30 ноября. Мы всѣ поселились вмѣстѣ со Скобелевымъ въ траншеѣ и ночевали здѣсь, кутаясь въ бурки. Солдаты были видимо обрадованы, что Скобелевъ раздѣляетъ съ ними невзгоды траншейной жизни. Лѣвый прикрытый путь, соединявшій траншеи съ Брестовацкимъ логомъ, былъ готовъ уже на третій день и по немъ свободно,

безъ всякихъ потерь, прошелъ хоръ Казанскаго пѣхотнаго полка.

— А, музыканты къ намъ пришли! обрадовался Скобелевъ, сидя на землѣ въ траншеѣ. — Ну-ка маршъ изъ «Жизни за Царя»!

Это было какъ разъ передъ нашимъ обѣдомъ, около четырехъ часовъ. И вдругъ грянула музыка нашего прекраснаго оркестра и звуки русскаго марша понеслись далеко надъ нашею и непріятельскою позиціей. Турки, стрѣлявшіе обыкновенно безъ перерыва, вдругъ прекратили пальбу и, какъ бы очарованные, съ удивленіемъ прислушивались къ незнакомымъ мотивамъ музыки «гяуровъ».

Затѣмъ оркестръ прекрасно исполнилъ народный гимнъ «Боже, Царя храни», во время котораго головы всѣхъ благоговѣйно обнажились. Черезъ нѣсколько минутъ въ траншею принесли обѣдъ, Деньщикъ Скобелева, Круковскій, въ противуположность своему барину, большой трусъ, подавая супъ, испуганно посматривалъ вверхъ, гдѣ то и дѣло свистали пульки. Онъ преуморительно наклонялъ быстро голову и выдѣлывалъ такія ужасныя гримасы, что мы всѣ отъ души хохотали надъ забавнымъ и трусливымъ полякомъ. Скобелевъ нерѣдко, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, потѣшался надъ своимъ деньщикомъ, дразнилъ его «обезьяной», «попугаемъ» и проч.; Круковскій сначала обыкновенно старался разыгрывать роль обиженнаго, но потомъ заражался общимъ веселымъ настроеніемъ и уходилъ съ хохотомъ.

— Ты чего тутъ рожи строишь и нагибаешься! обратился къ нему Скобелевъ, когда Круковскій чуть не пролилъ супъ, усердствуя спрятаться отъ пуль. — Я вотъ прикажу твое высокообезьянство выставить на этотъ валъ; турки навѣрное разбѣгутся въ ужасѣ, увидѣвъ такую рожу.

Круковскій струхнулъ не на шутку. Онъ посмотрѣлъ искоса на генерала, потомъ на траншею, какъ бы соображая—шутитъ-ли генералъ или нѣтъ, а также о степени опасности, и еще болѣе углубился въ свое дѣло.

— Ты думаешь, что я шучу, — нисколько! На ночь ты останешься здѣсь и пойдешь на вылазку съ охотниками. Слышишь!

Круковскій еще болѣе пугался, а мы хохотали надъ его смущеніемъ.

Обѣдъ съ музыкой прошелъ очень оживленно, съ шутками, остротами. Я въ этотъ день былъ дежурный при Скобелевѣ и послѣ обѣда, по своей обязанности, ходилъ по всѣмъ траншеямъ повѣрить расположеніе и доложить генералу. Солдатики высматривали замѣтно бодрѣе, вездѣ слышались разговоры, остроты. «Хорошо это янаралъ выдумалъ, что музыку сюда пригнали. Не такъ страшно и не скучно. Да и турокъ надо позабавить: они, вѣдь, нехристи, небось отъ роду не слышали такой. Вотъ бы подъ музыку и энти редуты брать! Помирать бы веселѣй!..» Словомъ, настроеніе сразу измѣнилось къ лучшему. Постройка нашего редута, между тѣмъ, быстро подвигалась впередъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ впереди траншеи и параллельно ей устроены были въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой ямы, куда по ночамъ залѣзали наши секреты. Секретами этими завѣдывалъ молодчина унтеръ-офицеръ Владимірскаго полка Поповъ, обладатель трехъ георгіевскихъ крестовъ. Онъ-то и предложилъ соединить ночью эти ямы траншеей. Куропаткинъ согласился съ его мыслью и предложилъ на обсужденіе Скобелеву.

— Что жь, прекрасно, отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ,—я ничего не имѣю. Такъ какъ инициатива этой траншеи принадлежитъ Попову, то пусть онъ будетъ и начальникомъ ея.

Поповъ, услышавъ о приказанiи Скобелева, былъ въ восторгѣ отъ возложенной на него миссiи и поклялся, что живымъ не отдастъ непрiятелю своей траншеи.

— За Государя, за начальство и за Рассею животъ свой положу, говорилъ онъ.

Мнѣ нѣсколько разъ послѣ того приходилось видѣть Попова, слышать его разсужденiя, взгляды, и я всегда поражался, что въ простомъ, необразованномъ человѣкѣ былъ такой свѣтлый умъ, такая сила логики, такое разумное и честное отношенiе къ своему долгу при твердой волѣ и замѣчательной отвагѣ. Его команда состояла отъ 30 солдатъ, въ которыхъ онъ сумѣлъ вложить такiя же убѣжденiя и энергiю.

— Смотрите, братцы, говорилъ онъ имъ,—генералъ на насъ надѣется. Докажемъ, что мы не трусы. Отступать не смѣть ни въ какомъ разѣ.

Сообщенiе этой траншеи съ позади лежащею возможно было только по ночамъ; днемъ это разстоянiе въ 50 шаговъ было немыслимо пробѣжать даже одиночному человѣку, такъ какъ до турецкихъ траншей было не болѣе 200 шаговъ. Чтобы хотя немного обезопасить храбрыхъ защитниковъ этой передовой траншеи, Скобелевъ приказалъ соединить ее ночью прикрытымъ путемъ съ главною траншеей, а также расположить впереди ея проволочную сѣть и каменные фугасы — все это на случай атаки непрiятеля. Траншеи все росли въ своихъ размѣрахъ и, наконецъ, достигли надлежащей высоты. Прикрытые пути были тоже устроены и сообщенiе совершенно безопасно. На флангахъ траншей даже поставили скорострѣльныя орудiя. Хотя траншейныя работы были почти всѣ окончены, но Скобелевъ все не покидалъ позицiи—ему хотѣлось окончить еще постройку редута и вооружить его 4-хъ-фунтовыми орудiями.

Всѣ эти дни перестрѣлка не прекращалась совершенно ни на одинъ часъ. Въ то время, какъ на другихъ пунктахъ плевненскихъ позицій царствовала глубокая тишина. изрѣдка лишь прерываемая одновременнымъ грохотомъ цѣлыхъ сотень орудій, у насъ трескотня не умолкала. Особенно бѣсило, когда ночью, утомленный, только-что заснешь на землѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, раздается перепалка. Вскакиваешь на ноги и бѣжишь узнавать о причинѣ, а причина, обыкновенно, самая пустая, часто даже вовсе безъ причины. Главнокомандующій очень интересовался нашимъ отрядомъ и ежедневно присылалъ ординарца, который справлялся о положеніи дѣлъ у насъ и непріятеля. Такъ какъ отъ нашей позиціи на первомъ гребнѣ до турецкихъ редутовъ (Скобелевскаго № 1, № 2, Крышинскаго и пр.) было довольно далеко, до трехъ и болѣе верстъ, и наши Крынки, конечно, не доставали на это разстояніе, то турки, обыкновенно, высыпали днемъ на валы редутовъ и на траншеи, спокойно разгуливая по нимъ и разсматривая наши позиціи. Скобелева это ужасно бѣсило. «Надо ихъ отъучить отъ этого», сказалъ какъ-то онъ и обратился съ просьбой къ главнокомандующему прислать ему нѣсколько крѣпостныхъ ружей Бердана, которыя стрѣляли на значительныя разстоянія. Его Высочество приказалъ выдать намъ 16 ружей и скоро нѣсколько басурманъ поплатились жизнью за свое любопытство; остальные же перестали болѣе выставляться на показъ.

ГЛАВА IV.

Жизнь въ траншеяхъ крайне тяжела: постоянно на чеку, постоянно въ ожиданіи непріятельскаго нападенія. Черезъ каждые три дня батальоны мѣнялись: бывшіе въ

траншеяхъ уходили въ резервъ, а эти послѣдніе заступали мѣсто первыхъ. Смѣна, во избѣжаніе потерь, происходила въ десять часовъ вечера. Всѣ люди обязательно получали горячую пищу два раза въ день—это была единственная поддержка ихъ силъ. Пища въ котлахъ привозилась въ Брестовацкій логъ и сюда уже приходили по очереди люди изъ траншей по прикрытому пути. Нѣкоторые, впрочемъ, ходили и прямо ближайшимъ путемъ; на этихъ обыкновенно охотились турецкіе стрѣлки. По утрамъ въ траншеяхъ солдатики варили себѣ въ котелкахъ чай.

Какъ-то ночью секреты донесли Скобелеву, что у турокъ совершаются какіе-то сборы, приготовленія и что по всѣмъ признакамъ къ нимъ прибыли свѣжія подкрѣпленія. Скобелевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ непріятельскаго наступленія, секреты наши, давъ ему объ этомъ знать, быстро отошли къ своимъ траншеямъ и очистили мѣсто для стрѣльбы изъ послѣднихъ.

— Алексѣй Николаевичъ, сказалъ генералъ, обращаясь къ Куропаткину,—вы идите, пожалуйста, на лѣвый флангъ, а я пойду на правый; надо предупредить офицеровъ и солдатъ.

Ординарцы раздѣлились пополамъ; я пошелъ съ Куропаткинымъ. Черезъ полчаса изъ секретовъ пришло новое донесеніе, что турки покинули свои траншеи и перешли въ наступленіе; секреты наши, какъ было имъ приказано, быстро отошли за главную траншею. Куропаткинъ со мной обходилъ траншеи лѣваго фланга.

— Смотрите, братцы, не стрѣлять зря, слушать команды вашихъ начальниковъ. Господа, подпускайте атакующихъ какъ можно ближе и тогда только открывайте огонь залпами; цѣлить ниже—въ ноги; если ворвутся въ траншею, принимать ихъ штыками—они этого никогда не выдерживаютъ; при отступленіи непріятеля—не выходить изъ тран-

шей, а преслѣдовать его тоже залпами, будьте молодцами, не торопитесь...

Спокойно и хладнокровно отдавалъ онъ приказанія, обращаясь то къ солдатамъ, то къ офицерамъ. На скорострѣльной батареѣ мы остановились. Въ это время изъ траншеи унтеръ-офицера Попова, расположенной впереди шагахъ въ 50-ти, послышалась частая стрѣльба; затѣмъ огоньки показались и въ траншеѣ крайняго лѣваго фланга, которая была загнута нѣсколько впередъ къ сторонѣ непріятеля. Наконецъ, и мы стали слегка различать на скатѣ горы между виноградниками какія-то движущіяся фигуры; фигуры сначала показались десятками, а затѣмъ и сотнями; онѣ быстро подвигались къ намъ безъ выстрѣла, слегка нагнувшись. «Пальба ротою», зычно крикнулъ стоявшій возлѣ меня ротный командиръ, «рота—пли!» Раздался оглушительный залпъ и впереди лежащая мѣстность на мгновеніе освѣтилась. Мы ясно увидѣли шагахъ въ ста отъ насъ синія куртки и красныя фески турецкихъ солдатъ; цѣлыя тучи пуль полетѣли на встрѣчу непрошеннымъ гостямъ и десятки этихъ фигуръ повалились въ тотъ же мигъ на землю. Послышались стоны, крики «Алла!» и движущаяся лава въ нерѣшительности остановилась. «Рота—пли!» снова раздалась команда и снова падающія синія куртки... А тутъ картечницы наши сильно затрещали, изрыгая на врага тоже тысячи пуль. Послѣдній не выдержалъ и въ безпорядкѣ бросился въ свои покинутыя траншеи. «Рота—пли!» кричалъ все тотъ же капитанъ охриплымъ голосомъ, и пули владимірцевъ вновь догоняли испуганныхъ мусульманъ и мы снова съ радостью видѣли ихъ падающія фигуры... Атака была отбита. Турки, не ожидавшіе, вѣроятно, такой бдительности съ нашей стороны, окончательно отступили на свои позиціи и открыли оттуда такой убійственный огонь, продол-

жавшійся около часа, что изъ главной квартиры прискакало нѣсколько ординарцевъ узнать о причинѣ такой перепалки. Тамъ думали, что непріятель перешелъ въ наступленіе и занялъ наши позиціи.

Во время оживленнаго огня турокъ, наши не отвѣчали имъ ни однимъ выстрѣломъ, приберегая патроны для болѣе важнаго случая. Отступавшіе секреты снова заняли свои мѣста впереди траншей. «Не стрѣлять попусту!» говорилъ Куропаткинъ, обходя траншеи. «Молодцы! Одинъ штурмъ отбили; но не зѣвайте, будьте готовы къ другому—турки, вѣроятно, повторятъ атаку, слушайте команду офицеровъ!» Обходя траншеи Владимірскаго полка, мы натолкнулись случайно на трупъ одного ротнаго командира.

— Ваше высокоблагородіе, обратился фельдфебель къ Куропаткину,—у насъ офицеровъ нѣтъ—всѣ перебиты!

— Хорунжій Дукмасовъ, останьтесь здѣсь и командуйте пока ротою,—сказалъ мнѣ Куропаткинъ, а самъ ушелъ далѣе на лѣвый флангъ.

Волей-неволей пришлось изобразить изъ себя пѣхотинца. Объявивъ солдатамъ о томъ, что начальникъ штаба назначилъ меня командовать ротою, я сказалъ, чтобы слушались моихъ приказаній. Солдаты знали меня хорошо и раньше, такъ какъ, находясь при Скобелевѣ, я довольно часто показывался имъ на глаза. Обойдя позиціи своей роты, повѣривъ часовыхъ и познакомившись со взводными унтеръ-офицерами, я объяснилъ имъ, какъ дѣйствовать въ случаѣ новаго непріятельскаго наступленія. «Смотрите, братцы, безъ моей команды не стрѣлять и, главное, не суетиться; въ случаѣ меня убьютъ, слушайтесь фельдфебеля!..» Стрѣльба турокъ между тѣмъ начала понемногу стихать. Солдатики нѣсколько успокоились и перестали волноваться—чувство весьма есте-

ственное, когда каждую минуту ожидаешь нападенія. Я присѣлъ на банкетъ и задумался.

— Гдѣ начальникъ штаба? услышалъ я чей-то окликъ.

— Хомичевскій, это ты? крикнулъ я, узнавъ знакомый голосъ одного изъ ординарцевъ Скобелева.

— А, Дукмасовъ, ты чего здѣсь? подошелъ онъ ко мнѣ и подалъ руку.

— Да вотъ, братъ, въ пѣхоту перевелся — ротой командую!

— Какимъ образомъ?

— Куропаткинъ приказалъ; офицеровъ въ ротѣ нѣтъ, такъ вотъ пока я.

— А Алексѣй Николаевичъ гдѣ? спросилъ Хомичевскій.

— Пошелъ на лѣвый флангъ; вѣроятно, скоро вернется. Зачѣмъ онъ тебѣ?

— Да Скобелевъ послалъ за нимъ; изъ секретовъ донесенія, что турки снова собираются атаковать насъ. Ну прощай, братъ, пойду искать Алексѣя Николаевича!

Черезъ нѣсколько минутъ они возвращались обратно вдвоемъ.

— Надѣюсь, Дукмасовъ, обратился ко мнѣ Куропаткинъ, останавливаясь на минуту,—что вы со своею ротой молодцами отобьете непріятельскую атаку, я увѣренъ въ васъ!..

— Будьте покойны, капитанъ, отвѣчалъ я;—мы за себя постоимъ, живыми въ руки не дадимся.

— Ну, дай Богъ успѣха! отвѣчалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку, и затѣмъ быстро направился на правый флангъ къ Скобелеву.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго затишья—предвѣстника грозы. Вдругъ, въ темнотѣ передъ траншеей замелькало нѣсколько фигуръ, быстро приближавшихся къ намъ. «Тише, не стрѣлять: это наши секреты отступаютъ»,

крикнулъ я, когда нѣкоторые изъ солдатъ нервно схватились за ружья. Дѣйствительно, черезъ минуту нѣсколько человѣкъ быстро перелѣзли черезъ брустверъ. «Ну, что?» обратился я къ нимъ.—«Наступаютъ, ваше благородіе», взволнованно отвѣчали они, пристраиваясь къ брустверу и укладывая на него поудобнѣе свои ружья. Турки снова повели атаку, но только, въ этотъ разъ, сначала на правый флангъ, а затѣмъ уже въ нашу сторону. Вправо отъ насъ уже давно раздавались частые и мѣрные залпы, но въ нашемъ участкѣ еще было все спокойно. Наконецъ, я разглядѣлъ впереди траншеи двигающіяся фигуры; все ближе подвигались онѣ ломаною линіей къ намъ, перебѣгая отъ одного куста къ другому. Раздались одиночные выстрѣлы, нѣсколько испуганныхъ голосовъ закричали: «Турки идутъ, турки!»—«Не смѣть стрѣлять, команду слушать!» громко крикнулъ я; оставалось не болѣе ста шаговъ до довольно густой, непріятельской цѣпи. «Пора!» сказалъ я самъ себѣ и громко скомандовалъ: «Рота—пли!» Турки остановились, нѣсколько человѣкъ упало, солдаты торопливо зарядили ружья... «Рота—пли!» закричалъ я снова, не давая опомниться ошеломленному врагу... Непріятель бѣжалъ по всей линіи, оставляя по пути сотни тѣлъ. И на правомъ, и на нашемъ флангахъ атака снова была отбита. Какъ и въ предшествовавшую неудачную атаку, турки, отойдя въ свои траншеи, открыли оттуда сильный огонь, продолжавшійся около часу. Секреты наши снова выдвинулись впередъ и заняли свои мѣста въ ямкахъ, кустахъ и пр. Спустя нѣкоторое время, мы замѣтили впереди, до самыхъ турецкихъ позицій, блуждающіе въ темнотѣ огоньки. Сначала я не могъ объяснить себѣ этого явленія, но потомъ оказалось, что это турецкіе санитары съ фонарями въ рукахъ подбираютъ своихъ раненыхъ.

Наши солдаты, конечно, не стрѣляли въ нихъ—не брали въ этомъ отношенiи примѣра съ непрiятеля.

Обходя на зарѣ траншеи и провѣряя часовыхъ, я натолкнулся на одного молодаго солдата, опершагося на брустверъ и вытянувшаго впередъ голову. Мнѣ показалось, что онъ внимательно разсматриваетъ что-то впереди.

— Что это ты тамъ видишь? обратился я къ нему, останавливаясь. Отвѣта не послѣдовало—солдатъ молчалъ, не перемѣняя своего положенiя.—Слышишь, кого ты тамъ разсматриваешь?.. повторилъ я свой вопросъ, дотрогиваясь до молчаливаго воина. Онъ свободно отшатнулся и попрежнему ни слова... Тогда только я замѣтилъ, что онъ былъ мертвъ: на лбу у него виднѣлась маленькая ранка съ запекшеюся кровью.

Очевидно, онъ разстался съ жизнью, ничуть не измѣняя своей прежней позы...

Я позвалъ фельдфебеля, приказалъ убрать безполезнаго часоваго и на его мѣсто поставить другаго. Турки атакъ не повторяли болѣе, не безпокоили насъ своею стрѣльбой и всю ночь занимались уборкой своихъ раненыхъ и убитыхъ, которыхъ было, конечно, не мало. Тѣмъ не менѣе, всю ночь мы были на чеку и я вовсе не сомкнулъ глазъ. На другой день, часовъ въ девять, явился начальникъ штаба; горячо поблагодарилъ солдатъ и меня за отбитiе непрiятельской атаки и приказалъ мнѣ сдать роту другому офицеру (поручику Юрьеву).

— Будьте всегда такими молодцами, какъ эту ночь! прибавилъ Куропаткинъ на прощанье. Я отправился къ прежнему своему посту, въ распоряженiе Скобелева.

— Мнѣ говорилъ начальникъ штаба, какъ вы ловко отбили турокъ, и я слышалъ ваши прекрасные залпы... Спасибо вамъ большое!.. сказалъ генералъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку.

Съ тѣхъ поръ, какъ Скобелевъ поселился въ траншеяхъ, къ намъ нерѣдко заглядывали не только посторонніе офицеры, посылаемые по дѣламъ службы, но даже совершенно частные люди, по собственной охотѣ. Въ числѣ послѣднихъ явился, между прочимъ, докторъ Студицкій, устроившій по собственной иниціативѣ и съ согласія Скобелева перевязочный пунктъ въ прикрытомъ пути. За это доброе и чрезвычайно важное дѣло каждый русскій сказалъ, конечно, великое спасибо честному труженику и истому патріоту. Скорая помощь раненымъ была крайне необходима, а перевязочные пункты, между тѣмъ, помѣщались обыкновенно довольно далеко отъ мѣста бойни, и пока раненый добирался до нихъ, онъ терялъ не мало крови и силъ. Наконецъ, при этомъ надолго отрываются отъ дѣла тѣ люди, которые несутъ или ведутъ обыкновенно раненыхъ. Вообще этотъ вопросъ—о возможно ближайшемъ расположеніи перевязочныхъ пунктовъ — чрезвычайно важенъ.

Затѣмъ къ намъ въ траншеи явился новый гость — корреспондентъ «Новаго Времени», Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко. Это былъ довольно молодой еще человѣкъ, средняго роста, брюнетъ, хорошо сложенный, съ красивымъ и выразительнымъ лицомъ и очень симпатичнымъ характеромъ. Скобелевъ принялъ его радушно, любезно, и всѣмъ намъ онъ скоро понравился своею простотой, общительностью и веселымъ нравомъ. Штатскій костюмъ Немировича-Данченко какъ-то рѣзко выдѣлялся изъ нашей исключительно военной среды. Сначала мы нѣсколько иронически посматривали на этого представителя газетнаго міра, предполагая, что пули заставятъ его скоро убраться отсюда. Но своимъ поведеніемъ подъ огнемъ и умѣньемъ владѣть собой онъ заставилъ насъ вскорѣ измѣнить составленное о немъ первоначально мнѣніе. Ско-

белевъ пригласилъ его на обѣдъ, который былъ, по обыкновенію, съ музыкой, и Немировичъ-Данченко остался въ восторгѣ отъ нашей боевой обстановки, отъ обѣда подъ пулями.

— Да вы оставайтесь ночевать у насъ, если вамъ нравится!.. обратился къ нему Скобелевъ.

— Очень вамъ благодаренъ, съ удовольствіемъ воспользуюсь вашимъ разрѣшеніемъ! отвѣчалъ Василій Ивановичъ. А узнавъ, что на слѣдующій день предполагается вылазка, онъ согласился остаться еще, чтобы быть свидѣтелемъ подвиговъ нашихъ молодцовъ.

Вылазка должна была совершиться подъ начальствомъ командира Владимірскаго полка, полковника Кашнева, тѣми ротами, которыя бѣжали съ поля сраженія при занятіи перваго гребня Зеленыхъ горъ.

— Я предоставляю вамъ эту честь, обратился Скобелевъ къ солдатамъ,—чтобы вы могли загладить вашъ прежній позорный проступокъ! Я надѣюсь, вы докажете, что достойны носить званіе русскаго солдата и снимете черное пятно съ вашего славнаго боеваго полка!..

Слова Скобелева, горячія, прочувствованныя, произвели на нихъ видимое впечатлѣніе.

— Постараемся, ваше превосходительство! дружно отвѣчали солдаты и по ихъ лицамъ замѣтно было, что это не обыкновенная, казенная фраза, а дѣйствительно голосъ, исходящій изъ глубины души. Въ немъ слышалось полное сознаніе своей тяжелой вины и искреннее желаніе загладить хотя бы цѣной жизни свой неопытный шагъ. Скобелевъ разрѣшилъ также принять участіе въ вылазкѣ волонтерамъ Владимірскаго полка, чтобы убѣдиться въ ихъ боевой годности. Одинъ изъ нихъ былъ отставной подпоручикъ Узатисъ, другой—какой-то штабсъ-капитанъ,

высокаго роста, съ вызывающимъ выраженіемъ лица и довольно комичною фигурой.

Такіе храбрые на видъ господа на самомъ дѣлѣ, большею частью, бываютъ никуда негодны при первомъ серьезномъ испытаніи. Я невольно припоминаю добродушныя и ничуть ужь не воинственныя лица и скромныя фигуры нѣсколькихъ знакомыхъ мнѣ истинно храбрыхъ людей, вполнѣ героевъ, глядя на которыхъ трудно предположить, чтобы они были способны на какой-нибудь отчаянный, безумный подвигъ...

Упомянутый второй волонтеръ, или, какъ мы прозвали его, «воронье гнѣздо», потому что на головѣ у него была громадная бѣлая папаха, которою, очевидно, онъ хотѣлъ придать себѣ болѣе воинственный видъ, производилъ сразу впечатлѣніе человѣка, который на словахъ беретъ города, а на дѣлѣ боится куста. Онъ очень много разсказывалъ о своихъ кавказскихъ подвигахъ, которыхъ навѣрное въ дѣйствительности не было вовсе, и важно расхаживалъ по траншеямъ, заложивъ руки въ карманы.

Наступилъ вечеръ. Всѣ, и особенно участники вылазки, были въ какомъ-то лихорадочномъ, тревожномъ настроеніи; лица солдатскія были серьезныя, сосредоточенныя; всѣ молчали или перекидывались изрѣдка отдѣльными, лаконическими фразами. Всѣмъ хорошо извѣстно было, что предстояла тяжелая, рискованная работа, которая неизбѣжно вырветъ нѣсколько десятковъ этихъ молодыхъ, крѣпкихъ жизней. Полковой командиръ, Кашневъ, все бѣгалъ, суетился и былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между 11 и 12 часами Скобелевъ позвалъ къ себѣ Кашнева и далъ ему инструкціи, какъ дѣйствовать при вылазкѣ.

— Ну съ Богомъ, желаю вамъ отъ души успѣха! Главное, смѣлѣе, безъ колебаній!.. закончилъ Михаилъ Дмит-

ріевичъ свою бесѣду и отпустилъ полковника.—А вы, господа, обратился онъ къ намъ, — извольте разойтись по траншеямъ и слѣдить, чтобы люди не открывали огня до окончанія вылазки; а то еще своихъ, пожалуй, перебьютъ. Предупредите объ этомъ офицеровъ и солдатъ!..

Мы разошлись по разнымъ мѣстамъ. Я направился къ тому пункту, откуда началась вылазка. Двѣ роты наши осторожно перелѣзли черезъ насыпь и тихо направились впередъ, по направленію къ непріятельскимъ траншеямъ. Скоро я потерялъ ихъ изъ виду — онѣ совершенно скрылись въ мглѣ ночи. Кругомъ стояла глубокая тишина, ни одного выстрѣла не было слышно... Такъ прошло нѣсколько томительныхъ минутъ... Вдругъ впереди мелькнулъ огонекъ, за нимъ другой, третій—и вся турецкая линія освѣтилась сотнями этихъ зловѣщихъ, вспыхивавшихъ въ темнотѣ огоньковъ. Пули сотнями засвистали надъ нашими головами... Очевидно было, что турки нашихъ замѣтили и открыли по нимъ сильную пальбу. Войска, занимавшія траншеи, оставались пассивными зрителями этой кровавой экскурсіи. Стрѣлять нашимъ солдатамъ нельзя было—они могли легко попасть въ своихъ. Такъ прошло еще нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Трескотня все усиливалась съ непріятельской стороны, наши молчали и затаили дыханіе въ тревожномъ ожиданіи... «Чѣмъ-то это кончится, удастся-ли имъ эта попытка?..» одна дума стояла у каждаго изъ насъ въ головѣ.

— Кто-то идетъ! тревожно проговорилъ стоявшій возлѣ меня солдатикъ. Впереди, въ темнотѣ, медленно подвигалась къ намъ какая-то фигура, постоянно спотыкаясь и опираясь на ружье.

— Должно раненый!.. прибавилъ, немного погодя, тотъ же голосъ, нѣсколько спокойнѣе уже. Дѣйствительно, это

былъ раненый въ ногу солдатъ, участвовавшій въ вылазкѣ.

— Ну что, какъ тамъ? жадно обратилось къ нему съ вопросомъ нѣсколько человѣкъ.

— Ой, Господи, братцы мои, поранили меня, жалобно стоналъ онъ.—Побили нашихъ, страсть сколько легло... Ничего не подѣлаешь — ихъ сила...

Затѣмъ появился другой, третій —все раненые. Кто шелъ самъ, кого вели подъ руки; одни были съ ружьями, другіе, немногіе, безъ нихъ. Наконецъ, стали появляться и здоровые, сначала по одиночкѣ, затѣмъ и кучками. Всѣ говорили одно и то же: «ихъ сила, ничего не подѣлаешь!..» А пули все свистѣли и свистѣли, догоняя отступавшихъ здоровыхъ и раненыхъ. Наконецъ, появились и остальные съ офицерами. Отъ послѣднихъ мы услышали болѣе обстоятельный, правдивый разсказъ. Оказалось, что передовую турецкую траншею наши взяли безъ выстрѣла и перекололи тамъ нѣсколько человѣкъ. Но затѣмъ подошли непріятельскіе резервы, выгнали ихъ оттуда и открыли убійственный огонь... Въ результатѣ вылазка оказалась неудачна, хотя все-таки она показала туркамъ, что мы не ограничиваемся только пассивною блокадой. Я вернулся къ Скобелеву и доложилъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною. Здѣсь, между прочимъ, разсмѣшилъ насъ своимъ разсказомъ Немировичъ-Данченко.

— Когда вы всѣ разошлись, господа, говорилъ онъ намъ,—и Скобелевъ съ Куропаткинымъ тоже ушли куда-то, я остался совершенно одинъ. Состояніе, конечно, я испытывалъ не особенно пріятное и нервы у меня были сильно настроены. Наконецъ, тишина прекратилась страшною трескотней со стороны непріятеля. Я вынулъ револьверъ и въ волненіи сталъ ходить по траншеѣ. Вдругъ замѣчаю, что въ темнотѣ кто-то лѣзетъ на брустверъ,

прямо противъ меня. Я, не разобравъ хорошенько, кто это — свой или чужой и, конечно, испугавшись, сталъ кричать и угрожать револьверомъ. Фигура моментально перескочила обратно, за брустверъ... Тогда только, внимательно присмотрѣвшись, я увидѣлъ, что это былъ нашъ волонтеръ — «воронье гнѣздо»...

Мы отъ души всѣ посмѣялись надъ храбрымъ волонтеромъ, который сначала такъ рисовался своею боевою опытностью. День прошелъ спокойно, перестрѣлка была довольно рѣдкая.

Кто-то сообщилъ пріятную новость — объ успѣхахъ нашихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны и о взятіи крѣпости Карса. По предложенію, кажется, Куропаткина, Скобелевъ рѣшилъ подѣлиться съ турками этою крупною новостью (она не могла быть имъ извѣстна, такъ какъ плевненскіе защитники были отрѣзаны нашими войсками отъ сообщенія со всѣмъ міромъ) и приказалъ сдѣлать транспарантъ изъ сшитыхъ попонъ, по серединѣ котораго вырѣзано было по турецки только два слова: «Карсъ взятъ». Вечеромъ, часовъ въ девять, транспарантъ этотъ былъ выставленъ въ передовой траншеѣ и сразу освѣщенъ тридцатью фонарями. Все это было устроено при помощи переводчика, болгарина Александра Луцканова. Картина получилась въ темнотѣ чрезвычайно эффектная и туркамъ прекрасно видна была громадная лаконическая надпись, сдѣланная на ихъ родномъ языкѣ. Даже одиночные выстрѣлы съ непріятельской стороны прекратились — очевидно, турки любовались устроенною спеціально для нихъ иллюминаціей. Но, спустя нѣсколько минутъ, вѣроятно, по приказанію начальства, мусульмане сразу открыли такой ожесточенный ружейный и даже артиллерійскій огонь по несчастному транспаранту, что середина его была мо-

ментально прострѣлена нѣсколькими пулями. Чтобы не дразнить гусей, Скобелевъ приказалъ убрать транспарантъ.

Жизнь въ траншеяхъ тянулась своимъ чередомъ. Хоть было и жутко, но мы мало-по-малу втянулись въ нее и совершенно освоились. Человѣкъ, кажется, ко всему привыкаетъ! Непріятно было только одно—это наступившіе холода. Одежды теплой, кромѣ бурки, у меня не было. почему приходилось часто ежиться и поневолѣ прибѣгать къ магической фляжкѣ...

Какъ-то при обходѣ траншей Скобелевъ обратился къ намъ:

— А меня, господа, можете поздравить съ обновкой: отецъ прислалъ мнѣ прекрасный полушубокъ съ наставленіемъ, чтобы я непремѣнно носилъ его. Но мнѣ что-то онъ не нравится, главное, потому, что черный...

Суевѣріе не обмануло Скобелева: черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ словъ, во время обхода траншей, онъ былъ контуженъ пролетѣвшею возлѣ него непріятельскою пулей. Мы всѣ вначалѣ сильно перепугались, но вскорѣ успокоились, узнавъ, что контузія довольно незначительна.

— Господа! сказалъ намъ послѣ этого Куропаткинъ, когда Скобелевъ отошелъ въ сторону,—если генералъ будетъ становиться на банкетъ и выставлять такимъ образомъ себя на показъ непріятелю, становитесь, пожалуйста, и вы тоже... Я увѣренъ, онъ рѣже будетъ тогда рисковать собой!

Спустя нѣкоторое время, при обходѣ траншей, Скобелевъ со дна рва поднялся на банкетъ и сталъ разсматривать непріятельскія позиціи. Мы всѣ тотчасъ же тоже влѣзли на банкетъ. Пули учащенно засвистали надъ нашими головами... Скобелевъ удивленно посмотрѣлъ на насъ и, не говоря ни слова, слѣзъ съ банкета и пошелъ дальше. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ повторилъ то же—

и мы опять повылазили и выставили себя подъ разстрѣлъ туркамъ.

— Да чего вы торчите здѣсь? Сойдите внизъ! недовольнымъ голосомъ обратился къ намъ генералъ.

— Мы обязаны брать примѣръ съ начальства, иронически замѣтилъ Куропаткинъ.—Если вы подвергаете себя опасности, то и намъ, подчиненнымъ, жалѣть себя нечего!

Скобелевъ молча пожалъ плечами, соскочилъ въ ровъ и пошелъ дальше.

Въ другой разъ Скобелевъ былъ контуженъ довольно сильно. Я въ это время былъ посланъ на правый флангъ для повѣрки траншейной службы, а Скобелевъ съ Куропаткинымъ отправился на лѣвый. Хомичевскій, который находился съ ними, разсказывалъ мнѣ потомъ, что въ то время, когда генералъ сходилъ съ банкета, на которомъ долго стоялъ, разсматривая непріятельскія позиціи, предательская пуля такъ сильно контузила Скобелева въ спину, что онъ моментально упалъ; но тотчасъ же съ трудомъ поднялся и, очевидно, сдерживая сильную боль и не показывая на лицѣ испытываемаго страданія, чтобы не подорвать этимъ нравственнаго состоянія солдатъ, направился, поддерживаемый Куропаткинымъ и Хомичевскимъ, черезъ прикрытый путь въ д. Брестовацъ. Въ эту ночь мы снова ожидали непріятельской вылазки: секреты наши доносили о какихъ-то приготовленіяхъ съ турецкой стороны. Вечеромъ начальникъ штаба со мною обходилъ траншеи лѣваго фланга. У скорострѣльной батареи Куропаткину донесли, что артиллерійскій офицеръ (не помню его фамиліи) раненъ и некому командовать.

— Дукмасовъ, обратился ко мнѣ Куропаткинъ, — потрудитесь остаться здѣсь и командуйте пока батареей. Я распоряжусь, чтобы прислали другаго офицера.

«Вотъ тебѣ и разъ!» подумалъ я. «Это выходитъ, во

всѣхъ родахъ оружія приходится служить!» Пѣхотную службу я еще зналъ, но съ артиллерійскою, а тѣмъ болѣе съ этими скорострѣлками, я былъ знакомъ очень мало.

— Послушайте, братцы, обратился я къ солдатамъ-артиллеристамъ, когда Куропаткинъ ушелъ дальше, — вы меня поучите, какъ дѣйствовать изъ вашихъ орудій... Я вѣдь казакъ! Коня, пику, ружье и шашку хорошо знаю. а съ этими трещетками никогда не имѣлъ дѣла.

— Да вы, ваше благородіе, отвѣчалъ, улыбаясь, бравый фейерверкеръ,—не извольте безпокоиться! Только прикажите намъ когда стрѣлять, а мы все это сами хорошо знаемъ...

— Ну, ладно, слушайте же команду!

Вылазка непріятельская дѣйствительно состоялась, хотя и очень нерѣшительная. Ночью турки вышли изъ своихъ траншей. Встрѣченные огнемъ нашихъ солдатъ, они остановились и открыли безпорядочную, учащенную стрѣльбу— явный признакъ колебанія, трусости. Вся линія нашихъ траншей тоже освѣтилась огоньками, которые то въ одиночку, то разомъ цѣлыми сотнями, вспыхивали въ томъ или другомъ мѣстѣ расположенія нашихъ войскъ. Мои скорострѣлки тоже затрещали, выбрасывая изъ своихъ тоненькихъ горлышекъ цѣлыя тысячи смертоносныхъ кусочковъ свинцу.

Непріятель и не пытался даже болѣе наступать; онъ быстро отступилъ въ свои траншеи и открылъ оттуда частую пальбу, продолжавшуюся около часа.

На слѣдующій день я сдалъ батарею какому-то прибывшему артиллерійскому офицеру и, вмѣстѣ съ другими лицами свиты Скобелева, направился въ д. Брестовацъ, чтобы провѣдать любимаго контуженнаго начальника.

Скобелевъ помѣщался въ довольно просторной болгарской хатѣ и лежалъ на постели, когда мы вошли къ нему. Онъ былъ блѣденъ и видимо боленъ, хотя и совершенно

Между тѣмъ, здоровье Скобелева, благодаря его крѣпкой натурѣ, быстро поправлялось и черезъ недѣлю онъ уже снова сидѣлъ на своемъ боевомъ конѣ и объѣзжалъ позиціи. Солдаты радостно привѣтствовали любимаго полководца, къ которому они такъ привыкли, который однимъ своимъ присутствіемъ такъ ободрялъ ихъ, который дѣлилъ съ ними въ траншеяхъ и горе, и радость, и всѣ боевыя невзгоды...

Популярность «бѣлаго генерала» съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалась не только въ народѣ (какъ гласили газеты), но и среди войскъ дѣйствующей арміи, особенно же окружавшихъ Плевну. Солдаты часто, преимущественно по вечерамъ, когда фантазія особенно разыгрывается, разсказывали про него разныя небылицы: что онъ заколдованный, что отъ него отскакиваютъ пули и пр. Я не разъ слышалъ это собственными ушами. Словомъ, вѣра въ него росла съ каждымъ днемъ.

Въ то время, когда весь блокирующій плевненскій отрядъ безмолвствовалъ, у насъ на Зеленыхъ горахъ кипѣла безпрерывная жизнь, какъ должно понимать ее въ боевомъ смыслѣ. Контузія же Скобелева, какъ и всякое несчастіе, еще болѣе расположило къ нему общественное мнѣніе. И дѣйствительно, Скобелевъ не щадилъ себя и находился всегда въ наиболѣе опасныхъ и, слѣдовательно, важныхъ мѣстахъ.

— Что жъ, братцы, слышалъ я часто разсужденія солдатиковъ,—ежели, таперича, онъ, самъ янаралъ нашъ, идетъ прямо подъ пули, такъ нашему брату, простому мужику, и подавно жалѣть себя нечего!..

На Зеленыя горы къ намъ нерѣдко пріѣзжали офицеры съ другихъ позицій, а также румыны и изъ главной квартиры; всѣ живо интересовались ходомъ дѣла на нашемъ участкѣ и, главное, личностью самого начальника.

Пріѣхалъ, между прочимъ, какой-то нѣмецкій принцъ (не помню его имени) и убѣдительно просилъ Скобелева показать ему расположеніе укрѣпленій на Зеленыхъ горахъ. Скобелевъ изъявилъ на это полное согласіе и подозвалъ меня.

— Вотъ этотъ принцъ, сказалъ онъ мнѣ тихо,—проситъ показать ему наши траншеи и редутъ. Поѣзжайте съ нимъ и покажите ему хорошенько все... Я увѣренъ, вы это сдѣлаете такъ, что у нихъ не явится болѣе охоты осматривать...

Въ этой фразѣ сказалась нелюбовь Скобелева ко всѣмъ нѣмцамъ вообще, которую онъ, впрочемъ, какъ человѣкъ честный и прямой, никогда и не скрывалъ.

— Ваше высочество! обратился Михаилъ Дмитріевичъ къ принцу,—вотъ этотъ офицеръ, онъ указалъ на меня,—проведетъ васъ на позиціи и подробно все объяснитъ вашему высочеству. Онъ находился все время въ траншеяхъ и прекрасно знаетъ мѣстность...

Я взялъ подъ козырекъ, принцъ любезно мнѣ поклонился. Усѣвшись на коней, мы рысью направились къ Брестовацкому логу. Съ нами ѣхалъ еще ординарецъ главнокомандующаго, состоявшій при принцѣ, и два лейбъ-казака. Въ лощинѣ мы остановились, слѣзли съ лошадей и пѣшкомъ направились прикрытымъ путемъ къ редуту. Здѣсь принца встрѣтилъ комендантъ, генералъ Гренквистъ, которому я объяснилъ цѣль нашего прихода. Турки въ это время молчали и мы свободно могли разсматривать изъ редута впереди лежащую мѣстность.

Осмотрѣвъ опорный пунктъ нашего расположенія, я провелъ принца по прикрытому пути сначала на правый флангъ, а затѣмъ траншеями на лѣвый. Когда мы подошли къ лѣвому флангу турки вдругъ почему-то открыли

спокоенъ; не смотря на несомнѣнныя физическія страданія, онъ старался казаться веселымъ, любезнымъ и все время шутилъ съ нами.

— Это все, господа, виноватъ черный полушубокъ! говорилъ онъ, улыбаясь.—Не надѣнь я его—навѣрное ничего бы этого не было... Но, во всякомъ случаѣ, все это пустяки! Скоро я снова явлюсь къ вамъ въ траншеи.

Его Высочество, узнавъ о контузіи Скобелева, лично пріѣхалъ навѣстить славнаго героя Зеленыхъ горъ. Въ то время, когда главнокомандующій со своею свитой подъѣзжалъ къ Брестовцу, турки открыли по этой группѣ всадниковъ учащенный огонь. Николай Николаевичъ совершенно спокойно и не торопясь сошелъ съ коня и вошелъ въ комнату Скобелева, у котораго и оставался довольно долго. Пули, между тѣмъ, такъ и свистали возлѣ того мѣста, гдѣ стояла свита, въ ожиданіи выхода изъ избы главнокомандующаго. Нѣсколько разъ докладывали Его Высочеству объ опасности положенія, но онъ все продолжалъ свою бесѣду со Скобелевымъ.

— Вѣдь, скандалъ, господа, волновались нѣкоторыя изъ лицъ свиты, — если главнокомандующаго убьютъ вдругъ! Мы отвѣчать будемъ за это передъ Государемъ и исторіей!..

Наконецъ, Николай Николаевичъ любезно распростился со Скобелевымъ, пожелавъ ему скорѣе поправляться и, усѣвшись на коня, благополучно вернулся, провожаемый турецкими пулями, въ Боготъ.

Въ свитѣ главнокомандующаго пріѣзжалъ навѣщать Скобелева также отецъ его—почтенный, всѣми уважаемый генералъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ 1-й.

Со своею обычною добродушною улыбкой Михаилъ Дмитріевичъ разсказывалъ намъ послѣ, какъ онъ, воспользовавшись «размягченіемъ родительскаго сердца», взялъ слово

съ «папаши», что послѣдній непремѣнно пришлетъ для всей его дивизіи 10,000 полушубковъ.

— Ты запиши за мной, сказалъ я ему;—а потомъ я тебѣ возвращу эти деньги... Конечно, и не подумаю! У него денегъ тьма-тьмущая, на что ему столько?.. Впрочемъ, онъ и не будетъ въ претензіи, если я не отдамъ ему ихъ! У него только трудно выпросить!.. Вотъ, значитъ, господа, контузія не прошла безъ пользы!..

Мы всѣ, конечно, отъ души хохотали, слушая этотъ откровенный разсказъ Скобелева о его остроумной и полезной хитрости.

Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время полушубки были получены и розданы солдатамъ, къ ихъ великому удовольствію.

Жизнь на позиціяхъ, въ траншеяхъ продолжалась своимъ обычнымъ чередомъ, не смотря на болѣзнь Скобелева. обязанность котораго исполнялъ старшій въ чинѣ послѣ него генералъ Гренквистъ; онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и комендантомъ воздвигнутаго за траншеями редута, куда ежедневно назначались дежурить ординарцы Скобелева. Не смотря на свою контузію, Михаилъ Дмитріевичъ продолжалъ фактически распоряжаться дѣлами: впереди д. Брестовацъ онъ приказалъ поставить 9-ти-фунтовую батарею, позади, у ручья, расположить перевязочный пунктъ. Деревню занималъ Углицкій полкъ, командиръ котораго, полковникъ Панютинъ, устроилъ въ деревнѣ же офицерскую столовую, гдѣ можно было достать все необходимое по сравнительно очень дешевымъ цѣнамъ; всѣ продукты выписывались изъ Бухареста. Нельзя не помянуть за это добрымъ словомъ энергичнаго и заботливаго Панютина, благодаря которому мы сохранили въ нашихъ карманахъ не мало денегъ, перешедшихъ бы, въ противномъ случаѣ, въ руки алчныхъ маркитантовъ.

ружейный огонь и пули часто засвистали надъ нашими головами.

Принцъ въ нерѣшительности остановился; видимо, эти предательскіе, дѣйствующіе такъ сильно на нервы, звуки произвели на него непріятное впечатлѣніе.

— Самая интересная траншея, ваше высочество, сказалъ я, обращаясь къ принцу,—это вонъ та, что виднѣется впереди; ее стоитъ осмотрѣть: передъ нею расположены проволочныя сѣти и фугасы...

Хотя огонь все усиливался, но принцъ, послѣ нѣкотораго колебанія, изъявилъ согласіе отправиться дальше и посмотрѣть на указанную мною траншею. Мы быстро двинулись впередъ по соединительному прикрытому пути подъ довольно сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Пули безпрерывно, все чаще и чаще почему-то, жужжали надъ нашими головами.

— Это ничего, старался я утѣшить принца, который замѣтно началъ волноваться и нагибать голову; — здѣсь постоянно летаютъ пули... Нагибайтесь ниже, ваше высочество!

Наконецъ мы дошли до самой передовой траншеи. Я сталъ на банкетъ, открывая, такимъ образомъ, свою голову и плечи непріятелю, и предложилъ спутникамъ сдѣлать то же. Принцъ довольно неохотно послѣдовалъ моему примѣру.

— Вотъ взгляните, ваше высочество, обратился я къ нему,—здѣсь находится проволочная сѣть, въ которой турки запутаются, если вздумаютъ атаковать насъ; а вонъ тамъ—устроены фугасы, которые мы взорвемъ при той же попыткѣ съ ихъ стороны...

Пули цѣлыми десятками такъ и рѣзали воздухъ мимо нашихъ головъ (разстояніе до непріятеля было около 150 шаговъ); нѣкоторыя впивались въ рыхлую землю насыпи

возлѣ насъ, къ счастью, не задѣвъ никого изъ людей. Черезъ минуту мы направились обратно къ своимъ лошадямъ и благополучно вернулись въ Брестовацъ.

— Ну что, спросилъ меня Скобелевъ,—какъ принцъ велъ себя подъ огнемъ?

— Да какъ будто сробѣлъ немного, особенно когда пришлось стать на банкетъ въ передовой траншеѣ, отвѣчалъ я.

За обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ и принцъ, Скобелевъ обратился къ нему по нѣмецки.

— Довольны-ли вы, ваше высочество, вашимъ проводникомъ—Дукмасовымъ?

— О, да, отвѣчалъ весело принцъ,—я очень, очень доволенъ. И какъ прекрасно у васъ все устроено; всѣ эти траншеи, редуты, сѣти... Однако, я думаю, очень опасно находиться такъ близко къ непріятелю! Нужно быть въ постоянной боевой готовности встрѣтить его. Вѣдь, это страшно утомительно для офицеровъ и солдатъ!.. Наконецъ, этотъ постоянный огонь такъ непріятно дѣйствуетъ!..

Во время этого разговора въ столовую, гдѣ мы всѣ находились, вошелъ скобелевскій поваръ-французъ, держа въ рукахъ надъ своею головой большое полѣно. Мы всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на него, на эту комичную фигуру и взволнованное выраженіе его лица.

— Что вамъ надо? обратился къ нему по французски Скобелевъ.

Джентльменъ поваръ, опустивъ полѣно у ногъ Скобелева и сильно жестикулируя, сталъ быстро говорить.

— Помилуйте, генералъ, это невозможно: мнѣ нѣтъ покоя на кухнѣ отъ турецкихъ пуль! Я заставилъ плиту нѣсколькими дверьми и все-таки одна проклятая пуля («une maudite balle») испортила мнѣ лучшую кастрюлю... Наконецъ, вотъ только-что въ это бревно (онъ съ ужа-

сомъ указалъ на полѣно, лежавшее у ногъ Скобелева), возлѣ котораго я стоялъ, ударилась большая пуля («une grande balle»)... Посмотрите, она здѣсь... продолжалъ французъ, тыкая пальцемъ на маленькое отверстіе въ деревѣ.— Я, конечно, ужасно испугался и вотъ принесъ вамъ показать это полѣно... Я не могу такъ работать, генералъ!.. (Je ne puis pas ainsi travailler, general!) Въ крымскую кампанію я тоже былъ поваромъ у англичанъ, но со мною ничего подобнаго никогда не случалось! Я вѣдь гражданинъ, а не воинъ! («Je suis citoyen, mais pas soldat!») Я не могу продолжать вамъ готовить, какъ угодно! Меня могутъ убить, а я хочу жить!.. и такъ далѣе.

Все это онъ говорилъ чрезвычайно быстро, какъ истый французъ, и я половины не понялъ изъ его тирады. Послѣ уже мнѣ разсказали товарищи. Скобелевъ, дорожа хорошимъ поваромъ, началъ уговаривать и утѣшать француза.

— Вѣдь, безъ этого невозможно на войнѣ! говорилъ онъ, улыбаясь.—Вотъ и моя палатка, посмотрите, тоже пробита пулями. Вамъ въ домѣ гораздо лучше, безопаснѣе: стѣну не пробьетъ пуля, а двери и окна закладывайте бревнами... Но поваръ былъ неумолимъ и все что-то болталъ, размахивая руками. Наконецъ, это надоѣло Скобелеву и онъ хотѣлъ-было уже его выгнать.

— Ваше превосходительство! сказалъ кто-то,—да вы прикажите выдать ему бутылку краснаго вина—онъ сейчасъ успокоится...

— А въ самомъ дѣлѣ, улыбнулся генералъ.—Хомичевскій, распорядитесь, пожалуйста, чтобы храброму гражданину французской республики краснаго вина дали!

Поваръ былъ совершенно удовлетворенъ и тотчасъ же успокоился.

По приказанію главнокомандующаго, Скобелевъ долженъ былъ принять отъ генералъ-адъютанта Гурко такъ

называемые Волынскіе редуты. Принимать эти редуты Скобелевъ направился со своею свитой, состоявшей изъ Куропаткина, инженеръ-полковника Мельницкаго, Баранка, Хомичевскаго, меня и пяти казаковъ.

Мы выѣхали изъ Брестовца и направились прямо на сѣверъ черезъ аванпостную цѣпь къ деревнѣ Крышино. Вскорѣ мы подъѣхали къ ней, благодаря лощинѣ, очень близко и совершенно незамѣтно. Нѣсколько турецкихъ солдатъ, бывшихъ на окраинѣ деревни, замѣтивъ неожиданно насъ, поднявъ крикъ, бросились въ испугѣ бѣжать и въ то же время изъ ближайшихъ траншей открыли по нашей группѣ частый ружейный огонь. У полковника Мельницкаго тотчасъ же была ранена лошадь и онъ долженъ былъ вернуться обратно.

— Алексѣй Николаевичъ! обратился Скобелевъ къ Куропаткину,—да вы поѣзжайте съ Баранкомъ тоже назадъ: тамъ, вѣдь, есть спѣшныя бумаги...

Такъ-что далѣе продолжали путь только Скобелевъ, Хомичевскій, я и два казака.

Редутъ, куда мы пріѣхали, занималъ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ съ двумя орудіями. Мы слѣзли здѣсь съ коней и вскорѣ увидѣли ѣхавшаго отъ р. Видъ генерала Гурко съ большою свитой. Возлѣ редута Гурко спѣшился, вошелъ въ укрѣпленіе и дружески поздоровался со Скобелевымъ. Они стояли на платформѣ у самаго орудія и оживленно о чемъ-то разговаривали. Я же съ Хомичевскимъ бесѣдовали въ это время съ лицами свиты Гурко, которая почти исключительно состояла изъ гвардейскихъ офицеровъ. Впереди редута, въ которомъ мы находились, турки строили какое-то укрѣпленіе и масса рабочихъ совершенно открыто копала землю.

— А не пустить-ли намъ гранату по этимъ рабочимъ? обратился Гурко къ Скобелеву.

— Отчего жь, не мѣшаетъ попугать ихъ! согласился послѣдній.

Гурко приказалъ артиллерійскому офицеру навести орудіе и выстрѣлить по рабочимъ. «Пли!» послышалась команда, и граната, завывая, шлепнулась гдѣ-то далеко возлѣ рабочихъ, которые быстро разбѣжались и попрятались. Но въ ту же минуту въ непріятельскомъ редутѣ мелькнулъ огонекъ. «Огонь!» крикнулъ кто-то, и всѣ быстро попрятались за брустверъ и траверсы; а генералъ Каталей нашелъ себѣ пріютъ даже подъ дуломъ орудія. На своихъ мѣстахъ остались только Гурко, Скобелевъ, Хомичевскій и я. Непріятельская граната съ шумомъ пролетѣла мимо орудія и ударила въ траверсъ—цѣлый снопъ земли обсыпалъ всѣхъ насъ. Опасность миновала и всѣ вышли изъ своихъ закрытій. Гурко подалъ руку Скобелеву и крѣпко пожалъ ее.

— Вы, сказалъ онъ, улыбаясь, — съ молодыхъ лѣтъ еще привыкли къ боевой жизни, почему и относитесь къ этому такъ спокойно...

Впрочемъ, нужно отдать справедливость, что Гурко держалъ себя подъ огнемъ съ такимъ же достоинствомъ, какъ и Скобелевъ, подавая этимъ хорошій примѣръ своимъ подчиненнымъ. Черезъ нѣсколько мгновеній снова блеснулъ огонекъ въ турецкомъ редутѣ и снова повторилась прежняя картина — всѣ бросились подъ прикрытіе земляныхъ насыпей. Вторая граната не долетѣла далеко до редута и зарылась въ землю шагахъ въ 150 отъ насъ. Видя, что турецкая артиллерія не остается въ долгу, наши орудія прекратили стрѣльбу и непріятельскіе рабочіе снова повыползали и спокойно занялись на нашихъ глазахъ своимъ дѣломъ. Скобелевъ уговорился съ Гурко относительно сдачи и пріема редута и смѣны Волынскаго

полка войсками нашего отряда; затѣмъ мы дружески распростились, усѣлись на коней и разъѣхались по домамъ.

ГЛАВА V.

Въ послѣднихъ числахъ ноября у насъ стали носиться упорные слухи, что со дня на день должно ожидать какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Османа. Всѣ мы находились въ понятномъ тревожномъ ожиданіи; всѣ эти слухи вызывали самые оживленные, безконечные толки, предположенія, всѣхъ охватило какое-то лихорадочное настроеніе. Большинство ложилось ночью спать въ полной боевой готовности, съ револьверами въ рукахъ, и самая незначительная перестрѣлка поднимала на ноги чуть не весь отрядъ. Словомъ, всѣ были въ возбужденномъ, нервномъ настроеніи.

Бѣжавшіе изъ Плевны болгары-жители, а также дезертиры-турки, показывали, что Османъ собирается прорваться; но въ какую сторону, куда именно — это было неизвѣстно; наиболѣе вѣроятный путь былъ, конечно, за р. Видъ.

Генераломъ Тотлебеномъ были разосланы приказанія во всѣ части войскъ объ исправленіи дорогъ, ведущихъ къ р. Видъ, и проложеніи новыхъ, чтобы, въ случаѣ движенія турокъ на западъ, всѣ отряды, облегающіе Плевну, могли удобно и быстро двинуться во фланги и въ тылъ прорывающемуся врагу. Нашъ отрядъ, въ случаѣ прорыва турокъ за р. Видъ, долженъ былъ тоже двинуться на выручку гренадерскаго корпуса Ганецкаго. Вездѣ закипѣла лихорадочная дѣятельность; всѣ чувствовали, что дни Османа сочтены, что еще нѣсколько дней ожиданія и терпѣнія—и опасный звѣрь будетъ пойманъ въ своей неприступной берлогѣ.

Въ эти дни ожиданій я получилъ командировку.

— Дукмасовъ! обратился ко мнѣ рано утромъ Куропаткинъ.—Генералъ Скобелевъ приказалъ вамъ ѣхать сейчасъ же на р. Искеръ и произвести тщательную рекогносцировку ея. Хорошенько осмотрите все: ширину рѣки, глубину, свойство береговъ, быстроту теченія, есть-ли броды, гдѣ удобнѣе мѣста для наводки мостовъ между дд. Койнаре и Махалата, гдѣ можно найти для этого матеріалъ и пр. Да кроки не забудьте представить. Пожалуйста, все повнимательнѣе осмотрите и разузнайте обо всемъ; очень можетъ быть, что Османъ туда ударитъ и попробуетъ прорваться на Виддинъ... Возьмите съ собой десять казаковъ и съ Богомъ!..

Я немедленно усѣлся на коня и выѣхалъ съ казаками изъ д. Брестовацъ на Картужабенъ и Медованъ; въ этой деревнѣ мы встрѣтили дивизіонъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, который занималъ аванпосты.

— А, станичники, здорово! обрадовался, увидя насъ, любезный дивизіонеръ, полковникъ Поздѣевъ. — Ну, какъ хотите, а мы не пустимъ васъ безъ закуски, отвѣчалъ онъ, узнавъ цѣль моего пріѣзда.—Кстати, мы можемъ сообщить вамъ кое-какія полезныя свѣдѣнія.

Пришлось волей-неволей слѣзать съ коня и закусывать. Полковникъ Поздѣевъ познакомилъ меня съ нѣсколькими офицерами, отъ которыхъ я собралъ кое-какія свѣдѣнія о туркахъ, о бродахъ черезъ Видъ и пр. Подкрѣпившись на̀-скоро и распростившись съ радушными гвардейцами, мы двинулись далѣе, переправились въ бродъ черезъ р. Видъ, проѣхали дд. Горный Дубнякъ, Телишь и у д. Койнаре переправились черезъ р. Искеръ. Здѣсь я осмотрѣлъ всѣ дороги, ведущія къ этой рѣкѣ, измѣрилъ глубину ея и быстроту теченія, собралъ отъ жителей нужныя свѣдѣнія и затѣмъ направился по теченію Искера

къ д. Глава. Солнце уже садилось, стало замѣтно темнѣть, и я рѣшилъ ночевать въ Главѣ, тѣмъ болѣе, что казаки и лошади сильно устали, пройдя около 50-ти верстъ безъ корма и почти безъ отдыха. Въ ближайшей избѣ деревни мы остановились на ночлегъ.

Рано утромъ на слѣдующій день я переправился со своею маленькою командой на правый, нагорный берегъ Искера, измѣрилъ снова пиками глубину рѣки и, вернувшись опять на лѣвую сторону, добрался до д. Махалата. Здѣсь я нашелъ нашу пѣхоту и саперъ, которые уже навели мостъ черезъ Искеръ. Отдохнувъ немного и побесѣдовавъ съ саперными офицерами, мы двинулись въ обратный путь и къ вечеру, черезъ Дубнякъ и Картужабенъ, благополучно достигли дома, т.-е. Зеленыхъ горъ и Брестовца. Всѣ свои работы, кроки и описаніе я передалъ Куропаткину и на другой день получилъ отъ Скобелева благодарность за хорошее исполненіе даннаго мнѣ порученія.

Часовъ около двѣнадцати ночи съ 27 на 28 ноября, когда мы, ординарцы Скобелева, еще бодрствовали и бесѣдовали о предполагаемомъ прорывѣ Османа, послышался чей-то голосъ:

— Господа, казачій разъѣздъ привелъ съ аванпостовъ турка!..

Мы бросились изъ избы къ Скобелеву, къ которому повели плѣннаго низама — здороваго, плотнаго мужчину въ старомъ поношенномъ пальто съ башлыкомъ. Смотрѣлъ онъ на насъ довольно спокойно, апатично и, казалось, совершенно примирился со своимъ положеніемъ. Вскорѣ явился переводчикъ и занялся опросомъ плѣннаго, который, какъ оказалось, попалъ въ наши руки случайно, заблудившись въ темнотѣ. Онъ же сообщилъ, что боевыхъ запасовъ у турокъ осталось очень немного, такъ что Османъ уже двѣ недѣли тому назадъ приказалъ совершенно пре-

кратить стрѣльбу изъ орудій и возможно рѣже открывать ружейный огонь (дѣйствительно, въ послѣдніе дни турки почти совершенно прекратили стрѣльбу даже по болѣе или менѣе значительнымъ группамъ; тогда какъ прежде они пускали гранаты въ кучки изъ 4—5 человѣкъ); что два дня тому назадъ всѣмъ солдатамъ розданъ былъ трехъдневный запасъ галетъ, кофе и рису съ строгимъ приказаніемъ отнюдь не расходовать эту провизію; что въ эту ночь войскамъ со всѣхъ редутовъ и траншей велѣно было собраться у моста черезъ р. Видъ, откуда они должны направиться въ крѣпость Виддинъ. Затѣмъ плѣнный сообщилъ, что онъ все время служилъ на редутѣ Юнусъ-беѣ (Крышинскій), что съ вечера онъ крѣпко заснулъ въ землянкѣ и не замѣтилъ, какъ товарищи его ушли. Отправившись же догонять ихъ, онъ заблудился и набрелъ на нашъ разъѣздъ.

— А ну-ка, посмотрите, господа, обратился къ намъ Скобелевъ,—что у него въ ранцѣ?

Мы сняли ранецъ и раскрыли его; тамъ оказался тотъ самый запасъ, о которомъ упоминалъ турокъ (галеты. рисъ, кофе), незначительное количество бѣлья и разная мелочь.

— Ну, бѣлье-то не важное! замѣтилъ какъ бы про себя Михаилъ Дмитріевичъ.—Передайте ему, продолжалъ онъ, обращаясь къ переводчику Луцканову,—что онъ долженъ вести нашъ отрядъ на Крышинскій редутъ, и если окажется, что онъ навралъ, то будетъ тамъ же убитъ!..

Турокъ изъявилъ на это полное согласіе.

— Ну, а пока прикажите, господа, накормить его хорошенько. Да вотъ что, Алексѣй Николаевичъ, продолжалъ генералъ, обращаясь къ Куропаткину,—нужно будетъ обо всемъ этомъ сейчасъ же послать телеграмму въ главную квартиру и генералу Тотлебену, а затѣмъ вы-

звать охотниковъ и направить ихъ въ Крышинскій редутъ со всѣми предосторожностями...

Черезъ нѣсколько минутъ къ редутамъ были двинуты охотники съ плѣннымъ туркомъ и вскорѣ удостовѣрились, что они дѣйствительно очищены непріятелемъ. Для болѣе сильнаго занятія ихъ, изъ д. Брестовца направился Углицкій полкъ, захватившій не только ближайшіе, но и самые дальніе редуты надъ р. Видомъ и отрѣзавъ, такимъ образомъ, путь отступленія туркамъ, которые могли бы, въ случаѣ неудачи прорыва, снова вернуться подъ прикрытіе этихъ грозныхъ укрѣпленій. Остальные же три полка лихой 16-й дивизіи съ артиллеріей двинулись еще до разсвѣта за р. Видъ.

Всю ночь была зловѣщая тишина—ни одного выстрѣла не раздавалось въ воздухѣ. Часовъ въ семь утра памятнаго для всѣхъ русскихъ и турокъ 28 ноября, лишь только туманъ слегка разсѣялся и мы стояли уже на своихъ мѣстахъ, за Видомъ, на правомъ флангѣ гренадерскаго корпуса, раздался ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и скоро страшная трескотня, вмѣстѣ съ частыми орудійными выстрѣлами, огласила всю окрестность. Мы увидѣли, какъ густыя цѣпи красныхъ фесокъ стремительно атаковали передовыя траншеи нашихъ гренадеръ, которые, не будучи въ силахъ удержать дружнаго натиска врага, бѣжали къ своимъ резервамъ. Турки безъ остановки бросились далѣе, и черезъ нѣсколько минутъ та же участь постигла наши батареи, не смотря на тотъ страшный картечный огонь, валившій цѣлыя кучи турецкихъ тѣлъ, которымъ встрѣтили онѣ непрошенныхъ гостей. Было что-то фанатическое, отчаянно-демоническое въ этой бѣшеной атакѣ! Казалось, что турки поклялись или умереть, или прорваться!.. На нѣсколько минутъ остановились мусульмане для ма-

леньκой передышки у захваченныхъ ими русскихъ орудій и затѣмъ снова стремительно, храбро бросились впередъ...

Тогда Скобелевъ отдалъ приказаніе перемѣнить фронтъ своей дивизіи и направиться правѣе Плевно-Софійскаго шоссе, во флангъ наступавшему врагу, до котораго было около четырехъ верстъ.

Войска, въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи, имѣя впереди казачью цѣпь, стройно двинулись на разсвирѣпѣвшаго врага.

Скобелевъ, чтобы лучше видѣть картину боя, поскакалъ по шоссе къ Плевнѣ; мы отъ него не отставали. Между тѣмъ, военное счастье перемѣнилось: на выручку гренадерамъ подошла изъ ихъ резерва свѣжая бригада и дружно, въ свою очередь, атаковала усталыхъ побѣдителей. Послѣдніе не выдержали и подались назадъ. Эта удача еще больше ободрила гренадеръ, и они энергично стали тѣснить врага. Вотъ они уже взяли обратно свои батареи и брошенныя орудія, вотъ турки бѣгутъ черезъ траншеи къ Виду, а гренадеры, съ побѣднымъ крикомъ «ура», преслѣдуютъ ихъ и штыками, и страшными залпами, отъ которыхъ ложатся цѣлыя сотни лучшихъ, испытанныхъ турецкихъ солдатъ.

Сначала турки цѣплялись за каждую траншейку, отбиваясь отъ разсвирѣпѣвшихъ гренадеръ, но вскорѣ, объятые паническимъ страхомъ, они просто бѣжали, какъ стадо испуганныхъ барановъ. А въ эту густую массу человѣческихъ тѣлъ со всѣхъ сторонъ съ злобнымъ свистомъ сыпались тысячи русскихъ пуль, гранатъ и картечей... На мосту черезъ Видъ мы увидѣли страшную картину: масса войскъ и множество каруццъ съ обезумѣвшими жителями, плачущими дѣтьми и женщинами — все это стремилось, въ неимовѣрной давкѣ, пробраться на другой берегъ рѣки. Большинство турецкихъ воиновъ

спасаясь отъ нашихъ солдатъ и не имѣя возможности попасть на мостъ, бросалось прямо въ рѣку и гибло здѣсь десятками, не будучи въ состояніи переплыть въ одеждѣ и аммуниціи черезъ узкую полосу быстрой воды. Многихъ же пловцовъ русскія пули догоняли уже въ то время, когда они достигали противоположнаго берега... Трупы ихъ неслись по теченію... Нѣкоторыя части непріятельскаго войска, преслѣдуемыя и безпощадно разстрѣливаемыя нашими солдатами, бросились къ покинутымъ редутамъ. Но здѣсь, съ южной стороны, ихъ встрѣтили дружными залпами угличане, а съ сѣверной—захватившіе эти редуты румыны. Положеніе было безвыходное— басурмане были окружены со всѣхъ сторонъ! Со всѣхъ сторонъ ихъ безпощадно разстрѣливали!.. Осману ничего больше не оставалось дѣлать, какъ выкинуть бѣлый флагъ. Дѣйствительно, онъ скоро и показался возлѣ моста — турки бросали оружіе...

Съ трудомъ могли остановить наши офицеры своихъ солдатъ, которые вымещали на непріятелѣ кипѣвшую злобу за всѣ тѣ жертвы, испытанія и неудачи, которыя причинилъ онъ имъ, за своихъ павшихъ товарищей,—словомъ, за все, за все... Какъ звѣри, гнали они этого бѣгущаго, объятаго ужасомъ, врага, и ничто, казалось, не могло сломить теперь ихъ дикой, безумной храбрости... «Ура, урааа!..» все еще слышалось въ кровавой долинѣ Вида, и эти радостные, побѣдные крики долго носились надъ живыми, ранеными и мертвыми ратниками... Русская честь была возстановлена: мы отмстили за своихъ павшихъ товарищей, за тяжелыя неудачи, пораженія... Трудно передать то счастливое, блаженное настроеніе, которое охватило всѣхъ насъ, присутствовавшихъ при сдачѣ арміи Османа-паши. Нужно было самому прожить цѣлые мѣсяцы на позиціяхъ, вокругъ этого заколдованнаго турецкаго

гнѣзда, нужно было самому перенесть эти безконечныя нравственныя и физическія страданія и муки, видѣть отчаянныя, но тщетныя усилія нашихъ героевъ, участвовать самому въ этихъ ужасныхъ атакахъ на смертоносные редуты, у которыхъ погибли тысячи нашихъ боевыхъ сотоварищей, нашихъ дорогихъ друзей... Повторяю, нужно самому все это испытать, пережить, перечувствовать, чтобы понять то неподдающееся описанію чувство, которое испытывали всѣ мы, плевненскіе бойцы, увидѣвъ развѣвающійся бѣлый флагъ, увидѣвъ эти десятки тысячъ враговъ, нанесшихъ намъ столько вреда, бросавшихъ теперь оружіе и отдававшихъ въ полное наше распоряженіе свою судьбу... Не даромъ говорятъ, что нужно отвѣдать горькаго, чтобы оцѣнить прелесть сладкаго! Кто не перенесъ сильнаго горя, сильныхъ страданій, тотъ врядъ-ли можетъ испытать и полную радость!

Однако, я забѣжалъ впередъ; возвращаюсь къ своему разсказу.

Скобелевъ, видя, что участь турецкой арміи рѣшена и безъ его помощи, что гренадеры одни управились съ непріятелемъ, послалъ приказаніе полкамъ пріостановить движеніе, а самъ со свитой поскакалъ къ мосту, гдѣ развѣвался этотъ желанный, бѣлый флагъ. Еще ранѣе начальникъ гренадерскаго корпуса, генералъ Ганецкій, послалъ къ Осману парламентера, свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова, которому храбрый, раненый въ ногу, предводитель турокъ передалъ, что сдается со всею своею арміей (40 тысячъ и 70 орудій) на волю и милость нашего Государя; при этомъ онъ просилъ только, чтобы офицерамъ позволено было оставить при себѣ всѣ вещи, прислугу и лошадей. Ганецкій, которому вернувшійся Струковъ передалъ просьбу Османа, сказалъ, что сообщитъ объ этомъ главнокомандующему.

Между тѣмъ, къ мосту, къ которому мы подъѣхали, собралась масса нашего генералитета и офицеровъ; нѣкоторые зашли въ землянку, гдѣ помѣщался Османъ, и съ удивленіемъ разсматривали раненаго турецкаго героя и начальника его штаба (нѣкоторые же, даже солидные чины, немедленно занялись торговлей - покупкой прекрасныхъ лошадей и оружія у турецкихъ пашей, предлагая имъ цѣны, слишкомъ ужь обидныя)... Османъ-паша, не смотря на полученную рану, былъ довольно спокоенъ и старался, по возможности, любезно отвѣчать на всеобщія привѣтствія, хотя сумрачное выраженіе его лица доказывало, что его нравственное состояніе духа далеко не соотвѣтствовало наружному спокойствію. Это былъ мужчина средняго роста, среднихъ лѣтъ, брюнетъ, съ довольно выразительною физіономіей, съ умными, проницательными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ самый простой турецкій костюмъ съ красною феской на головѣ. Многіе изъ окружавшихъ его нашихъ офицеровъ говорили ему пофранцузски льстивыя рѣчи, удивлялись его храбрости, его стойкости... «Браво, Османъ, брависсимо!» слышалось даже по временамъ. Словомъ, ему чуть не апплодировали! Онъ относился ко всему этому довольно хладнокровно и пасмурно смотрѣлъ на всю эту плеяду блестящихъ русскихъ мундировъ. Не такой тріумфъ рисовался храброму защитнику Плевны! Онъ мечталъ, вѣроятно, о торжественной встрѣчѣ въ Стамбулѣ, объ объятіяхъ султана, объ оваціяхъ всей турецкой знати, всего сераскеріата и духовенства... И вдругъ теперь эти сѣверные «гяуры» расточаютъ передъ нимъ свои любезности, сыплютъ ему панегирики, и все это за то, что онъ отправилъ на тотъ свѣтъ десятки тысячъ храбрыхъ братьевъ этихъ же самыхъ льстецовъ...

Между тѣмъ, дано было знать о судьбѣ турецкой арміи главнокомандующему, и всѣ стали готовиться къ

торжественной встрѣчѣ Его Высочества. Стрѣльба прекратилась, изрѣдка раздавались только одиночные выстрѣлы.

Я воспользовался этою суетой и поѣхалъ осмотрѣть поле сраженія и ближайшія непріятельскія укрѣпленія (предмостныя).

Пришлось проѣзжать мимо турецкихъ землянокъ, которыя снова заняли уцѣлѣвшіе хозяева. Нѣкоторые, сидя на землѣ, сами перевязывали себѣ раны, другіе безъ всякаго дѣла апатично посматривали на нашихъ солдатъ-гренадеръ, стоявшихъ тутъ же, возлѣ нихъ. При моемъ приближеніи турки вставали и отдавали по своему честь. Офицеры тоже почтительно кланялись и добродушно, съ любопытствомъ посматривали на меня. На лицахъ у всѣхъ я замѣтилъ даже нѣкоторое довольство. Одинъ изъ офицеровъ заговорилъ со мною по польски. Я за время своей службы въ Польшѣ немного зналъ этотъ языкъ и вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Оказалось, что они очень довольны такимъ исходомъ. «Кончились, по крайней мѣрѣ, наши страданія и вѣчное ожиданіе смерти», прибавилъ онъ съ улыбкой.

— А скоро насъ поведутъ въ Россію? Будутъ насъ хорошо содержать, кормить? закидывалъ онъ меня вопросами.

— Да вамъ-то, офицерамъ, будетъ, конечно, хорошо, отвѣчалъ я,—а вотъ солдатамъ—вѣроятно, придется попоститься!.. Вѣдь, наше интендантство не предвидѣло такого счастливаго эпилога плевненскаго сидѣнія и не позаботилось, конечно, о достаточныхъ запасахъ для 40 тысячъ плѣнниковъ. Да и теплой одежды у васъ, вѣроятно, нѣтъ, а придется вѣдь ночевать не въ землянкахъ, а на открытомъ воздухѣ...

Взглянувъ назадъ, я увидѣлъ, что ѣдетъ главнокомандующій со свитой. Пожавъ руку плѣнному офицеру, я по-

скакалъ обратно къ мосту. Войска наши были уже выстроены шпалерами по шоссе для встрѣчи Его Высочества, а также окружали землянку Османа-паши. Николай Николаевичъ былъ очень веселъ, здоровался съ солдатами и благодарилъ ихъ за молодецкую службу и плѣненіе турецкой арміи. Побесѣдовавъ съ Османомъ-пашей около десяти минутъ, Его Высочество поѣхалъ къ Государю Императору, приказавъ отдѣлить плѣнныхъ офицеровъ отъ солдатъ и отправить первыхъ въ городъ; туда же отвезли и Османа. Комендантомъ Плевны главнокомандующій назначилъ Скобелева. Послѣдній пригласилъ къ себѣ въ Брестовацъ начальника штаба Османа, генералъ-лейтенанта Тевфика-пашу, который изъявилъ на это полное согласіе. Вещи его Скобелевъ приказалъ отправить въ Брестовацъ. По дорогѣ Тевфикъ-паша, довольно молодой еще человѣкъ съ внѣшностью европейца, разсказывалъ много интереснаго относительно обороны Плевны и особенно про отрядъ Скобелева. Я, плохо понимая французскій языкъ, уловилъ только кое-что изъ ихъ бесѣды.

— Когда, 30 августа, разсказывалъ паша,—вы захватили наши редуты—Каванлыкъ и Иса-ага, на военномъ совѣтѣ мы рѣшили отбить ихъ обратно у васъ во что бы то не стало, и если это не удастся, то покинуть Плевну и отступить. Но намъ, благодаря Бога, помогли ваши же генералы!.. Сначала мы очень боялись за Гривицкіе редуты: Ибрагимъ-бей-табію и Омаръ-бей-табію; мы думали, что на эти пункты русскими будетъ поведена главная атака, въ виду чего и сосредоточили здѣсь свои резервы. Но оказалось, что самымъ опаснымъ и рѣшительнымъ противникомъ явились вы, и такъ какъ взятые вами редуты были очень важны въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ, то мы и приняли вышеупомянутое рѣшеніе. Къ нашему счастью, русскіе ограничились взятіемъ редута

Канлы-Табія (Гривицкій № 1); на другихъ же пунктахъ они были отбиты и видимо не были расположены повторять атаку. Поэтому мы незамѣтно перевели большую часть резерва къ редутамъ Каванлыкъ и Иса-ага, оставивъ на другихъ пунктахъ лишь самое необходимое число войскъ... И все-таки, не смотря на такое численное превосходство, мы отобрали редуты лишь послѣ пяти атакъ, потерявъ значительное число лучшихъ нашихъ солдатъ... Да, вы держались замѣчательно стойко! Мы больше всего боялись вашего отряда...

Тевфикъ-паша еще много говорилъ. Говорилъ-ли правду или льстилъ Скобелеву—не берусь судить. Многаго я не понялъ и пропускалъ мимо ушей, не разбирая быстрой французской рѣчи. За обѣдомъ, который продолжался очень долго и прошелъ чрезвычайно оживленно подъ впечатлѣніемъ счастливаго исхода плевненскаго сидѣнія, Тевфикъ-паша продолжалъ разсказывать различные эпизоды изъ осады Плевны. Когда Скобелевъ похвалилъ укрѣпленія турокъ и хорошее ихъ расположеніе, паша съ гордостью и удовольствіемъ заявилъ, что всѣ редуты и траншеи строили природные турки, участвовавшіе большею частью въ Крымской кампаніи и на Кавказѣ въ качествѣ ротныхъ и батальонныхъ командировъ. (Названія редутовъ даны въ честь строителей). Вообще Тевфикъ-паша былъ очень веселъ и, кажется, даже доволенъ тѣмъ, что попалъ въ плѣнъ и вышелъ цѣлъ и съ честью изъ такого опаснаго положенія. Съ Тевфикомъ-пашей пріѣзжалъ также одинъ плѣнный полковникъ Тахиръ-бей, очень симпатичный турокъ, съ которымъ мнѣ пришлось впослѣдствіи встрѣтиться подъ Константинополемъ. На другой день, переночевавъ у насъ, Тевфикъ-паша былъ отправленъ въ главную квартиру, а Скобелевъ со штабомъ перебрался въ Плевну изъ Брестовца и вступилъ въ отправленіе своей новой обязан-

ности — коменданта разгромленнаго города, заваленнаго грудами непріятельскихъ и частью болгарскихъ тѣлъ. На улицахъ, площадяхъ, въ домахъ, въ подвалахъ—вездѣ безпощадная смерть оставила свои ужасные слѣды...

Бродя по городу и заглядывая въ развалины нѣкоторыхъ подвальныхъ помѣщеній, я натыкался часто на самыя потрясающія душу сцены. Рядомъ съ трупами мужчинъ, женщинъ и дѣтей лежали полуживые скелеты, полутрупы, въ зараженномъ страшными міазмами воздухѣ; страдальческіе стоны несчастныхъ умирающихъ, видъ этихъ безпомощныхъ малютокъ, разстающихся съ жизнью тутъ же, на груди своихъ матерей — все это было по истинѣ ужасно!.. Человѣкъ съ мало-мальски слабыми нервами не выдержалъ бы этихъ тяжелыхъ нравственныхъ пытокъ! Только война и безвыходное положеніе осажденныхъ воиновъ, которымъ было не до мертвыхъ, раненыхъ и больныхъ, могли создать такія, потрясающія душу, картины!

Скобелевъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы скорѣе освободить городъ отъ мертвыхъ тѣлъ, перевезти больныхъ и раненыхъ, очистить дома отъ клоаковъ всевозможныхъ заразительныхъ болѣзней.

Сотни каруццъ то и дѣло медленно разъѣзжали по городу и нагружались человѣческими тѣлами, которыхъ вытаскивали изъ домовъ и, какъ дохлыхъ собакъ, бросали у воротъ; все это вывозилось за городъ и зарывалось въ глубокія ямы.

Насколько Михаилъ Дмитріевичъ былъ искуснымъ военачальникомъ, на столько же онъ оказался и искуснымъ административнымъ, мирнымъ дѣятелемъ. И тутъ снова сказался его характеръ — энергичный, подвижной. Онъ разъѣзжалъ верхомъ по городу и дѣятельно хлопоталъ о приведеніи всего въ порядокъ.

Къ завтраку и обѣду Скобелевъ возвращался домой—въ

одинъ изъ хорошенькихъ домиковъ Плевны, счастливо уцѣлѣвшихъ отъ бомбардировки, и обыкновенно привозилъ съ собой кого-нибудь. 2 декабря, между прочимъ, онъ возвратился домой въ обществѣ одного молодаго артиллерійскаго офицера 5-й бригады, котораго онъ встрѣтилъ на улицѣ и, какъ знакомаго, затащилъ къ себѣ завтракать. Вотъ этотъ-то офицеръ, съ которымъ я тогда познакомился, встрѣтясь со мной восемь лѣтъ спустя послѣ кампаніи, и навелъ меня на мысль составить настоящія воспоминанія.

Скобелева видимо тяготила комендантская обязанность— не по его натурѣ она была—и онъ нѣсколько разъ это намъ откровенно высказывалъ. Его тянуло снова въ бой, на Шибку, и онъ дѣятельно къ этому готовился. Полковымъ, батальоннымъ, ротнымъ и батарейнымъ командирамъ онъ постоянно твердилъ, чтобы они озаботились о приведеніи въ порядокъ всего испорченнаго имущества, а также о снабженіи людей всѣмъ необходимымъ для тяжелаго зимняго похода черезъ горы; постоянно слышались разговоры о сухаряхъ, патронахъ, вьюкахъ, лошадяхъ, объ обуви, платьѣ, оружіи, порохѣ и проч. Онъ обращалъ ихъ вниманіе даже на кажущіяся мелочи, которыя на самомъ дѣлѣ играютъ очень важную роль въ солдатскомъ быту.

2 декабря Государь Императоръ изволилъ объѣзжать позиціи г. Плевны и Свои побѣдоносныя войска. Извѣщенный объ этомъ заранѣе, Скобелевъ приготовилъ для Его Величества почетный караулъ отъ Владимірскаго пѣхотнаго полка у своей квартиры, куда Государь согласился заѣхать послѣ объѣзда для отдыха и завтрака.

Здѣсь же, у дома, собралась депутація отъ почетныхъ гражданъ г. Плевны съ хлѣбомъ-солью для торжественной встрѣчи Царя-Освободителя, а также группа болгарскихъ

дѣвушекъ въ бѣлыхъ національныхъ костюмахъ съ цвѣтами въ рукахъ.

Скобелевъ со штабомъ направился къ выѣзду изъ города для встрѣчи Его Величества. Вскорѣ показалась свита, впереди которой ѣхалъ Государь. Скобелевъ подъѣхалъ къ Монарху и отрапортовалъ, какъ комендантъ города, о благополучіи. Его Величество горячо поблагодарилъ генерала и его начальника штаба за службу и любезно поздоровался съ нами, ординарцами. Затѣмъ Государь изволилъ отправиться черезъ городъ на то мѣсто, гдѣ сдалась армія Османа-паши. Скобелевъ, проводивъ Его Величество, вернулся на квартиру, для приготовленія къ встрѣчѣ.

Спустя нѣкоторое время, Государь показался возлѣ воротъ, гдѣ Его Величество встрѣтила депутація отъ жителей Плевны съ хлѣбомъ-солью. Затѣмъ Государь подъѣхалъ къ почетному караулу, поздоровался съ нимъ и поблагодарилъ за молодецкую службу. Музыканты играли при этомъ «Боже, Царя храни!».

Послѣ этого Государь Императоръ изволилъ слѣзть съ коня и подняться по ступенькамъ на крыльцо. Стоявшія здѣсь болгарскія дѣвушки усыпали при этомъ путь Царя цвѣтами, а одна изъ нихъ сказала простую, но сердечную рѣчь, которою Государь былъ видимо тронутъ.

«Всемилостивѣйшій Государь! говорила она. — Велико Твое благодѣяніе къ намъ; Ты не только предпринялъ великую войну изъ любви и состраданія къ намъ, но и удостоилъ нашу убогую страну Твоимъ Царскимъ посѣщеніемъ, подвергнувъ Себя всѣмъ трудностямъ походной жизни. Всемилостивѣйшій Государь! Наша признательность къ Тебѣ не имѣетъ предѣловъ, но извини, Великій Государь, нашей простотѣ, не умѣющей достойно встрѣтить Тебя и показать свою глубокую признательность. Болгары будутъ до

конца міра благословлять Твое великое имя и имя Твоего Августѣйшаго Дома».

Завтракъ былъ заранѣе присланъ изъ главной квартиры и оказался, конечно, на славу. Такъ какъ домикъ былъ очень маленькій, то помѣщенія въ столовой едва хватило для самыхъ незначительныхъ лицъ, преимущественно генералитета. Мы же, штабные, размѣстились на открытомъ воздухѣ. Всего было вволю и отъ Царскаго стола досталось не только офицерамъ, но даже солдатамъ и казакамъ.

По окончаніи завтрака Государь вышелъ на крыльцо, благосклонно простился съ офицерами, сѣлъ на лошадь и нѣсколько минутъ что-то говорилъ стоявшему возлѣ Царскаго коня Скобелеву. Что именно—я не разслышалъ; но, по веселому, улыбающемуся лицу Государя и счастливой физіономіи Скобелева, можно было догадаться, что слова Монарха выражали похвалу нашему храброму генералу. При звукахъ народнаго гимна и восторженныхъ крикахъ народа Государь выѣхалъ на улицу.

Еще ранѣе описаннаго пріѣзда Государя, начальникъ штаба Куропаткинъ передалъ мнѣ приказаніе Скобелева перевести всѣхъ плѣнныхъ турокъ за р. Видъ и передать ихъ въ распоряженіе другихъ войскъ. Выѣхавъ за городъ на Софійское шоссе, я увидѣлъ громадную площадь, покрытую массой людей, повозокъ, буйволовъ, лошадей. Здѣсь находилась вся плѣнная армія Османа-паши—около 40,000 человѣкъ, а включая сюда женщинъ, дѣтей и стариковъ—болѣе 50,000.

Плѣнными турками распоряжался отецъ Скобелева, который, для бо̀льшаго удобства раздачи продовольствія, раздѣлилъ ихъ на сотни. Въ каждой сотнѣ былъ выбранъ особый старшій, который и выдавалъ для своей сотни получаемый провіантъ и былъ отвѣтственъ за всякіе безпорядки. Плѣнныхъ офицеровъ, какъ упомянуто было раньше,

совершенно отдѣлили отъ солдатъ. Въ арміи оказалось не мало татаръ, поляковъ и другихъ народностей, знавшихъ довольно порядочно русскій языкъ. Помощью ихъ-то и велись обыкновенно переговоры съ плѣнными. Чтобы перевести эту 50-ти-тысячную массу мнѣ дана была только одна сотня казаковъ. Вмѣстѣ съ сотеннымъ командиромъ я объяснилъ казакамъ ихъ обязанности по конвоированію плѣнныхъ, которыхъ нужно было окружить цѣпью парныхъ часовыхъ на значительномъ протяженіи.

Подъѣхавъ къ плѣннымъ, я вызвалъ упомянутыхъ старшихъ въ каждой сотнѣ и обратился къ нимъ по русски:

— Мнѣ приказано генераломъ Скобелевымъ перевести васъ за р. Видъ и сдать другимъ командамъ, которыя препроводятъ васъ въ Россію и отъ которыхъ вы получите все необходимое. Хотя васъ будетъ сопровождать очень малая часть всадниковъ, но вы со всѣхъ сторонъ окружены нашими войсками и потому всякая мысль о побѣгѣ безполезна. Передайте вашимъ товарищамъ, чтобы они двигались въ полномъ порядкѣ и исполняли всѣ приказанія конвойныхъ; за всякую же попытку къ побѣгу или сопротивленіе – виновный будетъ немедленно убитъ.

Старшіе, которымъ передали мои слова понимавшіе по русски, почтительно сняли фески и ручались, что все будетъ въ порядкѣ. Разойдясь по сотнямъ, они сейчасъ же сообщили мои слова остальнымъ солдатамъ, и вся эта многотысячная толпа заколыхалась, готовясь къ движенію. Съ небольшой возвышенности мнѣ хорошо видѣнъ былъ весь громадный лагерь когда-то грозной для насъ турецкой силы, находившейся теперь въ полной нашей власти... И будь это нѣсколько вѣковъ тому назадъ, или даже и теперь, но гдѣ-нибудь въ африканскихъ или азіатскихъ дебряхъ, и этихъ военноплѣнныхъ ожидала бы если не

смерть, то вѣчное рабство, позоръ, униженіе!.. Теперь же они совершенно спокойны, многіе даже очень довольны: каждый зналъ, что при настоящемъ положеніи у него гораздо больше шансовъ вернуться домой, къ своему очагу, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы попытка Османа прорваться удалась... Тогда предстояли бы новыя сраженія, новыя страшныя испытанія и новые шансы форсированнымъ маршемъ попасть въ рай Магомета, о которомъ турки хотя и мечтаютъ, но не особенно охотно, кажется, туда отправляются. Каждый изъ плѣнниковъ отлично зналъ, что рано или поздно война кончится и изъ Россіи ихъ отправятъ обратно на родину. Несомнѣнно, что для начальника плѣненной арміи, для того лица, которое приказываетъ выкинуть бѣлый флагъ, фактъ сдачи составляетъ крайне тяжелое явленіе: помимо нравственной, это лицо подвергается, большею частью, и извѣстной легальной отвѣтственности, не говоря уже объ общественномъ мнѣніи *), и только тогда, когда будетъ доказано, что другаго выхода изъ критическаго положенія не было, что нужно или гибнуть почти всѣмъ, или сдаваться (напримѣръ, положеніе Османа-паши), общественное мнѣніе можетъ еще оправдать капитуляцію. Въ большинствѣ же случаевъ, на мѣстѣ отвѣтственнаго начальника лучше пустить себѣ пулю въ лобъ или, что благороднѣе, во главѣ отряда ринуться впередъ, чѣмъ отдавать врагу свое оружіе. Нижній же чинъ почти всегда выигрываетъ отъ этого!..

Черезъ полчаса я подалъ сигналъ движенія и поѣхалъ

*) Невольно приходится вспомнить Базена, котораго въ прошломъ году въ Мадридѣ, ударилъ кинжаломъ какой-то экзальтированный молодой французъ, заявившій при арестѣ, что лично противъ бывшаго защитника Меца онъ ничего не имѣетъ, но сдѣлалъ это изъ патріотизма и чтобы отмстить за позоръ, причиненный его отечеству несчастною капитуляціей.

впереди съ восемью казаками. Оглянувшись назадъ черезъ нѣкоторое время, я увидѣлъ длинную и густую колонну фесокъ, вытянувшуюся по шоссе; только кое-гдѣ мелькали между этою, когда-то грозною массой наши верховые казаки съ пиками.

Черезъ нѣсколько времени я встрѣтилъ главнаго героя 28 ноября—генерала Ганецкаго.

— Ваше превосходительство, подъѣхалъ я къ нему, взявъ подъ козырекъ,—генералъ Скобелевъ приказалъ мнѣ перевести всѣхъ плѣнныхъ за р. Видъ. Конвоируетъ всего одна сотня, что крайне недостаточно. Необходимо назначить хоть батальонъ пѣхоты...

— Хорошо, можете ѣхать обратно — я распоряжусь относительно конвоя, сказалъ генералъ.

Я вернулся во-свояси.

Помощникомъ своимъ и полиціймейстеромъ г. Плевны Скобелевъ назначилъ командира Углицкаго полка, полковника Панютина—веселаго, симпатичнаго и энергичнаго человѣка. Послѣдній дѣятельно сталъ хлопотать о приведеніи въ порядокъ города, о скорѣйшей уборкѣ тѣлъ, о расквартированіи нашихъ войскъ и свозѣ оружія плѣнныхъ. Орудія были отвезены за городъ и расположены близъ Софійскаго шоссе; ружья и патроны сложены въ самомъ городѣ. Панютину пришла счастливая мысль—вооружить свой полкъ этими ружьями (системы Пибоди), которыя несомнѣнно были гораздо лучше нашихъ Крынка. Мысль свою Панютинъ высказалъ Куропаткину, а послѣдній Скобелеву. Сообща вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ, и Скобелевъ, съѣздивъ въ главную квартиру, получилъ на это согласіе главнокомандующаго. Панютинъ былъ очень доволенъ, что мысль его была примѣнена къ дѣлу.

— Вы не особенно-то радуйтесь, замѣтилъ ему на это

Скобелевъ,—вашъ полкъ я постоянно буду посылать впередъ вмѣсто стрѣлковъ, такъ какъ ружья теперь у васъ гораздо лучше, чѣмъ въ остальной пѣхотѣ...

— Что жь, я очень радъ буду этому, ваше превосходительство! совершенно спокойно отвѣчалъ Панютинъ.

Скобелевъ хотѣлъ перевооружить этими прекрасными ружьями всю свою дивизію, но побоялся, что снабженіе патронами встрѣтитъ нѣкоторое затрудненіе.

— Вы смотрите, сказалъ онъ на прощанье Панютину,— позаботьтесь, чтобы патроновъ было достаточно, а также не забудьте на счетъ вьюковъ!

Въ Плевнѣ къ Скобелеву заѣзжалъ прощатся корреспондентъ американской газеты «New-York-Herald», Макъ-Гаханъ, другъ Михаила Дмитріевича еще по Хивинской экспедиціи. Онъ бывалъ еще у насъ на Зеленыхъ горахъ и проводилъ тамъ цѣлые дни; въ штабѣ нашемъ онъ пріобрѣлъ общее расположеніе, какъ чрезвычайно симпатичная, правдивая и трудолюбивая личность.

— Заѣхалъ къ вамъ попрощаться, обратился къ намъ Макъ-Гаханъ.—Теперь у васъ дѣлать нечего; поѣду въ Бухарестъ, отошлю свои корреспонденціи, а затѣмъ отправлюсь на Шибку къ Радецкому.

Мы разстались съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ и просили скорѣе возвращаться снова къ намъ.

Вообще, Макъ-Гаханъ сильно выдѣлялся изъ среды другихъ корреспондентовъ, которые нерѣдко, собравшись вмѣстѣ, говорили совсѣмъ не то, что хотѣли писать и что думали, стараясь какъ бы провести одинъ другаго... Мы, посторонніе наблюдатели, часто отъ души хохотали надъ ихъ дипломатическими маневрами другъ передъ другомъ.

Утромъ 5-го мы проснулись и съ удовольствіемъ увидѣли на крышахъ снѣгъ, выпавшій за ночь и прикрыв-

шій хотя немного тѣ безобразныя картины, которыя были на улицахъ, и площадяхъ. Невольно вспомнилась русская зима, санки, тройки, масляница, блины... Но какъ далеко все это было отъ дѣйствительности!.. Въ этотъ день Скобелевъ уѣхалъ въ главную квартиру и вернулся довольный, сіяющій.

— Ну, господа, сказалъ онъ, слѣзая съ коня,—привезъ радостныя вѣсти: послѣ завтра выступаемъ на Шибку. Снова побываемъ въ Ловчѣ, а тамъ черезъ Сельви въ Габрово...

Мы всѣ, конечно, вполнѣ раздѣляли радостное настроеніе своего любимаго вождя: сидѣть безъ дѣла въ Плевнѣ было довольно скучно и мы съ нетерпѣніемъ жаждали новой боевой дѣятельности... Страннымъ покажется мирному гражданину это желаніе! Желать снова подставлять лобъ подъ пулю, снова рисковать своею жизнью, здоровьемъ! А между тѣмъ. въ большинствѣ случаевъ это такъ бываетъ! По крайней мѣрѣ, я за себя и за своихъ товарищей ручаюсь въ этомъ!

Въ штабѣ у насъ закипѣла письменная работа: предписанія, рапорты, отношенія—все это спѣшно разсылалось во всѣ стороны; въ полкахъ и батареяхъ энергично готовились къ выступленію. И надо отдать справедливость, что, благодаря распорядительности Скобелева, Куропаткина и полковыхъ командировъ лихой 16-й дивизіи, а также частной благотворительности русскихъ патріотовъ (особенно Московскихъ купцовъ) и «Красному Кресту», люди были прекрасно снабжены всѣмъ необходимымъ. Самымъ необходимымъ, конечно, являлась теплая одежда и полушубки, такъ какъ предстоялъ тяжелый зимній переходъ черезъ горы по ужаснѣйшимъ дорогамъ или, вѣрнѣе, безъ всякихъ дорогъ. Даже предметы роскоши—табакъ, чай.

водка и пр.—все это было по ровну раздѣлено на полки и батареи *).

Наканунѣ выступленія мы провели вечеръ у А. Н. Куропаткина по случаю производства его въ подполковники, а также дня ангела его роднаго брата, Нила Николаевича, батарейнаго командира, такого же симпатичнаго, какъ и Алексѣй Николаевичъ.

Здѣсь собрались всѣ штабные, всѣ полковые и батарейные командиры—все это зеленогорскіе дѣятели. Далеко за полночь затянулась трапеза въ самой оживленной, дружеской бесѣдѣ. Много было произнесено горячихъ, задушевныхъ тостовъ, захватывавшихъ каждаго за самую чувствительную струнку сердца, много было теплыхъ пожеланій и, наконецъ, веселыхъ, остроумныхъ разсказовъ, отъ которыхъ все общество дружно хохотало; особенно оживлялъ всѣхъ Всеволодъ Васильевичъ Панютинъ, командиръ Углицкего полка.

Вечеръ закончился танцами и пѣснями. Товарищъ мой, тоже ординарецъ, Владикавказскаго полка сотникъ Харановъ, очень искусно протанцовалъ свой національный танецъ—лезгинку. Всѣ хохотали и дружно апплодировали ему. Затѣмъ онъ затянулъ какую-то невозможную, монотонную кавказскую пѣсню и при этомъ строилъ такія забавныя рожи и, жестикулируя руками, испускалъ такіе дикіе звуки, что всѣ мы буквально хватались за животики...

— Ну, пора и по домамъ, господа, сказалъ, наконецъ, Михаилъ Дмитріевичъ, вставая и зѣвнувъ;—завтра въ походъ—на Шибку!

Веселые и довольные вечеромъ, разбрелись мы по сво-

*) Грустно, что того же не было въ другихъ отрядахъ. Тамъ даже офицеры, болѣе чувствительные къ невзгодамъ, вовсе не имѣли теплой одежды.

имъ временнымъ жилищамъ, и я въ послѣдній разъ уснулъ богатырскимъ сномъ въ объятіяхъ исторической, кровавой Плевны, поглотившей столько тысячъ русскихъ жизней.

Въ отрядъ Скобелева входили, кромѣ 16-й дивизіи (полки: Владимірскій, Суздальскій, Углицкій и Казанскій) съ артиллеріей, еще стрѣлковый батальонъ, болгарская дружина, Донской казачій № 9 полкъ (Нагибина) и сотня уральцевъ (войсковой старшина Кириловъ). Порядокъ движенія и время выступленія были опредѣлены еще съ вечера диспозиціями, и рано утромъ колонны потянулись изъ Плевны по Ловчинскому шоссе черезъ тѣ самыя Зеленыя горы, которыя такъ долго служили ареной для кроваваго турнира креста съ полумѣсяцемъ.

До разсвѣта еще вскочили мы на ноги и вышли на дворъ. Скобелевъ уже одѣлся и оживленно о чемъ-то разговаривалъ съ Куропаткинымъ. Чистое, голубое небо, тихое, слегка морозное утро и только-что поднявшееся надъ горами солнце, заигравшее серебристымъ свѣтомъ по бѣлому снѣговому покрову на окрестныхъ поляхъ и крышахъ плевненскихъ домовъ — все это вполнѣ гармонировало съ нашимъ веселымъ душевнымъ настроеніемъ. Полною грудью вдыхая этотъ здоровый, утренній воздухъ, мы подошли къ лошадямъ, которыхъ держали подъ уздцы казаки. Вездѣ слышался смѣхъ, шутки, остроты. Отрядъ весело вытянулся въ походную кишку.

— На подмогу къ янаралу Радецкому значитъ, на гору Шибку. Что жь, это можно! Отчего не пособить товаришшамъ!.. слышались замѣчанія между солдатиками.

— А ежели, братъ, у нихъ другой Османъ тамъ появится? спрашивалъ молодой солдатикъ другаго, болѣе опытнаго.—Что тогда?

— Что жь и его заберемъ. Теперь, братъ, мы знаемъ, какъ и брать! Ученые стали!..

Отрядъ мало-по-малу вытянулся по шоссе и затѣмъ двинулись обозы.

Между тѣмъ, Скобелеву подали коня. Быстро вскочилъ онъ на него и обратился къ намъ, предварительно поздоровавшись съ каждымъ за руку:

— Ну, господа, ѣдемъ!.. Слава Богу, наконецъ, мы покидаемъ эту проклятую Плевну. На Шибкѣ, Богъ дастъ, будетъ счастливѣе...

Скобелевъ былъ необычайно веселъ, оживленъ, со всѣми шутилъ, смѣялся и вспоминалъ разные эпизоды изъ обороны Зеленыхъ горъ. Только проѣзжая мимо редутовъ своего имени (Скобелева № 1-й и № 2-й), съ которыми связаны были воспоминанія о славныхъ нашихъ атакахъ и еще болѣе геройской оборонѣ этихъ кровавыхъ мѣстъ, чело Скобелева сильно омрачилось. Онъ снялъ шапку и набожно три раза перекрестился. Вся свита его сдѣлала то же.

— Сколько здѣсь жертвъ легло! И все это напрасно!.. Не поддержали васъ во-время!.. какъ бы про себя проговорилъ Скобелевъ, и слезы показались на его глазахъ. Нѣсколько минутъ царило молчаніе: каждый задумался и вспоминалъ тяжелые, недавно пережитые дни. Невольно вспомнились имена героевъ-защитниковъ этихъ укрѣпленій, имена Горталова, Добровольскаго, Тебякина и другихъ, и невольно каждый прошепталъ про себя: «Вѣчная память вамъ, герои-мученики, за великое славянское дѣло!..» *)

Поровнявшись съ логомъ, гдѣ былъ убитъ художникъ-волонтеръ Верещагинъ, Скобелевъ вспомнилъ объ этомъ

*) Можно-ли было тогда предполагать, что эти самые братья-славяне, за освобожденіе которыхъ мы пожертвовали столькими жизнями, въ недалекомъ будущемъ отплатятъ намъ такою черною неблагодарностью!..

грустномъ эпизодѣ, обратившись къ Куропаткину *). Вспомнилъ также про киргиза Нарубайко, котораго Скобелевъ вывезъ съ собою изъ Туркестана и который въ дѣлѣ 30 августа былъ смертельно раненъ.

А когда поровнялись съ первымъ гребнемъ Зеленыхъ горъ, Скобелевъ обратился ко мнѣ и, смѣясь, сказалъ:

— А помните, Дукмасовъ, какъ вы въ этихъ траншеяхъ водили принца и знакомили его съ турецкими пулями?

Веселыя воспоминанія мѣшались съ грустными; послѣднихъ, конечно, было гораздо больше. Каждый кустикъ здѣсь былъ намъ знакомъ, каждый шагъ напоминалъ собой какой-нибудь грустный эпизодъ, какую-нибудь смерть... Здѣсь осколкомъ гранаты въ грудь убитъ такой-то офицеръ, тутъ пулей въ животъ смертельно раненъ другой, тамъ—взорванъ зарядный ящикъ и въ итогѣ—цѣлыя кучи изуродованныхъ тѣлъ и т. д., и т. д. Болѣе мелкія пораненія не такъ дѣйствовали на нервы и воображеніе, не такъ сильно врѣзывались въ память...

Проѣхали мимо Брестоваца, гдѣ такъ долго была штабъ-квартира Скобелева и гдѣ онъ лежалъ больной и контуженный. Мы начали обгонять обозы и за Рыжею горой догнали хвостъ колонны. «Смирно, смирн-о-о-о!..» послышались команды офицеровъ и солдаты на ходу бы-

*) Сергѣй Васильевичъ Верещагинъ поступилъ къ Скобелеву въ качествѣ волонтера-ординарца и добровольно исполнялъ всѣ опасныя порученія Михаила Дмитріевича касательно рекогносцировки мѣстности. Будучи прекраснымъ художникомъ, Верещагинъ приносилъ отряду большую пользу своимъ искусствомъ: онъ смѣло приближался къ непріятельскимъ позиціямъ и быстро, подъ пулями, набрасывалъ карандашемъ на папку расположеніе войскъ противника и позицію его. Еще подъ Ловчей Верещагинъ проявилъ свое замѣчательное мужество и искусство. Въ роковой же день 30 августа этотъ благородный воинъ-художникъ былъ въ куски изрубленъ черкесами въ то время, когда хладнокровно занимался своимъ дѣломъ впереди линіи нашей цѣпи...

стро стали подтягиваться, выравниваться въ рядахъ, оправлять аммуницію, поправлять кэпи...

— Здорово, молодцы! весело крикнулъ Скобелевъ.— Поздравляю васъ съ походомъ!

Солдаты дружно, въ такомъ же веселомъ тонѣ, отвѣчали на привѣтствіе любимаго вождя.

— Смотрите жь, продолжалъ Михаилъ Дмитріевичъ,— будьте такими же молодцами, какъ и раньше! Вы теперь отдохнули, привели въ порядокъ оружіе, одежду, собрались съ новыми силами... Впереди предстоитъ намъ еще много трудовъ!.. Но, Богъ дастъ, мы скоро докончимъ съ турками на Шибкѣ, а потомъ дойдемъ до Царьграда и отдохнемъ уже тамъ вволю!..

Солдаты съ удовольствіемъ слушали слова своего обожаемаго генерала и по ихъ бодрымъ, самодовольнымъ, раскраснѣвшимся на морозѣ лицамъ, по ихъ блестящимъ, веселымъ глазамъ видно было, что они вполнѣ соглашаются со словами своего начальника.

Гулко грохотала артиллерія по шоссе, мѣрно и твердо отчеканивала шаги пѣхота и цѣлый лѣсъ штыковъ красиво блестѣлъ на солнцѣ... И рядомъ съ русскими штыками Крынка и Бердана виднѣлись штыки и турецкихъ ружей Пибоди у солдатъ Углицкаго полка, которые были очень довольны, что превратились нѣкоторымъ образомъ въ стрѣлковъ... У многихъ солдатъ красовались на груди серебряные Георгіевскіе крестики; у нѣкоторыхъ унтеръофицеровъ виднѣлось ихъ по два, по три. Это все боевые ветераны, побывавшіе уже во многихъ перепалкахъ на Зеленыхъ горахъ, а нѣкоторые и подъ Ловчей; все люди испытанной храбрости, видавшіе у самаго носа непріятельскіе штыки, ходившіе не разъ охотниками въ глухую ночь и переколовшіе или уложившіе прикладомъ въ непріятельскихъ траншеяхъ не одного басурмана... На

этихъ людей можно было положиться, и Скобелевъ ихъ особенно любилъ: онъ зналъ ихъ всѣхъ по фамиліямъ, даже по именамъ.

— Здорово, Поповъ, какъ поживаешь? обращается онъ къ одному изъ унтеръ-офицеровъ, проѣзжая мимо. (Это тотъ самый Поповъ, по инициативѣ котораго были сдѣланы траншеи на первомъ гребнѣ, получившія названіе Поповскихъ траншей).

— Здравія желаю, покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство! самодовольно осклабясь и весь сіяя, громко отвѣчаетъ счастливый Поповъ, готовый въ это время выпрыгнуть изъ строя, чтобы хоть дотронуться только до стремени боготворимаго генерала.

— Смотри, братъ, поучи молодыхъ, чтобъ такіе же молодцы были, какъ ты! говоритъ Скобелевъ и ѣдетъ дальше.

— Постараюсь, ваше превосходительство! посылаетъ въ догонку ему счастливый Поповъ и затѣмъ обращается къ окружающимъ его молодымъ солдатамъ: — Ну, братцы вы мои, въ жисть, то-есть, мою не видалъ такого генерала... Отецъ родной!..

Дальше я не слышу его разглагольствованій и спѣшу догнать Скобелева. Скобелевъ обогналъ весь отрядъ и впереди проѣхался немного съ офицерами и побесѣдовалъ съ ними, а затѣмъ направился прямо въ Ловчу, чтобы заранѣе распорядиться о разныхъ хозяйственныхъ нуждахъ отряда.

Такъ какъ было довольно холодно и морозно и не требовалось особенной боевой готовности, въ виду удаленности противника, то Скобелевъ приказалъ останавливаться на ночлегъ въ деревняхъ, по домамъ, сберегая такимъ образомъ силы солдатъ. Поэтому, отрядъ разбросался на ночлегъ не только въ Ловчѣ, но и въ ближайшихъ дерев-

няхъ—Зилковѣ, Сотево, Бахоецѣ, Придунищецѣ и др. На слѣдующій день движеніе продолжалось на г. Сельви, причемъ части, имѣвшія ночлегъ въ дальнихъ деревняхъ, напримѣръ, въ Зилковѣ, останавливались послѣдовательно въ Ловчѣ или Павликени, Какрино, Акенджиларъ.

Погода благопріятствовала нашему движенію: дни стояли хотя и морозные, но ясные, хорошіе... Скобелевъ все время хлопоталъ о томъ, удобно-ли расквартированы войска на ночлегѣ, хорошо-ли они снабжены теплою одеждой и обувью, получаютъ-ли хорошую горячую пищу и т. д. Мы, ординарцы, постоянно получали отъ него приказанія провѣрять все это и подробно доносить ему, особенно относительно качества пищи. Вообще, лучше заботиться о солдатѣ, какъ заботился Скобелевъ, врядъ-ли возможно!..

Въ Ловчѣ мы переночевали и выѣхали въ Сельви довольно поздно, около полудня. Въ это время нѣкоторые полки и батареи проходили черезъ городъ. Скобелевъ пропускалъ ихъ мимо себя, дѣлая постоянно разныя замѣчанія то офицерамъ, то солдатамъ; ничто не ускользало отъ его опытнаго глаза: послѣдній обозный рядовой, запасная лошадь, лазаретная фура—все подвергалось контролю его начальническаго ока.

ГЛАВА VI.

Въ Сельви мы пріѣхали вечеромъ. По дорогѣ Скобелевъ провѣрялъ полки, уже расположенные на отдыхѣ.

На слѣдующій день снова на коня. Наконецъ, мы добрались до Габрово и здѣсь, у подножія Балканъ, на время остановились въ ожиданіи приказаній отъ генерала Радецкаго, къ которому нашъ отрядъ вошелъ въ подчиненіе. Простояли мы въ Габрово четыре дня, употребивъ это время на отдыхъ и на заготовленіе необходимыхъ пред-

метовъ для предстоящаго тяжелаго перехода черезъ горы. Скобелевъ съѣздилъ къ Радецкому на гору Св. Николая (съ ординарцами Марковымъ и Абадзіевымъ) и, возвратившись оттуда, сообщилъ планъ дальнѣйшаго движенія черезъ Балканы. Силы наши, дѣйствующія противъ турецкой Шибкинской арміи, раздѣлялись на три отряда: центральный и главный (генерала Радецкаго) стоялъ прямо противъ непріятеля и долженъ былъ дѣйствовать пассивно, оборонительно; активная же роль выпала на долю двухъ обходныхъ колоннъ—лѣвой (князя Святополкъ-Мирскаго 2-го), дѣйствовавшей съ восточной стороны, и правой (Скобелева), наступавшей съ запада. Мы рѣшили охватить турокъ съ трехъ сторонъ. Планъ былъ, безспорно, очень разумный, хотя нѣсколько рискованъ, даже дерзокъ. Но мы знали, что имѣемъ дѣло съ противникомъ не предпріимчивымъ, нерѣшительнымъ, прикованнымъ къ своимъ землянымъ окопамъ, не рискующимъ на быстрыя наступательныя движенія, дѣйствія.

По возвращеніи отъ Радецкаго въ Габрово, Скобелевъ энергично занялся приготовленіемъ отряда къ тяжелому зимнему переходу, причемъ особенное вниманіе обратилъ на вьюки. О повозкахъ, конечно, не могло быть и рѣчи, такъ какъ пути, по которымъ намъ предстояло двигаться, были доступны зимой лишь для дикихъ козъ да оленей. Лѣтомъ даже по нимъ лишь съ трудомъ пробирался привычный болгаринъ съ своимъ вьючнымъ муломъ. Для батарей подполковника Куропаткина Скобелевъ приказалъ приготовить сани (на колесахъ тащить орудія немыслимо было); всѣмъ же остальнымъ батареямъ (кромѣ горной вьючной Лихачева, которая тоже слѣдо-ала съ отрядомъ), а также обозу, приказано было остаться въ Габрово. Патроны, сухари и другіе необходимые предметы—все это было помѣщено на вьюкахъ. Словомъ, въ отрядѣ кипѣла

самая горячая дѣятельность. Начиная съ Скобелева и кончая послѣднимъ рядовымъ, всѣ работали, хлопотали... Каждый сознавалъ, что предстоитъ совершить серьезный, тяжелый подвигъ, который не обойдется безъ жертвъ, что придется воевать и съ противникомъ, и, главное, съ суровою природой, съ холодомъ, морозомъ. Много помогала намъ безпечность непріятеля и вѣра его въ неодолимость такой преграды, какъ Балканы, и притомъ въ такое суровое время года. Наиболѣе важные проходы турки оберегали довольно тщательно, за остальными присматривали слегка, а тропинки совершенно игнорировали. Мы же на послѣднія-то и обратили все свое вниманіе. Горькій опытъ Севастопольской кампаніи (сраженіе при р. Альмѣ) послужилъ намъ хорошимъ урокомъ въ этомъ отношеніи, и мы научились кое-чему у англичанъ... «Гдѣ пройдетъ одинъ солдатъ, тамъ пройдетъ и цѣлая армія!» сказалъ Наполеонъ.

Наконецъ, мы имѣли передъ собою блестящій примѣръ отряда Гурко, прошедшаго почти полгода тому назадъ Ханкіойскій проходъ, и вѣрили въ успѣхъ нашего предпріятія. Главная же вѣра въ успѣхъ была въ отрядѣ нашемъ потому, что велъ его впередъ Скобелевъ, а мы всѣ почему-то твердо были убѣждены, что съ нимъ никогда не проиграемъ дѣла, что съ нимъ всюду сломимъ врага и даже природу. Словомъ, настроеніе отряда было самое прекрасное, а извѣстно, какъ много значитъ на войнѣ это нравственное состояніе, этотъ духъ войскъ, который самъ уже есть отчасти залогъ побѣды... Артиллеристы, остававшіеся въ Габровѣ, неподдѣльно скорбѣли и завидовали своимъ товарищамъ (горной батареѣ и батареѣ Куропаткина), отправлявшимся въ походъ. «Тутъ сиди безъ дѣла, да плесни, а вы тамъ понахватаете крестовъ!..»

Особенно въ восторгѣ были отъ предстоящаго движенія въ поэтическую долину Тунджи (или розъ) юные

воины болгарскаго ополченія: они давно уже горячо рвались въ бой, давно пылали благороднымъ чувствомъ—отмстить варварамъ за тѣ страшныя звѣрства, которыя причинили они имъ, за смерть своихъ отцовъ, братьевъ, дѣтей... Старанія и труды инструкторовъ—нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ—не пропали даромъ: братушки знали свое дѣло прекрасно. При отрядѣ нашемъ, готовящемся къ походу, были два переводчика: Луцкановъ и Словейковъ. Послѣдній, болгарскій литераторъ, участвовалъ уже въ первомъ Забалканскомъ походѣ Гурко и ранѣе занималъ постъ предсѣдателя совѣта въ Эски-Загрѣ; когда же войска наши отступили, то и Словейковъ бѣжалъ съ нами. Вообще, онъ былъ заклятый врагъ турокъ, не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за разныя патріотическія воззванія, не разъ бѣгалъ изъ заточенія и скитался въ горахъ, преслѣдуемый заптіями, не разъ жизнь его висѣла на волоскѣ... Семья его была вся перерѣзана турками; онъ остался совершенно одинъ и поклялся всю свою жизнь посвятить на месть вѣковому врагу его родины и семьи. Естественно, такой человѣкъ, хорошо знавшій самыя глухія мѣста въ горахъ и одушевленный такою фанатическою враждой къ общему врагу, при извѣстномъ умѣ и опытности, былъ очень дорогъ для отряда.

24 декабря отрядъ собрался у подножія Балканъ въ ближайшихъ деревняхъ, а 25-го, въ день Рождества Христова, двинулся впередъ или, вѣрнѣе, вверхъ. Штабъ Скобелева съ ранняго утра былъ уже на ногахъ и ожидалъ выхода генерала у его квартиры. Михаилъ Дмитріевичъ скоро вышелъ изъ дому и весело поздоровался съ нами.

— Намъ предстоитъ, господа, тяжелая работа, сказалъ онъ, между прочимъ, — пожалуйста, приложите побольше энергіи и труда... Разъ мы побѣдимъ здѣсь, намъ,

вѣроятно, не встрѣтится уже препятствій, и мы легко займемъ Адріанополь, даже Константинополь!..

Усѣвшись на коней, мы переѣхали черезъ горную рѣчку, у которой собрались части войскъ нашего отряда: Казанскій полкъ, саперы и сотня уральцевъ Кирилова. Скобелевъ поздоровался съ солдатами и сейчасъ же назначилъ авангардъ изъ уральцевъ, саперъ (для проложенія хоть какой-нибудь дорожки) и одного батальона Казанскаго полка подъ общею командой адъютанта Его Высочества, полковника Ласковскаго.

— Извольте занять деревню Зелено-Древо, отдавалъ Скобелевъ инструкціи,—а затѣмъ какъ можно скорѣе захватывайте главный перевалъ и Марковы столбы (первый перевалъ)... Двигайтесь какъ можно осторожнѣе, чтобы турки васъ не замѣтили, и торопитесь завладѣть возвышенностью!..

Такъ какъ священника при отрядѣ не было, то Скобелевъ приказалъ снять всѣмъ шапки и прочитать молитву.

— Ну, теперь съ Богомъ! Дай Богъ счастья! сказалъ онъ.

Отрядъ сталъ тихо подниматься въ гору. Впереди двигалась лихая сотня уральцевъ на своихъ маленькихъ, косматыхъ, но крѣпкихъ лошадяхъ. Народъ все это былъ сильный, отважный, надежный. Бравый командиръ ихъ, войсковой старшина Кириловъ, былъ, дѣйствительно, молодчина во всѣхъ отношеніяхъ и подавалъ примѣръ своимъ станичникамъ въ мужествѣ и выносливости. При сотнѣ находился и упомянутый уже проводникъ Словейковъ, взявшійся провести отрядъ.

Съ каждымъ шагомъ двигаться становилось все хуже, все труднѣе. Особенно тяжело приходилось переднимъ людямъ. Двигались, конечно, гуськомъ, одинъ за однимъ... Лошаденки казачьи то быстро карабкались по почти от-

вѣснымъ скаламъ, то, осторожно упираясь передними ногами, постепенно сползали на заднихъ внизъ, рискуя ежеминутно свалиться въ глубокую пропасть. Да и не разъ приходилось видѣть, какъ несчастное оступившееся животное вмѣстѣ съ всадникомъ стремглавъ летѣло внизъ въ страшную бездну... Нѣкоторые казаки, спѣшившись, хватались за хвосты своихъ лошадей, которыя тащили ихъ такимъ образомъ вверхъ. Снѣгъ становился все глубже и глубже, особенно въ лощинахъ; лошади проваливались по самое брюхо, пѣхотинцы вязли по колѣно. За авангардомъ двигались остальныя части отряда. Скобелевъ всѣхъ ихъ пропускалъ мимо себя, ободрялъ и высказывалъ увѣренность въ побѣдѣ. Наконецъ, отъ полковника Ласковскаго пріѣхалъ гонецъ и сообщилъ, что деревня Зелено-Древо занята безъ боя, что турецкія позиціи хорошо видны, но турки, очевидно, не замѣчаютъ нашего движенія.

— Поѣзжайте скорѣе впередъ, обратился Скобелевъ къ ординарцу, поручику Маркову,—и скажите Ласковскому, чтобы занималъ немедленно Марковы столбы!..

Черезъ нѣсколько времени мы услышали орудійные выстрѣлы... Оказалось, что турки замѣтили, наконецъ, наше движеніе и открыли огонь. Къ счастью, впрочемъ, онъ не причинилъ намъ никакого вреда, и войска наши продолжали наступленіе. Вдали, въ турецкомъ лагерѣ замѣтенъ былъ переполохъ и непріятельскія колонны стали спускаться съ горъ въ долину. При первыхъ выстрѣлахъ Скобелевъ летѣлъ уже впередъ, съ трудомъ обгоняя двигающіяся войска.

Позиціи непріятеля, его батареи, редуты и траншеи, а также наши укрѣпленія на Шибкинскомъ перевалѣ, на этихъ огромныхъ горныхъ массахъ, были видны до-

вольно ясно зловѣщими черными и сѣрыми линіями... По склону горы виднѣлись турецкій лагерь и землянки.

— Поѣзжайте, скорѣе назадъ, обратился Скобелевъ къ сотнику Харанову,—и приведите горную батарею. Хоть два орудія притащите: нужно открыть огонь по непріятельскому лагерю...

Харановъ повернулъ назадъ. Между тѣмъ, наступалъ вечеръ, стало замѣтно темнѣть. Войска прошли, проползли, прокарабкались около десяти верстъ по страшнымъ кручамъ, по колѣно въ снѣгу и буквально выбились изъ силъ. Скобелевъ, видя это утомленіе солдатъ, рѣшилъ остановить отрядъ на ночлегъ. Осмотрѣвъ ближайшую мѣстность, онъ отыскалъ довольно глубокую долину, которая скрывалась отъ непріятельскихъ взоровъ густымъ лѣсомъ. Вотъ здѣсь-то онъ и рѣшилъ расположить отрядъ бивакомъ. Начальникъ штаба Куропаткинъ обозначилъ мѣсто для каждой части войскъ, и вскорѣ эта мертвая долина, гдѣ, кромѣ дикихъ звѣрей, едва-ли бывало прежде живое существо, освѣтилась яркими кострами. Мы, штабные, разбрелись по разнымъ угламъ бивака, отыскивая себѣ поуютнѣе мѣстечко, и разбились на группы, человѣка по 3—4 каждая. Въ одной изъ такихъ группъ былъ я, художникъ Верещагинъ (Василій Васильевичъ) и корреспондентъ «Новаго Времени» Немировичъ-Данченко (Василій Ивановичъ). Расчистивъ до земли глубокій снѣгъ на пространствѣ квадратной сажени и образовавъ такимъ образомъ снѣговую яму, мы разложили на днѣ этой берлоги небольшой костеръ и размѣстились возлѣ него на ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Конецъ декабря и морозъ давали себя чувствовать. Ноги сильно коченѣли, ознобъ прохватывалъ насквозь. Изъ теплой одежды, кромѣ обыкновеннаго офицерскаго пальто и бурки, у меня ровно ничего не было, по свойственной мнѣ безпечности. Сотоварищи мои по

ночлегу чувствовали себя, кажется, тоже не особенно хорошо и тепло, потому что были угрюмы, неразговорчивы, какъ обыкновенно, усиленно подбрасывали только въ костеръ сырое дерево и совали свои ноги чуть не въ самый огонь. Конечно, послѣ пружинныхъ матрацовъ, послѣ роскошнаго нумера гдѣ-нибудь въ бель-этажѣ, очутиться въ такой обстановкѣ не особенно пріятно!

Не смотря на такую неблагопріятную обстановку, я уснулъ скоро крѣпкимъ сномъ, укутавшись въ свою бурку. Сожители же мои, какъ оказалось потомъ, не будучи въ состояніи уснуть отъ холода, продолжали усердно подбрасывать дрова въ костеръ и постепенно тѣмъ увеличивали его размѣры. Во время сна я раскрылся, и бурка моя очутилась у самаго костра. Не отличая ее въ темнотѣ отъ земли, господа волонтеры стали разводить огонь и на ней... На зарѣ я проснулся отъ сильнаго холода и вѣтра и быстро вскочилъ на ноги. Сожители мои по берлогѣ, противъ моего ожиданія, спали въ самыхъ неживописныхъ позахъ... Усталость, видно, взяла-таки свое!.. Дрожа отъ холода, я, накинувъ на себя бурку, направился къ ближайшей ямѣ, которую занимали товарищи мои, тоже ординарцы,— Лисовскій, Харановъ и Абадзіевъ. Они всѣ бодрствовали и о чемъ-то бесѣдовали.

— Господа, посмотрите на него! услышалъ я веселый голосъ Лисовскаго и вслѣдъ за этимъ всеобщій смѣхъ.

— Хорошъ, молодчина!.. продолжали раздаваться изъ ямы веселыя замѣчанія.

Я оглянулся на себя и тогда только замѣтилъ, что бурка моя—единственная защита отъ всѣхъ невзгодъ - совершенно обгорѣла позади до самой спины... Приходилось ее выбросить въ самое нужное время, когда другой не достанешь ни за какія деньги.

— Чортъ знаетъ что такое! сказалъ я, разсматривая

съ соболѣзнованіемъ свою бурку.—Это все господа писатель и художникъ надѣлали... Пойду ругаться съ ними!..

Я вернулся обратно и безъ церемоніи разбудилъ спавшихъ сотоварищей.

— Что такое, въ чемъ дѣло? испугались они съ просонковъ.

— Господа! это свинство, чортъ знаетъ что такое! обратился я къ нимъ.—Вы мнѣ спалили бурку: подбрасывали слишкомъ усердно дрова, и вотъ результаты—полюбуйтесь!..

Тѣ сначала было удивились, а потомъ давай извиняться и хохотать.

— Ну, ничего, я вамъ за это нарисую картину, даю слово! пообѣщался Василій Васильевичъ.

— А я вамъ куплю прекрасную бурку непремѣнно! сказалъ Василій Ивановичъ.

Но ни тотъ, ни другой по сіе время не исполнили своихъ обѣщаній. Впрочемъ, «никогда не поздно исправиться», и я съ удовольствіемъ готовъ разсчитаться съ ними хоть сейчасъ!..

Снѣжныя вершины горъ стали, между тѣмъ, освѣщаться лучами восходящаго солнца, и мало-по-малу бивакъ нашъ зашевелился; черныя пятна въ глубокомъ снѣгу обозначали мѣста костровъ, надъ которыми еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимался дымъ; солдатики возились со своимъ скуднымъ имуществомъ, нѣкоторые тщательно осматривали оружіе, другіе подпрыгивали на мѣстѣ, стараясь согрѣться отъ утренняго мороза и вѣтра. Утромъ вернулся поручикъ Марковъ и сообщилъ, что перевалъ занятъ нашими войсками, которыя разсчитываютъ удержаться на немъ противъ непріятеля. Скобелевъ и Куропаткинъ сильно повеселѣли при этомъ извѣстіи.

Дано было приказаніе двигаться отряду дальше. Снова

потянулись войска узкою, длинною и винтообразною лентой; снова стали карабкаться по почти отвѣснымъ скаламъ, скатываться внизъ, а иногда и летѣть въ глубокіе обрывы. Движеніе сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ, снѣгъ становился все глубже и глубже, природа все суровѣе, негостепріимнѣе, число несчастныхъ случаевъ—паденія въ пропасти людей и лошадей—все увеличивалось. Скобелевъ поѣхалъ впередъ на Марковы столбы (такъ называлась позиція на главномъ перевалѣ). Достигнувъ этого пункта, мы невольно остановились. Чудная картина открывалась внизъ, на югъ, въ долину р. Тунджи. Нѣсколько десятковъ деревень виднѣлось вдали, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ живописной долинѣ розъ. А прямо подъ ногами, на громадномъ протяженіи, тянулся скатъ, мѣстами совершенно обрывистый, мѣстами страшно крутой. Тутъ сходить ужь было немыслимо — нужно было просто катиться на сѣдалищѣ, упираясь ружьемъ, цѣпляясь за кусты и рискуя ежеминутно оборваться и сломать себѣ шею въ глубокой безднѣ... Положеніе всадниковъ, которые тащили своихъ лошадей въ поводу, было еще хуже: нужно было беречь и себя, и своихъ боевыхъ товарищей. Осмотрѣвъ мѣстность, Скобелевъ приказалъ полковнику Ласковскому двинуться немедленно съ занимаемыхъ позицій и рѣшительно дебушировать въ долину Тунджи противъ расположившагося тамъ противника. Одинъ батальонъ Казанскаго полка (полковника Завадскаго) храбро повелъ наступленіе; но, встрѣченный убійственнымъ огнемъ значительно сильнѣйшаго противника, батальонъ остановился и залегъ на неудобной позиціи. Атакованные же, въ свою очередь, со всѣхъ сторонъ массами турокъ, бойцы наши принуждены были

отойти назадъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ убитыми *).

Отступившіе съ Ласковскимъ казанцы залегли снова на близь лежащихъ высотахъ и были тотчасъ же окружены съ трехъ сторонъ турками, которые, въ значительныхъ силахъ, удобно примѣнившись къ мѣстности, открыли сильный огонь по нашему несчастному батальону съ 300—400 шаговъ. Уже нѣсколько гонцовъ было прислано къ Скобелеву отъ Ласковскаго съ донесеніемъ о критическомъ положеніи батальона и съ просьбой о подмогѣ. Но генералъ не могъ помочь—не было чѣмъ! Войска, какъ извѣстно, могли двигаться по глубокому снѣгу и убійственному пути крайне медленно, одинъ за однимъ, и каждая рота даже собиралась чрезвычайно долго. Наконецъ, явился еще посланный отъ Ласковскаго.

— Ваше превосходительство! Полковникъ раненъ, просятъ убѣдительно помощи; никакъ невозможно держаться...

Генералъ сильно нахмурился.

— Дукмасовъ! обратился онъ вдругъ ко мнѣ,—поѣзжайте сейчасъ туда и узнайте подробно, что тамъ дѣлается!

— Слушаю, ваше превосходительство! отвѣчалъ я и ударилъ плетью коня.

Съ величайшимъ трудомъ добрался до этого батальона. Я ѣхалъ прямо, кратчайшимъ, хотя за то самымъ опаснымъ путемъ. Пули сотнями свистали возлѣ меня, впивались въ землю, визжали подъ самымъ ухомъ, но меня не цѣпляли. А тутъ еще эти постоянные обрывы, пропасти, эти ужасные подъемы и спуски. Предполагая, вѣроятно, во мнѣ какого-нибудь начальника, турки направили въ

*) Турки варварски отрубили имъ головы; эти головы мы нашли послѣ взятія Шейновскаго редута въ ихъ же собственныхъ башлыкахъ.

меня самый убійственный огонь... Къ счастью, ни я, ни конь мой не были ранены. Я благополучно добрался до нашего батальона и доложилъ Ласковскому, что генералъ прислалъ меня узнать о положеніи дѣла.

— Что жь, вы сами видите, что у насъ дѣлается: съ трехъ сторонъ мы окружены непріятелемъ, солдаты еле держатся, я раненъ... Словомъ, то же, что я докладывалъ раньше!.. Пожалуйста, сообщите обо всемъ генералу и попросите его прислать хоть нѣсколько ротъ!..

Я повернулъ коня назадъ и, провожаемый такимъ же свинцовымъ дождемъ, благополучно добрался до Скобелева.

— Ну что, какъ тамъ? нетерпѣливо обратился онъ ко мнѣ.

— Плохо, ваше превосходительство, отвѣчалъ я.— Ласковскій легко раненъ, солдаты сильно напуганы и видимо деморализованы. Батальонъ потерялъ много людей; нѣсколько офицеровъ убито и ранено. Ободренные турки дерзко насѣдаютъ съ фронта и фланговъ!..

— Чортъ знаетъ что такое! проговорилъ сердито, сквозь зубы, Михаилъ Дмитріевичъ.— Что, есть у насъ хоть какое-нибудь подкрѣпленіе? обратился онъ къ стоявшему тутъ же Куропаткину.

— Ничего нѣтъ! отвѣчалъ послѣдній. — Собравшаяся рота двинута на лѣвый флангъ противъ показавшихся тамъ турокъ... Теперь собирается рота казанцевъ, но не готова еще. Ужасно медленно и тяжело: по одиночкѣ вѣдь спускаются!..

— Ну, въ такомъ случаѣ, обратился Скобелевъ рѣшительно ко мнѣ,—ведите меня къ авангарду!..

Я поѣхалъ впередъ; за мною слѣдовали Скобелевъ, Куропаткинъ, Баранокъ и десять человѣкъ казаковъ. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, мы очутились на довольно открытой мѣстности и попали подъ сильный непріятельскій огонь;

такая цѣль, какъ дюжина всадниковъ, была, конечно, довольно заманчива... Одинъ изъ казаковъ сразу же былъ подстрѣленъ; намъ грозила та же участь...

— Ваше превосходительство, намъ лучше здѣсь спѣшиться, обратился я къ генералу, опасаясь за его жизнь.

— Что вы глупости говорите, поѣзжайте впередъ скорѣй! отвѣчалъ съ раздраженіемъ генералъ.

Наконецъ, мы доѣхали до лѣваго фланга позиціи батальона. Солдаты лежали на гребнѣ горы, за кустами и складками земли, и изрѣдка стрѣляли въ непріятеля. Они посмотрѣли на насъ какъ-то испуганно, безучастно.

— Здорово, братцы! крикнулъ Скобелевъ.

Къ удивленію, солдаты не отвѣчали на это привѣтствіе любимаго полководца... Учащенный свистъ непріятельскихъ пуль надъ нашими головами былъ только отвѣтомъ на эти слова. Скобелевъ нѣсколько смутился, хотя не показалъ виду и, только сильнѣе пришпоривъ коня, въѣхалъ быстро въ самую середину расположенія батальона.

— Здорово, братцы! крикнулъ генералъ еще разъ своимъ звучнымъ, громкимъ голосомъ, и вся воинственная фигура его на конѣ представляла изъ себя въ эту минуту какую-то особенную, торжественную позу.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! отвѣтило нѣсколько десятковъ голосовъ, но отвѣтило какъ-то вяло, нерѣшительно, точно боясь этимъ крикомъ своимъ навлечь на себя новое наступленіе врага.

— Охотники ко мнѣ! крикнулъ снова Скобелевъ.

Человѣкъ 20 солдатъ (кажется, изъ 3-й роты) встали съ земли и медленно подошли къ генералу, переглядываясь между собой. А турки въ это время особенно участили свой огонь по нашей группѣ.

— Дукмасовъ, обратился снова генералъ ко мнѣ,—возьмите вотъ этихъ людей и отбросьте во что бы то ни стало

лѣвый флангъ непріятеля... Я васъ прошу это сдѣлать непремѣнно.

Турки, какъ мною упомянуто было, охватили расположеніе нашего батальона съ трехъ сторонъ (въ видѣ подковы) и особенно приблизились своимъ лѣвымъ флангомъ къ нашему правому, охвативъ его въ то же время, такъ что разстояніе до непріятеля въ этомъ мѣстѣ было никакъ не болѣе 300 шаговъ; кромѣ того, турки хорошо прикрывались въ кустахъ и въ командующихъ горахъ.

Получивъ категорическое приказаніе отъ генерала, я слѣзъ съ коня и со своею маленькою командой охотниковъ двинулся въ горы, рѣшивъ незамѣтно подкрасться къ лѣвому флангу непріятеля и въ то же время обойти его.

— Смотрите, молодцы, дружнѣй напирайте на басурманъ, да мѣтче стрѣляйте!.. Хоть васъ и 20 человѣкъ только, но я буду называть васъ ротой... Мнѣ не въ первый разъ эту сволочь выгонять... Главное, храбрѣе!.. ободрялъ я по дорогѣ своихъ солдатиковъ, которые видимо уже подбодрились и даже съ шуточками и остротами пробирались, сильно нагнувшись, черезъ густой кустарникъ. Подкравшись незамѣтно на близкое разстояніе къ лѣвому флангу непріятеля, загнутому впередъ, мы открыли внезапно сильный и частый огонь и двинулись впередъ съ такимъ ужаснѣйшимъ крикомъ «ура», что турки, не видя вслѣдствіе кустовъ нашихъ силъ и предполагая, что противъ нихъ здѣсь дѣйствуетъ болѣе или менѣе значительная часть, стремглавъ бросились удирать внизъ, въ долину. «Ура, ура!..» орали мы и, какъ угорѣлые, гнались въ догонку за ошеломленнымъ врагомъ... Воспользовавшись тѣмъ эффектомъ, который произвелъ мой неожиданный обходъ, и распаленный успѣхомъ, я рѣшился ударить во флангъ расположенія всего непріятельскаго отряда, хотя этого мнѣ и не было приказано. Не давая имъ опом-

ниться и поддерживая на бѣгу частый огонь, мы съ крикомъ «ура» начали быстро тѣснить врага по всему фронту, двигаясь такимъ образомъ впереди и параллельно расположенія нашего батальона. Неожиданность, кусты (скрывавшіе силы моей слабой команды), бѣгство лѣваго фланга непріятеля и, наконецъ, наша дерзость помогли намъ и здѣсь. Я съ радостью увидѣлъ, какъ красныя фески одна за другою вскакивали съ земли и изъ-за кустовъ и быстро катились внизъ, въ долину... А за этими одиночными трусами повалили уже цѣлыя кучки, десятки, сотни... Все это стремглавъ, перегоняя другъ друга, въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ и, очевидно, въ паническомъ страхѣ отъ нашего внезапнаго появленія и фланговаго огня, бѣжало, летѣло и катилось внизъ, въ долину Тунджи, провожаемое дружными залпами моихъ обрадованныхъ молодцовъ... Побѣда была за нами: турки поспѣшно оставили всѣ свои позиціи и въ безпорядкѣ бѣжали внизъ къ д. Иметли. Я ни на шагъ не отставалъ отъ нихъ, не давалъ имъ опомниться и по пятамъ бѣжалъ за мелькавшими впереди фесками. Нѣсколько человѣкъ по дорогѣ мы докололи штыками; у одного легко раненаго, который хотѣлъ выстрѣлить въ меня изъ-за куста, я вырвалъ ружье и его же собственный штыкъ всадилъ ему на половину въ животъ... Тотъ ужасный, глубоко-страдальческій взглядъ, который онъ бросилъ на меня, разставаясь съ жизнью и конвульсивно хватаясь руками за окровавленный штыкъ, долго потомъ чудился мнѣ и не давалъ по ночамъ покоя. Я бросилъ ружье и съ шашкой въ рукахъ побѣжалъ дальше... И здѣсь мой клинокъ впервые отвѣдалъ мусульманской крови!..

Спустившись внизъ за бѣжавшимъ непріятелемъ, мы (т.-е. охотники) временно заняли д. Иметли, но затѣмъ отошли нѣсколько назадъ и расположились на возвышен-

ности въ углубленной дорогѣ, къ сѣверу отъ деревни, провожая залпами отступавшаго врага.

Къ юго-востоку отъ того мѣста, гдѣ расположился я съ охотниками, и въ разстояніи около полуверсты находился небольшой лѣсокъ, гдѣ, вѣроятно, помѣстилось турецкое начальство и откуда постоянно скакали къ войскамъ гонцы.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько залповъ, какъ увидѣли выѣхавшаго изъ этого лѣска всадника (оказавшагося потомъ офицеромъ) и скакавшаго на красивомъ гнѣдомъ конѣ по направленію къ д. Иметли, къ отступавшему непріятелю. Такъ какъ путь его лежалъ мимо насъ, то мнѣ сильно захотѣлось не допустить его до мѣста назначенія.

— А ну-ка, братцы, давайте-ка этого чорта снимемъ съ коня... Лошадь дарю вамъ, сказалъ я. — Цѣлить на 250—300 шаговъ.

Всадникъ скакалъ полнымъ маршъ-маршемъ, сильно пригнувшись на сѣдлѣ, какъ разъ противъ насъ. «Рота— пли!» скомандовалъ я. Послѣдовалъ дружный залпъ. Лошадь сдѣлала еще отчаянный прыжокъ и вмѣстѣ съ всадникомъ повалилась на бокъ. Оба болѣе уже не вставали.

— Эхъ, ваше благородіе, жаль, сказалъ одинъ изъ солдатъ, — за что жь коня-то убили — хорошая лошадь была!..

Не прошло и двухъ минутъ, какъ мы увидѣли другаго всадника, выѣхавшаго изъ того же лѣска по тому же направленію. Вѣроятно, и этотъ ѣхалъ съ тѣмъ же приказаніемъ, какъ и первый.

— Вонъ еще, еще, ваше благородіе! обрадовались мои охотники и стали быстро готовиться къ новому залпу.

— Да лошадь не бейте, братцы; лучше заберемъ себѣ! говорили они другъ другу.

Всадникъ (это былъ тоже офицеръ) снова поровнялся съ нами... Новый залпъ и новыя двѣ жертвы—животное и человѣкъ.

— Ахъ ты, Господи! соболѣзновали солдатики,—опять лошадь убили!

— Ну, это, братцы, не я, замѣтилъ одинъ,—я ему въ башку прямо цѣлилъ!

— А попалъ въ хвостъ!.. съострилъ кто-то.

Болѣе гонцовъ уже не было, потому что и другихъ, навѣрное, постигла бы такая же участь.

Горы были совершенно очищены отъ турокъ; войска ихъ разбѣжались по всей долинѣ. О результатахъ своихъ дѣйствій я донесъ письменно Скобелеву и просилъ подкрѣпленія и патроновъ, такъ какъ всѣ они были выпущены. Донесеніе это, написанное на клочкѣ бумаги и на спинѣ одного изъ солдатъ-охотниковъ, я послалъ съ нимъ же къ Скобелеву. Черезъ нѣсколько времени на смѣну мнѣ явилась цѣлая рота штабсъ-капитана Повало-Швейковскаго, который сообщилъ, что мнѣ съ охотниками приказано вернуться къ батальону.

— Ружья вольно, шагомъ маршъ! скомандовалъ я своей маленькой, но лихой командѣ и вскорѣ вернулся на наши позиціи.

— Ну, братцы, теперь я долженъ съ вами разстаться, обратился я къ охотникамъ.—Спасибо вамъ отъ души за вашъ молодецкій подвигъ, благодаря которому турки очистили свои крѣпкія позиціи. Генералъ Скобелевъ видѣлъ вашу службу и не забудетъ ее. Я же, съ своей стороны, попрошу генерала, чтобъ онъ походатайствовалъ передъ главнокомандующимъ о награжденіи васъ всѣхъ Георгіевскими крестами... Ну, прощайте еще разъ, будьте здоровы!

— Счастливо оставаться, ваше благородіе, покорнѣйше благодаримъ. И васъ пусть хранитъ Господь!.. Жаль, что

нась покидаете: съ такимъ начальникомъ мы никого не боимся!.. кричали они мнѣ вслѣдъ, и эти простые солдатскіе голоса глубоко запали мнѣ въ сердце. Видно было, что они дѣйствительно полюбили меня за эти нѣсколько часовъ между жизнью и смертью и разставались со мной съ искреннимъ, неподдѣльнымъ сожалѣніемъ... Это не то, что тѣ громкія, витіеватыя фразы, которыя произносятся на торжественныхъ обѣдахъ, при проводахъ любимаго начальника! Тамъ все поддѣльно, искусственно, все соображено, взвѣшено... Здѣсь же—вся простая, неиспорченная душа выворачивается наизнанку...

Отыскивая Скобелева, я встрѣтился съ полковникомъ Ласковскимъ (раненымъ) и Завадскимъ (командиромъ батальона), которые стали крѣпко жать мнѣ руку и горячо благодарить за разбитіе турокъ... Офицеры тоже наперерывъ изъявляли мнѣ свое удовольствіе по поводу побѣды.

— Ну, вы ихъ ловко отдѣлали! Вѣдь, какъ бараны, покатились они, подлецы, внизъ послѣ вашего натиска... Мы вамъ апплодировали съ позиціи...

Солдаты указывали на меня пальцами... Конечно, все это не могло не льстить, не щекотать моего самолюбія!

Наконецъ, я увидѣлъ Михаила Дмитріевича и подошелъ къ нему.

— Приказаніе вашего превосходительства я исполнилъ въ точности! сказалъ я, взявъ подъ козырекъ.

— А, здравствуйте, Дукмасовъ! Ну, спасибо вамъ великое, голубчикъ!.. сказалъ радостно Скобелевъ, горячо обнимая и цѣлуя меня.—Еще разъ очень, очень вамъ благодаренъ! Поздравляю васъ Георгіевскимъ кавалеромъ!..

Не могу передать то пріятное ощущеніе, тотъ приливъ радости, который почувствовалъ я при послѣднихъ словахъ генерала. Нужно быть самому воиномъ, любить военное дѣло и бывать въ бояхъ, чтобы понять это хоро-

шее, счастливое чувство! Его можно сравнить, и то отчасти только, съ тѣмъ чувствомъ, которое испытываетъ юнкеръ или офицеръ, послѣ тяжелыхъ и долгихъ трудовъ, добивающійся права на офицерскіе погоны или на академическій значекъ. Кажется, что тутъ особеннаго надѣть на грудь этотъ маленькій, бѣленькій крестикъ! Правъ особенныхъ онъ не даетъ, матеріальныхъ выгодъ тоже. И какъ много мы видимъ людей, украшенныхъ этою высшею воинскою наградой, въ самой ужасной жизненной обстановкѣ, въ нуждѣ, въ лишеніяхъ... И все-таки, какъ гордятся они этимъ крестикомъ, который составляетъ для нихъ почти единственное утѣшеніе въ ихъ тяжелой жизни и который они не уступятъ ни за какія сокровища, какъ бы ни было безвыходно ихъ положеніе!.. И чѣмъ тяжелѣе достается эта награда, чѣмъ болѣе потеряно здоровья, болѣе потрясена нервная система, болѣе пережито страшныхъ, роковыхъ минутъ, тѣмъ дороже и милѣе становится для него этотъ крестикъ... Онъ дѣлается самымъ дорогимъ другомъ для этого человѣка, съ которымъ послѣдній не разстается уже во всю земную жизнь, до самой гробовой доски... Не военному человѣку, можетъ быть, покажется нѣсколько страннымъ эта слѣпая привязанность къ неодушевленному предмету, но истинный сынъ Марса, я увѣренъ, пойметъ меня и согласится со мною.

Однако, я отвлекся отъ разсказа. И такъ, Скобелевъ поздравилъ меня съ Георгіевскимъ крестомъ, а вслѣдъ за нимъ стали поздравлять и всѣ товарищи мои. Хотя право выдавать награду зависѣло отъ главнокомандующаго и Государя, но всѣ мы знали, какъ высоко тогда стояли фонды Скобелева при главной квартирѣ и потому не сомнѣвались, что просьба генерала будетъ непремѣнно уважена.

— А гдѣ же Алексѣй Николаевичъ? обратился я къ

товарищамъ, не замѣчая присутствія нашего добраго и любимаго начальника штаба.

— А ты не знаешь! сказалъ Лисовскій, и веселое лицо его сдѣлалось сразу серьезнымъ.—Представь, онъ, бѣдняга, раненъ и довольно серьезно! Марковъ повезъ его въ Габрово. Это было въ то время, когда ты съ охотниками пошелъ въ атаку на флангъ. Въ свитѣ у насъ убито нѣсколько казаковъ и лошадей, а мы, какъ видишь, цѣлы! Ну а ты какъ—разсказывай!..

Новость эта болѣзненно отозвалась въ моемъ сердцѣ.

Потеря Куропаткина сильно подѣйствовала на Скобелева. Чело его нахмурилось, онъ сдѣлался молчаливъ, раздражителенъ и какъ-то весь ушелъ въ себя. Лишиться вообще дорогаго, полезнаго помощника и вмѣстѣ человѣка—товарища и друга, было тяжело, а тѣмъ болѣе въ такое критическое время.

Куропаткинъ былъ его правая рука, его ближайшій совѣтникъ, который не разъ сдерживалъ Скобелева въ его, подчасъ, слишкомъ смѣлыхъ, рискованныхъ предпріятіяхъ. Куропаткинъ былъ, пожалуй, не менѣе храбръ, чѣмъ Скобелевъ, хотя и не обладалъ такою импозантностью, не могъ такъ увлекать солдатъ въ бою, такъ электрически дѣйствовать на массу; но онъ былъ, безспорно, болѣе остороженъ, благоразуменъ и болѣе спокоенъ—качества, крайне необходимыя для крупнаго военнаго начальника. Скобелевъ повѣрялъ Куропаткину всѣ свои тайны и нерѣдко горячо спорилъ съ нимъ, причемъ Алексѣй Николаевичъ спокойно и хладнокровно, со своею обыкновенною улыбкой, которая постоянно свѣтилась въ его умныхъ, блестящихъ глазахъ, возражалъ Скобелеву, стоялъ на своемъ и часто заставлялъ генерала соглашаться съ нимъ. Вообще Скобелеву съ его пылкою, увлекающеюся натурой было положительно необходимо имѣть такого че-

ловѣка, какимъ былъ Куропаткинъ. Скобелевъ самъ, казалось, это чувствовалъ и сознавалъ тяжелую утрату такого помощника и совѣтника въ это горячее время...

Къ востоку отъ той тропинки, по которой гуськомъ двигались наши солдаты, находилась небольшая гора, занятая турками, которые устроили на ней траншею и стрѣляли по спускавшимся съ горъ войскамъ, причиняя имъ не малыя потери (разстояніе было довольно незначительное—около полуверсты). Чтобы избавиться отъ этой несносной трескотни, Скобелевъ приказалъ сотнику Харанову съ полуротой солдатъ захватить упомянутую траншею ночью, когда стрѣльба обыкновенно прекращалась. Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ стемнѣло, отъ Харанова было получено донесеніе, что упомянутая высота имъ занята.

Тяжелый день 26 декабря близился къ концу. Солнце давно уже зашло за горы, въ воздухѣ стало гораздо холоднѣе, темнота быстро увеличивалась и отдѣльные выстрѣлы раздавались все рѣже и рѣже.

Скобелевъ со своимъ штабомъ расположился на ночлегъ въ одномъ изъ ближайшихъ овраговъ, возлѣ ручья... Холодно, сыро, а укрыться нечѣмъ—бурку мою попалили господа писатель и художникъ.

Движеніе войскъ съ горъ ночью продолжалось. И если днемъ они двигались такъ медленно, съ такими неимовѣрными усиліями, утопая по колѣно въ снѣгу, срываясь съ крутыхъ скатовъ въ пропасти, то легко себѣ представить трудность движенія ночью, въ темнотѣ, по совершенно незнакомой, дикой мѣстности и вблизи врага. А двигаться необходимо было: силы наши были слишкомъ ничтожны, намъ слѣдовало какъ можно скорѣе собраться для дружнаго удара съ задней стороны на многочисленнаго непріятеля. Ночь провели мы кое-какъ. Я сильно

мерзъ и нѣсколько разъ просыпался отъ холода, невольно хватаясь руками вокругъ себя и не находя спасительной бурки...

Рано утромъ 27 декабря мы всѣ вскочили на ноги; Скобелевъ былъ въ числѣ первыхъ. Получено было донесеніе, что полтора батальона Углицкаго полка успѣло за ночь спуститься съ горъ и нѣсколько отдохнуть.

Скобелевъ рѣшилъ двинуть ихъ впередъ и замѣнить усталыхъ казанцевъ.

— Посмотримъ, какъ они будутъ дѣйствовать! прибавилъ генералъ.—Да поторопите, пожалуйста, горную батарею, обратился онъ къ кому-то.—Хотя особенной матеріальной пользы она и не принесетъ, но за то нравственная будетъ несомнѣнно: пѣхота пойдетъ веселѣе, да и турки подумаютъ, что мы обладаемъ серьезными силами и выдвинутъ противъ насъ значительную часть своихъ войскъ. Радецкому и Мирскому будетъ тогда легче...

Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Вдругъ мы услышали въ сторонѣ и нѣсколько позади сильную ружейную трескотню. Оказалось, что это стрѣляли турки по двигавшимся по дорогѣ войскамъ изъ той самой траншеи на горкѣ, которую Скобелевъ приказалъ занять ночью сотнику Харанову и которая, какъ донесъ онъ, была имъ уже занята...

Скобелевъ страшно разсердился, приказалъ позвать Харанова и началъ его распекать. Оказалось, что Харановъ, по ошибкѣ, занялъ въ темнотѣ совсѣмъ другую горку и принялъ ее за искомую.

— Чортъ знаетъ что такое! выругался генералъ, и чтобы самому убѣдиться въ ошибкѣ Харанова, поскакалъ къ тому мѣсту такъ быстро, что мы не могли поспѣть за нимъ. Я догналъ его въ то время, когда онъ возвра-

щался уже обратно, сильно разсерженный. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Послушайте, возьмите сейчасъ полуроту солдатъ и выбейте турокъ съ этой горы!..

Какъ разъ въ это время мимо насъ, по дорогѣ, двигалась 12-я рота Казанскаго полка.

— Здорово, молодцы! крикнулъ имъ Скобелевъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! послѣдовалъ дружный и громкій отвѣтъ.

— Откуда, ваше превосходительство, прикажете взять полуроту? обратился я къ генералу.

— А вотъ хоть изъ этой! отвѣчалъ онъ, указывая на проходившихъ солдатъ...

Я поѣхалъ къ ротѣ.

— Дукмасовъ! окликнулъ меня Скобелевъ.— Впрочемъ, возьмите всю роту, да, смотрите, непремѣнно овладѣйте горой!..

— Постараюсь, ваше превосходительство! отвѣтилъ я и подъѣхалъ къ ротному командиру.

— Господинъ штабсъ-капитанъ, сказалъ я, взявъ подъ козырекъ, какъ младшій въ чинѣ,—генералъ Скобелевъ приказалъ мнѣ съ вашею ротой выбить турокъ вонъ съ той позиціи.. Поэтому, я поведу первую полуроту въ атаку, а вы со второй двигайтесь, пожалуйста, за нами въ качествѣ резерва, и если меня отобьютъ, то поддержите... Мѣстность эта мнѣ знакома и я проведу солдатъ самымъ удобнымъ путемъ...

— Прекрасно, съ Богомъ! отвѣчалъ штабсъ-капитанъ.

И я немедленно съ первою полуротой двинулся впередъ, разомкнувъ ее предварительно, чтобы менѣе терпѣть отъ огня.

Мѣстность къ сторонѣ непріятеля постепенно понижалась; затѣмъ слѣдовала небольшая сѣдловина и, наконецъ,

довольно крутой подъемъ до самой вершины, гдѣ находилась непріятельская траншея.

Я замѣтилъ, что турецкія пули ложились все въ опредѣленномъ районѣ по склону горы, на которой мы стояли. Поэтому я со своими солдатами бѣгомъ пробѣжалъ это опасное мѣсто, и дѣйствительно, скоро пули стали свистать лишь надъ нашими головами. Все ближе и ближе ускореннымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, двигались мы въ туманѣ впередъ, поднимаясь къ непріятельской траншеѣ; къ удивленію моему, огонь становился все рѣже и рѣже... Очевидно, защитники траншеи сочли болѣе благоразумнымъ заранѣе покинуть свою позицію, не рискуя штыками встрѣтить насъ...

Было не болѣе пятидесяти шаговъ, когда я скомандовалъ своимъ солдатамъ «на руку!» и съ крикомъ «ура» кинулся въ транщею. Штабсъ-капитанъ съ остальными людьми слѣдовалъ позади, въ разстояніи около ста шаговъ. «Ура, урааа!» подхватили шедшіе позади насъ казанцы, и вся рота, перегоняя другъ друга, съ одушевленіемъ бросилась впередъ. Вотъ, наконецъ, мы и наверху, въ самой траншеѣ непріятеля. Нѣсколько смѣльчаковъ турокъ, стрѣлявшихъ въ насъ почти въ упоръ, были тутъ же переколоты. Остальные еще раньше удрали и только красныя фески ихъ мелькали въ отдаленіи между густыми кустами, въ которыхъ продолжали вспыхивать зловѣщіе огоньки. Кромѣ траншеи, мы захватили пороховой погребъ съ массой патроновъ, нѣсколько ружей, ранцевъ, сумокъ и проч. Потери наши были ничтожны, сколько — не знаю навѣрно...

— Ну, капитанъ, поздравляю васъ съ побѣдой! сказалъ я, стоя на траншеѣ возлѣ убитаго мною низама и пожимая отъ души руку довольнаго ротнаго командира. —

Теперь позвольте васъ покинуть: я поѣду къ генералу и доложу ему о нашемъ успѣхѣ...

Мы дружески простились. Вскорѣ я былъ возлѣ Скобелева.

— Траншея взята 12-ю ротой, ваше превосходительство, доложилъ я.—Турки отступили!

— Да, да, мы видѣли вашу лихую атаку... Сердечное вамъ спасибо! и генералъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Это дѣло было тоже упомянуто Скобелевымъ при представленіи имъ меня къ ордену св. Георгія и обозначено въ высочайшей грамотѣ.

ГЛАВА VII.

Еще утромъ 27 декабря мы слышали съ востока отдаленную артиллерійскую канонаду, которая не прекращалась въ продолженіи всего дня. Туманъ не позволялъ различить точно мѣсто сраженія, но всѣ рѣшили, что это дѣйствуетъ отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго.

— Несомнѣнно, что это Мирскій дѣйствуетъ! говорилъ нѣсколько разъ Скобелевъ въ сильномъ волненіи.—Необходимо намъ поддержать его и хоть часть силъ непріятеля отвлечь на себя! Господи, какъ долго это стягиваются наши войска—поторопите ихъ, пожалуйста!..

Словомъ, Скобелевъ не разъ въ продолженіи дня сердился, не разъ высказывалъ сожалѣніе, что не можетъ немедленно двинуться на помощь сражающимся товарищамъ.

Наконецъ, къ вечеру только 27-го около половины отряда успѣло спуститься въ долину съ горъ: Углицкій полкъ, стрѣлки, болгары, казачій № 9 полкъ, уральская сотня и горная батарея.

Скобелевъ приказалъ немедленно же, т.-е. вечеромъ, со-

бравшимся войскамъ двинуться впередъ на Шейново и отчасти на Шибку, придерживаясь ближе къ Балканамъ. Горной батареѣ приказано было выѣхать на позицію возможно ближе къ непріятелю и, подкопавъ предварительно насколько можно больше хобота, сдѣлать нѣсколько залповъ. Войска, пройдя нѣкоторое разстояніе по направленію къ Шейново, остановились. Наступалъ уже вечеръ — темнота все увеличивалась. По приказанію Скобелева, всѣ музыканты и барабанщики торжественно съиграли зорю; затѣмъ войска развели массу костровъ и отступили къ Иметли, оставивъ на линіи огней лишь аванпостную цѣпь.

Всѣми этими мѣрами Скобелевъ хотѣлъ возможно больше напугать, обмануть турокъ относительно силы своего отряда и, отвлеченіемъ на себя извѣстной части непріятельскихъ силъ, помочь этимъ Мирскому, дѣйствовавшему по ту сторону Шейново.

Какъ оказалось впослѣдствіи, хитрость эта достигла извѣстныхъ результатовъ и испуганные турки отдѣлили значительную часть своей арміи противъ нашего отряда, а масса непріятельской кавалеріи выдвинута была по направленію къ Иметли.

Сильно измучившись физически и, главное, нравственно за тяжелые дни 26 и 27 декабря, я думалъ немного отдохнуть за ночь, когда, поздно вечеромъ, отрядъ нашъ расположился бивакомъ у д. Иметли. Я уже предвкушалъ заранѣе сладость отдыха и высматривалъ только поуютнѣе мѣстечко для ложа, какъ вдругъ ко мнѣ явился графъ Келлеръ, исполнявшій послѣ Куропаткина обязанности начальника штаба.

— Вамъ Скобелевъ приказалъ сейчасъ же отправиться на Шибку къ генералу Радецкому съ важными бумагами... Генералъ испрашиваетъ приказаній у Радецкаго и доноситъ, что завтра утромъ онъ можетъ начать дѣло.

«Вотъ тебѣ и отдыхъ!» подумалъ я, скорчивъ недовольную мину.

— Графъ, попросите, пожалуйста, генерала, нельзяли назначить кого-нибудь другаго вмѣсто меня; я страшно усталъ и за эти два дня положительно не имѣлъ отдыха, все время былъ въ дѣлахъ...

— Нѣтъ, генералъ окончательно рѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ именно и надѣется, что вы, какъ казакъ, скорѣе выполните эту трудную задачу—пробраться ночью по горамъ къ Радецкому и привезти къ утру приказаніе отъ него.

Какъ ни лестны были для моего самолюбія эти слова графа, но я съ удовольствіемъ бы въ то время передалъ эту честь кому-нибудь, лишь бы меня оставили въ покоѣ и дали отдохнуть—забыться и заснуть хоть на два - три часа...

Человѣку, который не испыталъ сильной усталости души и тѣла, трудно понять, какъ тяжело пересиливать натуру, какія нужны для этого сверхъестественныя усилія...

Волей-неволей пришлось снова усѣсться на своего усталаго коня и одному пробираться по совершенно незнакомой мѣстности къ горѣ св. Николая.

Передъ выѣздомъ, собираясь въ ночное путешествіе, я столкнулся въ темнотѣ съ художникомъ В. В. Верещагинымъ.

— Что, собираетесь въ путь? сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь;—а знаете, это по моему настоянію Скобелевъ посылаетъ васъ на Шипку... Если воротитесь къ утру, генералъ обѣщаетъ вамъ крестъ, а если опоздаете—арестъ...

Мнѣ было не до разговоровъ, я торопился скорѣе въ дорогу.

Выѣхалъ я изъ Иметли въ девять часовъ вечера, когда было уже совершенно темно. Съ неимовѣрными усиліями,

рискуя ежеминутно сломать себѣ шею, пробирался я еле замѣтною тропинкой черезъ глубокія ущелья и балки, карабкался на громадныя горы, скатывался въ какія-то пропасти, поросшія густымъ лѣсомъ. Раза два я падалъ съ лошади, разъ сорвался вмѣстѣ съ нею въ небольшой, къ счастью, оврагъ и отдѣлался только ушибомъ и ссадинами на физіономіи; но лошадь моя сильно захромала и я принужденъ былъ оставить ее въ горахъ на оказавшемся, къ счастью, вблизи казачьемъ посту (казаки № 9-го полка содержали здѣсь полевую почту), а самъ пересѣлъ на лошадь казака.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ испытаній и ожиданій сдѣлаться навсегда калѣкой (не отъ пули, а отъ паденія), я добрался, около двухъ часовъ ночи, до отряда Радецкаго на гору св. Николая.

Генералъ Радецкій — очень умный, симпатичный и простой человѣкъ—принялъ меня въ своей неприхотливой и вполнѣ боевой землянкѣ чрезвычайно любезно, гостепріимно, напоилъ чаемъ съ ромомъ и предложилъ закусить.

Великое спасибо ему за этотъ чай съ ромомъ, который сильно поддержалъ мои упавшія силы. (Кромѣ Радецкаго, тутъ были еще начальникъ штаба его, генералъ Липинскій, и нѣсколько адъютантовъ).

— Я очень, очень радъ вашему пріѣзду! добродушно улыбаясь, говорилъ генералъ въ то время, какъ я съ волчьимъ аппетитомъ истреблялъ закуску;—я сильно-таки безпокоился за вашъ отрядъ, не получая оттуда никакихъ извѣстій. Ну, слава Богу – теперь я совершенно спокоенъ!..

— Генералъ Скобелевъ послалъ вашему превосходительству еще утромъ донесеніе—не знаю, отчего оно не получено! отвѣчалъ я.—Дорога у насъ ужаснѣйшая. Люди и лошади буквально выбиваются изъ силъ и ранѣе вче-

рашняго вечера немыслимо было спуститься тѣмъ частямъ, которыя находятся въ долинѣ близь Иметли...

Затѣмъ я разсказалъ подробно генералу всѣ дѣла нашего отряда 26 и 27 декабря, про зорю съ церемоніей и прочія подробности. Радецкій слушалъ разсказъ мой, не смотря на поздній ночной часъ, съ живѣйшимъ интересомъ, и, въ свою очередь, разсказалъ мнѣ про дѣйствія своего отряда.

— Да, конечно, согласился Радецкій, — при такихъ условіяхъ трудно было спуститься скорѣе!.. Но все-таки я сильно побаивался за васъ. Вчера утромъ еще я получилъ донесеніе отъ князя Мирскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ про свое критическое положеніе и проситъ непремѣнно поддержки со стороны моего отряда. «Что же касается отряда Скобелева», пишетъ онъ, «то о немъ я не имѣю никакихъ извѣстій». Я отвѣтилъ князю, что поддержу его и сдѣлаю вылазку, чтобы привлечь на себя хоть часть непріятельской силы; сообщилъ ему также, что про вашъ отрядъ ничего не знаю, но каждую минуту поджидаю донесенія... И вотъ, чтобы поддержать князя, я долженъ былъ рѣшиться на атаку неприступной непріятельской позиціи, продолжалъ онъ.—Я предвидѣлъ, что все окончится неудачей, но не могъ, конечно, отказать князю въ этой помощи... Да, день 27 декабря намъ дорого стоилъ, сказалъ генералъ, немного погодя, глубоко вздохнувъ, — я потерялъ своихъ лучшихъ солдатъ, которые оказали буквально чудеса храбрости: имъ пришлось двигаться въ атаку узкимъ фронтомъ по дорогѣ, перекопанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ траншеями, черезъ глубокія ущелья, подъ убійственнымъ огнемъ... И все-таки они взяли три ряда этихъ траншей, пока, наконецъ, немыслимо было двигаться дальше... Полки потеряли почти $^2/_3$ своихъ людей—и особенно пострадалъ лихой Подольскій полкъ полковника

Духонина... Конечно, этою атакой я спасъ Мирскаго и удержалъ до 35 таборовъ, которые собирались уже на него ринуться; видно было даже, какъ нѣкоторыя части турецкаго войска стали спускаться съ горъ въ долину, но потомъ опять поднялись вверхъ.

Услышавъ отъ меня, что начальникъ штаба нашъ раненъ, Радецкій съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ воскликнулъ:

— Куропаткинъ раненъ! Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! Такой прекрасный, полезный офицеръ!.. Это большая потеря для васъ!..

Радецкій положительно очаровалъ меня своею обходительностью, простотой, доступностью и вмѣстѣ умомъ и ясностью изложенія.

Всего я пробылъ у благороднаго и симпатичнаго героя Шибки около двухъ часовъ. За это время необходимыя бумаги были написаны и Радецкій передалъ ихъ мнѣ. Кромѣ письменнаго приказанія, генералъ передалъ также и словесно весь планъ дѣйствій на 28 декабря. Получивъ все необходимое, я всталъ и раскланялся.

— Ну, до свиданья, сказалъ добродушно Радецкій, пожимая мою руку. — Отъ души желаю успѣха вашему отряду. Передайте поклонъ мой Скобелеву!.. Счастливой дороги!..

Было около четырехъ часовъ утра и совершенно еще темно, когда я снова усѣлся на коня и поѣхалъ въ обратный путь. Ѣхать было, пожалуй, еще хуже: хотя дорога была болѣе или менѣе знакома уже, но за то приходилось преимущественно спускаться или просто скатываться на заднихъ ногахъ лошади. Гдѣ дорога позволяла, я, боясь опоздать, скакалъ во весь духъ, не смотря на крайне неудобное сидѣнье—туго набитую подушку, гдѣ хранится обыкновенно все имущество и походное богатство казака

и которую онъ бережетъ, какъ зеницу ока. Было уже совершенно свѣтло (часовъ около восьми), когда я доѣхалъ до того мѣста, гдѣ еще ночью полетѣлъ съ лошадью въ оврагъ. Конь мой нѣсколько оправился и я снова пересѣлъ на него. Наконецъ, я спустился въ долину и направился къ Иметли. Еще съ горъ я увидѣлъ, что отрядъ нашъ уже выступалъ съ бивака и развертывался въ боевой порядокъ; при этомъ правый флангъ направлялся въ обходъ Шейнова, очевидно съ цѣлью отрѣзать путь отступленія туркамъ. Это совершенно согласовалось съ видами генерала Радецкаго, а потому я успокоился и нѣсколько сдержалъ скакавшаго все время коня...

Вдали, между войсками, виднѣлась группа всадниковъ, надъ которой рельефно развѣвался бѣлый значекъ. Я направился на этотъ знакъ и скоро былъ возлѣ Скобелева.

— Ваше превосходительство! бумаги отъ генерала Радецкаго! сказалъ я, передавая ему пакеты.

Генералъ прочиталъ, поблагодарилъ меня за быстрое исполненіе порученія и въ продолженіи всего дѣла не тревожилъ уже болѣе.

Между тѣмъ, войска наши продолжали наступленіе противъ непріятельской позиціи, которая рѣзко обозначалась нѣсколькими редутами и линіей траншей по обѣ стороны Шейново.

На правомъ флангѣ двигался Углицкій полкъ, въ центрѣ и на лѣвомъ—стрѣлки, болгарское ополченіе и горная батарея. Донцы находились правѣе угличанъ, а уральцы Кирилова охраняли отрядъ съ тыла, со стороны Карлова.

Бой завязала наша горная батарея. Не смотря на ничтожный калибръ, дѣйствія ея были прекрасны и маленькіе снаряды рвались въ самыхъ турецкихъ редутахъ и траншеяхъ. Непріятель энергично отвѣчалъ намъ не только

артиллерійскимъ, но и сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Вдругъ одинъ изъ снарядовъ нашихъ ударился въ непріятельскій зарядный ящикъ, находившійся въ редутѣ, и въ то же мгновеніе послѣдовалъ страшный взрывъ... Радостный крикъ прогремѣлъ среди нашихъ войскъ, и, воспользовавшись этою удобною минутой, они бросились въ атаку на непріятеля. Атака эта, къ несчастью, не имѣла, однако, успѣха. Силы наши были еще слишкомъ ничтожны, позиція непріятельская слишкомъ сильна, а пространство, по которому пришлось двигаться атакующимъ войскамъ, не представляла для нихъ ровно никакихъ закрытій. На правомъ флангѣ Углицкій полкъ, предводимый храбрымъ командиромъ, полковникомъ Панютинымъ, смѣло ринулся впередъ... Но, встрѣченный страшнымъ свинцовымъ дождемъ, который вырывалъ изъ рядовъ цѣлые десятки жертвъ, онъ долженъ былъ остановиться и залегъ въ одной изъ складокъ мѣстности. Путь полка рѣзко обозначался массой убитыхъ и раненыхъ, разсѣянныхъ по полю; послѣдніе по одиночкѣ тащились обратно, оглашая воздухъ жалобными стонами...

Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ такая же участь постигла болгарское ополченіе и стрѣлковъ Меллера-Закомельскаго. Хотя они и овладѣли непріятельскимъ редутомъ, но, потерявъ при этомъ значительную часть бойцовъ и сильно разстроившись, не могли удержаться во взятомъ укрѣпленіи и должны были отступить изъ редута, который снова перешелъ во власть турокъ. Видя, какъ наши стрѣлки отступаютъ изъ купленнаго такою дорогою цѣной редута, такъ и хотѣлось броситься впередъ, крикнуть имъ: «За мной, братцы!», ворваться вновь въ укрѣпленіе и прочно засѣсть за земляною насыпью.

Еще ранѣе Скобелевъ разослалъ ординарцевъ торопить движеніе остальныхъ войскъ — въ нихъ была настоятель-

ная нужда. Въ то время, когда передніе бойцы наши потерпѣли временную неудачу и принуждены были пріостановить атаку, не будучи въ силахъ двигаться дальше, подмога, въ лицѣ Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, уже спѣшила къ нимъ въ боевую линію на выручку.

Общими силами (оставивъ въ частномъ резервѣ два батальона) войска наши вновь бросились на непріятеля и снова загорѣлся ожесточенный бой. Успѣхъ видимо склонялся на нашу сторону и въ нѣкоторыхъ редутахъ и траншеяхъ уже показались русскія кэпи. Чтобы поддержать сражающихся и еще болѣе развить успѣхъ атаки, Скобелевъ приказалъ двумъ батальонамъ частнаго резерва двинуться на подмогу стрѣлкамъ и угличанамъ, а также отправилъ одного изъ ординарцевъ на лѣвый флангъ, гдѣ находился Казанскій полкъ, охраняющій наше расположеніе со стороны Шибки, съ приказаніемъ направиться возможно скорѣе упомянутому полку въ общій резервъ. Въ самый разгаръ этого боя на поле сраженія прибылъ генералъ Дохтуровъ со своею кавалеріей.

— Въ распоряженіе вашего превосходительства я прибылъ съ 1-ю кавалерійскою дивизіей. Куда прикажете направиться? доложилъ генералъ Дохтуровъ, подъѣхавъ къ Скобелеву.

— Направляйтесь, пожалуйста, скорѣе на правый флангъ; постарайтесь отрѣзать совершенно туркамъ путь отступленія и войдите непремѣнно въ связь съ отрядомъ кн. Святополкъ-Мирскаго.

Каждая минута была дорога, и Дохтуровъ немедленно же поскакалъ приводить въ исполненіе приказаніе Скобелева. Бой между тѣмъ продолжался. Раздавалась непрерывная ружейная трескотня, частые орудійные выстрѣлы, со всѣхъ сторонъ слышались громкіе, побѣдные крики «ура». Скобелевъ внимательно слѣдилъ за картиной боя

и съ одного мѣста постоянно переѣзжалъ на другое, ни мало не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что возлѣ него то и дѣло шлепались гранаты и зарывались въ землю пули. Онъ весь былъ поглощенъ этою мрачною картиной человѣческаго истребленія, весь былъ сосредоточенъ на одной мысли—овладѣть во что бы то ни стало этими редутами, батареями, траншеями... Побѣда или смерть! — иного выбора для него, казалось, не было. Это читалось въ его блестящихъ глазахъ, въ порывистыхъ движеніяхъ каждаго мускула его воинственнаго лица, въ безпокойныхъ, нервическихъ подергиваніяхъ поводомъ и ногами по бокамъ лошади... Еще неудача—и онъ самъ съ послѣднимъ резервомъ ринется впередъ и выйдетъ навѣрное побѣдителемъ, если только какая-нибудь шальная пуля не уложитъ на мѣстѣ этого безпокойнаго генія войны!..

— Два батальона Казанскаго полка пришли въ общій резервъ! доложилъ кто-то изъ ординарцевъ.

— Хорошо, отвѣчаетъ генералъ, не поворачивая головы.

— Генералъ Дохтуровъ прислалъ доложить вашему превосходительству, что онъ вошелъ въ связь съ отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго! раздается донесеніе другаго гонца.

— Слава Богу, отвѣчаетъ снова генералъ, и лицо его нѣсколько просіяло.

— Отъ князя Мирскаго пріѣхалъ казачій офицеръ съ пакетомъ!

Скобелевъ нетерпѣливо разорвалъ пакетъ и прочелъ сообщеніе князя.

— Ну, теперь пора двигаться въ рѣшительную атаку! сказалъ генералъ, поднимая голову, и отдалъ соотвѣтствующія приказанія.

Четыре батальона, по ротно въ двѣ линіи, съ распущенными знаменами и съ музыкой двинулись впередъ.

Этотъ видъ стройно двигавшихся подъ музыку, точно на парадѣ, русскихъ батальоновъ съ развѣвавшимися, историческими знаменами, бывшими на поляхъ Германіи и Франціи и получившими, почти четверть вѣка тому назадъ, новое боевое крещеніе на бастіонахъ Севастополя, произвелъ на турокъ положительную панику. Бросивъ орудія, снаряды, лагерь, они бѣжали на Казанлыкъ; но тутъ ихъ встрѣтила кавалерія Дохтурова и цѣлыя сотни мусульманъ гибли подъ ударами шашекъ русскихъ гусаръ, уланъ, драгунъ и казаковъ. Цѣлые таборы, видя свое безвыходное положеніе, бросали оружіе, знамена и умоляли только о пощадѣ, о сохраненіи жизни. А съ востока и сѣвера, между тѣмъ, на турокъ сильно стали насѣдать войска Мирскаго и Радецкаго и съ каждою минутой все меньше и меньше дѣлались тѣ роковые стальные тиски, которые крѣпко охватывали расположеніе непріятельскихъ войскъ. Турки были окружены со всѣхъ сторонъ — ихъ положеніе сдѣлалось критическимъ. Исходовъ было два: честный — пробиться черезъ эту грозную стѣну русскихъ штыковъ и шашекъ и хоть горсти отступить на Казанлыкъ и дальше; позорный — выкинуть бѣлый флагъ и просить пощады и великодушія побѣдителя!.. Турки выбрали послѣднее — это дѣло было имъ уже привычное. Скобелевъ только-что выѣхалъ изъ лѣсу на поляну передъ вторымъ батальономъ общаго резерва, который онъ лично велъ въ атаку, какъ его догналъ сотникъ Харановъ, посланный генераломъ за батальономъ Казанскаго полка. Еще издали онъ что-то кричалъ и махалъ шапкой.

— Что это онъ—сдурѣлъ, что-ли? сказалъ Скобелевъ, замѣтивъ жестикуляціи Харанова...

— Ваше превосходительство! На главномъ курганѣ турки выкинули бѣлый флагъ! радостно прокричалъ онъ наконецъ, подскакавъ ближе.

— Что вы—правда-ли это? Вы развѣ видѣли?

— Такъ точно, ваше превосходительство, ей-Богу видѣлъ! запыхавшись и весь красный отвѣчалъ онъ.

Дѣйствительно, присмотрѣвшись, мы ясно различали на большомъ курганѣ развѣвавшійся бѣлый флагъ — роковой и позорный для турокъ, славный, счастливый для насъ.

— Остановите резервъ, обратился Скобелевъ къ батальонному командиру; — а вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ Харанову,—ведите меня къ главному кургану.

Крупною рысью мы двинулись впередъ. Стрѣльба противъ насъ прекратилась, турецкіе солдаты бросали оружіе... Мы быстро проѣхали мимо палатокъ «Красной Луны»... Нѣсколько докторовъ (турокъ и англичанъ) вышли намъ на встрѣчу и низко поклонились Скобелеву.

Наконецъ, мы подъѣхали довольно близко къ главному кургану и увидѣли здѣсь нѣсколько бѣлыхъ флаговъ.

— Поѣзжайте съ переводчикомъ впередъ, обратился генералъ къ поручику Лисовскому, — и узнайте отъ Весселя-паши, на какихъ условіяхъ онъ сдается?

Вскорѣ Лисовскій вернулся и сообщилъ, что Вессель-паша сначала пожелалъ узнать, какой чинъ у Скобелева, и когда ему сказали, что генералъ-лейтенантъ, то только тогда согласился на сдачу, при чемъ вполнѣ отдавался на милость побѣдителя. Веселая, счастливая улыбка освѣтила лицо Скобелева. Мы всѣ, конечно, вполнѣ раздѣляли радость нашего полководца. «А что», пришла мнѣ въ это время мысль, «что если бы Скобелевъ былъ на мѣстѣ Весселя-паши и въ такомъ же критическомъ положеніи?» Я не сомнѣвался ни на минуту, что онъ никогда не отдалъ бы своей шашки врагу, что онъ принялъ бы другое, болѣе рыцарское рѣшеніе—прорваться и, въ крайности, съ честью умереть, «мертвые-бо сраму не имутъ!»

Мнѣ почему-то думалось, что Скобелевъ. мало того, что прорвался бы, но, дѣйствуя энергично, отчаянно, одержалъ бы даже побѣду... Военная исторія представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ! Не думаю, чтобы турецкій солдатъ уступалъ въ храбрости русскому при условіи мужественнаго, энергичнаго и дѣльнаго начальника! Османъ-паша подъ Плевной доказалъ намъ это!..

Между тѣмъ, на нашемъ правомъ флангѣ и у Мирскаго стрѣльба продолжалась—имъ не была еще извѣстна наша общая радость. Скобелевъ разослалъ гонцевъ во всѣ стороны съ извѣстіемъ объ этомъ событіи; Вессель-паша, глубоко вздохнувъ, тоже сдѣлалъ, съ своей стороны, относительно турецкихъ войскъ. Мало-по-малу по всей окровавленной долинѣ стрѣльба стала стихать. Скобелевъ приказалъ войскамъ своего отряда собраться у главнаго редута, впереди Шейново, и выстроиться фронтомъ къ Шибкѣ; генералу Столѣтову съ двумя офицерами онъ поручилъ отправиться къ сѣверу отъ Шибки въ горы и предложить сдаться тѣмъ турецкимъ войскамъ, которыя занимали тамъ позицію противъ отряда Радецкаго.

Турецкій полковникъ, командовавшій этими войсками, отказался вступить въ переговоры съ генераломъ Столѣтовымъ и угрожалъ стрѣлять въ него, если онъ не повернетъ обратно. Тогда Скобелевъ приказалъ: всѣмъ войскамъ, собравшимся у главнаго редута, съ музыкой и распущенными знаменами двинуться впередъ въ боевомъ порядкѣ по направленію къ Шибкѣ (стрѣлки и кавалерія находились впереди). Затѣмъ вторично посланъ былъ генералъ Столѣтовъ, чтобы предупредить турокъ, что если они не сдадутся, то будутъ безпощадно разгромлены съ двухъ сторонъ—съ сѣвера и съ юга. Вмѣстѣ съ Столѣтовымъ поѣхалъ турецкій офицеръ отъ Весселя-паши съ порученіемъ передать полковнику приказаніе сдаться, при-

чемъ упомянуть о грозной силѣ русскихъ войскъ и безполезности сопротивленія.

Столѣтову же Скобелевъ передалъ и шашку Весселя-паши, которая служила бы такимъ образомъ турецкому полковнику нагляднымъ доказательствомъ сдачи его собратьевъ; затѣмъ эту шашку генералъ Столѣтовъ долженъ былъ вручить начальнику всѣхъ русскихъ войскъ, оперировавшихъ въ окрестностяхъ Шибки—генералу Радецкому.

Вскорѣ мы увидѣли съ нашихъ мѣстъ, что миссія Столѣтова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: надъ грозными турецкими укрѣпленіями, расположенными въ горахъ къ сѣверу отъ Шибки, показалось нѣсколько бѣлыхъ флаговъ... Радостный, побѣдоносный крикъ прогремѣлъ по всей долинѣ, шапки наши полетѣли высоко вверхъ... Это былъ финалъ нашей славной общей побѣды въ долинѣ Тунджи, финалъ тріумфа нашихъ мужественныхъ полководцевъ—Радецкаго, Скобелева и Святополкъ-Мирскаго!.. Хотя львиная доля побѣды приходилась, безспорно, на нашъ отрядъ, но нельзя умалять также громадныхъ подвиговъ нашего сѣвернаго и восточнаго отрядовъ, хотя дѣйствія ихъ и не были обставлены такимъ наружнымъ блескомъ.

Скобелевъ былъ поэтомъ войны и умѣлъ самый кровавый эпизодъ боя—атаку, штурмъ—облечь въ красивую, поэтическую форму (распущенныя знамена, музыка, барабанный бой), что дѣйствуетъ такъ возбуждающе на нервы сражающихся, такъ сильно на воображеніе массы.

Безпристрастному историку, конечно, лучше извѣстно, кому слѣдуетъ надѣть лавровый вѣнокъ—Радецкому, Скобелеву или Мирскому. Мое личное скромное мнѣніе, что его вполнѣ достойны всѣ три славныхъ нашихъ полководца и прежде всего, конечно, Радецкій.

Государь такъ и оцѣнилъ подвиги каждаго изъ нихъ и

Георгіевскіе кресты красуются на каждомъ изъ героевъ Шибки и Шейнова... Долго еще разносило эхо въ суровыхъ Балканахъ радостное русское «ура» и тяжело отзывалось оно въ сердцахъ бросившихъ оружіе плѣнныхъ османовъ.

Кто не былъ въ сраженіи, кто не видѣлъ передъ лицомъ своимъ неумолимую смерть, кто, наконецъ, не испытывалъ горькаго, щемящаго чувства при неудачахъ, пораженіяхъ, кто не плакалъ нравственно при видѣ бѣгущихъ товарищей, тотъ не пойметъ того сладостнаго, счастливаго чувства, которое испытываетъ самый послѣдній рядовой при этомъ магическомъ словѣ «побѣда»... Повидимому, не все-ли равно для этого ничтожнаго рядоваго—побѣдить или сдаться въ плѣнъ, назваться побѣдителемъ или побѣжденнымъ?! Ни въ томъ вѣдь, ни въ другомъ случаѣ его не ожидаетъ ничего особеннаго, радостнаго!..

А между тѣмъ, всмотритесь въ эти простыя, загорѣлыя солдатскія лица: сколько въ нихъ счастья, оживленія, какое невыразимое блаженство свѣтится въ этихъ блестящихъ глазахъ!..

Нужно самому быть участникомъ этихъ событій, самому пережить такія минуты, чтобы понять ихъ, понять то сильное, радостное чувство, которое не забывается во всю жизнь... «Господи, какъ хорошо, какъ сладко жить въ этомъ мірѣ!» выражаетъ лицо каждаго изъ побѣдителей. И, не смотря на это наслажденіе земною жизнью, предложите этимъ самымъ людямъ броситься опять въ новый смертельный бой—и они, не задумываясь, совершенно добровольно, какъ звѣри ринутся на новую, почти вѣрную гибель.

Странно, загадочно созданъ человѣкъ!.. Трудно понять душу его и громадное вліяніе на нее другой, болѣе силь-

ной человѣческой души!.. Одно слово, одна фраза любимаго полководца—и тысячи охотно бросаются на смерть, на страшныя, мучительныя пытки!..

Скобелевъ выстроилъ войска покоемъ.

— На молитву, шапки долой! раздалась его зычная команда, и головы быстро обнажились...

Теплая, сердечная молитва долго носилась надъ этою многотысячною толпой; многіе плакали, благодаря Творца за дарованное счастье нашему оружію, нашему Царю и родинѣ, а потомъ уже за избавленіе отъ опасности и спасеніе жизни въ этомъ адскомъ, кровавомъ бою... Молились за павшихъ товарищей, за оставшихся живыхъ, за Царя, за Россію... И эта картина горячей молитвы русскихъ православныхъ воиновъ, благодарящихъ Бога за славную побѣду—тоже навѣрное живо врѣзалась въ память каждаго участника. Наконецъ, молитва была окончена.

— Накройсь! прозвучала новая команда по рядамъ батальоновъ, и солдаты надѣли шапки.

Тогда Скобелевъ объѣхалъ свои войска и горячо благодарилъ ихъ за лихую службу, за храбрость, за побѣду.

Величественна была эта фигура «бѣлаго генерала» на красивомъ бѣломъ конѣ, мчавшагося мимо своихъ побѣдныхъ войскъ. Сколько жизни и энергіи виднѣлось въ этомъ оживленномъ, умномъ и воинственномъ лицѣ молодаго отважнаго вождя; сколько силы представляла изъ себя вся эта красивая фигура героя Плевны и Шейново!

— Именемъ Государя, именемъ Россіи, спасибо, братцы, за вашу службу!.. благодарилъ генералъ, и новое сердечное, оглушительное «ура» вылетѣло изъ рядовъ и огласило кровавую долину розъ...

Этимъ крикомъ русскіе воины выражали свою преданность обожаемому Монарху и постоянную готовность броситься на новыя испытанія по одному Его слову.

Чудную и незабвенную картину эту высокоталантливый нашъ художникъ В. В. Верещагинъ (свидѣтель всего этого) воспроизвелъ и увѣковѣчилъ для потомства въ своей прелестной картинѣ «Побѣда».

Духовная дань была, такимъ образомъ, заплачена; нужно было позаботиться теперь о пополненіи израсходованныхъ физическихъ силъ, объ отдыхѣ и ѣдѣ побѣдителей, о судьбѣ. наконецъ, побѣжденныхъ (въ отношеніи которыхъ русскій человѣкъ никогда не примѣнялъ знаменитой и страшной въ свое время фразы: «vae victum!», а напротивъ, на сколько онъ безпощаденъ въ разгарѣ боя, на столько же великодушенъ и гуманенъ къ врагу безоружному, помня русскую пословицу, что «лежачаго не бьютъ!»), о погребеніи тѣхъ несчастныхъ и неизбѣжныхъ жертвъ, дорогою цѣной которыхъ куплена эта славная побѣда, о призрѣніи многочисленныхъ раненыхъ, которые разсѣяны были по всему полю и давно уже молили о помощи... Словомъ, нужно было позаботиться о тѣхъ безчисленныхъ житейско-боевыхъ нуждахъ, которыя окружаютъ сражающихся во всѣ времена человѣческихъ кровавыхъ распрей.

Войска расположились бивакомъ у Шейново, и закипѣла работа по устройству временнаго жилья и приготовленія пищи. Скобелевъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Весселя-пашу и нѣкоторыхъ турецкихъ докторовъ. Мы же, штабные, разбрелись по разнымъ мѣстамъ искать пріюта и пищи.

Ранѣе мы всегда продовольствовались у Михаила Дмитріевича, и не только мы, но и всѣ лица, пріѣзжавшія къ Скобелеву по какому-либо дѣлу, находили у него радушный пріемъ и обильное угощеніе... Передъ переходомъ же черезъ Балканы Скобелевъ предупредилъ насъ, чтобы каждый позаботился о собственномъ продовольствіи, такъ какъ онъ не можетъ насъ кормить при столь неблаго-

пріятной обстановкѣ. Впрочемъ, я, не смотря на свою безпечность и безалаберность, никогда не былъ голоденъ, никогда не нуждался въ ѣдѣ. Въ любомъ полку, эскадронѣ, въ любой батареѣ и сотнѣ я всегда находилъ себѣ провольствіе, всѣ любезно приглашали къ себѣ и охотно дѣлились своими скудными запасами...

До 31 декабря всѣ мы почивали на лаврахъ: высыпались, наѣдались, починялись и приготовлялись къ пріѣзду главнокомандующаго, котораго ожидали въ послѣдній день тяжелаго, кроваваго 1876 года. Впрочемъ, это приготовленіе не составляло для насъ труда, а напротивъ, скорѣе было радостно. Намъ пріятно было порадовать Августѣйшаго полководца, пріятно было увидѣть, какъ онъ раздѣлитъ съ нами радость и скажетъ свое, дорогое для насъ, «спасибо». Мы съ нетерпѣніемъ, поэтому, ожидали Великаго Князя. Раненые—наши и турецкіе—были подобраны и перевязаны, убитые зарыты въ землю; долина розъ вновь приняла поэтическій мирный видъ и не замѣтно было даже, что она поглотила въ себя цѣлые ручьи русской и турецкой крови.

Въ десять часовъ утра 31 декабря отрядъ нашъ выстроился передъ Шейново, фронтомъ къ Шибкѣ.

У послѣдней деревни находились офицеры, которые должны были предупредить отрядъ при появленіи Его Высочества.

Около двѣнадцати часовъ дня изъ Шибки выѣхала группа всадниковъ, впереди которыхъ ѣхалъ Великій Князь. Музыка заиграла маршъ; Скобелевъ подъѣхалъ къ главнокомандующему и отрапортовалъ ему. Николай Николаевичъ подалъ руку Скобелеву, затѣмъ горячо обнялъ и поцѣловалъ его и поздравилъ со шпагой, украшенной бриллiантами.

Затѣмъ Его Высочество сталъ объѣзжать войска. Онъ

останавливался возлѣ каждаго полка, снималъ фуражку и сердечно благодарилъ воиновъ за молодецкую службу Государю, за славную, лихую побѣду...

Вновь громкое русское «ура» покатилось по долинѣ розъ, и это родное, сердечное «спасибо» изъ устъ высокаго полководца и отъ лица самого Государя было особенно дорого намъ, бойцамъ, послѣ цѣлаго ряда этихъ лишеній, потерь и опасностей.

Затѣмъ главнокомандующій поѣхалъ къ войскамъ князя Мирскаго, которыя стояли бивакомъ близь дороги изъ Шибки въ Казанлыкъ, а нашъ отрядъ въ тотъ же день направился въ Казанлыкъ, до котораго было только двѣнадцать верстъ, гдѣ и размѣстился на квартирахъ.

Здѣсь, на самомъ берегу Тунджи, мы скромно встрѣтили Новый годъ. Каждый невольно задавалъ себѣ вопросы: что-то насъ ожидаетъ въ этомъ новомъ году, долго-ли еще протянется эта человѣческая бойня, увѣнчаются-ли достойною наградой наши побѣды? и проч., и проч...

Въ день Новаго года отрядъ быстро двинулся далѣе. Надо было торопиться и возможно скорѣе достигнуть Адріанополя—турецкой Москвы...

Западный отрядъ нашей арміи двинулся, какъ извѣстно, подъ предводительствомъ Гурко, послѣ паденія Плевны, на югъ, перешелъ Балканы съ неимовѣрными трудами и страшными жертвами *) у Арабъ-Конака, имѣлъ нѣсколько блестящихъ дѣлъ на вершинахъ горъ и у подножія ихъ, завладѣлъ столицей Болгаріи — Софіей, разбилъ на всѣхъ пунктахъ турецкую армію и форсированнымъ маршемъ двигался теперь на востокъ—на соедине-

*) Причемъ главный врагъ явился въ лицѣ мороза, стужи и нашего интендантства, не доставившаго войскамъ теплой одежды.

ніе съ нами, по направленію на Филиппополь и Адріанополь.

Остатки этой растерзанной турецкой арміи, подъ предводительствомъ Сулеймана (нашего знакомаго по Эски-Загрѣ), поспѣшно отступали на востокъ и мы боялись. что они предупредятъ насъ въ Адріанополѣ. Овладѣть этимъ пунктомъ для насъ было чрезвычайно важно: помимо его административнаго, политическаго и экономическаго значеній, онъ былъ, какъ намъ доносили болгары, укрѣпленъ чрезвычайно солидно и при занятіи этихъ фортификаціонныхъ построекъ приличными силами мы могли наткнуться на новую Плевну...

Изъ Казанлыка мы двинулись сначала къ востоку, вдоль лѣваго берега рѣки Тунджи, а затѣмъ, перейдя ее, свернули на югъ, перевалили черезъ Малыя Балканы и достигли Эски-Загры. Знакомый путь. знакомыя, печальныя мѣста! Каждый кустъ былъ здѣсь мнѣ памятенъ, каждая горка наводила на то или другое воспоминаніе! А вотъ и Эски-Загра! Боже, какъ сильно забилось у меня сердце при видѣ этихъ жалкихъ развалинъ, этого пепелища когда-то славнаго, цвѣтущаго города. Живо припомнилась мнѣ сердечная встрѣча и умиленіе жителей при видѣ своихъ—болгарскихъ—войскъ; счастливые дни здѣсь въ обществѣ хорошенькой, стыдливой Пембы; мое участіе въ набѣгѣ на берегъ рѣки Марицы и разрушеніе желѣзной дороги у станціи Каяджикъ; радостное возвращеніе въ Эски-Загру, въ объятія очаровательной Пембы—все это быстро пронеслось въ моей головѣ... Но свѣтлыя мысли смѣнились тяжелыми, мрачными: вотъ грозные слухи о движеніи арміи Сулеймана-паши; вотъ зловѣщіе выстрѣлы въ виноградникахъ, къ югу отъ города; вотъ, наконецъ, наступленіе этихъ грозныхъ тучъ, этой страшной массы турецкой арміи. Ужасный неравный

бой!.. «Бойцы умирали, но не сдавались!» смѣло могъ бы повторить Гурко знаменитую Наполеоновскую фразу. Бѣдные юные болгарскіе воины! Сколько васъ легло здѣсь, на окраинѣ роднаго вамъ города, защищая его своею грудью бокъ-о-бокъ съ старшими сѣверными братьями, которые такъ безкорыстно пришли сюда для освобожденія васъ отъ вѣковаго рабства!..

Глубоко вздохнулъ каждый изъ насъ, помянувъ этихъ честныхъ бойцевъ, и набожно перекрестилъ свой лобъ, пожелавъ имъ спокойной жизни тамъ — въ невѣдомомъ намъ мірѣ!..

Отрядъ двинулся далѣе къ юго-востоку, до станціи Карабунара (на линіи Ямболь-Тырново-Сейменли) и отсюда, вдоль теченія рѣки Саллы-дере до этой послѣдней станціи.

Разстояніе это—130 верстъ—отъ Казанлыка до Тырново-Сейменли отрядъ прошелъ всего въ три дня. И это послѣ такихъ ужасныхъ дѣлъ, послѣ такого чудовищнаго перехода черезъ горы! Особенно же надо было удивляться выносливости нашей пѣхоты. Тырново-Сейменли—пунктъ очень важный: здѣсь сходятся желѣзно дорожные пути изъ Филиппополя, Ямболя и Адріанополя. Владѣя этою станціей, мы совершенно отрѣзывали туркамъ сообщеніе съ ихъ второю столицей изъ упомянутыхъ двухъ пунктовъ. Впереди отряда двигалась кавалерія подъ командой генерала Струкова (дивизія Дохтурова, № 9 донской казачій полкъ); за ними въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали 16-я пѣхотная дивизія и 3-я стрѣлковая бригада. Кавалеріи открылось широкое поле для дѣйствій и она вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Дерзко и смѣло нападала она даже на солидныя пѣхотныя непріятельскія силы, преграждавшія ей путь въ укрѣпленіяхъ и мало-по-малу, одинъ за другимъ, переходили въ наши руки турецкія деревни, города, желѣзно-дорожные узлы и проч. Съ каж-

дымъ часомъ мы все глубже и глубже углублялись внутрь турецкой территоріи, все болѣе и болѣе расширялся районъ нашихъ завоеваній.

Въ Тырново-Сейменли Струковъ одержалъ блестящую побѣду: захватилъ желѣзно-дорожный мостъ черезъ рѣку Марицу и деревню; таборъ пѣхоты, защищавшій этотъ важный пунктъ, послѣ незначительной перестрѣлки, стремительно бѣжалъ изъ редута отъ нашей конницы, оставивъ въ распоряженіе драгунъ и казаковъ шесть крупповскихъ дальнобойныхъ пушекъ.

Струковъ донесъ Скобелеву о своей побѣдѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ прислать скорѣе пѣхоту, такъ какъ опасался, что изъ г. Германлы, отстоящаго отъ Тырново-Сейменли верстъ на пятнадцать, могутъ напасть находившіеся тамъ четыре табора пѣхоты.

Скобелевъ сдѣлалъ распоряженіе о скорѣйшемъ движеніи нашей пѣхоты и самъ со штабомъ почти безъ остановки проскакалъ отъ Эски-Загры до Тырново-Сейменли, куда и прибылъ 3 января, вечеромъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ Струковъ. Скобелевъ горячо поблагодарилъ своего друга и товарища за лихое дѣло и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Струкова отпраздновать побѣду ужиномъ на вокзалѣ. Еще ранѣе Струковъ объ этомъ позаботился, и мы, голодные и измученные длиннымъ переходомъ, съ наслажденіемъ поѣли прекрасно приготовленный ужинъ, запивъ его отличнымъ виномъ.

Весело и оживленно прошелъ этотъ ужинъ въ турецкомъ вокзалѣ, на узлѣ важныхъ желѣзно-дорожныхъ линій. Задушевные тосты, горячія пожеланія и теплая товарищеская бесѣда соратниковъ продолжалась далеко за полночь.

Наконецъ, мы разошлись спать, а Скобелевъ со своимъ начальникомъ штаба, графомъ Келлеромъ, занялись дѣ-

лами и почти до разсвѣта были погружены въ разныя вычисленія, писанія и планы.

На слѣдующій день, 4 января, Струковъ съ кавалеріей двинулся далѣе—на Германлы и Мустафу-Пашу. Въ послѣднемъ городѣ на желѣзно-дорожной станціи онъ встрѣтилъ поѣздъ, пришедшій изъ Адріанополя, на которомъ находилось двое пашей, спеціально командированныхъ султаномъ къ главнокомандующему, для переговоровъ о перемиріи.

Паши хотѣли ѣхать далѣе, но Струковъ предложилъ имъ выйти изъ вагона и продолжать путь въ экипажѣ, а поѣздъ взялъ въ свое распоряженіе.

Хотя паши и протестовали противъ такого насильственнаго арестованія ихъ посольскаго поѣзда, но Струковъ отговаривался, будто бы, полученными имъ инструкціями и направилъ ихъ къ Скобелеву, который-де разрѣшитъ ихъ недоразумѣніе...

Получивъ обо всемъ этомъ донесеніе отъ Струкова, Скобелевъ вполнѣ одобрилъ его дѣйствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ, чтобы посольскій поѣздъ былъ присланъ въ Германлы, гдѣ въ это время находился Михаилъ Дмитріевичъ; пашей же приказалъ задержать до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ разрѣшенія отъ главнокомандующаго относительно пропуска ихъ черезъ наши войска. Конечно, это былъ только предлогъ, чтобы возможно долѣе задержать ихъ и этимъ временемъ захватить побольше непріятельской территоріи.

ГЛАВА VIII.

Въ то время, какъ Струковъ со своимъ легкимъ и лихимъ отрядомъ такъ удачно дѣйствовалъ почти подъ стѣнами Адріанополя, въ тылу его, между Германлы и Хас-

кіойемъ, разыгралась маленькая кровавая драма: 5 января съ частью силъ своего отряда Скобелевъ находился въ г. Германлы, расположенномъ на желѣзной дорогѣ и вмѣстѣ на Филиппопольско-Адріанопольскомъ шоссе. Войска Гурко, овладѣвъ Софіей и западною частью Болгаріи и одержавъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ въ долинѣ Искера, быстро двигались на востокъ, преслѣдуя разбитую и деморализованную армію Сулеймана-паши.

Послѣдній, по предположенію Скобелева, долженъ былъ направиться черезъ Филиппополь на Адріанополь. Въ Германлы, такимъ образомъ, мы преграждали ему путь отступленія.

Въ виду всего этого, Скобелевъ выслалъ драгуновъ и казаковъ на западъ къ г. Хаскіойю, а пѣхотѣ и артиллеріи приказалъ занять позицію по обѣ стороны шоссе, фронтомъ на западъ, и усилить ее полевыми укрѣпленіями.

Еще 5-го, вечеромъ, отъ разъѣздовъ было получено донесеніе, что близь Хаскіойя и Узунджова показались незначительныя конныя непріятельскія части. 6-го же, часовъ около одиннадцати, съ аванпостовъ пришло новое донесеніе, что черкесы и баши-бузуки показались въ довольно значительномъ количествѣ, а за ними виднѣется и непріятельская пѣхота. Войска наши, между тѣмъ, подтягивались къ Германлы: изъ Тырново-Сейменли двигалась бригада стрѣлковъ, большая часть суздальцевъ и артиллерія.

Скобелевъ давно былъ уже на конѣ, объѣзжалъ и внимательно осматривалъ позицію Углицкаго полка и артиллеріи.

— Ваше превосходительство! турки наступаютъ — аванпосты наши отошли!.. торопливо доложилъ прискакавшій съ цѣпи драгунъ.

— Хорошо! совершенно спокойно отвѣтилъ генералъ.—

Поторопите скорѣе суздальцевъ, обратился онъ къ кому-то изъ ординарцевъ.

Драгуны и казаки отошли назадъ и открыли мѣсто для дѣйствій нашей пѣхоты. Послѣдняя встрѣтила мѣткимъ огнемъ зарвавшихся при преслѣдованіи черкесовъ и баши-бузуковъ и нѣсколько десятковъ ихъ слетѣло съ коней. Остальные маршъ-маршемъ ускакали назадъ и спрятались за свою пѣхоту; а эта послѣдняя, занявъ высоту въ разстояніи хорошаго ружейнаго выстрѣла, открыла по нашимъ войскамъ оживленный огонь.

Турокъ было видно около двухъ таборовъ. Скобелевъ, предполагая, что мы имѣемъ дѣло лишь съ авангардомъ арміи Сулеймана-паши и въ виду неполнаго сосредоточенія нашихъ войскъ, рѣшилъ дѣйствовать пока пассивно. Батарея полковника Куропаткина, въ отвѣтъ на пѣхотный огонь непріятеля, послала ему нѣсколько картечныхъ гранатъ и эти послѣднія своими удачными разрывами произвели на турокъ такое сильное впечатлѣніе, что они, безъ попытокъ даже къ наступленію съ нашей стороны, покинули свою позицію и стали отступать.

Панютинъ воспользовался этимъ удобнымъ моментомъ и двинулъ впередъ свой полкъ. Угличане дружно бросились на отступавшаго врага, который обратился тогда въ безпорядочное бѣгство, провожаемый сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, усѣявшимъ все поле турецкими трупами и ранеными.

Преслѣдуя бѣгущихъ турокъ и спустившись съ возвышенности, мы, при поворотѣ шоссе съ сѣвера на югъ, внезапно были поражены тою страшною картиной, которая открылась внизу передъ нашими глазами. Дѣло въ томъ, что турецкія войска, съ которыми мы имѣли только-что кровавое столкновеніе, прикрывали громадный обозъ жителей, спасавшійся отъ войскъ Гурко и разсчитывавшій

достигнуть Адріанополя. По своей безпечности, прикрытіе непріятельское не приняло должныхъ мѣръ предосторожности и совершенно неожиданно наткнулось на нашъ отрядъ. Предполагая, вѣроятно, что силы наши незначительны, турки вступили съ нами въ состязаніе, но увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ предположеніи, что у насъ есть даже артиллерія, они стали отступать сначала въ порядкѣ, а затѣмъ, когда мы начали ихъ тѣснить, бросились въ разсыпную, оставивъ на полный произволъ несчастныхъ безоружныхъ жителей съ ихъ громаднымъ обозомъ.

Вотъ эта-то картина и открылась передъ нашими глазами, когда мы стали спускаться съ возвышенности.

Далеко вдали, въ долинѣ, скакали черкесы и башибузуки; за ними, въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ, бѣжала непріятельская пѣхота, а вслѣдъ за войсками въ паническомъ страхѣ бѣжали мирные жители, женщины и дѣти, оглашая воздухъ раздирающими душу криками и страшными воплями.

Громадный обозъ, брошенный ими на произволъ судьбы и состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ всевозможныхъ повозокъ, запряженныхъ буйволами и лошадьми, въ хаотическомъ безпорядкѣ запрудилъ все шоссе (лошади и волы стояли въ нашу сторону) и не двигался съ мѣста; здѣсь остались только дряхлые старики, старухи и грудные малютки, покинутые обезумѣвшими отъ страха матерями. Нѣкоторые мальчики и дѣвочки, бѣжавшіе за своими родителями, падали отъ утомленія на землю и воплемъ звали покинувшихъ ихъ близкихъ людей. Нѣкоторыхъ неосторожная русская пуля укладывала на вѣки на мѣстѣ.

Невольно каждый изъ насъ остановился и смотрѣлъ съ ужасомъ на эту грустную жизненную драму. За что

же, думалъ, вѣроятно, каждый изъ насъ, страдаютъ эти несчастныя, безвинныя жертвы—эти женщины и дѣти?!.

Чувство человѣка заговорило бы въ самомъ черствомъ, суровомъ сердцѣ. И солдатъ нашъ, который болѣе чѣмъ кто-либо отзывается на все доброе, честное и благородное, показалъ себя и здѣсь вполнѣ рыцаремъ и истымъ христіаниномъ.

Позабывъ о преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля, о военной славѣ, добычѣ и трофеяхъ, онъ всецѣло отдался благороднымъ порывамъ своего чуткаго ко всему доброму сердца и бросился спасать несчастныхъ малютокъ, защищать безпомощныхъ стариковъ и старухъ и возвращать убѣгавшихъ матерей къ ихъ дѣтямъ (но не такъ, какъ защищало турецкое войско, бросивъ ихъ на произволъ судьбы). Послѣднихъ солдаты собрали по полю болѣе 300 и притащили обратно къ повозкамъ. Такое поведеніе нашихъ войскъ просто поразило этотъ мирный мусульманскій людъ, спасавшійся отъ звѣрства сѣверныхъ гяуровъ: они ожидали отъ нихъ самой лютой смерти, всевозможныхъ мукъ, истязаній... и вдругъ, вмѣсто всего этого, видятъ самое заботливое попеченіе о нихъ, теплую ласку къ ихъ дѣтямъ и такое вниманіе, такое участіе, которое едва-ли и они сами примѣняли къ нимъ когда-нибудь. Когда преслѣдованіе прекратилось, то старухамъ солдаты сами стали разводить костры и помогать готовить пищу, дѣтей кормили сухарями, кутали ихъ въ свои башлыки, шинели и всячески старались ихъ успокоить. Вспоминалась, должно быть, каждому изъ нихъ своя родная деревня гдѣ-нибудь въ Черниговской или Тульской губерніи, своя семья и дѣти!..

Январскіе морозы и холода давали себя чувствовать, хотя мы были и въ долинѣ Марицы.

Много юныхъ мусульманскихъ жизней спасли тогда

наши солдаты отъ смерти, которая являлась въ лицѣ мороза и стужи!

По окончаніи дѣла Скобелевъ высказалъ всѣмъ намъ свое предположеніе, что, вѣроятно, это обозъ Сулеймана, который самъ навѣрное съ войсками двигается вслѣдъ за нимъ.

— Онъ, конечно, не разсчитываетъ, прибавилъ генералъ,—что мы такъ скоро выйдемъ въ долину Марицы и преградимъ ему путь отступленія. Намъ необходимо поэтому двинуться немедленно къ Хаскіойю и съ двухъ сторонъ ударить на непріятеля: съ запада—Гурко, съ востока—мы. Сулейману останется тогда только сдаться...

Углицкій полкъ получилъ приказаніе тотчасъ же двигаться къ Хаскіойю и весь отрядъ потянулся на западъ. Движеніе Углицкаго полка сопровождалось громадными затрудненіями. До самаго города—на протяженіи тридцати верстъ—все шоссе было загромождено обозомъ и солдаты должны были выпрягать воловъ и лошадей и сталкивать каруцы и другіе экипажи во рвы, чтобы имѣть возможность какъ-нибудь пройти.

По пути снова приходилось поднимать несчастныя жертвы—безпомощныхъ дѣтей, покинутыхъ ихъ матерями и гибнувшихъ, часто въ однѣхъ рубашенкахъ, отъ холода и мороза.

Поздно вечеромъ Скобелевъ со штабомъ и Углицкимъ полкомъ прибылъ въ г. Хаскіой. Тотчасъ же были направлены разъѣзды во всѣ стороны и особенно къ Филиппополю, откуда, главнымъ образомъ, и ожидался противникъ. Предположенія Скобелева, впрочемъ, не оправдались.

Вскорѣ казачьи разъѣзды натолкнулись на Филиппопольскомъ шоссе на разъѣзды отряда Гурко (л.-гв. гусарскаго полка) и отъ послѣднихъ узнали, что Сулейманъ-паша, отрѣзанный за Филиппополемъ отъ Хаскіойскаго

шоссе, отступилъ къ юго-востоку на г. Станимаку и здѣсь былъ окончательно разбитъ, потерявъ всю свою артиллерію.

Вскорѣ въ Хаскіой прибылъ весь лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ; отъ офицеровъ этого полка мы узнали о подробностяхъ пораженія Сулеймана и объ отступленіи его по горной дорогѣ къ Эгейскому морю.

Тогда Скобелевъ рѣшилъ направиться прежнимъ путемъ на Адріанополь. Войска, двигавшіяся на Хаскіой, получили приказаніе вернуться обратно въ Германлы. Владимірскому полку приказано было двинуться въ Мустафу-Пашу и далѣе въ Адріанополь.

На слѣдующій день мы потянулись обратно по той же ужасной дорогѣ, окруженной этимъ громаднымъ обозомъ съ несчастными жителями, и къ вечеру прибыли къ Германлы.

Еще ранѣе мною было упомянуто, что Струковъ въ Мустафѣ-Пашѣ задержалъ поѣздъ, на которомъ ѣхало двое пашей—пословъ отъ султана — и что этотъ посольскій поѣздъ, по приказанію Скобелева, былъ присланъ въ Германлы. По прибытіи изъ Хаскіойя, Скобелевъ поручилъ начальнику штаба, графу Келлеру, распорядиться, чтобы на этотъ поѣздъ былъ посаженъ батальонъ пѣхоты съ музыкой.

Струковъ доносилъ о занятіи имъ Адріанополя и просилъ о скорѣйшей присылкѣ пѣхоты, такъ какъ изъ Ямболя, по слухамъ, двигались непріятельскія войска.

На этомъ же поѣздѣ помѣстился и Скобелевъ со своимъ штабомъ и около двѣнадцати часовъ дня 10 января мы, въ самомъ веселомъ настроеніи духа, по турецкой желѣзной дорогѣ и въ непріятельскихъ вагонахъ, помчались на парахъ во вторую столицу Оттоманской имперіи.

Особенно веселы были солдаты. Внутри вагоновъ и на

крышахъ, гдѣ тоже помѣстились наши воины, слышались самые оживленные разговоры, смѣхъ, пѣсни и даже пляска; откуда-то появилась даже гармоника.

Какъ-то особенно ласкали ухо эти звуки русскаго народнаго инструмента, выходившіе изъ вагона непріятельскаго поѣзда. Такъ и вспоминалась Россія, родныя картины, знакомыя лица.

Вездѣ счастливыя, довольныя физіономіи солдатиковъ, оживленныя бесѣды.

— Вотъ, братъ, дождались, говоритъ одинъ молодой солдатъ другому,—покатаютъ насъ теперь эти басурмане; походили-таки порядкомъ по проклятой Туретчинѣ—теперь нехай повозятъ... А за обувь, да за одежу, что обносилась—это мы съ султана деньгами получимъ!..

— Да у него, братъ, ничего не осталось, замѣтилъ другой, болѣе солидный.

— Мы, значитъ, всѣ города у него посвоевали, скоро его самого въ полонъ заберемъ въ Константинополѣ; повяжемъ, да къ нашему Батюшкѣ-Царю и отправимъ. Чтобы не бунтовалъ болѣе!..

Между тѣмъ, послышался свистокъ паровоза и поѣздъ медленно тронулся съ мѣста. Музыканты, по приказанію Скобелева, заиграли въ этотъ торжественный моментъ «Боже, Царя храни». Всѣ сняли шапки и съ наслажденіемъ, съ какимъ-то особеннымъ теплымъ чувствомъ прослушали эти дорогіе каждому русскому звуки народнаго гимна.

Все шибче и шибче двигался поѣздъ—музыканты окончили, наконецъ, игру гимна. «Ура!» крикнулъ въ это время Скобелевъ, высунувшись изъ окна вагона, надъ которымъ развѣвался его красивый бѣлый значекъ, и обращаясь къ солдатамъ. «Ура, урааа!» дружно подхватили въ вагонахъ и на крышахъ, и долина Марицы, вдоль

которой несся нашъ поѣздъ, огласилась радостными криками русскихъ побѣдителей. По мѣрѣ приближенія къ станціи Мустафа-Паша, мы стали обгонять наши обозы и войска, двигавшіеся по шоссе и которые выступили изъ Германлы еще ранѣе.

Завидя мчавшійся поѣздъ, на одномъ изъ вагоновъ котораго развѣвался значекъ Скобелева, шедшіе по шоссе владимірцы, узнавъ своихъ боевыхъ сотоварищей, привѣтствовали ихъ радостнымъ «ура».

Солдатики изъ вагоновъ отвѣчали имъ тѣмъ же и маханіемъ шапокъ. Музыка, подъ вліяніемъ такого патріотическаго настроенія, снова заиграла «Боже, Царя храни», и «ура» владимірцевъ еще болѣе усилилось.

Какъ разъ въ это время на встрѣчу намъ по шоссе ѣхали въ экипажѣ тѣ самые паши, которые были посланы султаномъ въ нашу армію для переговоровъ и которые путешествовали первоначально на этомъ самомъ поѣздѣ.

Теперь, по распоряженію Скобелева, Струковъ отправилъ ихъ въ экипажѣ въ Казанлыкъ къ главнокомандующему.

Шоссе въ этомъ мѣстѣ пересѣкалъ желѣзно-дорожный путь. Экипажъ ихъ остановился и наши невольно сдѣлались свидѣтелями этой счастливой сцены своихъ побѣдителей. Мнѣ надолго врѣзались въ память эти двѣ фигуры турецкихъ генераловъ въ скромныхъ костюмахъ и красныхъ фескахъ, ихъ грустныя, серьезныя лица и печальное выраженіе глазъ, на которыхъ стояли даже слезы.

Они безсильны были задержать наше побѣдное шествіе и, конечно, хорошо сознавали, что пока экипажъ ихъ дотащится до Казанлыка, мы будемъ уже у береговъ Мраморнаго моря и Босфора, подъ стѣнами Константинополя.

Поѣздъ быстро промчался мимо этихъ посланцевъ сул-

тана; мы высунулись изъ оконъ и съ любопытствомъ провожали глазами ихъ экипажъ.

— Пока эти господа доберутся до Казанлыка, мы будемъ уже въ Константинополѣ, замѣтилъ, самодовольно улыбаясь, Михаилъ Дмитріевичъ.

— А что, ваше превосходительство, займемъ мы Константинополь или нѣтъ? обратился я къ Скобелеву, давно интересуясь этимъ вопросомъ.

— Конечно, займемъ! отвѣчалъ генералъ.—Вѣдь, у турокъ почти нѣтъ теперь войска. Пока-то они успѣютъ стянуть остатки арміи Сулеймана, да гарнизоны Шумлы, Варны и изъ другихъ мѣстъ, къ этому времени мы навѣрное уже овладѣемъ Босфоромъ и Дарданеллами. Да, наконецъ, войска эти настолько теперь деморализованы, напуганы, что, конечно, не устоятъ противъ нашихъ молодцовъ.

— Вы посмотрите на этихъ солдатиковъ, продолжалъ онъ, указывая рукой на двигавшихся по шоссе пѣхотинцевъ,—какими они молодцами высматриваютъ! Сколько у нихъ самоувѣренности въ лицахъ, сколько энергіи, твердости и энтузіазма! Ихъ теперь ничто не остановитъ! Мнѣ это выраженіе хорошо знакомо—это залогъ полной побѣды надъ врагомъ!.. Я самъ, господа, чувствую въ себѣ теперь избытокъ силъ и энергіи и твердо вѣрю въ удачу, въ успѣхъ...

Мы вполнѣ согласились съ мнѣніемъ генерала, видя передъ собою эти мелькающія, веселыя и оживленныя лица усталыхъ, но счастливыхъ солдатъ.

Поѣздъ все ближе и ближе приближался къ Адріанополю. Солнце спускалось уже къ горизонту, въ вагонѣ зажгли свѣчи... Мы болтали о предстоящихъ удовольствіяхъ въ Адріанополѣ, о движеніи къ Мраморному морю, о скоромъ заключеніи мира, о возвращеніи въ Россію и т. п.

Скобелевъ съ графомъ Келлеромъ и адъютантомъ своимъ, поручикомъ Баранкомъ, занялся разборомъ бумагъ, дѣлая разныя замѣчанія и помѣтки на поляхъ ихъ.

Было уже совершенно темно, когда поѣздъ нашъ вблизи Адріанополя переѣзжалъ мостъ, перекинутый черезъ притокъ Марицы—Арда. Мостъ былъ довольно длинный и при этомъ деревянный и старый. Поѣздъ двигался очень медленно и на серединѣ моста вдругъ остановился. Одновременно мы услышали сильную ружейную трескотню и, высунувшись изъ оконъ, ясно увидѣли вдали знакомые зловѣщіе огоньки, вспыхивавшіе въ глубокомъ мракѣ.

— Что это такое, что это значитъ? закричалъ Скобелевъ, съ безпокойствомъ вглядываясь въ темноту.

Всѣ молчали и частые ружейные выстрѣлы были только отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Поѣздъ безмолвно стоялъ на серединѣ ветхаго турецкаго моста на высотѣ 20—25 саженъ надъ поверхностью горной быстрой рѣчки.

— Ваше превосходительство! подбѣжалъ въ это время саперный офицеръ, ѣхавшій въ поѣздѣ (кажется, поручикъ Ивановъ). — Позвольте мнѣ осмотрѣть мостъ — онъ очень ненадежный—и разузнать о причинахъ перестрѣлки!

— Да, пожалуйста, живо отвѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Возьмите съ собой человѣкъ десять солдатъ и узнайте поскорѣе, въ чемъ дѣло!

Стрѣльба, между тѣмъ, постепенно затихала и только одиночные выстрѣлы вспыхивали еще вдали въ горахъ, лежавшихъ къ югу отъ насъ. Вскорѣ вернулся саперный офицеръ и доложилъ, что это баши-бузуки съ горъ сдѣлали нападеніе на желѣзно-дорожный мостъ съ цѣлью испортить его, или сжечь, но казачій постъ нашъ, оставленный Струковымъ для прикрытія моста, отбилъ огнемъ это нападеніе и заставилъ турокъ отступить обратно въ горы.

Непріятное впечатлѣніе, которое временно овладѣло нами въ виду неизвѣстности и возможности провалиться въ воду, быстро прошло, поѣздъ медленно двинулся далѣе и скоро остановился на станціи Адріанополь. Скобелевъ и всѣ мы размѣстились въ близь лежащей гостинницѣ, и я уснулъ богатырскимъ сномъ съ полнымъ комфортомъ мирнаго времени, въ большой уютной комнатѣ со всѣми удобствами.

Не хочу передавать то блаженное состояніе, которое испыталъ я, когда, раздѣвшись и надѣвъ чистое бѣлье, я улегся на мягкій пружинный матрасъ и, протянувшись, покрылся чистою простыней.

Выше этого блаженства для меня не было въ то время. Кто испыталъ невзгоды боевой и походной жизни, кто не снималъ сапоговъ по цѣлымъ недѣлямъ, кто не проводилъ по человѣчески ни одной ночи—спокойно, безъ тревогъ и вѣчныхъ ожиданій быть разбуженнымъ ружейною трескотней, тотъ пойметъ это блаженное, счастливое состояніе.

Давно я не спалъ такъ хорошо, такъ крѣпко и сладко.

Утромъ я былъ разбуженъ кѣмъ-то изъ товарищей, который сообщилъ, что уже прибыли наши лошади и еще нѣсколько ротъ пѣхоты изъ Германлы, куда поѣздъ нашъ снова совершилъ ночной рейсъ.

Одѣвшись и напившись чаю, мы отправились въ нумеръ Михаила Дмитріевича, который былъ уже на ногахъ и возился съ какими-то бумагами.

— Добраго утра, ваше превосходительство! Какъ почивали? привѣтствовали мы нашего любимаго начальника.

— Ничего, благодарю—выспался прекрасно! отвѣчалъ

онъ весело.—Да вотъ что, господа: будьте готовы—сейчасъ мы съ войсками начнемъ вступать въ городъ.

Вскорѣ Скобелевъ вышелъ изъ нумера, объѣхалъ войска и поздравилъ ихъ со вступленіемъ во вторую столицу Турецкой имперіи... Затѣмъ музыка грянула маршъ и пѣхота стройно зашагала по шоссе, по обѣ стороны котораго стояла наша конница.

Отъ вокзала собственно до города было довольно далеко—версты четыре. Мѣстность была совершенно открытая, ровная. Городъ издали представлялъ очень красивую панораму, надъ которой въ разныхъ мѣстахъ граціозно поднимались стройныя башни бѣлыхъ минаретовъ. Возлѣ моста черезъ Марицу насъ встрѣтила громадная толпа народа, впереди которой находилось духовенство съ крестами и хоругвями и съ греческимъ архимандритомъ во главѣ. Тутъ же были депутаціи и отъ другихъ вѣроисповѣданій, нѣсколько муллъ отъ мусульманскаго населенія и представители города съ хлѣбомъ-солью.

Все это встрѣтило Скобелева, ѣхавшаго впереди войскъ, съ благословеніемъ и изъявленіемъ полной покорности нашему Государю и главнокомандующему.

Скобелевъ любезно принялъ эти депутаціи и отъ имени Его Высочества сказалъ, что они могутъ быть совершенно спокойны за порядокъ въ городѣ и цѣлость ихъ имущества, что русскія войска не только не трогаютъ мирныхъ жителей, но, напротивъ, защищаютъ ихъ отъ всякихъ враговъ, что правда и милость всегда сопровождаютъ русское управленіе,— словомъ, совершенно успокоилъ и ободрилъ нѣсколько взволнованное населеніе второй турецкой столицы

Видя передъ собою эту симпатичную и красивую фигуру русскаго генерала, его веселость, любезность и уваженіе къ обрядности врага, даже серьезные муллы стали

улыбаться и совершенно добродушно посматривать на оживленныя и довольныя лица нашихъ маршировавшихъ солдатъ.

Затѣмъ мы двинулись далѣе, переправились черезъ мостъ и съ музыкой подошли въ конаку или дворцу прежнихъ знаменитыхъ турецкихъ султановъ.

Масса разнокалибернаго люда въ фескахъ и чалмахъ, въ самыхъ разнообразныхъ, пестрыхъ костюмахъ толпилась на узкихъ и кривыхъ улицахъ и площадяхъ. Тутъ были всевозможныя народности Балканскаго полуострова — греки, армяне, болгары, турки, албанцы, жиды...

Православная часть населенія города встрѣчала насъ съ неподдѣльнымъ, горячимъ энтузіазмомъ; то и дѣло раздавались громкіе, радостные крики «ура! да живіо Царь Александръ, да живіо Россія!..»

Изъ оконъ домовъ высматривали хорошенькія, смуглыя лица южныхъ черноокихъ красавицъ и, привѣтливо улыбаясь, бросали вѣнки и букеты въ побѣдоносныхъ сѣверныхъ воиновъ, причемъ больше всего цвѣтовъ приходилось, конечно, на долю симпатичнаго и популярнаго «бѣлаго генерала».

Пріятное чувство испытывалъ каждый изъ насъ при этихъ оваціяхъ, при видѣ этихъ хорошенькихъ фигурокъ; но, конечно, каждый дорого бы далъ, если бы, вмѣсто всѣхъ этихъ незнакомыхъ, совершенно чуждыхъ намъ лицъ, здѣсь появились наши дорогія соотечественницы, наши матери, сестры, жены, невѣсты...

Съ музыкой же вступилъ нашъ небольшой, но лихой отрядъ въ просторный дворъ конака.

Здѣсь Скобелевъ, приказавъ предварительно запереть ворота, обратился къ солдатамъ съ отеческимъ наставленіемъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ непріятельскомъ городѣ съ многочисленнымъ турецкимъ населеніемъ, какъ

честный русскій воинъ-побѣдитель долженъ относиться къ мирному, безоружному жителю.

— Помните, братцы! за всякій недостойный поступокъ—за воровство, буйство, за обиду—я строго взыщу; пощады и снисхожденія никому не будетъ... Смотрите жь, держите себя молодцами! Жалобъ чтобъ не было на васъ!

— Постараемся, ваше превосходительство! отвѣчали солдаты и, по выраженію ихъ лицъ, видно было, какое сильное впечатлѣніе произвели на нихъ слова генерала.

Въ конакѣ оставленъ былъ караулъ; остальныя войска расположились за городомъ. Для наблюденія же за порядкомъ въ городѣ, для патрулей, разъѣздовъ и проч. тоже назначены были особыя команды.

Скобелевъ со своимъ штабомъ и конвоемъ расположился въ конакѣ—большомъ двухъ-этажномъ зданіи, въ роскошныхъ султанскихъ помѣщеніяхъ, гдѣ, незадолго передъ этимъ, жилъ гроза Адріанопольскаго санджака, турецкій генералъ-губернаторъ.

Мы, ординарцы Скобелева, чтобы не было скучно, заняли одну большую комнату и, немного отдохнувъ, отправились осматривать зданіе конака и надворныя постройки. Чичероне нашъ, какой-то услужливый братушка, подробно объяснялъ намъ назначеніе каждой изъ комнатъ. Между прочимъ, онъ провелъ насъ и въ тюрьму, гдѣ мы увидѣли массу всевозможныхъ орудій пытокъ, которымъ подвергались преступники и внутренніе враги отоманскаго правительства.

— Это зданіе, сказалъ нашъ проводникъ,—долго было страшилищемъ и пугаломъ всего болгарскаго народа. За самое пустое слово, сказанное неосторожно противъ турецкаго правительства, за недостаточную почтительность къ

пашѣ, несчастнаго тащили сюда, мучили и истязали здѣсь самымъ ужаснымъ, безчеловѣчнымъ образомъ...

Дѣйствительно, мы увидѣли въ углу сложенныя кандалы, нѣсколько колецъ, вбитыхъ въ стѣны и потолокъ, къ которымъ привязывали несчастныхъ жертвъ и затѣмъ вытягивали ихъ; еще нѣсколько желѣзныхъ инструментовъ, только глядя на которые морозъ проходилъ по кожѣ и мы съ отвращеніемъ отворачивались. Слушая разсказы и подробныя объясненія проводника о способахъ употребленія этихъ орудій пытокъ, невольно воображеніе рисовало тѣ ужасныя картины страданій, тѣ безчеловѣчныя истязанія, которымъ подвергались здѣсь эти несчастныя жертвы турецкой инквизиціи.

— Нѣтъ, господа, сказалъ кто-то изъ офицеровъ, — уйдемъ отсюда поскорѣе—ну ихъ къ чорту - эти ужасы; только нервы себѣ разстроишь!..

Мы вышли изъ этого жилища страданій и отправились бродить по городу.

Адріанополь, хотя и вторая столица Турціи—нѣкоторымъ образомъ мусульманская Москва — въ сущности та же Мустафа-Паша, Хаскіой, Германлы и другіе турецкіе города, только въ большемъ, конечно, грандіозномъ размѣрѣ. Узкія, грязныя улицы, оригинальные, довольно некрасивой для европейскаго глаза архитектуры, дома, отсутствіе приличныхъ чистыхъ гостинницъ и кафе — все это рѣзко бросается въ глаза свѣжему, пріѣзжему человѣку. Словомъ, дѣйствительность не оправдала нашихъ ожиданій, предположеній. Все, пожалуй, хорошо, но только въ турецкомъ, восточномъ вкусѣ. Есть, впрочемъ, очень богатые дома, хотя съ наружной стороны, со стороны улицы, они выглядываютъ довольно невзрачно; но за то внутри—роскошь и богатство удовлетворятъ самому прихотливому вкусу.

Одно безспорно прекрасно: роскошная мечеть Селима со своими стройными минаретами, могущая смѣло конкуррировать, въ архитектурномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, съ нашимъ Исаакіевскимъ соборомъ или храмомъ Спасителя, и великолѣпныя мраморныя бани.

Сейчасъ было видно, что османы любятъ молиться и мыться и не поскупились деньгами на отдѣлку этихъ мѣстъ молитвы и омовенія, имѣющихъ притомъ нѣкоторую религіозную связь.

Я долго любовался изящною архитектурною работой внутри громаднаго мусульманскаго храма мечети Селима.

Внутри же города помѣщается пассажъ, т.-е. рынокъ со всевозможною продажей, причемъ торговцы—греки, армяне и турки — какъ истуканы сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, на столахъ, посреди своихъ разложенныхъ и развѣшенныхъ товаровъ.

На каждомъ шагу продавцы разныхъ сластей и особенно халвы, которую жители Востока, кажется, любятъ такъ же, какъ въ Россіи орѣхи и въ Малороссіи сѣмячки...

Въ военномъ отношеніи, собственно въ военно-инженерномъ, не мало интереса представляли устроенные вокругъ Адріанополя громадные редуты: расположеніе ихъ и примѣненіе къ мѣстности не оставляло желать ничего лучшаго. Каждый представлялъ довольно сильное самостоятельное укрѣпленіе, сооруженное изъ земли, камня и дерева, со всевозможными траверсами, погребами и землянками и, вооруженное притомъ орудіями громаднаго калибра; взять эти укрѣпленія было бы очень не легко наступающему. Мѣстность между редутами обстрѣливалась сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, а каждый изъ нихъ, на случай, если бы былъ взятъ, обстрѣливался, въ свою очередь, съ сосѣднихъ редутовъ. И такія укрѣпленія на из-

вѣстномъ разстояніи были устроены вокругъ всего Адріанополя.

Для обороны такого громаднаго укрѣпленнаго лагеря требовалось, конечно, не мало войскъ, чего, къ нашему счастью, у турокъ не было.

Вообще, редуты эти, выстроенные, по приказанію турецкихъ властей, несчастными болгарами, были гораздо сильнѣе плевненскихъ, и если бы были заняты соотвѣтствующими силами, потребовали бы отъ насъ громадныхъ усилій для овладѣнія ими.

Между тѣмъ, войска нашего отряда постепенно стягивались въ Адріанополь. Съ каждымъ часомъ на улицахъ все чаще и чаще встрѣчались русскіе люди въ мундирахъ всѣхъ родовъ оружія. Офицерство наше запрудило гостинницы и рестораны и щедро сыпало во всѣ стороны свои полуимперіалы, которыхъ накопилось довольно порядочно. Ловкіе спекулянты всѣхъ національностей уже разставили здѣсь свои сѣти и добродушный русскій воинъ, отлично понимая даже, что его безсовѣстно эксплуатируютъ, безъ всякихъ ссоръ, хотя обыкновенно и съ руганью, платилъ за все требуемыя деньги. «А ну ихъ къ чорту! Стоитъ заводить исторію изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ!», улыбаясь отвѣчало большинство на предложеніе нѣкоторыхъ не платить сумасшедшихъ денегъ.

По приходѣ пѣхоты, Скобелевъ приказалъ всей кавалеріи двинуться впередъ на Хаскіой, Демотику, Баба-Эски и Узунъ-Кепри. Часть пѣхоты была направлена туда же, а остальная заняла адріанопольскіе редуты на случай внезапнаго нападенія непріятеля.

Желая выразить свои симпатіи побѣдоноснымъ русскимъ войскамъ, вступившимъ въ Адріанополь, иностранные консулы этого города задумали устроить въ честь ихъ

балъ. Увѣдомленный объ этомъ Скобелевъ выразилъ полное удовольствіе и предложилъ даже для танцевъ большую залу въ занимаемомъ имъ конакѣ.

Начались приготовленія. Зала была очень красиво декорирована тропическими растеніями и цвѣтами. Стѣны украсились портретами нашего Государя, главнокомандующаго и Наслѣдника.

Въ ближайшихъ комнатахъ устроили дамскую уборную, кабинеты для карточной игры съ зелеными столиками, столовую, буфетъ и проч. Меня, откровенно говоря, больше всего интересовалъ послѣдній отдѣлъ, такъ какъ на паркетномъ поприщѣ я почти не практиковался, да и не любилъ его...

Около восьми часовъ вечера были зажжены люстры и свѣчи и зала съ сосѣдними комнатами освѣтились яркими огнями. Офицерство наше, въ самыхъ разнообразныхъ—боевыхъ и походныхъ, пропитанныхъ порохомъ, но отнюдь не бальныхъ—костюмахъ, мало-по-малу наполнило залу. Впрочемъ, костюмы эти и длинные, часто съ вентиляцiей, сапоги, за которые, пожалуй, вывели бы съ любого танцовальнаго вечера, ничуть не стѣсняли ихъ. Всѣ чувствовали себя не въ гостяхъ, а какъ бы дома, всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи духа, оживленно болтая о предстоящихъ танцахъ, о дамскомъ персоналѣ, объ адріанопольскихъ красавицахъ. Только одинъ Михаилъ Дмитріевичъ, раздушенный и безукоризненно одѣтый, представлялъ нѣкоторый контрастъ нашимъ поношеннымъ костюмамъ.

Любезные распорядители бала бѣгали по всѣмъ комнатамъ, суетились, хлопотали и видимо старались доставить намъ побольше удовольствій. Изрѣдка, на ходу, они перекидывались французскими фразами съ нѣкоторыми изъ нашихъ офицеровъ, которыхъ очень интересовало, много-

ли будетъ дамъ, какихъ національностей, понимаютъ-ли онѣ по русски и проч.

Наконецъ, пріѣхали консулы и именитые граждане Адріанополя — болгары, греки, армяне, французы и другихъ національностей. Пріѣхали съ ними и дамы и собрались всѣ въ своей уборной. Распорядители предупредили объ этомъ Скобелева и просили открыть балъ. Музыка заиграла маршъ, боковая дверь распахнулась и дамы — мамаши съ дочками—въ бальныхъ, изящныхъ костюмахъ торжественно вошли въ залу. Скобелевъ любезно со всѣми раскланялся и съ любопытствомъ, со своею постоянною улыбкой, разсматривалъ адріанопольскихъ красавицъ. Михаилъ Дмитріевичъ считалъ себя въ этомъ дѣлѣ большимъ знатокомъ и былъ довольно строгій критикъ. Барышни видимо сконфузились сначала отъ множества направленныхъ на нихъ глазъ, но скоро оправились и очень граціозно стали отвѣчать на наши расшаркиванія, а затѣмъ, въ свою очередь, начали съ любопытствомъ разсматривать нашу группу сбившихся въ кучу офицеровъ, почему-то совершенно оробѣвшихъ передъ этими юными созданіями.

За время кампаніи мы такъ одичали, такъ отвыкли отъ подобной обстановки, что на свѣжаго, посторонняго человѣка производили, вѣроятно, впечатлѣніе не образованныхъ офицеровъ европейской арміи, а какихъ-нибудь зулусовъ или туркменъ. Жизнь въ траншеяхъ, на бивакахъ, подъ огнемъ, въ виду вѣчной опасности, совершенно закалила наши нервы и заставила позабыть объ иной обстановкѣ—мирнаго времени. Мы привыкли къ двоякаго рода удовольствіямъ и непріятностямъ: радость побѣды и, изрѣдка, щемящее чувство при неудачѣ, пораженіи. Мы какъ бы позабыли, что есть иныя наслажденія, не сопровождаемыя ружейною трескотней и пушечнымъ громомъ, что есть балы, театры, концерты и другія развлеченія

мирныхъ дней!.. Да оно и понятно: когда идетъ вопросъ о жизни и смерти, быть или не быть, то всѣ эти мелкія житейскія удовольствія естественно кажутся такъ ничтожны, мизерны.

Костюмы наши за долгій періодъ кампаніи приняли ужь слишкомъ боевой видъ и совершенно не гармонировали съ бальною обстановкой, съ этими хорошенькими головками въ изящныхъ цвѣтныхъ костюмахъ. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли на этотъ красивый дамскій цвѣтникъ и самые храбрые и свѣтскіе изъ насъ чувствовали какую-то робость при видѣ этой группы брюнетокъ и блондинокъ въ бѣлыхъ и розовыхъ платьяхъ. Я, по крайней мѣрѣ, ощущалъ какое-то странное чувство не то страха, не то неловкости, когда мимо меня прошло нѣсколько паръ этихъ юныхъ созданій и на меня пахнуло отъ нихъ запахомъ нѣжныхъ ароматическихъ духовъ. Появись внезапно здѣсь, въ залѣ, вооруженный непріятель, и я, безъ колебаній, выхвативъ шашку, бросился бы на цѣлый десятокъ вражьихъ штыковъ. А теперь вотъ, при видѣ этихъ хорошенькихъ, безвредныхъ фигурокъ, у меня чуть не ушла душа въ пятки... «Одичалъ, братъ, Дукмасовъ», думалъ я, разсматривая изъ-за плеча товарища изящныя ножки молоденькихъ иностранокъ. «Вѣдь прежде, на Дону, въ станицѣ, этого со мной, кажется, не бывало!..» Я взглянулъ мелькомъ на окружавшихъ меня офицеровъ и невольно улыбнулся, замѣтивъ странное выраженіе большинства лицъ. Оно напоминало мнѣ нѣсколько выраженіе глазъ того хищнаго, голоднаго тигра или льва, который изъ своей клѣтки посматриваетъ на гуляющаго вблизи него ягненка... или, по крайней мѣрѣ, на умнаго и опытнаго сетера, сдѣлавшаго стойку надъ бѣднымъ бекасомъ. «Пли!» скомандовалъ бы Скобелевъ и — ни одной барышни не осталось бы въ залѣ!..

Лакеи обносили десертъ и чай. Дамы сидѣли возлѣ стѣнъ, тихо бесѣдовали между собою и внимательно разсматривали нашего брата. Мы тоже перекидывались замѣчаніями, никакъ не рѣшаясь, однако, подойти къ нимъ.

Но вотъ раздались нѣжные звуки вальса — бѣшенаго, увлекательнаго танца. Мы подталкивали другъ друга, но никто, однакожъ, не рѣшался начинать.

— Иди, проси вонъ ту хорошенькую брюнетку, говорилъ какой-то драгунъ пѣхотному офицеру.

— Не могу, братъ, отговаривался тотъ. — У меня сапоги касторовымъ масломъ смазаны. Ступай ты — ты кавалеристъ!

— Да, кавалеристъ! засмѣялся тотъ. — А ты знаешь, что у этого кавалериста въ штанахъ на сѣдалищѣ три латки: Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау и Мекленбургъ-Стрелицъ!.. Тоже, вѣдь, уважительная причина... Да и позабылъ я; ей-Богу, упаду еще или шпорами платье порву! Пойдемъ лучше въ буфетъ!..

Наконецъ, храбрѣйшіе отважились подойти къ дамамъ. За ними рискнули покружиться и менѣе свѣтскіе, и скоро пары довольно часто замелькали въ залитой огнями залѣ...

Затѣмъ слѣдовала кадриль, потомъ полька, опять вальсъ и т. д. Я тоже поддался общему настроенію и немного протанцовалъ, хотя больше занимался наблюденіями и пріятными разговорами у буфета.

Офицеры наши объяснялись со своими дамами по французски, а нѣкоторые просто на россійскомъ діалектѣ съ помощью, конечно, пантомимъ. Выходило очень забавно, курьезно и весело. Танцами распоряжался ловкій адъютантъ драгунскаго полка. Пріѣхало еще нѣсколько дамъ — ихъ немедленно ангажировали на кадрили; недостатка въ кавалерахъ не оказалось.

Мало-по-малу танцы такъ оживились, что пустились

въ пляску даже такіе байбаки, такіе медвѣди, которые въ Россіи и не помышляли никогда объ эстетической гимнастикѣ на паркетѣ.

Вѣроятно, ихъ ободрилъ нѣсколько буфетъ, который гостепріимно былъ открытъ для всѣхъ.

Танцы продолжались до самаго разсвѣта. Всѣ остались, кажется, очень довольны: и дамы, и ихъ кавалеры, и папаши съ мамашами; послѣднія, можетъ быть, уже мечтали, не подвернется-ли случайно женишекъ, русскій офицеръ, для возлюбленной дщери!..

Словомъ, балъ удался вполнѣ и было уже совершенно свѣтло, когда мы проводили усталыхъ, но довольныхъ дамъ, а сами разбрелись по своимъ койкамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго бала, Скобелевъ, ожидая Гурко, очистилъ для послѣдняго конакъ и перешелъ со своимъ штабомъ въ большой домъ, принадлежавшій какому-то пашѣ и богато отдѣланный въ восточномъ вкусѣ.

Часть III-я.

СО СКОБЕЛЕВЫМЪ ВНѢ ВЫСТРѢЛОВЪ.

ГЛАВА I.

Отрядъ нашъ, между тѣмъ, окончательно сосредоточился въ Адріанополѣ, отдохнулъ и совершенно оправился послѣ утомительныхъ, тяжелыхъ переходовъ. Вскорѣ изъ главной квартиры получено было приказаніе — двинуться впередъ нашему отряду по направленію къ Константинополю и Мраморному морю. Радостно забились наши сердца при этомъ извѣстіи и мы съ лихорадочною поспѣшностью усѣлись снова на коней послѣ довольно продолжительнаго отдыха. Нѣсколькими колоннами быстро двинулся отрядъ Скобелева впередъ. Часть силъ направилась черезъ города Демотику и Айроболь на берегъ Мраморнаго моря къ городу Родосто, а остальныя—черезъ Хаскіой, Баба-Эски, Люле-Бургасъ и Чорлу—къ тому же чудному морю въ города Эрекли и Силиври. Кавалерія Струкова двигалась впереди, пѣхота съ артиллеріей почти не отставала отъ нея и форсированнымъ маршемъ, не смотря на дурную дорогу и грязь, слѣдовала по пятамъ своей конницы. Хотя войска наши двигались очень быстро, но Скобелевъ все торопилъ ихъ, желая, очевидно, захватить до перемирія какъ можно большее количество непріятельской территоріи.

Въ Люле-Бургасѣ Скобелевъ получилъ приказаніе отъ главнокомандующаго — пріостановить движеніе въ Чорлу,

который въ это время былъ занятъ уже кавалеріей Струкова. Согласно этого приказанія, конница наша должна была пріостановиться и въ этомъ пунктѣ проходить демаркаціонная линія.

Въ Люле-Бургасѣ Скобелевъ со своимъ штабомъ усѣлся на поѣздъ и мы снова прокатились по турецкой желѣзной дорогѣ до города Чорлу. Здѣсь опять усѣлись на коней и рысью доѣхали до Чаталджи. Путь нашъ отъ Чорлу до Чаталджи былъ чрезвычайно утомителенъ. Дорога отвратительная, попорченная турками, грязь отъ продолжительныхъ дождей страшная. Проѣхавъ по шоссе отъ Чорлу по направленію къ городу Силиври верстъ 25—30, мы свернули влѣво на проселочную дорогу и на другой день только вечеромъ добрались до Чаталджи. По пути мы обгоняли двигавшіяся войска, которыя съ величайшими усиліями спѣшили впередъ.

Особенно тяжело было двигаться артиллеріи: люди и лошади общими усиліями вытаскивали тяжелыя орудія изъ глубокой грязи и этимъ сильно утомлялись. Ночь войска проводили тутъ же на дорогѣ, въ грязи.

Чаталджа — довольно хорошенькій городокъ въ чисто восточномъ вкусѣ, т.-е. съ узкими, грязными улицами, но довольно порядочными домами. Скобелеву отвели квартиру въ богатомъ турецкомъ домѣ съ роскошною обстановкой. Мы размѣстились возлѣ него тоже съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Вскорѣ къ Чаталджѣ подошла и пѣхота.

Такимъ образомъ, мы очутились всего въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Константинополя — сердца имперіи оттомановъ.

Въ Чаталджѣ Скобелевъ объявилъ всѣмъ войскамъ о перемиріи. Назначена была демаркаціонная линія съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились наши передовыя кавалерійскія части. Только благодаря энергіи Скобелева и его войскъ

мы овладѣли съ поразительною быстротой такимъ громаднымъ райономъ непріятельской земли, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія и затрудненія.

Въ Чаталджѣ намъ пришлось пробыть довольно долго. Скобелевъ получилъ отъ главнокомандующаго категорическое приказаніе не двигаться далѣе и ни въ какомъ случаѣ не переходить демаркаціонную линію, которая тянулась отъ берега Мраморнаго моря у Беюкъ-Чекмедже вверхъ по рѣкѣ Карасу на деревню Киржалы и озеро Деркосъ до Чернаго моря.

Рѣка Карасу представляла для турокъ естественную оборонительную линію, и дѣйствительно, на лѣвомъ берегу ея ясно обрисовывался цѣлый рядъ редутовъ, воздвигнутыхъ на пути нашего наступленія. Впрочемъ, согласно условій перемирія, турки обязаны были очистить всѣ эти укрѣпленія и отойти за вторую оборонительную линію — за рѣку Ташлы-дере и расположиться между городомъ Кучукъ-Чекмеджи (у Мраморнаго моря) и деревней Акбунаромъ (у Чернаго моря).

Такимъ образомъ, полоса земли между рѣками Карасу и Ташлы-дере должна была оставаться нейтральною. Однакожъ, турки не выполняли условій перемирія и мы ясно видѣли на непріятельской позиціи за рѣкой Карасу красныя фески турецкихъ солдатъ и выглядывавшія изъ редутовъ дула орудій. Скобелева это ужасно бѣсило и спустя дня три по пріѣздѣ въ Чаталджу, онъ рѣшился ѣхать самъ на непріятельскую позицію и заставить турокъ убраться назадъ.

— Господа, будьте готовы, предупредилъ насъ Михаилъ Дмитріевичъ;—завтра утромъ поѣдемъ осматривать непріятельскіе редуты.

И дѣйствительно, на слѣдующій день Скобелевъ, въ сопровожденіи своей свиты, начальника кавалеріи отряда,

генерала Струкова, и начальника штаба, полковника Гродекова, выѣхалъ изъ Чаталджи по дорогѣ къ городу Кучукъ-Чекмеджи.

Всего насъ было съ казаками человѣкъ пятнадцать.

Проѣхавъ по дорогѣ верстъ пять, Скобелеву вдругъ пришла фантазія свернуть вправо, и онъ напрямикъ поскакалъ къ большому редуту, расположенному за рѣкой Карасу, на которомъ виднѣлось нѣсколько турецкихъ солдатъ, а изъ за насыпи грозно выглядывали два громадныхъ орудія.

Скоро мы спустились къ рѣкѣ; но переѣхать черезъ нее оказалось невозможнымъ, такъ какъ берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень болотистъ.

— Чортъ знаетъ что такое! сказалъ разсерженный этимъ генералъ. — Господа, отыщите-ка бродъ, гдѣ бы намъ удобнѣе перебраться на ту сторону...

Нѣсколько человѣкъ изъ насъ попробовали-было переправиться, но лошади наши грузли, проваливались, и мы должны были отказаться отъ своихъ попытокъ.

— Здѣсь невозможно перебраться, ваше превосходительство, сказалъ кто-то изъ ординарцевъ. — Надо ѣхать вверхъ по рѣкѣ версты три—тамъ есть мостикъ.

— Вы бабы какія-то, а не офицеры! разсердился окончательно генералъ и рѣшительно направилъ коня прямо въ болото. Умная лошадь, чувствуя подъ ногами нетвердую почву, стала упираться, фыркать и не хотѣла идти впередъ.

Скобелевъ вспылилъ, выругался и сильно вонзилъ шпоры въ бока сопротивлявшагося животнаго. Послѣднее рванулось впередъ и въ то же мгновеніе переднія ноги его провалились въ липкую грязь; не будучи въ состояніи вытащить ихъ изъ этой тины, лошадь медленно повалилась на бокъ вмѣстѣ съ своимъ сѣдокомъ... Съ трудомъ

вытащили мы сильно сконфуженнаго и ругавшагося генерала изъ подъ коня. Онъ въ ту же минуту, не давъ даже себя обчистить отъ грязи, снова очутился на лошади, не переставая ругаться...

Въ это время мы увидѣли, что сотникъ Харановъ, который тоже отправился отыскивать бродъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, спустился къ рѣкѣ и, не смотря на почти обрывистый берегъ, перебрался благополучно на противоположную сторону.

— Ну вотъ, видите, Харановъ нашелъ же переправу, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ и поскакалъ къ этому мѣсту.

Съ громадными усиліями переправились мы вплавь на противоположный берегъ, причемъ Скобелевъ и Гродековъ больше всѣхъ, кажется, промокли въ водѣ, и очутились, такимъ образомъ, на нейтральной полосѣ, гдѣ ни мы, ни турки не имѣли, собственно, права находиться.

До большаго редута оставалось еще около полуторы версты.

Нѣсколько турецкихъ солдатъ, бывшихъ въ редутѣ, увидя насъ, пустились на утекъ.

— Господа, догоните этихъ чертей и воротите, приказалъ Скобелевъ, и нѣсколько офицеровъ съ казаками маршъ-маршемъ понеслись по турецкой позиціи за удиравшими красными фесками. Вскорѣ мы доѣхали до редута и туда же привели пойманныхъ и перепуганныхъ османовъ.

— Скажите имъ, обратился Скобелевъ къ переводчику Луцканову, который всегда сопровождалъ генерала,—что они не смѣютъ показываться здѣсь, на нейтральной полосѣ. Пусть они передадутъ своимъ пашамъ, что если еще будетъ нарушено это условіе перемирія, то я со своими войсками немедленно же займу всѣ эти редуты.

Переводчикъ объяснилъ требованіе генерала турецкимъ

солдатамъ и они, отдавъ честь, обѣщали все это въ точности сообщить своимъ начальникамъ.

Затѣмъ ихъ отпустили и мы занялись осмотромъ турецкихъ укрѣпленій. Редутъ, на которомъ мы находились, былъ расположенъ на довольно возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ и представлялъ изъ себя весьма солидную преграду для атакующаго и вмѣстѣ сильное прикрытіе для обороняющагося.

Два громадныхъ орудія были расположены у исходящихъ угловъ и одно на срединѣ фаса. Замковъ и колецъ въ нихъ не было—ихъ, очевидно, увезли съ собой турки. Вокругъ редута были устроены въ два ряда траншеи, такъ что атакующій подвергался трехъ-ярусному убійственному огню.

— А что, господа, обратился къ намъ Скобелевъ, осмотрѣвъ внимательно эти гигантскія сооруженія, — не легко, вѣдь, было бы намъ брать эти позиціи! Укрѣпленія очень сильныя, мѣстность открытая, да, къ тому же, передъ фронтомъ рѣка съ такими недоступными берегами... Еще хорошо, что мы такъ близко стоимъ къ этой позиціи! Въ случаѣ непріятельскихъ дѣйствій, мы успѣемъ раньше турокъ захватить эти редуты... Ну, теперь, господа, продолжалъ онъ,—поѣдемъ къ Мраморному морю, къ Беюкъ-Чекмедже. Кстати, осмотримъ и остальную часть позиціи.

Крупною рысью направились мы на югъ, вдоль теченія рѣки Карасу. Черезъ какихъ-нибудь полчаса мы уже подъѣзжали къ г. Беюкъ-Чекмедже. Чудная картина Мраморнаго моря все явственнѣе, все красивѣе обрисовывалась передъ нашими глазами. Нѣсколько парусныхъ и паровыхъ судовъ, маленькихъ лодочекъ и баркасовъ бѣлѣли и чернѣли на зеркальной поверхности чуднаго южнаго

моря. Воздухъ становился все свѣжѣе, все легче и свободнѣе дышалось.

Лошади наши безъ всякихъ понуканій сами охотно неслись къ этой манящей синей водяной площади.

Вотъ, наконецъ, мы подъѣхали къ самой окраинѣ города. Но онъ какъ бы мертвый: всѣ дома и лавки закрыты, на улицахъ не видно никакого движенія...

Мы ѣхали по узкимъ улицамъ совершенно безлюднаго города. И только изрѣдка, заслышавъ топотъ нашихъ коней, изъ калитки выглядывала испуганная физіономія какого-нибудь грека и тотчасъ же быстро пряталась обратно, а калитка крѣпко захлопывалась передъ нашими глазами.

— Эй, братушка, кричали мы ему, — гдѣ тука илга кофанъ?

Но калитка не отворялась уже и физіономія не высовывалась. Такимъ образомъ мы проѣхали по улицамъ всего города и никого не могли разспросить.

У самаго моря только мы встрѣтили нѣсколько грековъ.

— Спросите у нихъ, сказалъ генералъ Луцканову, — куда подѣвались всѣ жители?

Греки съ удивленіемъ, съ нѣкоторымъ испугомъ даже смотрѣли на насъ.

Луцкановъ обратился съ этимъ вопросомъ къ старому носатому греку и при этомъ объяснилъ, что передъ ними находится самъ генералъ Скобелевъ.

Грекъ снялъ феску, почтительно поклонился Скобелеву и началъ что-то объяснять переводчику.

— Онъ говоритъ, обратился Луцкановъ къ генералу,— что турецкія власти приказали всѣмъ жителямъ покинуть городъ въ виду того, что русскія войска будутъ ихъ бомбардировать, и большинство жителей, дѣйствительно, покинуло свои жилища. Затѣмъ приказано было всѣмъ судамъ частныхъ владѣльцевъ тоже прибыть въ Константинополь,

и для этой цѣли пріѣзжало нѣсколько турецкихъ пароходовъ, которые конфисковали всѣ, даже маленькія лодки. Въ случаѣ невыполненія требованія, турки угрожали разорить городъ со стороны моря...

— Передайте ему, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ, выслушавъ Луцканова,—что все это чепуха: если русскіе и займутъ городъ, то жителямъ ничего дурнаго не сдѣлаютъ. Все ихъ имущество и они сами будутъ находиться подъ охраной русскихъ законовъ. За все же, что у нихъ возьмутъ, будетъ уплачено немедленно деньгами. Скажите имъ, что мы не враги, а друзья ихъ...

Греки просіяли, услышавъ отъ Луцканова слова Скобелева и почтительно начали выражать свое расположеніе къ намъ.

Старый же грекъ обратился къ Скобелеву съ просьбой заѣхать къ нему позавтракать. Михаилъ Дмитріевичъ изъявилъ на это полное согласіе; мы, конечно, обрадовались этому еще больше, такъ какъ порядкомъ протряслись и сильно проголодались.

Домъ грека былъ почти на самомъ берегу моря. Мы слѣзли съ коней и поднялись во второй этажъ. Не смотря на голодъ, мы невольно залюбовались съ балкона прелестною картиной моря и окрестною береговою полосой Чекмеджійскаго залива.

Нѣсколько судовъ стояло на якоряхъ подъ испанскими и греческими флагами.

— Это что же — испанскія суда? спросилъ Скобелевъ грека.

— Нѣтъ, отвѣтилъ послѣдній, — это суда нашихъ же горожанъ-купцовъ. Но они, боясь конфискаціи, ходятъ подъ флагами другихъ націй, благодаря тому, что капитаны у нихъ иностранцы...

Между тѣмъ поданъ былъ завтракъ съ хорошимъ

краснымъ виномъ и мы съ аппетитомъ закусили на самомъ берегу Мраморнаго моря.

— Вы заплатите ему за завтракъ, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ Луцканову.

Грекъ сначала отнѣкивался, не желая вовсе брать платы, но, увидѣвъ въ кошелькѣ у Хомичевскаго, который исполнялъ у Михаила Дмитріевича обязанность казначея, цѣлую кучу блестящихъ желтенькихъ монетъ, онъ вдругъ пересталъ сопротивляться и быстро спряталъ въ огромные карманы своихъ широчайшихъ штановъ нѣсколько предложенныхъ ему полуимперіаловъ.

Алчная натура коммерсанта-грекоса сейчасъ же сказалась!

Распростившись съ хозяиномъ, мы вышли снова на улицу и усѣлись на коней.

Сначала мы ѣхали по Силиврійскому шоссе, а затѣмъ свернули вправо и проселкомъ направились къ Чаталджѣ. Послѣ плотнаго завтрака и хорошаго вина всѣ были въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. По дорогѣ завязался общій разговоръ о роскошной природѣ береговъ Мраморнаго моря, о туркахъ, о дальнѣйшемъ нашемъ движеніи. Затѣмъ разговоръ перешелъ незамѣтно на лошадей. Генералъ Струковъ, страстный кавалеристъ, началъ расхваливать англійскихъ скакуновъ, превознося ихъ выносливость и быстроту. Самъ онъ ѣхалъ на прекрасной чистокровной англійской лошади, очень дорогой вѣроятно, чистенькой, изящной и выхоленной.

— Если бы вашъ конь, ваше превосходительство, замѣтилъ я генералу,—несъ точно такую же службу, какъ наши казачьи, былъ такъ же навьюченъ, такъ плохо кормленъ и такъ плохо присмотрѣнъ, онъ, навѣрное, не вынесъ бы этихъ невзгодъ...

— Да самое лучшее, господа, прервалъ меня Скобе-

левъ,—давайте скакать и на практикѣ докажемъ, чья лошадь возьметъ!

— Прекрасно, съ удовольствіемъ, согласились всѣ.

Нужно замѣтить, что большинство офицеровъ въ свитѣ Скобелева были пѣхотинцы и лошадей имѣли очень незавидныхъ. Только у Скобелева, у Харанова и у меня кони были довольно порядочные.

Мѣстность по сторонамъ дороги лежала открытая, слегка волнистая; вправо отъ насъ красиво извивалась рѣчка Атчирасъ. До Чаталджи оставалось еще около семи верстъ.

— Ну-те-съ, господа, приготовьтесь, продолжалъ Скобелевъ.—Разъ, два, три!..

Шпоры и нагайки впились одновременно въ бока нашихъ лошадей и мы маршъ-маршемъ ринулись впередъ. Я и Харановъ скоро опередили всѣхъ и около версты скакали во главѣ мчавшейся во весь духъ кавалькады въ 15 человѣкъ.

Но на второй уже верстѣ насъ обогналъ Струковъ на своемъ красивомъ гнѣдомъ скакунѣ и мы, волей-неволей, должны были уступить ему пальму первенства.

Наконецъ, послѣ трехъ-верстной бѣшеной скачки, мы снова собрались всѣ вокругъ Скобелева и, оживленно болтая, въѣхали въ городъ.

Эти поѣздки и рекогносцировки составляли единственное для насъ развлеченіе. Впрочемъ, изъ Санъ-Стефано пріѣхали какъ-то двѣ довольно смазливыхъ француженки и по вечерамъ распѣвали намъ всевозможныя пикантныя шансонетки.

Кромѣ насъ, Скобелева со штабомъ, ихъ являлась слушать и масса офицерства, полковниковъ, командировъ и даже солидныхъ генераловъ. Особенно была мила одна

изъ этихъ пѣвицъ—m-elle Жеди, и къ ней очень благоволилъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Такъ тянулась наша жизнь въ Чаталджѣ—мирно, тихо и довольно скучно.

Въ началѣ февраля пронесся слухъ, что скоро главнокомандующій проѣдетъ по желѣзной дорогѣ въ Санъ-Стефано. Дѣйствительно, 11 февраля намъ приказано было всѣмъ собраться на станцію желѣзной дороги, отстоящей отъ города верстъ на десять.

Сюда же прибыли всѣ начальники частей войскъ, расположенныхъ около Чаталджи, и депутаты отъ города съ хлѣбомъ-солью.

Около семи часовъ вечера прибылъ великокняжескій поѣздъ. На станціи главнокомандующій былъ встрѣченъ Скобелевымъ, почетнымъ карауломъ, всѣми офицерами и депутаціей.

Скобелевъ отрапортовалъ Его Высочеству, вышедшему изъ вагона на платформу. Николай Николаевичъ поздоровался со Скобелевымъ, съ высшими чинами, съ почетнымъ карауломъ и любезно принялъ хлѣбъ-соль отъ депутаціи; затѣмъ направился наверхъ, въ отведенные для Его Высочества покои.

Генералитетъ и высшее начальство направилось туда же, а болѣе мелкій людъ атаковалъ шатеръ, разбитый возлѣ станціи, въ которомъ помѣщался буфетъ.

Въ свитѣ у главнокомандующаго было довольно много моихъ хорошихъ знакомыхъ и скоро у насъ завязался самый оживленный разговоръ за однимъ изъ столиковъ, на которомъ, конечно, появилось нѣсколько бутылокъ вина. Тема была самая животрепещущая — перемиріе, Константинополь.

Подъ вліяніемъ выпитаго вина я въ спорѣ употребилъ нѣсколько крѣпкихъ словъ, столь свойственныхъ русскому

человѣку, и совершенно не замѣтилъ, что въ это время къ шатру нашему подошелъ начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ Непокойчицкій, со своимъ помощникомъ, генераломъ Левицкимъ.

Меня кто-то толкнулъ; я оглянулся, и тогда только замѣтилъ, что генералы очень косо взглянули въ нашу сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ меня потребовалъ къ себѣ Скобелевъ, которому сообщили уже о моемъ поведеніи.

— Что это вы тамъ распустили языкъ?.. довольно сурово встрѣтилъ меня генералъ.—Извольте сейчасъ отправиться обратно въ Чаталджу, а завтра вы будете арестованы!..

Оправдываться было безполезно, и я, распростившись съ боевыми сотоварищами, поѣхалъ во-свояси.

Дорога отъ вокзала въ Чаталджу проходила въ объѣздъ болота, черезъ которое напрямикъ, на протяженіи около двухъ верстъ, устроенъ былъ для пѣшеходовъ мостикъ.

«Не попробовать-ли переѣхать черезъ этотъ мостикъ!» подумалъ я, и направилъ на него своего коня, хотя ширина мостика была не болѣе $1^1/_2$ аршинъ. Лошадь моя была спокойная, ловкая и я за нее ничуть не боялся.

Какой-то пѣхотный офицеръ, ѣхавшій тоже съ вокзала въ городъ, рискнулъ взять съ меня примѣръ и горько поплатился за свою смѣлость. Лошадь его испугалась шедшаго на встрѣчу пѣшехода, шарахнулась въ сторону, и всадникъ съ лошадью очутились въ болотѣ, въ грязи...

Съ большимъ усиліемъ нѣсколько человѣкъ вытащили ихъ оттуда... Смѣшно было смотрѣть на перепуганнаго офицера, всего въ грязи...

На слѣдующій день я еще лежалъ въ постели, какъ явился ко мнѣ не помню кто изъ моихъ товарищей и со

смѣхомъ объявилъ мнѣ, что Скобелевъ приказалъ арестовать меня на трое сутокъ домашнимъ арестомъ.

— Домашнимъ арестомъ на три дня? удивился я.

— Не вѣришь, такъ посмотри! сказалъ пріятель вѣстникъ и указалъ на дверь.

Я босикомъ вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ двери и отворилъ ее—въ корридорѣ у порога, дѣйствительно, стоялъ часовой съ ружьемъ въ рукахъ.

— Ну, что, повѣрилъ? Съ тебя, братъ, могарычъ! зло подшутилъ онъ.

— Что жь это можно. Эй, принести намъ вина!

Комната, гдѣ я помѣщался, находилась во второмъ этажѣ турецкаго дома. Рядомъ со мной, въ сосѣдней комнатѣ, помѣстился священникъ какого-то пѣхотнаго полка, совершенно мнѣ незнакомый. Попъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ дома и пилъ чай. Двери моей комнаты и батюшкиной находились, такимъ образомъ, рядомъ. Мнѣ вдругъ пришла дикая фантазія переставить часоваго отъ своей комнаты къ сосѣдней и арестовать, такимъ образомъ, попа. Цѣлое утро ко мнѣ являлись товарищи и я провелъ время превесело. Хохотали и острили безъ умолку.

Около часу дня я преспокойно вышелъ изъ комнаты, и часовой, не зная моего лица и принимая меня за гостя, безпрепятственно меня выпустилъ.

Въ это время подошелъ разводящій, и я его увѣрилъ, что арестованный сидитъ не у той двери, гдѣ стоитъ часовой, а въ сосѣдней.

Разводящій повѣрилъ и приказалъ часовому передвинуться на два шага вправо.

Офицерство, бывшее у меня, хохотало до упаду.

Черезъ нѣсколько времени батюшкѣ вздумалось выйти изъ дому. Но только-что онъ отворилъ дверь, какъ часо-

вой - солдатъ остановилъ его со словами: «не приказано пущать».

Перепуганный попъ сейчасъ же спрятался обратно.

Конечно, я объяснилъ потомъ разводящему свою шутку и засѣлъ снова въ свою комнату.

Вечеромъ ко мнѣ зашелъ Хомичевскій и сообщилъ, что Скобелевъ меня простилъ и зоветъ ужинать.

— За обѣдомъ онъ спросилъ про тебя, и Лисовскій разсказалъ про твою продѣлку съ попомъ. Сначала Скобелевъ ужасно разсердился, но когда ему разсказали, какъ перепуганный батюшка, выйдя изъ своей комнаты, увидѣлъ часоваго, который не пустилъ его со словами: «не приказано пущать!», Михаилъ Дмитріевичъ расхохотался и сказалъ: «Этотъ Дукмасовъ вѣчно что-нибудь выдумаетъ! Уберите часоваго отъ этой обезьяны и притащите его вечеромъ ужинать!»

— Ну нѣтъ, братъ, шалишь, ужинать я не пойду! рѣшилъ я разыграть роль обиженнаго, и дѣйствительно не пошелъ.

На другой день, за завтракомъ, Скобелевъ пожурилъ меня за поминовеніе родителей на вокзалѣ и за шутку съ попомъ и тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Санъ-Стефано.

— Ваше превосходительство, обратился я къ генералу,—позвольте мнѣ отправиться въ Санъ-Стефано!

— Это зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Дамъ проводить...

— Какихъ это дамъ?

— А француженокъ вашихъ... Какъ же онѣ безъ кавалера отправятся!

— А вы ихъ не съѣдите по дорогѣ? Ну поѣзжайте; только, Бога ради, безъ исторій. Да можете, впрочемъ, и

не возвращаться: отрядъ нашъ, все равно, скоро туда двинется.

Съ нѣкоторыми приключеніями добрался я по желѣзной дорогѣ до Санъ-Стефано, нанялъ себѣ здѣсь квартиру и по цѣлымъ днямъ шатался по улицамъ или сидѣлъ на берегу моря. Русскаго люда въ это время уже было здѣсь не мало: мундиры всѣхъ родовъ оружія попадались на каждомъ шагу. Изъ Константинополя наѣхала масса коммерсантовъ, разныхъ аферистовъ и прихвостней, жаждущихъ наживы, и наперерывъ предлагали свои услуги. Рожи этихъ господъ—юркія, плутоватыя, антипатичныя—принадлежали большею частью къ еврейской, греческой и армянской національностямъ. Съ каждымъ днемъ улицы Санъ-Стефано—обыкновенно тихаго дачнаго городка—дѣлались все люднѣе, оживленнѣе. Всевозможныя пѣвицы, самой сомнительной нравственности, наводнили Санъ-Стефано и своими завываньями въ разныхъ кафе-шантанахъ усердно обчищали карманы русскаго офицерства... И много русскаго золота, заработаннаго тяжелымъ трудомъ, лишеніями и часто кровью, перешло въ карманы этихъ недостойныхъ, мизерныхъ людишекъ.

Вскорѣ прибылъ и Скобелевъ со своимъ отрядомъ; войска расположились въ деревняхъ, ближайшихъ къ Санъ-Стефано.

По заключеніи же мира Михаилъ Дмитріевичъ со штабомъ перешелъ изъ деревни въ Санъ-Стефано и помѣстился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ графъ Игнатьевъ подписалъ миръ съ турками.

Я съ Лисовскимъ и капитаномъ генеральнаго штаба Мельницкимъ заняли одну большую комнату на второмъ этажѣ красиваго дома, у самаго берега моря.

Къ обѣду мы всѣ ежедневно собирались у Михаила Дмитріевича, и въ этой самой исторической комнатѣ мира,

гдѣ подписана была, наконецъ, свободная жизнь болгарскому народу, весело проводили время за вкусною трапезой.

Такъ шло время — мирно, праздно, довольно весело, хотя и безалаберно.

Какъ-то за обѣдомъ (въ мартѣ мѣсяцѣ) Скобелевъ объявилъ намъ, чтобы на слѣдующій день мы были готовы сопровождать верхами Великаго Князя, который поѣдетъ съ визитомъ къ султану.

Около десяти часовъ утра Скобелевъ, окруженный своими офицерами, подъѣхалъ къ красивому дому главнокомандующаго. Площадь вся уже была запружена свитой Его Высочества и свитами другихъ отрядныхъ начальниковъ, которые тоже должны были сопровождать Николая Николаевича.

Черезъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ показался главнокомандующій, поздоровался съ конвоемъ и присутствующими офицерами и усѣлся на своего красиваго бураго жеребца.

Во главѣ громадной и пестрой свиты офицеровъ и конвойныхъ лейбъ-казаковъ, окруженный блестящимъ генералитетомъ, Его Высочество поѣхалъ сначала по набережной, а затѣмъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по устью рѣки Алибей-Су, вливающей свои тихія воды въ знаменитый и историческій Золотой Рогъ. Вблизи главнокомандующаго ѣхало тоже нѣсколько провожатыхъ турокъ въ своихъ синихъ курткахъ и красныхъ фескахъ и съ ними переводчикъ главной квартиры — красавецъ Христи, высокаго роста мужчина съ громадными, типичными усами, въ своемъ національномъ черногорскомъ костюмѣ и маленькой шапочкѣ.

Роскошная погода, легкій, прохладный вѣтерокъ съ моря, чудная растительность теплаго юга и очаровательные виды окрестностей древней Византіи — все это дѣй-

ствовало особенно благотворно на наше душевное настроеніе. «Вотъ бы намъ этотъ чудный уголокъ!» невольно думалъ я, любуясь этою величественною, грандіозною панорамой историческаго города, потонувшаго въ зелени садовъ, надъ которыми въ разныхъ мѣстахъ рѣзко выдѣлялись стройные минареты мусульманскихъ храмовъ.

Главнокомандующій ѣхалъ то рысью, то шагомъ, и весело бесѣдовалъ съ окружавшими его лицами. Всего до устья Алибей-Су было около 15 верстъ и мы проѣхали это разстояніе въ часъ съ небольшимъ. Здѣсь главнокомандующаго уже дожидали нѣсколько паровыхъ катеровъ съ нашими моряками, на которые пересѣли Его Высочество съ высшими чинами; намъ же разрѣшено было ѣхать верхомъ въ европейскую часть города, т.-е. въ Перу.

Переѣхавъ по мосту черезъ рѣку Алибей-Су, я со своими товарищами и въ сопровожденіи проводника направились по улицамъ Константинополя къ «Hôtel d'Angleterre», куда Скобелевъ приказалъ отвести и своего коня.

Занявъ нумера и пообѣдавъ на̀-скоро, мы снова вышли на улицу. Въ комнатѣ какъ-то не сидѣлось, тянуло на воздухъ, хотѣлось скорѣе осмотрѣть этотъ чудесный Царьградъ, который съ дѣтства еще, при изученіи древней русской исторіи, при чтеніи походовъ Олега и набѣговъ моихъ предковъ-казаковъ, рисовался въ моемъ воображеніи какимъ-то миѳическимъ, очаровательнымъ уголкомъ.

Ничего особеннаго, впрочемъ, не оказалось на самомъ дѣлѣ: обыкновенные дома, обыкновенныя, и довольно грязныя для столицы, улицы, масса отвратительныхъ собакъ на каждомъ шагу и почти полное отсутствіе жизни и движенія... Вообще, издали Константинополь кажется эффектнѣе, грандіознѣе, величественнѣе... Главное красить его — море, Босфоръ и Золотой Рогъ!..

Офицерство наше и конвойные казаки и драгуны

буквально наводнили европейскую часть города и заняли всѣ гостинницы, рестораны.

На каждомъ шагу слышался звонъ шпоръ и грохотъ распущенныхъ сабель по турецкимъ мостовымъ, слышался оживленный русскій говоръ и веселый смѣхъ. Можно было подумать, что этотъ городъ уже давно находится во власти сѣверныхъ славянъ!

И только турецкіе солдаты-часовые, торчавшіе у разныхъ складовъ, арсеналовъ, гауптвахтъ, убѣждали насъ, что мы находимся не дома, а въ гостяхъ у историческаго, религіознаго врага.

Другихъ турецкихъ физіономій почти не было видно— онѣ точно попрятались куда отъ насъ... Только пронырливые сыны Израиля и длинноносые грекосы шныряли въ разныхъ мѣстахъ, приторно-любезно предлагая свои пошлыя услуги въ разсчетѣ, конечно, на выгодный гешефтъ.

Мы долго шатались по городу въ сопровожденіи проводника, который подробно объяснялъ намъ всѣ достопримѣчательности столицы.

Вблизи нашей гостинницы помѣщалось зданіе русскаго посольства; государственный гербъ нашъ — орлы на воротахъ посольства—были покрыты черною матеріей.

Затѣмъ мы вышли на большую площадь, по краямъ которой находились громадныя зданія, которыя, какъ объяснилъ проводникъ, составляли разные склады, арсеналъ, казармы и гауптвахту. Здѣсь же стояла батарея орудій, возлѣ которой медленно расхаживалъ турецкій часовой. При нашемъ проходѣ онъ сталъ смирно и довольно неграціозно отдалъ честь.

Здѣсь мы встрѣтили еще нѣсколько солдатъ и офицеровъ, которые очень вѣжливо козыряли намъ.

Одежда и вооруженіе турецкихъ воиновъ отличались новизной и блескомъ, особенно по сравненію съ нашими

боевыми поношенными костюмами; такъ-что было даже нѣсколько совѣстно за нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ, которые не успѣли еще обзавестись новою одеждой. Тутъ повторилось то же явленіе, какъ и въ Бухарестѣ, гдѣ румынскіе офицеры окончательно затмили насъ блескомъ и чистотой своихъ костюмовъ.

Затѣмъ мы направились въ городской садъ.

Всѣ нѣжныя растенія юга можно было найти здѣсь: колоссальные тополи, лавры, померанцы, кипарисы, мирты, платаны и масса ароматичныхъ цвѣтовъ...

Садъ спускался террасами къ ручью; посреди него устроена была красивая ротонда съ рестораномъ, нѣсколько бесѣдокъ, фонтановъ и разныхъ украшеній; словомъ, устройство совершенно европейское.

Гуляющихъ было очень мало и преимущественно иностранцы. Отдохнувъ здѣсь и полюбовавшись красивымъ видомъ, мы направились осматривать Золотой Рогъ, исходили еще нѣсколько верстъ и уже поздно вечеромъ, нагулявшись вдоволь и налюбовавшись видами Стамбула, мы, усталые и проголодавшіеся, вернулись въ свою гостинницу (d'Angleterre).

Войдя въ залу, мы застали тамъ Скобелева, который бесѣдовалъ съ первымъ драгоманомъ русскаго посольства, г. Ону. Разговоръ у нихъ былъ очень оживленный и, кажется, о политикѣ; не мѣшая имъ, мы прошли въ столовую и занялись чаепитіемъ. Часовъ около одиннадцати, Скобелевъ явился къ намъ въ самомъ веселомъ настроеніи.

— Ну, господа, давайте ужинать!.. А знаете, продолжалъ онъ, усаживаясь, — я совсѣмъ другими представлялъ себѣ турокъ! Право, они высматриваютъ молодцами! Прекрасно одѣты, опрятны, въ высшей степени любезны, расторопны... Насъ приняли такъ мило, радушно... Я очень ими доволенъ!

— Да что, ваше превосходительство, вы насъ не взяли съ собой посмотрѣть на этихъ опрятныхъ и любезныхъ османовъ? обиженнымъ тономъ обратился я къ генералу.— Вы тамъ веселились, а мы скучали!

— Вотъ еще чего захотѣли — васъ брать! усмѣхнулся Скобелевъ.—Тогда бы мы ничего и не увидѣли: султанъ и его придворные навѣрное разбѣжались бы, еслибъ увидѣли передъ собою такой звѣринецъ! Да, кстати, Дукмасовъ, вы тутъ бездѣльничаете—я вамъ нашелъ работу: сейчасъ послѣ ужина садитесь на коня и поѣзжайте въ Санъ-Стефано; отвезете начальнику штаба (Гродекову) очень важную бумагу.

«Вотъ тебѣ и разъ», подумалъ я, «это въ двѣнадцать-то часовъ ночи, въ такую темень, лупить по незнакомому городу и неизвѣстной дорогѣ въ Санъ-Стефано!.. Удовольствія мало!..» И свое горе я началъ запивать лафитомъ.

Послѣ ужина Михаилъ Дмитріевичъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и передалъ бумаги.

— Поѣзжайте сейчасъ—важное дѣло!

— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ выѣхать завтра пораньше. Вѣдь, все равно, я теперь буду блудить по Константинополю, не зная дороги, и до свѣта не попаду въ Санъ-Стефано. Наконецъ, начальникъ штаба теперь спитъ и ничего не сдѣлаетъ.

— Ну, пожалуй, сказалъ генералъ, — только смотрите, завтра пораньше! Ну, убирайтесь, я спать хочу!

На слѣдующій день, въ четыре часа утра, я сидѣлъ уже на конѣ и рысцой путешествовалъ по безлюднымъ улицамъ Константинополя. Спустившись съ горы, я переѣхалъ по мосту черезъ Золотой Рогъ и очутился въ чисто турецкой части города—въ Стамбулѣ.

Не зная дороги, я рѣшилъ держаться ближе къ Мра-

морному морю. Улицы были узкія, кривыя, дома большею частью деревянные и ветхіе, въ два и рѣдко въ три этажа. Попадавшіеся мнѣ на встрѣчу турки останавливались и съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на русскаго офицера, который въ такой ранній часъ забрался въ самый центръ турецкаго населенія. Въ концѣ одной изъ улицъ я увидѣлъ громадное зданіе и большіе своды. «А, вѣроятно, это та знаменитая стѣна», рѣшилъ я про себя. «которая окружала въ старину Царьградъ и защищала его отъ вторженія варваровъ. А эта арка принадлежитъ, должно быть, историческому Семибашенному замку, куда разсерженные султаны сажали пословъ европейскихъ державъ!»

Подъ аркой стоялъ турецкій часовой съ ружьемъ и, прислонившись къ стѣнѣ, сладко спалъ. Я проѣхалъ какъ разъ мимо него, лошадь моя даже фыркнула, но часовой не проснулся.

Проѣхавъ подъ аркой, я очутился на большой квадратной площади, которая со всѣхъ сторонъ была окружена сплошнымъ трехъ-этажнымъ зданіемъ подъ одною крышей. Площадь была вымощена плитами и совершенно пуста. Напротивъ виднѣлась тоже арка.

— Чортъ возьми! ужь не забрался-ли я въ султанскій сераль—онъ, кажется, гдѣ-то въ этомъ мѣстѣ.

Я направилъ коня дальше и въѣхалъ во вторую арку. За нею оказалась вторая площадь, поменьше первой, тоже совершенно пустая.

Съ правой и съ лѣвой стороны этой площади виднѣлись снова двѣ небольшихъ арки. «Куда же ѣхать?» размышлялъ я, «какъ бы не попасться какимъ-нибудь фанатикамъ; зарѣжутъ, канальи, какъ собаку.

Но только-что я повернулъ коня вправо, какъ услышалъ позади себя страшный крикъ. Оглянувшись, я уви-

дѣлъ человѣкъ десять турокъ, которые бѣжали ко мнѣ и, размахивая руками, что-то неистово кричали.

— Вамъ чего, черти? обратился я къ нимъ, останавливая коня. Вмѣсто отвѣта, они окружили меня со всѣхъ сторонъ, схватили подъ уздцы мою лошадь и всѣ вмѣстѣ что-то загалдѣли.

— Не смѣть трогать лошадь! закричалъ я на нихъ и крутымъ поворотомъ освободилъ коня изъ ихъ рукъ.

Они подались назадъ, но, видимо разсерженные, стали орать еще неистовѣе, жестикулируя сильно руками.

Не понимая ни слова по турецки, я, тѣмъ не менѣе, изъ чувства самосохраненія, внушительно погрозилъ имъ своею солидною плетью и нѣсколько разъ произнесъ названіе «Санъ-Стефано», показывая рукой по направленіямъ этого пункта.

Угроза, очевидно, подѣйствовала, потому что они видимо присмирѣли и болѣе спокойнымъ и вѣжливымъ тономъ начали объяснять пантомимами, что я долженъ ѣхать назадъ. Я сообразилъ, что, вѣроятно, заѣхалъ не туда, куда слѣдуетъ, и, поворотивъ коня, шагомъ направился обратно, сопровождаемый всею пѣшею ватагой турокъ. Два изъ нихъ побѣжали впередъ, въ зданіе, и скоро изъ послѣдняго вышелъ еще какой-то турокъ, знавшій немного русскій языкъ (въ родѣ того, какъ въ нашихъ южныхъ городахъ говорятъ по русски разные восточные люди—разносчики апельсиновъ, лимоновъ и пр.).

Онъ объяснилъ, что я заѣхалъ въ какой-то гаремъ, но въ какой именно—я такъ и не могъ разобрать.

«Славная штука!» думалъ я, «зачѣмъ только они меня остановили! Тамъ бы я согласился подольше остаться; бумаги Скобелевъ подождалъ бы!.. Хорошо, что не поѣхалъ ночью, какъ приказывалъ Скобелевъ — эти господа не поцеремонились бы со мною тогда!..»

Турки проводили меня до первой арки, гдѣ стоялъ часовой; послѣднiй отъ ихъ крикливаго разговора проснулся и съ удивленiемъ смотрѣлъ на меня. При проѣздѣ мимо него онъ преуморительно отдалъ мнѣ ружьемъ честь.

Раскланявшись съ турками, которые объяснили мнѣ дорогу, я крупною рысью направился мимо Семибашеннаго за̀мка въ Санъ-Стефано и въ шесть часовъ былъ уже съ докладомъ у полковника Гродекова.

ГЛАВА II.

На слѣдующiй день къ обѣду прiѣхалъ Скобелевъ и привезъ намъ прiятную новость: всѣмъ офицерамъ, которыхъ Скобелевъ представилъ къ Георгiевскимъ крестамъ за Иметлiйское дѣло, Государь Императоръ, по ходатайству главнокомандующаго, утвердилъ эти награды.

Извѣстiе это было, дѣйствительно, радостное. Нужно быть самому офицеромъ, самому участвовать въ военныхъ дѣйствiяхъ, чтобы понять то чувство, которое испытываетъ каждый, ожидая этой высшей воинской награды — награды за личную храбрость, за мужество и отвагу.

«Теперь никто не посмѣетъ меня назвать трусомъ, никто не скажетъ, что я безполезно служилъ родной землѣ и ея Властелину»... Мысль о бѣломъ крестикѣ уже давно не давала мнѣ покоя, хотя я далеко не честолюбивъ и любилъ военное дѣло не изъ за отличiй и карьеры.

На другой день Скобелевъ назначилъ у себя обѣдъ исключительно для лицъ, получившихъ Георгiевскiе кресты за лихой Иметлiйской бой. Поручику Узатису, который распоряжался у Скобелева хозяйственною частью, Михаилъ Дмитрiевичъ приказалъ устроить обѣдъ погастрономичнѣе и запастись лучшими винами. Къ двумъ часамъ въ квартиру Скобелева собрались приглашенные гости. Здѣсь были:

полковники: Панютинъ, Лео, Мосцевой (герой Скобелевскаго редута № 2), баронъ Меллеръ-Закомельскій, поручикъ Юрьевъ, Узатисъ, я и другіе. Столъ былъ накрытъ въ той самой залѣ, гдѣ Россія подписала миръ съ Турціей.

Всѣ были въ самомъ прекрасномъ настроеніи и Скобелевъ веселѣе всѣхъ: онъ радовался, что всѣ его представленія прошли безъ измѣненій.

У каждаго изъ офицеровъ на груди красовался уже новый бѣленькій крестикъ, кромѣ меня и Узатиса.

Скобелевъ замѣтилъ это.

— Что же это вы, господа! Отчего до сихъ поръ не надѣли крестовъ? обратился онъ къ намъ.

— Не получили до сихъ поръ, ваше превосходительство, а купить здѣсь негдѣ, отвѣчалъ я.

— Ну такъ постойте, я дамъ вамъ свой! И, снявъ съ себя довольно старый Георгіевскій крестикъ, Скобелевъ надѣлъ его на меня.

Вся компанія усѣлась за столы и съ аппетитомъ занялась истребленіемъ вкусныхъ блюдъ, запивая ихъ прекраснымъ виномъ. По утоленіи голода завязалась оживленная бесѣда на тему, исключительно нашу, военную: вспоминали только-что пережитую кампанію, въ которой было такъ много лестнаго для нашего національнаго самолюбія, хотя, къ сожалѣнію, были и мрачныя стороны; велась самая живая бесѣда съ критическою оцѣнкой; высказывалась, не стѣсняясь, голая правда — наши ошибки, причины нашихъ временныхъ неудачъ и такъ далѣе... Но — конецъ вѣнчаетъ дѣло! «Побѣдителей не судятъ!» и въ этомъ афоризмѣ мы находили утѣшеніе въ тѣ скорбныя минуты, когда вспоминали нашихъ дорогихъ товарищей, геройски павшихъ на Зеленыхъ горахъ и у подножія Балканъ.

Скобелевъ тоже поддался общему настроенію и вспом-

нилъ, между прочимъ, старое золотое время—время своей боевой службы въ Туркестанскихъ степяхъ.

— Да, господа, сказалъ въ концѣ обѣда Михаилъ Дмитріевичъ, и умные глаза его, всегда веселые и полные юмора, еще болѣе оживились и заблистали.—Этотъ бѣлый крестикъ не легко достается нашему брату! Я нѣсколько разъ заслуживалъ его по статуту въ Хивинской экспедиціи, дѣлая самыя опасныя рекогносцировки за сотни верстъ и, переодѣваясь туземцемъ, добывая очень важныя свѣдѣнія, постоянно рискуя при этомъ своею шкурой... но Кауфманъ все не представлялъ меня ко кресту. Въ дѣлѣ подъ Махромомъ я былъ начальникомъ кавалеріи. Видя нерѣшительность противника, я рѣшилъ самъ его атаковать. Мѣстность была удобная, волнистая, и я приказалъ направиться въ обходъ на лѣвый флангъ непріятеля казачьему полку Головачева, а на правый флангъ послалъ тоже одинъ полкъ. Самъ же съ дивизіономъ остался на мѣстѣ. Когда, по моему разсчету, полки, посланные мною въ обходъ, должны были находиться уже на своихъ мѣстахъ, я повелъ наступленіе съ фронта. Азіаты держались стойко и не подавались. Но когда на позицію вынеслась наша ракетная батарея и, открывъ огонь, нѣсколькими удачными снарядами, разорвавшимися какъ разъ среди непріятельскихъ полчищъ, уложила десятокъ-другой всадниковъ — непріятель не выдержалъ и сталъ подаваться назадъ. Я воспользовался этимъ удобнымъ моментомъ и, выхвативъ шашку, бросился въ атаку съ своими молодцами. Мы врубились въ ряды халатниковъ и произвели на нихъ такую панику, что они верстъ пять маршъ-маршемъ безъ оглядки неслись отъ насъ по степи. Лошади наши начали уже приставать, люди тоже сильно уморились отъ этой бѣшеной скачки и сабельной работы, а между тѣмъ, я все не видѣлъ ни той, ни другой об-

ходныхъ колоннъ, которыхъ послалъ уже давно. Меня это сильно безпокоило. Разстояніе между нами и непріятелемъ стало понемногу увеличиваться и, наконецъ, я началъ замѣчать, какъ убѣгающіе всадники стали время отъ времени оглядываться на насъ и что-то между собою перекликаться... По опыту, господа, я зналъ, что это оглядываніе назадъ — плохой для насъ признакъ. Это значитъ, что азіаты соразмѣряютъ свои силы съ нашими, и если перевѣсъ на ихъ сторонѣ, то они, обыкновенно, по знаку быстро поворачиваются назадъ, и такъ же стремительно, какъ убѣгали, бросаются на встрѣчу врагу; а потому неудивительно, что я сильно былъ смущенъ, замѣтивъ эти частыя оглядки, видя наши слабыя силы и усталость коней (которые уступали въ силѣ и выносливости непріятельскимъ) и не видя своихъ обходныхъ колоннъ. Я приказалъ трубачу подать отбой и сборъ. Къ счастью, непріятель не рискнулъ броситься на насъ, хотя и значительно превышалъ въ силахъ... Направляясь обратно въ сомкнутомъ строю по полю сраженія, усѣянному трупами непріятеля, мы встрѣтили генерала Кауфмана, объѣзжавшаго войска. Я доложилъ генералу о нашемъ славномъ дѣлѣ, о полномъ пораженіи непріятеля; но онъ и тутъ не повѣрилъ мнѣ, а приказалъ казакамъ вынуть шашки, чтобы убѣдиться, въ крови-ли онѣ... Это недовѣріе меня глубоко оскорбило, хотя, конечно, я и вида не показалъ; но сотни непріятельскихъ труповъ, разбросанныхъ на протяженіи пяти верстъ, и выпачканные въ мусульманской крови острые казачьи клинки были наглядными доказательствами нашего молодецкаго подвига. Объѣхавъ фронтъ, осмотрѣвъ внимательно поле сраженія и убѣдившись, что я не лгу, Кауфманъ протянулъ мнѣ руку, крѣпко поцаловалъ меня и, снявъ съ себя Георгіевскій крестъ, надѣлъ его на мою грудь... Съ этихъ поръ Кауфманъ сталъ

относиться ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и мы сдѣлались съ нимъ друзьями...

— Вотъ этотъ крестъ, продолжалъ Скобелевъ, выпивъ стаканъ вина и показывая на мою грудь,—тотъ самый, который я получилъ отъ Кауфмана за это, незабвенное въ моей жизни, дѣло...

Взоры всѣхъ невольно обратились на меня; всѣ стали разсматривать этотъ бѣленькій крестикъ, украшавшій грудь двухъ знаменитыхъ русскихъ генераловъ—Кауфмана и Скобелева—и, благодаря капризному случаю, очутившійся теперь у меня. Крестъ былъ далеко не новый—эмаль на немъ уже сильно стерлась и мѣстами отстала *).

Долго послѣ того еще тянулась оживленная бесѣда. Много было выпито вина, много пережито въ воспоминаніяхъ хорошихъ минутъ, много говорено задушевныхъ, горячихъ тостовъ...

— Вотъ что, господа, обратился я, уже сильно захмѣлѣвъ и отуманенный этими горячими напитками, къ сидѣвшимъ близь меня товарищамъ.—Мало насъ—офицеровъ, простыхъ смертныхъ, украшенныхъ этимъ почетнымъ военнымъ орденомъ! А сколько, между тѣмъ, въ нашей арміи дѣйствительно есть храбрецовъ, героевъ, которые, по разнымъ причинамъ, не получили этого креста, хотя по всей справедливости и заслуживаютъ его вполнѣ... Выпьемъ, господа, за здоровье этихъ славныхъ русскихъ юнаковъ!..

Обѣдъ кончился довольно поздно...

Спустя дня два Скобелевъ хотѣлъ отобрать отъ меня этотъ крестикъ.

— Послушайте, Дукмасовъ, отдайте мнѣ назадъ мой

*) Крестъ этотъ авторъ никогда не снимаетъ со своей груди.

Прим. издателя.

крестъ. Онъ мнѣ дорогъ, какъ память о Кауфманѣ. Я его надѣлъ на васъ тогда такъ, сгоряча!..

— Нѣтъ, ваше превосходительство, что хотите со мною дѣлайте, отвѣчалъ я рѣшительно,—но креста обратно вамъ я не отдамъ. Для васъ онъ дорогъ какъ память о Кауфманѣ, а для меня—какъ память о васъ. Вы лучшій цѣнитель моихъ боевыхъ заслугъ и первый порадовали меня этою Царскою наградой; вы же сняли его со своей груди и надѣли на меня, сказавъ при этомъ, что дарите его мнѣ. А слдова вашего, ваше превосходительство, вы никогда, кажется, не измѣняли!.. Не отнимайте же у меня, Михаилъ Дмитріевичъ, этого крестика, заслуженнаго мною подъ вашею командой: онъ будетъ для меня лучшимъ воспоминаніемъ во всей моей будущей жизни!..

— Ну, Богъ съ вами! сказалъ Скобелевъ, пожимая мою руку.—Пусть будетъ вашъ; но только смотрите, Дукмасовъ--берегите его; достался онъ намъ—мнѣ и Кауфману—не даромъ: онъ стоилъ жизни многимъ лучшимъ русскимъ людямъ, хотя, правда, еще больше и непріятельскимъ... И, пожалуйста, не поправляйте его, пусть такъ и останется съ выкрошенною эмалью!..

Я далъ слово, что свято исполню его волю.

Приказомъ по дѣйствующей арміи Скобелевъ назначенъ былъ командующимъ 4-мъ корпусомъ, который онъ долженъ былъ принять отъ генерала Веревкина. Штабъ корпуса находился въ селеніи Св. Георгія, куда мы вскорѣ и переѣхали изъ Санъ-Стефано. Такимъ образомъ, мы находились на лѣвомъ флангѣ нашей арміи: съ правой стороны расположились казаки полковника Желтоножкина, съ лѣвой, въ д. Богаскіой и Арнауткіой - конно-гренадеры и лейбъ-драгуны до самаго Чернаго моря.

Скобелевъ немедленно выбралъ позиціи для каждой

части войскъ, впереди Св. Георгія, и вблизи нихъ расположились всѣ лагеремъ въ палаткахъ.

Самъ Скобелевъ со штабомъ тоже скоро перебрался изъ Св. Георгія въ лагерь, который находился впереди Дербента-Хана, передъ Райскою долиной, при узлѣ дорогъ изъ Константинополя въ разные пункты. Впереди стояла 30-я дивизія, за нею, уступомъ, 16-я.

Не смотря на мирный отдыхъ, Скобелевъ постоянно, вслѣдствіе своей живой, энергичной и дѣятельной натуры, находилъ себѣ работу и заботливо хлопоталъ о лучшемъ благосостояніи войскъ, о ихъ пищѣ, помѣщеніи, одеждѣ, о сохраненіи здоровья солдатъ.

Усердно хлопоталъ и о лучшемъ устройствѣ госпиталей, нѣсколько разъ объѣзжалъ ихъ самъ и постоянно гонялъ насъ за этимъ.

Такъ какъ войска за кампанію сильно обносились, то Скобелевъ приказалъ отправить отъ каждаго полка по одному офицеру въ Одессу для покупки сукна и другихъ матеріаловъ на постройку одежды.

Затѣмъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, приказалъ сдѣлать для всей 16-й дивизіи, вмѣсто крайне неудобныхъ кэпи—фуражки, которыя носили только войска гвардіи.

Солдатики были въ восторгѣ и говорили другимъ, что это главнокомандующій пожаловалъ имъ фуражки въ награду за ихъ молодецкую службу, за то, что они Скобелевскіе...

Вообще солдаты очень любили и боготворили своего корпуснаго командира за его постоянныя заботы о ихъ нуждахъ, за его ласку и веселый нравъ. И дѣйствительно, Скобелевъ почти никогда не пропускалъ безъ разспросовъ встрѣчавшагося ему на пути солдата своего отряда. Встрѣтивъ какого-нибудь солдатика и поздоровавшись съ нимъ, Скобелевъ вступалъ часто съ нимъ въ бесѣду, разспраши-

валъ его о томъ, что у нихъ дѣлается въ ротѣ, какъ ихъ кормятъ, не обижаютъ-ли; спроситъ его про семью, давно-ли получалъ письма съ родины и пр. И странно: въ то время, когда, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ у солдатика, что называется, душа уходитъ въ пятки и отъ него, кромѣ автоматичныхъ «никакъ нѣтъ» и «точно такъ», ничего не добьешься, со Скобелевымъ, напротивъ, солдатъ чувствовалъ себя совершенно свободно, легко; точно это не генералъ, не командиръ корпуса, а обыкновенный свой ротный и, притомъ, любимый офицеръ—скорѣе товарищъ, чѣмъ начальникъ солдата.

Встрѣчаться со Скобелевымъ солдатики не избѣгали, какъ обыкновенно бываетъ, а напротивъ, старались, испытывая при этомъ какое-то удовольствіе. Нужно было видѣть, когда какой-нибудь черниговскій карапузъ, завидя издали ѣдущаго на встрѣчу Скобелева и подбодрившись, становился ему во фронтъ; нужно было посмотрѣть, повторяю, на выраженіе лица этого солдатика—какое-то любовное, самодовольное, торжествующее... «Здорово, молодчина!» говорилъ обыкновенно Скобелевъ, хотя этотъ молодчина былъ не болѣе двухъ съ чѣмъ-то аршинъ росту, и вообще по фигурѣ своей совсѣмъ не походилъ на воина.— «Здравія желаю, ваше превосходительство!» кричалъ молодчина, да такимъ голосомъ, какъ бы желая этимъ сказать: «это ничего, что я такой махонькій, я постою и за большаго».

Неисправныхъ Скобелевъ обыкновенно журилъ отеческими наставленіями и бралъ слово, что въ другой разъ этого не будетъ.

— Какъ же тебѣ не стыдно, братецъ! Я отъ тебя этого не ожидалъ! Даешь слово, что этого въ другой разъ не будетъ?

— Такъ тошно, ваше превосходительство, даю! и по-

глазамъ его, сильно сконфуженнымъ и заморгавшимъ, видно было, что онъ, дѣйствительно, употребитъ всѣ усилія, чтобы исправиться, что это не одна казенная фраза...

Случалось, впрочемъ, что Скобелевъ ругался, и ругался шибко, совершенно по русски; какъ-то странно даже было слышать изъ устъ такого образованнаго, изящнаго и безукоризненно одѣтаго генерала, отъ котораго всегда, даже въ пылу самаго горячаго боя, несло лучшими англійскими духами (которые, вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ и трупнымъ смрадомъ, составляли какую-то странную смѣсь), странно было слышать эту площадную русскую брань. Правда, съ нимъ бывало это очень рѣдко и исключительно въ опасныя, тяжелыя минуты, преимущественно во время боя. Тамъ не до нотацій и отеческихъ наставленій —тамъ нужно энергичное, рѣшительное слово, и слово это (большею частью поминаніе родителей) обыкновенно достигало своей цѣли...

Въ мирное время замѣчательно гуманный, Скобелевъ въ военное дѣлался подчасъ просто звѣремъ и ничуть не стѣснялся сильными выраженіями.

Въ мирное время онъ любилъ, лелѣялъ солдата, отечески ухаживалъ за нимъ, но въ военное, вѣрнѣе, въ бою, онъ не жалѣлъ его и бросалъ, когда нужно, тысячи въ огонь... И солдаты шли и безропотно, покорно умирали, гибли тысячами, видя живой примѣръ Скобелева передъ своими глазами. Что дѣлать, таковъ ужь законъ войны: «гдѣ рубятъ, тамъ и щепки летятъ!». Если Скобелевъ остался живъ самъ, то это просто счастливое Провидѣніе, чудо!..

Но за то въ мирное время, подъ Санъ-Стефано, Скобелевъ чуть не плакалъ, когда солдаты его корпуса стали болѣть разными эпидемическими болѣзнями. Онъ, видимо, самъ болѣлъ душой, видя эти страданія порученныхъ его

заботамъ людей... Онъ дѣлался въ это время раздражительный, нервный, ругалъ докторовъ, хотя они несли свои обязанности выше всякихъ похвалъ.

Особенно любилъ Скобелевъ, кромѣ 16-й дивизіи, еще стрѣлковъ 3-й и 4-й бригадъ, которые провели съ нимъ самые трудные, критическіе моменты войны, — моменты, которые такъ сближаютъ людей самыхъ различныхъ положеній, состояній, характеровъ... Тамъ — передъ лицомъ смерти — всѣ равны, всѣ чувствуютъ инстинктивную потребность тѣснѣе сплотиться другъ къ другу и грудью стоять за общее, великое дѣло...

Кромѣ постоянныхъ заботъ о своихъ войскахъ — солдатахъ и офицерахъ—онъ помогалъ имъ нерѣдко и матеріально изъ собственнаго кармана. Впрочемъ, это Скобелевъ позволялъ себѣ дѣлать потому, что былъ слишкомъ богатъ. Не будь у него этихъ сотень тысячъ, онъ, вѣроятно, былъ бы гораздо разсчетливѣе, экономнѣе.

Жилось въ лагерѣ гораздо веселѣе и, главное, здоровѣе. Прелестный воздухъ, роскошная растительность и чудный видъ окрестностей — все это было такъ хорошо, что, казалось, остался бы здѣсь навсегда.

Кромѣ того, здѣсь мнѣ жилось куда спокойнѣе.

Въ Санъ-Стефано у меня выходили постоянныя исторіи съ полиціей. Натура у меня чисто русская, широкая! Умѣренность, аккуратность и благоразуміе — для меня та же китайская грамота. Не могу ничего дѣлать на половину, по нѣмецки! Воевать—такъ воевать, кутить—такъ кутить!

Ну, напьешься съ боевыми пріятелями въ какомъ-нибудь кафе-шантанѣ, и перейдешь границу приличій! (Трезвый я никогда ни въ чемъ не попадался). А тутъ еще эти француженки, подлыя, проходу не даютъ:

— Cher cosaque, mon ami! Donnez-moi seulement un napoléon!

Ну, взорветъ, понятно, такое нахальство, выругаешься какъ-нибудь нечаянно трехъ-этажнымъ словомъ, а представитель полицейской власти тутъ какъ тутъ. Запишетъ мою фамилію (а меня тамъ всѣ знали!) и коменданту (генералу Штейну) сейчасъ и доложитъ. А Штейнъ — Скобелеву, а Скобелевъ — мнѣ нахлобучку! Хотя часто Михаилъ Дмитріевичъ мнѣ многое прощалъ, а нерѣдко даже и потѣшался моими проказами.

— Послушайте, вы, азіатъ, сказалъ мнѣ разъ Скобелевъ за обѣдомъ, — если вы будете еще такъ вести себя, я прикажу посадить васъ въ клѣтку и отправлю на Донъ!

— Пожалуйста, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, выпивая стаканъ краснаго вина, — я давно уже соскучился о своей станицѣ. Очень вамъ буду благодаренъ!

Здѣсь же, на позиціи, полиціи не было и намъ жилось гораздо привольнѣе. Иногда компаніями мы, офицерство, ѣздили въ Константинополь спеціально покутить. Возвращались оттуда, обыкновенно, усталые, довольные и всегда съ пустыми кошельками.

Постоянныя лагерныя хлопоты и заботы естественно утомляли Скобелева и иногда, въ часы досуга, въ видахъ развлеченія, онъ устраивалъ поѣздки въ Константинополь, Буюкъ-Дере и окрестности; чтобы лучше ознакомиться съ мѣстностью, поѣздки эти Михаилъ Дмитріевичъ совершалъ, обыкновенно, верхомъ.

Разъ какъ-то мы отправились верхами въ Буюкъ-Дере, гдѣ Скобелевъ имѣлъ дѣло въ нашемъ посольствѣ.

Сопровождали его, кромѣ меня, еще Марковъ, Лисовскій и четыре казака. Послѣ легкаго завтрака, верхами направились мы кратчайшимъ путемъ, черезъ Пиргосъ, въ Буюкъ-Дере. Предстояло сдѣлать около 50-ти верстъ. День былъ жаркій, лошади наши тяжело дышали; почти все время мы ѣхали шагомъ.

Дорога была довольно хорошая и очень часто встрѣчались прекрасные фонтаны, въ которыхъ мы утоляли жажду.

Около пяти часовъ вечера мы выѣхали на шоссе, которое вело въ Буюкъ-Дере изъ Константинополя и устроено было въ 1840 г. султаномъ Абдулъ-Азисомъ для французской императрицы Евгеніи, гостившей въ Буюкъ-Дере... Сплошные сады южныхъ фруктовыхъ деревьевъ съ ихъ чуднымъ ароматомъ тянулись по обѣ стороны дороги и придавали этому уголку какой-то райскій оттѣнокъ.

Наконецъ, часовъ въ шесть вечера, мы въѣхали въ Буюкъ-Дере — довольно хорошенькій, хотя и небольшой городокъ. Остановились всѣ въ лучшей французской гостинницѣ.

Хозяйка гостинницы, очень веселая, бойкая и хорошенькая француженка, очаровала насъ своею любезностью, разговорчивостью и пикантностью.

— Да она преинтересная! сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ, который былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. — Вы пригласите ее съ нами обѣдать, прибавилъ онъ, обратившись къ Лисовскому.

Предложеніе Скобелева, переданное Лисовскимъ, француженка приняла съ восторгомъ.

— Avec grand plaisir, monsieur! щебетала она. — M-r le général Scobelew—c'est à dire, blanc général—n'est ce pas? C'est le héros de la guerre!.. засыпала она вопросами Лисовскаго.

Умывшись и приведя нѣсколько въ порядокъ свои туалеты, мы собрались въ залѣ, уставленной изящною мебелью и со вкусомъ убранной цвѣтами. По стѣнамъ висѣли портреты французскихъ императоровъ и маршаловъ и нѣсколько военно-историческихъ картинъ изъ пе-

ріода славныхъ войнъ французской имперіи. Здѣсь же, между прочимъ, рельефно выдѣлялся въ большой золотой рамѣ портретъ нашего Государя, что, конечно, пріятно удивило всѣхъ насъ.

Михаилъ Дмитріевичъ вскорѣ вышелъ въ залу въ чистомъ кителѣ, раздушенный, сіяющій и любезно предложилъ руку красивой женщинѣ. Мы отправились въ сосѣдній хорошенькій кабинетъ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ на пять кувертовъ, освѣщенный дорогими канделябрами.

Скобелевъ усадилъ рядомъ съ собой пикантную француженку и самымъ усерднымъ образомъ началъ за нею ухаживать; послѣдняя, въ свою очередь, немилосердно кокетничала съ нимъ.

Обѣдъ проходилъ очень весело, оживленно.

За вторымъ блюдомъ Михаилу Дмитріевичу пришла вдругъ въ голову какая-то мысль. Онъ подозвалъ къ себѣ Маркова и что-то шепнулъ ему на ухо. Тотъ улыбнулся, кивнулъ головой и куда-то вышелъ.

Скобелевъ, между тѣмъ, завязалъ съ хозяйкой разговоръ о Россіи, о ея обитателяхъ, о казакахъ... Француженка съ интересомъ слушала его.

— А вотъ, посмотрите на этого господина, сказалъ, между прочимъ, Михаилъ Дмитріевичъ, указывая на меня.—Вы знаете, кто это такой?.. Это казакъ, изъ самой дикой страны въ Россіи.

— Cosaque! произнесла француженка и съ любопытствомъ уставилась на меня.

— Да, казакъ, продолжалъ совершенно серьезно Михаилъ Дмитріевичъ въ то время, когда товарищи мои кусали себѣ губы, чтобы не расхохотаться, — это совершенный дикарь, кровожадный звѣрь. Вы не смотрите, что

онъ въ такомъ костюмѣ... Онъ ѣстъ человѣческое мясо и сальныя свѣчи!..

Француженка сразу сдѣлалась серьезна и еще съ большимъ удивленіемъ стала разсматривать меня; посмотрѣла внимательно на мои руки, на мои зубы, на глаза, и видимо стала въ тупикъ.

— Какъ же это онъ на видъ такой милый и совсѣмъ не похожъ на кровожаднаго дикаря? сказала она тихо Скобелеву послѣ внимательнаго осмотра всей моей фигуры.

— Отшлифовался немного, мы его приручили, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами, а я въ это время усердно терзалъ цыпленка, прямо руками, безъ помощи ножа и вилки. — Да вотъ вы увидите, прибавилъ генералъ, — съ какимъ аппетитомъ онъ будетъ ѣсть, вмѣсто десерта, сальныя свѣчи. Послушайте, Марковъ, продолжалъ онъ громко по французски,—распорядитесь-ка, пожалуйста, чтобы вотъ ему, вмѣсто десерта, подали сальныя свѣчи.

Марковъ, засмѣявшись, снова вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошли два лакея съ десертомъ. Одинъ изъ нихъ сталъ обносить присутствовавшихъ, а другой—подошелъ ко мнѣ и поставилъ передо мной на столъ глубокую тарелку, накрытую салфеткой. Я спокойно снялъ салфетку—на тарелкѣ лежало нѣсколько сальныхъ свѣчей.

— Mon Dieu, qu'est ce que c'est que ça? испуганно воскликнула француженка, широко открывъ глаза и уставившись въ мою тарелку.

— Это—сальныя свѣчи—любимое блюдо казаковъ! пресерьезно отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Товарищи мои не выдержали до конца своей роли и буквально хватились за животики отъ смѣха.

Я же, совершенно хладнокровно и слегка улыбаясь, взялъ одну изъ этихъ свѣчъ и, откусивъ половину, вмѣ-

стѣ съ фитилемъ, съ аппетитомъ сталъ ее ѣсть (съ аппетитомъ потому, что свѣчи эти, заранѣе заказанныя Марковымъ, были сдѣланы изъ сахара и сливокъ и при этомъ такъ искусно, что трудно было отличить ихъ отъ настоящихъ).

Француженка чуть въ обморокъ не упала, видя мою прожорливость.

— Mon Dieu, mon Dieu, que fait-il? кричала она, закрывая себѣ глаза и дѣлая такія гримасы, точно ее заставили проглотить стаканъ кастороваго масла.

Въ концѣ-концовъ, Скобелевъ объяснилъ красавицѣ свою шутку и она долго заливалась звонкимъ смѣхомъ, причемъ всѣ мы, конечно, усердно вторили ей.

— А вѣдь я повѣрила, честное слово, повѣрила! щебетала она между смѣхомъ.—Мнѣ мать еще въ дѣтствѣ разсказывала про вашихъ казаковъ самыя ужасныя, невѣроятныя вещи!

Обѣдъ окончился поздно, и мы, наѣвшись и насмѣявшись до упаду, довольные разошлись около часу ночи по своимъ комнатамъ.

На другой день мы вернулись въ Св. Георгій.

Спустя нѣсколько дней Скобелевъ поѣхалъ верхомъ въ Константинополь. Я, въ качествѣ дежурнаго ординарца, сопровождалъ его.

Съ нами было еще три казака.

Рано выѣхали мы изъ лагеря и направились къ юго-востоку въ Константинополь. По дорогѣ Скобелеву вздумалось заѣхать къ Беккеру-пашѣ, который командовалъ турецкою дивизіей, расположенной на позиціи противъ нашихъ стрѣлковъ Императорской фамиліи.

Беккеръ-паша принялъ насъ очень любезно и сейчасъ же усадилъ за завтракъ. Это былъ англичанинъ лѣтъ со-

рока, довольно высокаго роста, съ рыженькою бородкой, съ выразительною, энергичною физіономіей.

Паша и Скобелевъ о чемъ-то разговаривали очень оживленно, но, къ сожалѣнію, я ничего не могъ понять изъ ихъ бесѣды, такъ какъ происходила она на англійскомъ языкѣ, котораго я совершенно не знаю.

Положеніе мое было довольно глупое: сидѣть, молчать и опоражнивать одинъ за другимъ стаканы прекраснаго краснаго вина, которое Беккеръ-паша очень любезно то и дѣло подливалъ мнѣ. Я не заставлялъ себя упрашивать и не обижалъ гостепріимнаго хозяина.

Между прочимъ, въ серединѣ разговора, я услышалъ свою фамилію, произнесенную Скобелевымъ. Очевидно, рѣчь шла обо мнѣ. Паша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и на мои ордена, а Скобелевъ засмѣялся.

У Беккера-паши мы пробыли около двухъ съ половиной часовъ. Наконецъ, распростившись съ недавнимъ любезнымъ врагомъ, мы снова усѣлись на коней и продолжали нашъ путь къ Константинополю.

Скобелеву опять пришла фантазія ѣхать не по дорогѣ, а напрямикъ, полемъ.

— Ваше превосходительство, обратился я къ генералу,—вѣдь такъ мы заѣдемъ еще куда-нибудь!.. Лучше по дорогѣ ѣхать!

— Нѣтъ, поѣдемъ прямо—вотъ мимо того турецкаго лагеря. И давъ коню шпоры, онъ пустилъ его галопомъ.

Вскорѣ мы подъѣхали къ задней линіи лагеря, какъ разъ къ турецкимъ кухнямъ, гдѣ солдаты въ это время разбирали обѣдъ по манеркамъ.

Увидѣвъ скачущихъ всадниковъ, они съ удивленіемъ, оставивъ свое дѣло, уставились глазами на насъ. Нѣкоторые изъ нихъ вытянулись и отдали честь, другіе же про-

сто разинули рты и, разставивъ ноги, тупо смотрѣли на «гяуровъ».

Подъѣхавъ къ кухнямъ, Скобелевъ, не торопясь, слѣзъ съ коня и направился къ котламъ. Картина была презабавная—турки просто ошалѣли... Скобелевъ же, ничуть не стѣсняясь, взялъ ложку изъ рукъ ближайшаго низама, сильно смущеннаго этимъ, и, опустивъ ее въ котелъ, вытащилъ оттуда какую-то похлебку, подулъ на нее и сталъ пробовать. Въ это время одинъ изъ турецкихъ солдатъ (вѣроятно, фельдфебель) бросился со всѣхъ ногъ къ зеленой палаткѣ, гдѣ находились офицеры.

— Попробуйте, обратился ко мнѣ, между тѣмъ, Скобелевъ, подавая ложку,—какою мерзостью ихъ кормятъ; наши не стали бы ѣсть этой бурды... А между тѣмъ, какой все здоровый народъ!..

Я взялъ ложку и попробовалъ. Оказалась какая-то похлебка съ бараниной—гадость страшная.

— У насъ, ваше превосходительство, на Дону, замѣтилъ я громко, — такою бурдой охотники собакъ своихъ кормятъ!

— Ну вы—тише, улыбнулся генералъ,—можетъ быть, тутъ между ними кто-нибудь понимаетъ еще по русски!

Въ это время мы замѣтили, что изъ зеленой палатки по направленію къ намъ бѣжало нѣсколько турецкихъ офицеровъ.

Усѣвшись на коня, Скобелевъ поѣхалъ имъ на встрѣчу и обратился къ нимъ съ привѣтствіемъ на французскомъ языкѣ.

Офицеры поклонились, но молчали; очевидно, никто изъ нихъ по французски не понималъ. Одинъ молодой офицеръ побѣжалъ къ ближайшей красивой палаткѣ, изъ которой вскорѣ вышелъ довольно пожилой, представитель-

ный человѣкъ въ желтой курткѣ, вышитой на рукавахъ и съ галунными наплечиками.

— Паша, паша! обратились офицеры къ Скобелеву, указывая на вышедшаго человѣка.

Скобелевъ подъѣхалъ къ пашѣ, взялъ подъ козырекъ и назвалъ свою фамилію. Паша очень радушно пожалъ протянутую ему руку и они бесѣдовали о чемъ-то минутъ десять. Я въ это время молча разсматривалъ турецкихъ офицеровъ, которые, въ свою очередь, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, перекидываясь между собою замѣчаніями.

— А гдѣ здѣсь ближайшая дорога въ Константинополь? обратился Скобелевъ къ пашѣ, раскланиваясь.

— Вамъ придется ѣхать назадъ! отвѣчалъ паша.

— А по этой тропинкѣ развѣ нельзя проѣхать? продолжалъ генералъ, указывая на дорожку, которая вела черезъ громадный крутой спускъ и по которой вдали съ Райской долины поднимались турецкіе солдаты. — Я думалъ, что здѣсь можно проѣхать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ паша, улыбаясь,—здѣсь съ трудомъ проходятъ пѣшіе, а верхомъ немыслимо пробраться!

— Пустяки, отвѣчалъ Скобелевъ, — попробуемъ! и раскланявшись еще разъ съ пашей и офицерами, которые что-то загалдѣли въ это время, онъ рысью направился къ обрыву.

— Поѣзжайте впередъ, обратился онъ ко мнѣ;—докажемъ имъ, что тутъ можно проѣхать—чепуху они городятъ...

Подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ тропинка падала внизъ, я увидѣлъ страшный спускъ, крутой, мѣстами почти обрывистый, по которому тонкою лентой извивалась тропинка пѣшеходовъ. Ширина ея была не болѣе аршина.

— Ваше превосходительство, обратился я къ Скобе-

леву, останавливая коня и опасаясь не столько за себя, сколько за него.—Не лучше-ли намъ вернуться? Вѣдь здѣсь дѣйствительно проѣхать мудрено!

— Ну, поѣзжайте! сердито крикнулъ Скобелевъ.—Чего вы торгуетесь—еще казакъ! Я далъ слово, что проѣду и сдержу его...

Оглянувшись передъ спускомъ назадъ, я увидѣлъ, что турецкіе офицеры и солдаты бѣжали за нами изъ лагеря, чтобы посмотрѣть, какъ это мы будемъ спускаться и ломать себѣ шею.

Мы осторожно стали спускаться. Я ѣхалъ впереди, за мной Скобелевъ, далѣе три казака. Тропинка была настолько узка, что лошадь еле-еле могла проходить. Съ лѣвой стороны былъ крутой подъемъ, съ правой — почти отвѣсный обрывъ саженъ въ 50 глубины; при этомъ уголъ подъема былъ не менѣе 30—40°. Лѣвую ногу я освободилъ изъ стремени, чтобы не цѣпляться за каменную стѣну, правая — висѣла надъ бездной. Малѣйшій неосторожный шагъ лошади—и мы очутились бы на днѣ пропасти... «Вотъ чудакъ», думалъ я про Скобелева, «вышелъ чудомъ цѣлъ изъ войны, а тутъ, ни съ того, ни съ сего, рискуетъ вдругъ жизнью, чтобы порисоваться передъ этими турками...» На половинѣ спуска, на одномъ изъ поворотовъ, мы встрѣтили трехъ турецкихъ солдатъ, поднимавшихся на встрѣчу намъ. Они окончательно ошалѣли, увидѣвъ въ такомъ мѣстѣ всадниковъ, да еще при этомъ русскихъ, и въ нерѣшительности остановились.

Разминуться было немыслимо, и я махнулъ имъ рукой, чтобы они повернули назадъ. Турки, понявъ меня, быстро стали спускаться внизъ.

На небольшой площадкѣ, аршина въ три, они остановились и прижались къ стѣнѣ, чтобы мы не могли ихъ зацѣпить. Мы давно проѣхали уже мимо нихъ, а они все

еще стояли, удивленные и пораженные нашимъ появленіемъ, нашею смѣлостью.

Наконецъ, мы благополучно спустились въ Райскую долину, переѣхали въ бродъ черезъ маленькую рѣчку Алябей-Су и выбрались на дорогу. Я вздохнулъ свободнѣе и взглянулъ на генерала. Онъ, казалось, тоже былъ очень доволенъ благополучнымъ исходомъ опаснаго переѣзда и, улыбнувшись, пустилъ растяжнымъ галопомъ своего красиваго бѣлаго жеребца «Шейново».

— Вотъ видите, я говорилъ, что переѣдемъ! сказалъ онъ.

Оглянувшись назадъ, я замѣтилъ, что нѣсколько десятковъ турокъ все еще стояли наверху и смотрѣли на насъ.

— А турки все на насъ поглядываютъ! обратился я къ Скобелеву.

— Пускай смотрятъ!.. Я очень доволенъ, что мы такъ удачно перебрались. Дѣйствительно, опасно было!.. А вы, все-таки, баба, а не кавалеристъ! прибавилъ онъ.

— Да, баба, отвѣчалъ я обиженно,—а что бы вы сказали этой бабѣ, еслибъ тропинка такъ съузилась, что дальше немыслимо было бы ѣхать—ни впередъ, ни назадъ!.. Пришлось бы мнѣ слѣзать впередъ, черезъ голову лошади, а заднему казаку черезъ хвостъ. А вы такъ бы и остались!..

— Чепуху вы все городите! отвѣчалъ генералъ и пустилъ вдругъ коня маршъ-маршемъ.

Я еле поспѣвалъ за нимъ, а казаки далеко отстали отъ насъ. Проскакавъ съ версту, онъ снова поѣхалъ шагомъ.

— Ваше превосходительство, обратился я къ Скобелеву,—что это вы говорили съ Беккеромъ-пашей обо мнѣ. Я слышалъ свою фамилію?

— Онъ спрашивалъ меня, отвѣчалъ пресерьезно Скобелевъ,—гдѣ я взялъ такую обезьяну, какъ вы...

— Не всѣмъ же быть такимъ красавцемъ, какъ вы! замѣтилъ я.

Скобелевъ засмѣялся и прибавилъ:

— Онъ былъ очень удивленъ вашими многочисленными орденами и разспрашивалъ про ваши подвиги. Узнавши же, что вы казакъ, еще болѣе удивился и сознался, что онъ воображалъ себѣ казаковъ совсѣмъ другими, болѣе страшными.

— Почему же это я не похожъ на казака? На кого же я похожъ?

— Да на обезьяну, я же вамъ сказалъ! снова засмѣялся Михаилъ Дмитріевичъ.

Скобелевъ нерѣдко, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, подшучивалъ надъ нами, ординарцами, и мы ничуть не обижались на него за это. Дѣлалъ онъ это совершенно добродушно и не какъ начальникъ, а скорѣе, какъ товарищъ. Иногда мы подтрунивали надъ нимъ и онъ ничуть не былъ за это въ претензіи.

Но вернемся къ разсказу. Скоро мы доѣхали до Золотаго Рога и оставили лошадей съ казаками въ ближайшей гостинницѣ; сами же усѣлись въ маленькій каикъ; сильные гребцы живо перевезли насъ на противоположный берегъ Золотаго Рога, въ Галату, откуда, черезъ туннель, мы доѣхали въ «Hôtel d'Angleterre».

Скобелевъ отправился въ посольство, а я бродилъ по городу. Вечеромъ, вмѣстѣ со Скобелевымъ, ходили въ англійскій магазинъ и покупали разныя бездѣлушки.

Вечеръ провели очень весело вмѣстѣ...

На другой день, часа въ два, мы уѣхали обратно въ лагерь.

ГЛАВА III.

Спустя недѣлю послѣ описаннаго путешествія, Скобелевъ поѣхалъ въ Буюкъ-Дере съ ординарцемъ своимъ, поручикомъ Марковымъ, а на другой день я и капитанъ Мельницкій отправились туда же къ нему съ бумагами.

Исполнивъ, что нужно было, мы хотѣли направиться бродить по городу, но Скобелевъ измѣнилъ наши планы.

— Вотъ что, господа: вы, Мельницкій, останетесь у меня, а вы, Дукмасовъ, поѣзжайте сейчасъ въ Св. Георгій и привезите въ Буюкъ-Дере музыкантовъ Казанскаго пѣхотнаго полка. Главнокомандующій разрѣшилъ, султанъ тоже. Поѣзжайте и поскорѣе, пожалуйста.

Я отправился на вокзалъ и взялъ въ кассѣ билетъ до станціи Беюкъ-Калкалы, откуда на лошадяхъ добрался до Св. Георгія. Здѣсь, явившись къ командиру полка, полковнику Лео, я передалъ приказаніе Скобелева и просилъ отправить полный хоръ музыкантовъ на подводахъ на желѣзно-дорожную станцію. Затѣмъ, побывавъ у начальника штаба, капитана Сахарова, и получивъ отъ него деньги на перевозку и прокормленіе 54-хъ человѣкъ музыкантовъ, я обратно поѣхалъ на станцію, гдѣ уже были музыканты, и усадилъ ихъ въ вагоны; инструменты были уложены отдѣльно.

Поѣздъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ только до Санъ-Стефано и чтобы отправиться дальше, въ Константинополь и Буюкъ-Дере, надо было ждать слѣдующаго поѣзда, утренняго. Кромѣ того, пришлось бы маршировать съ командой отъ вокзала по улицамъ Константинополя до пароходной пристани, чего мы не имѣли права дѣлать.

Поэтому, по пріѣздѣ въ Санъ-Стефано, мы вышли изъ вагоновъ и направились пѣшкомъ къ пристани. Пароходъ въ

Константинополь почему-то запоздалъ съ отходомъ и мы успѣли еще усѣсться на него.

Когда, послѣ рѣзкаго свистка, пароходъ сталъ отчаливать отъ пристани, я попросилъ капельмейстера сыграть маршъ, и скоро на зеркальной поверхности чуднаго Мраморнаго моря раздались громкіе звуки прекрасной русской музыки.

Масса гвардейскихъ солдатъ спѣшила къ берегу, недоумѣвая, что на турецкомъ пароходѣ, отходящемъ въ Константинополь, помѣстился оркестръ нашей музыки. Никому, конечно, не было извѣстно, что дѣлается это съ разрѣшенія главнокомандующаго и султана.

Вслѣдъ за маршемъ я попросилъ музыкантовъ сыграть «Боже, Царя храни», и стройные, мелодичные звуки нашего національнаго гимна еще громче понеслись, покатились съ быстро-двигавшагося турецкаго парохода... А удивленная толпа все еще стояла на берегу и радостно прислушивалась къ дорогимъ и роднымъ звукамъ, хватающимъ за душу каждаго русскаго, особенно на далекой чужбинѣ, вдали отъ близкихъ людей...

Бывшіе на пароходѣ турки видимо морщились, но я не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. «Горе побѣжденнымъ» («Vae victum!»)

По пути къ Константинополю пароходъ три раза останавливался у какихъ-то станцій и музыка во время этихъ остановокъ безъ умолку играла разные марши, собирая къ берегу цѣлыя разношерстныя толпы народа, въ пестрыхъ восточныхъ костюмахъ.

Въ Константинополь мы опоздали пріѣхать своевременно и было уже около девяти часовъ вечера, когда пароходъ нашъ бросилъ якорь возлѣ деревяннаго моста черезъ Золотой Рогъ.

Я очутился въ очень затруднительномъ положеніи: вы-

садить команду на берегъ я не имѣлъ права, оставаться же на пароходѣ тоже не могъ, такъ какъ грекъ-капитанъ, ссылаясь на морскіе порядки, категорически объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ держать на пароходѣ пассажировъ, рискуя, въ противномъ случаѣ, подвергнуться большому штрафу.

Около того мѣста, гдѣ остановился пароходъ, находились турецкіе кварталы и лавки и никакой гостинницы по близости не было. Приходилось выбирать одно изъ двухъ: или маршировать съ командой версты двѣ въ Галату и подвергать этимъ себя разнымъ непріятностямъ, которыя могли явиться со стороны фанатическаго населенія этой части города, или же—не обращая вниманія на предложеніе капитана убираться скорѣе съ парохода—расположиться преспокойно на палубѣ ночевать.

Сначала я началъ вѣжливо просить капитана разрѣшить намъ переночевать на пароходѣ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что мы не имѣемъ права сойти на берегъ.

— Вѣдь вы же сами виноваты, продолжалъ я убѣждать капитана,—пароходъ вашъ опоздалъ на цѣлый часъ и мы не могли, поэтому, двинуться далѣе. Оштрафовать васъ, все равно, не могутъ, потому что самъ султанъ, вѣдь, разрѣшилъ провезти нашихъ людей. Пожалуйста, капитанъ, прикажите открыть буфетъ, чтобы солдаты могли закусить и напиться чаю. За все я заплачу...

Но упрямый капитанъ-грекосъ, не смотря на мою вѣжливую просьбу, сталъ кричать на меня и угрожать турецкою полиціей.

— Мнѣ рѣшительно все равно, размахивая руками, говорилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ,—гдѣ бы вы ни ночевали—на мосту или на улицѣ, а на пароходѣ я вамъ не позволю оставаться—я позову полицію... Буфетчика же я уже давно отпустилъ и вы ничего не получите!

Возмущенный подобнымъ нахальствомъ грекоса, я прикрикнулъ на него и рѣшилъ дѣйствовать безъ церемоній, на правахъ побѣдителя.

— Послушайте, братцы, обратился я къ солдатамъ,— сложите здѣсь инструменты и располагайтесь тутъ же, на палубѣ, на ночлегъ. На мостъ не смѣть сходить ни въ какомъ случаѣ... Фельдфебель! Назначь сейчасъ часоваго и смотри, чтобы все было въ порядкѣ... Будешь отвѣчать за малѣйшее упущеніе!

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ молодчина.

— Буфетъ я прикажу открыть и можете закусить и напиться чаю.

Я направился за удалившимся капитаномъ и объявилъ ему о своемъ рѣшеніи. Онъ и слушать не хотѣлъ и по прежнему началъ угрожать полиціей. Меня это окончательно взорвало.

— Ну такъ вотъ что, чортъ бы васъ побралъ! заоралъ я на него,—рѣшенія своего я не измѣню ни въ какомъ случаѣ. Если же вы не откроете намъ буфетъ, то я прикажу своимъ солдатамъ разнести его въ дребезги и за это ни копѣйки не заплачу... Даю вамъ слово, что я не шучу! Пять минутъ вамъ сроку!.. и, повернувшись кругомъ, я отошелъ.

Капитанъ струхнулъ не на шутку. Куда дѣвалась его заносчивость, высокомѣріе. Онъ сдѣлался вдругъ какимъ-то жалкимъ, запуганнымъ.

— Послушайте, господинъ офицеръ, догналъ онъ меня.— Вы войдите въ мое положеніе; вѣдь, я могу лишиться мѣста, меня могутъ сильно оштрафовать. Вы не знаете нашихъ порядковъ!

— Ну нечего, отвѣчалъ я спокойно, видя его такимъ жалкимъ,—даю вамъ честное слово, что ничего не будетъ!

За все отвѣчаю я. Вы скорѣе выиграете, чѣмъ проиграете!

Волей-неволей капитанъ сдался.

Буфетъ былъ открытъ, въ чайникахъ появился кипятокъ, нашлась и водка, хлѣбъ и разная закуска.

Пригласивъ съ собою капельмейстера, мы отправились по направленію къ «Hôtel d'Angleterre» (поручивъ фельдфебелю смотрѣть за порядкомъ). Подойдя къ туннелю (въ Галатѣ), мы нашли его уже закрытымъ.

— Да что мы будемъ дѣлать въ гостинницѣ? обратился я къ капельмейстеру.—Поѣдемъ въ какой-нибудь кафе-шантанчикъ?

— Пожалуй, согласился тотъ.

Возлѣ туннеля стоялъ извозчикъ-фіакръ. Мы усѣлись на него и скоро доѣхали до кафе-шантана.

Здѣсь было уже нѣсколько русскихъ офицеровъ, сидѣвшихъ за столикомъ, украшеннымъ бутылками. Сейчасъ нашлись знакомые: ординарецъ Скобелева, поручикъ Марковъ, и морякъ, мичманъ Моренщильдъ. Мы, конечно, пристроились къ нимъ.

— Ты чего здѣсь? спросилъ я Маркова.—Развѣ Скобелевъ въ Константинополѣ?

— Нѣтъ, въ Буюкъ-Дере. Я пріѣхалъ купить ему коляску.

Я разсказалъ, въ свою очередь, о своей миссіи, о перевозѣ музыкантовъ и о столкновеніи на пароходѣ съ капитаномъ-грекомъ.

— Послушайте! перебилъ меня Моренщильдъ, выслушавъ мой разсказъ.—Я могу васъ выручить изъ затруднительнаго положенія. Наше судно «Тамань» находится въ распоряженіи посольства и пришло сюда запастись углемъ. Я сейчасъ переговорю съ капитаномъ «Тамани» и, можетъ быть, мы поможемъ вамъ!

— Сдѣлайте одолженіе, голубчикъ! обрадовался я.

Моренпшльдъ ушелъ и минутъ черезъ десять снова вернулся.

— Все прекрасно устроено, сказалъ онъ, подходя къ намъ.—Капитанъ согласенъ и очень желаетъ съ вами познакомиться.

Я всталъ и направился съ Моренпшльдомъ и Марковымъ къ отдаленному столику, за которымъ сидѣли два морскихъ офицера, въ русскихъ мундирахъ при кортикахъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ подъ 50, въ полковничьихъ погонахъ, съ чисто русскимъ, добродушнымъ лицомъ, другой -значительно моложе, съ тремя звѣздочками...

Первый былъ капитанъ 1-го ранга Тимирязевъ, командиръ «Тамани», второй—лейтенантъ Елагинъ.

Мы представились другъ другу и Тимирязевъ очень любезно предложилъ намъ свои услуги.

— Да сдѣлайте одолженіе, господа, сказалъ Тимирязевъ, когда рѣчь зашла о нашемъ помѣщеніи на пароходѣ.— Вы располагайтесь хоть сейчасъ въ посольскихъ каютахъ -онѣ, все равно, никѣмъ не заняты. Относительно же вашихъ музыкантовъ не безпокойтесь: вы будете еще спать, какъ мои матросы перевезутъ ихъ на лодкахъ на «Тамань». Пароходъ нашъ нагрузится, вѣроятно, не ранѣе, какъ въ часъ дня, а снимется съ якоря около половины втораго. Мы устроимъ вамъ приличный завтракъ, а вы насъ за это потѣшите музыкой. Идетъ, что-ли?

Я, конечно, отъ души поблагодарилъ гостепріимнаго и милаго моряка за его любезность.

— Ну, а пока—до завтрака, вѣдь, еще далеко—нужно раздавить бутылочку другую...

И завязалась оживленная, дружеская бесѣда. Каждый дѣлился воспоминаніями и впечатлѣніями только-что пережитой, тяжелой кампаніи. .

Мало-по-малу офицерство пріѣзжало въ кафе-шантанъ, и такъ какъ интереснаго здѣсь было мало, то мы рѣшили отправиться въ ближайшій театръ-буффъ, хотя было уже довольно поздно. Насъ составилась знакомая компанія, человѣкъ въ пятнадцать, и мы взяли подъ рядъ нѣсколько ложъ.

Театръ былъ лѣтній, паршивенькій. Ложи въ одинъ только ярусъ; въ партерѣ же стояли столики, за которыми публика группировалась компаніями и не столько интересовалась игрой на сценѣ, сколько расположенными на столахъ батареями бутылокъ.

Здѣсь, въ театрѣ, случился маленькій эпизодикъ, въ которомъ я сыгралъ довольно комичную роль. Въ залѣ я встрѣтилъ своего хорошаго знакомаго (флигель-адъютанта поручика Дерфельдена), только-что пріѣхавщаго изъ Питера.

Мы расположились у одного изъ столиковъ, потребовали вина и разговорились про общихъ знакомыхъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на какую-то пухленькую пѣвицу (Фанни), всѣми силами старавшуюся прельстить насъ своимъ визгливымъ голосомъ.

Товарищи мои, не видя меня въ ложѣ, принялись отыскивать меня, глазами, въ общей залѣ и замѣтили какъ разъ въ то время, когда пѣвица окончила свое пѣніе. Нѣсколько голосовъ изъ ложъ крикнуло мою фамилію, приглашая къ себѣ и хлопая при этомъ руками. Нѣкоторые изъ публики, предполагая, что вызываютъ пѣвицу, присоединились къ апплодисментамъ...

Занавѣсъ быстро взвился и на сценѣ появилась сіяющая пѣвица, очень мило раскланиваясь съ нами. Но офицерство, находившееся уже подъ сильнымъ вліяніемъ выпитаго вина, немедленно ее освистало—и сконфуженная дѣвица стушевалась. Эта комедія продолжалась два раза.

Чтобы избавить Фанни отъ такихъ овацій, я принужденъ былъ отправиться въ ложу, и тогда офицерство успокоилось.

Просидѣвъ еще немного въ театрѣ, мы тою же многочисленною компаніей отправились ужинать въ какую-то гостинницу (не помню ея названія). Шумно ввалились мы въ общую залу, гдѣ за маленькимъ столикомъ пріютились два рыжихъ англичанина. Увидя насъ, храбрые сыны Альбіона сочли за болѣе благоразумное немедленно удрать, не окончивъ даже своего ужина.

Признаться, въ то время я съ удовольствіемъ побилъ бы, подъ вліяніемъ вина, этихъ господъ, и только за то, что они англичане; мое патріотическое чувство сильно возмущено было ихъ болѣе чѣмъ двусмысленнымъ поведеніемъ въ продолженіи всей кампаніи и по окончаніи ея. Лучше открытый врагъ, чѣмъ тайный!..

Заказавъ ужинъ, мы усѣлись за столъ и потребовали закуску. Моментально появилась русская водка вдовы Поповой, эмигрировавшая на берегъ Босфора въ громадномъ количествѣ.

Подъ вліяніемъ національнаго напитка затянули мы громко удалую пѣснь, за нею другую, третью, и полились могучіе, родные звуки черезъ раскрытыя окна по улицамъ турецкой столицы. Воображеніе перенесло каждаго изъ насъ на сѣверные берега Чернаго моря, въ родныя, широкія степи...

Боковая дверь залы внезапно отворилась и изъ нея вышелъ русскій капитанъ генеральнаго штаба. Вѣжливо поклонившись, онъ подошелъ къ нашей компаніи и отрекомендовался.

— Извините, господа, что я прервалъ ваше пѣніе, сказалъ онъ.— Я явился сюда, чтобы поблагодарить васъ отъ имени генерала N и генерала NN, которые ужинаютъ

теперь въ сосѣднемъ кабинетѣ, за то истинное удовольствіе, которое вы доставили имъ своимъ пѣніемъ... Слышать родные звуки въ центрѣ мусульманскаго міра—согласитесь, господа, вѣдь наслажденіе! Нельзя-ли еще что-нибудь?

— Отчего жъ, можно, закричалъ я,—только съ условіемъ, капитанъ: вы должны съ нами сначала выпить!

Капитанъ не заставилъ себя просить и чокнулся со всѣми.

— Ну, господа, подтягивайте теперь, и я началъ нашу родную донскую пѣсню:

«Всколыхнулся, взволновался, православный тихій Донъ,
И послушно отозвался на призывъ Монарха онъ!..»

Ужинъ прошелъ необыкновенно весело, шумно. Тимирязевъ, какъ самый старшій между нами, самый благоразумный и меньше всѣхъ пившій, не разъ сдерживалъ нашу молодую компанію, которая слишкомъ уже расходилась.

Окончился ужинъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончается въ такихъ случаяхъ... Расплатившись, мы вышли изъ гостинницы и разсѣлись на извозчиковъ... Ночь давно уже вступила въ свои права, улицы были пусты и обитатели турецкой столицы спали крѣпкимъ сномъ.

Нѣкоторые изъ насъ поѣхали кататься, завернули еще кое-куда и поздно уже, или, вѣрнѣе, рано утромъ, добрались мы до «Тамани».

Я заснулъ тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ на пароходѣ. Мнѣ снился Константинополь съ его чудными окрестностями, съ его садами, мечетями... Но онъ казался мнѣ не турецкимъ, а русскимъ городомъ; вмѣсто полумѣсяца, на мечетяхъ красовались кресты, вмѣсто чалмы и красныхъ фесокъ, вездѣ виднѣлись русскія фуражки, русскія лица... Нашему полку назначена была здѣсь стоянка, и я мечталъ уже о пріобрѣтеніи себѣ домика гдѣ-нибудь на

берегу Золотаго Рога, Босфора или на Принцевыхъ островахъ.

На слѣдующій день я проснулся около одиннадцати часовъ и съ удивленіемъ осмотрѣлся. Помѣщеніе и обстановка посольской каюты были дѣйствительно роскошны: дорогая бархатная мебель, зеркала, всевозможные предметы роскоши—все это походило на кабинетъ богатаго аристократа.

Возлѣ меня, раскинувшись въ самой живописной позѣ, храпѣлъ Марковъ. Я его разбудилъ; мы быстро одѣлись и вышли на палубу.

Здѣсь я увидѣлъ своихъ музыкантовъ, которыхъ покинулъ на турецкомъ пароходѣ. Оказалось, что, по распоряженію Тимирязева, ихъ перевезли на «Тамань» уже давно наши моряки.

Казанцы принарядились—надѣли чистыя рубахи и вычистили инструменты.

— Здравствуйте, господа, встрѣтилъ насъ Тимирязевъ.—Ну, какъ спалось вамъ на новосельѣ послѣ вчерашнихъ вакханалій?

— Прекрасно! отвѣчалъ я, здороваясь съ нимъ и съ офицерами-моряками. — Да у васъ тутъ такая роскошь, что нашему брату, привыкшему болѣе къ землянкѣ, какъ-то неловко даже чувствуется въ такихъ будуарахъ. Это какой-то дворецъ въ миніатюрѣ!

Капитанъ самодовольно улыбнулся.

— Да вы еще ничего не видѣли—пойдемте, я вамъ покажу.

Мы прошлись по пароходу и осмотрѣли его. Вездѣ идеальная чистота, все прочно, красиво, изящно и богато.

Мы только удивлялись, а моряки самодовольно улыбались.

— Однако, господа, адмиральскій часъ, сказалъ Тимирязевъ, взглянувъ на часы.—Пойдемте завтракать.

Тутъ же на палубѣ былъ роскошно сервированъ столъ, уставленный массою бутылокъ и прекрасными букетами, за который мы и усѣлись.

Поваръ «Тамани» оказался мастеръ своего дѣла: завтракъ вышелъ на славу. Музыканты заиграли свой полковой маршъ, потомъ, немного погодя, маршъ Скобелева *). Звуки нашей музыки произвели извѣстную сенсацію на морѣ и на берегу. На ближайшихъ безчисленныхъ судахъ повысыпали на бортъ матросы, на набережной и особенно на мосту черезъ «Золотой Рогъ» столпилась масса народу, пріостановивши этимъ даже ѣзду экипажей, и съ жадностью прислушивалась къ стройнымъ звукамъ русской музыки. Даже окна гаремовъ потихоньку растворились, занавѣски отдернулись и покрытыя чадрами красивыя головки показались у рѣшетокъ. А музыканты наши, видя то впечатлѣніе, которое они произвели своею игрой на населеніе турецкой столицы, еще болѣе старались.

Бокалы, между тѣмъ, у всѣхъ были наполнены и Тимирязевъ, поднявшись, предложилъ тосты за здоровье Государя, Наслѣдника и главнокомандующаго... Громкое, радостное «ура» грянуло съ парохода и далеко-далеко покатилось оно по зеркальной поверхности Золотаго Рога и по красивымъ берегамъ его. Кричали офицеры, матросы, музыканты, и этотъ могучій родной звукъ какъ-то особенно дѣйствовалъ на наши нервы. На глазахъ у каждаго выступили слезы и каждый изъ насъ чувствовалъ въ себѣ здѣсь, въ эти минуты, въ виду этихъ безчисленныхъ мечетей и красныхъ фесокъ, новый приливъ силъ и энергіи для новыхъ испытаній, новой кровавой борьбы...

*) Оркестръ Казанскаго пѣхотнаго полка считался лучшимъ между частями, стоявшими подъ Константинополемъ. Кромѣ того, это также одинъ изъ самыхъ боевыхъ оркестровъ: многіе инструменты были пробиты пулями, нѣкоторые музыканты ранены; были и убитые.

— «Боже, Царя храни!» скомандовалъ Тимирязевъ, и музыканты стройно, мелодично исполнили нашъ дорогой, національный гимнъ.

Мы всѣ сняли шапки и стоя прослушали его. А затѣмъ съ новою силой, съ новою энергіей раздался нашъ побѣдный крикъ «ура!».

Завтракъ продолжался и музыканты очень искусно исполнили, между прочимъ, турецкій маршъ, который они разучили во время стоянки своей въ Св. Георгіѣ, что̀ видимо понравилось толпѣ.

Послѣ турецкаго марша я предложилъ тостъ за здоровье Тимирязева, офицеровъ-моряковъ «Тамани», гостепріимно пріютившихъ насъ на своемъ суднѣ.

Музыканты проиграли тушъ и дружно прокричали «ура!».

Завтракъ окончился въ два часа и затѣмъ капитанъ сдѣлалъ распоряженіе сниматься съ якоря, такъ какъ «Тамань» уже нагрузилась углемъ.

Вообще, я не могу не вспомнить еще разъ съ удовольствіемъ о томъ радушіи, о томъ русскомъ гостепріимствѣ, которое мы встрѣтили на «Тамани» отъ капитана, офицеровъ и всей команды.

Музыканты, по распоряженію капитана, получили отличный завтракъ съ водкой, а когда я предложилъ уплатить за это деньги, то офицерство положительно воспротивилось.

— Вы и не думайте, говорили они,—предлагать капитану плату—онъ навѣрно обидится! У насъ запасы всегда есть—пожалуйста, не безпокойтесь!

Около двухъ съ половиной часовъ «Тамань» подъ національнымъ флагомъ двинулась по направленію къ Буюкъ-Дере.

Проходя мимо султанскаго дворца (долма-бахча), му-

зыка снова заиграла «Боже, Царя храни», а затѣмъ турецкій маршъ.

При проѣздѣ мимо иностранныхъ консульствъ и мимо селеній опять неслись съ нашего парохода звуки русской музыки и вездѣ народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на быстро плывшій русскій пароходъ, съ котораго раздавалась стройная игра.

Пространство около двадцати верстъ противъ теченія мы проѣхали не болѣе часа.

Подъѣзжая къ бухтѣ Буюкъ-Дере, мы замѣтили, что изъ красиваго дома русскаго посольства, утопавшаго въ зелени кипарисовыхъ и лавровыхъ садовъ, вышли два русскихъ генерала. Въ одномъ изъ нихъ я сейчасъ же узналъ хорошо знакомую мнѣ фигуру Михаила Дмитріевича, другой былъ мнѣ незнакомый.

— Это посолъ нашъ—князь Лобановъ-Ростовскій, сказалъ мнѣ Тимирязевъ.—Надо, однако, имъ отдать честь, какъ только пароходъ остановится; вы, пожалуйста, распорядитесь музыкой!

Дѣйствительно, какъ только былъ брошенъ якорь, капитанъ скомандовалъ матросамъ «по реямъ!», а музыка въ это время заиграла свой полковой маршъ.

Скобелевъ и Лобановъ-Ростовскій удивленно смотрѣли на посольскій пароходъ, недоумѣвая, какъ это на немъ очутился нашъ оркестръ.

Былъ спущенъ катеръ и 12 матросовъ лихо подкатили къ пристани, у которой стояли генералы. Скобелевъ усѣлся въ катеръ, подъѣхалъ къ пароходу и по трапу взобрался на палубу.

— Здорово, моряки! Здорово, казанцы! поздоровался онъ, по очереди, съ солдатами.

Я подошелъ къ нему и доложилъ о прибытіи и исполненіи даннаго мнѣ порученія.

— Какъ вы попали сюда? сказалъ Скобелевъ.—Я и князь сильно удивились, услыша музыку на «Тамани».

Я разсказалъ вкратцѣ о своихъ приключеніяхъ, о любезности Тимирязева, и Скобелевъ, очень довольный, поблагодарилъ какъ меня, такъ равно и капитана.

Усѣвшись всѣ вмѣстѣ въ катеръ, мы подъѣхали къ пристани, гдѣ князь тоже поблагодарилъ меня за доставку музыкантовъ.

Князь предложилъ мнѣ помѣститься въ зданіи посольства, но я, поблагодаривъ его за любезность, просилъ позволить мнѣ остаться на «Тамани», такъ какъ офицеры-моряки взяли съ меня слово, что я буду ихъ гостемъ.

И дѣйствительно, я не раскаявался, что остался въ обществѣ моряковъ. Это были все такіе милые, гостепріимные и простые люди, мы постоянно такъ весело проводили время на палубѣ роскошнаго судна, любуясь очаровательными видами и вдыхая здоровый, морской воздухъ, что, казалось бы, никогда не разстался съ такою жизнью.

Тамъ, на землѣ, тоже, кажется, не дурно проводили время. Въ честь Скобелева, между прочимъ, посольство устроило парадный обѣдъ, на которомъ я не присутствовалъ.

Скобелевъ, какъ истый русскій хлѣбосолъ, не захотѣлъ остаться въ долгу и рѣшилъ отплатить посольству тѣмъ же—т.-е. обѣдомъ.

Обѣдъ этотъ состоялся въ гостинницѣ (не помню названія), содержателемъ которой былъ французъ, и сервированъ былъ въ прекрасномъ большомъ павильонѣ, обвитомъ виноградомъ.

Приглашены были, кромѣ посольства, также бригадные и полковые командиры 4-го корпуса, Тимирязевъ, Елагинъ и др.

Пообѣдавъ въ столовой «Тамани», я сидѣлъ съ моряками на палубѣ, распивая прекрасное кипрское вино, какъ вѣстовой Скобелева принесъ мнѣ письмо. Предполагая какую-нибудь новую служебную командировку, я съ неудовольствіемъ вскрылъ его.

«Дукмасовъ!» писалъ генералъ, «пріѣзжайте сейчасъ обѣдать и пригласите съ собой, отъ моего имени, мичмана Мореншильда. Скобелевъ.»

— Слушайте, мичманъ, обратился я къ Мореншильду, передавая ему записку, —поѣзжайте одни и скажите, пожалуйста, что я нездоровъ. Не люблю я этихъ парадныхъ обѣдовъ...

— Нѣтъ, я безъ васъ не поѣду ни за что! отвѣчалъ морякъ.

Волей-неволей пришлось согласиться. На катерѣ доѣхали мы до берега и по узкой улицѣ поднялись до гостинницы.

Все общество было уже въ саду, за столомъ, въ изящномъ павильонѣ, съ котораго открывался прелестный видъ на море. Мы сдѣлали общій поклонъ и усѣлись на свои мѣста. Лакей подалъ намъ черепашій супъ.

— Ты, братецъ, дай намъ вина лучше, а этого не надо!

Скобелевъ услышалъ мои слова и обратился къ слугѣ по французски.

— Не надо ему вина, не давай. Онъ, кажется, и безъ того уже пилъ!

— Ваше превосходительство, мы уже пообѣдали на «Тамани»; что же я буду снова супъ ѣсть. Я не могу...

— Вотъ, неугомонный, улыбнулся Михаилъ Дмитріевичъ,—ну, дай ему лафита, да только съ водой!..

Обѣдъ продолжался и завязался общій оживленный разговоръ на самую, конечно, горячую, интересующую

всѣхъ тему. Отдавались должныя похвалы нашимъ войскамъ, должное порицаніе дипломатіи; представители послѣдней очень мило и ловко парировали направляемыя по ихъ адресу обвиненія... Мы, строевики, особенно сѣтовали, что намъ не позволили занять войсками Константинополя, что условія мира далеко не соотвѣтствуютъ нашимъ побѣднымъ тріумфамъ, не удовлетворяютъ нашего національнаго самолюбія. Въ разговорѣ, Скобелевъ, обратившись къ первому драгоману русскаго посольства, г. Ону, замѣтилъ:

— Да, дипломатія сдѣлала большой промахъ, что не настояла на томъ, чтобы русскія войска хотя прошли черезъ Константинополь, не занимая даже его. Этимъ наши труженики-герои получили бы хотя нѣкоторое удовлетвореніе за свои побѣды, лишенія, жертвы... А то у насъ вышло какое-то недоконченное торжество, полупобѣда. Войска все чего-то ждутъ, все еще надѣются, что ихъ пустятъ сюда... Черезчуръ ужь мы гуманничаемъ и прямо во вредъ себѣ. Вотъ нѣмцы не поцеремонились, вѣдь, съ французами, съ этою гуманною, образованною націей!.. Они еще разъ доказали Европѣ, что смѣлостью, энергіей, даже нахальствомъ всегда можно больше выиграть, чѣмъ съ нашимъ великодушіемъ и гуманностью!.. Вообще, если бы пришлось, то въ отношеніи нѣмцевъ я придержался бы ихъ же тактики: дѣйствовалъ бы безъ жалости, безъ состраданія... Вотъ теперь мы видимъ результаты этой двуличной политики, эту благодарность за нашъ честный, благородный образъ дѣйствій въ 70-хъ годахъ. Нѣтъ, господа, какъ хотите, а я не вѣрю въ эту вѣроломную, заигрывающую политику нѣмцевъ!.. И намъ давно слѣдовало бы держаться такой же мудрой, рѣшительной, хотя и эгоистичной нѣмецкой политики!.. Тогда у насъ не было бы такихъ преградъ, недоразумѣній.

Большинство изъ насъ, военныхъ, конечно, вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ истиннаго русскаго патріота; дипломаты же только снисходительно улыбались.

— Да, господа, обратился я къ сосѣдямъ, указывая на чудный видъ (Босфоръ и Мраморное море видны были изъ нашего павильона, расположеннаго на возвышенности),—развѣ мѣсто здѣсь этимъ многочисленнымъ турецкимъ и иностраннымъ судамъ?.. Тутъ давно ужь долженъ развѣваться нашъ, русско-славянскій флагъ, кипѣть русская жизнь!..

Вино и слова Скобелева совершенно отуманили мою голову. Я говорилъ что-то очень много и, кажется, больше по адресу дипломатіи, потому что Скобелевъ нѣсколько разъ меня останавливалъ. Но я такъ расходился, что меня никто не могъ унять.

— Вѣдь, вы любите правду, ваше превосходительство? отбивался я отъ генерала.—Любите?

— Люблю! отвѣчалъ онъ.

— Такъ не мѣшайте же мнѣ говорить ее!.. Я воинъ, а не дипломатъ!

Въ концѣ-концовъ Скобелевъ махнулъ на меня рукой, какъ на безнадежнаго.

Послѣ обѣда нѣкоторые усѣлись, тутъ же въ саду, играть въ винтъ. Я тоже занялся этимъ любимымъ русскимъ бездѣльемъ. Партнеры мои были: генералъ Шнитниковъ и полковники Аргамаковъ и Лео. Мнѣ сильно везла карта, и Шнитниковъ, проигравшись, очень взволновался и сердился на меня. Но когда мы сѣли съ нимъ vis-à-vis и вдвоемъ обыграли противниковъ, то генералъ сразу повеселѣлъ и перешелъ въ самое пріятное расположеніе духа.

Послѣ ужина, поздно вечеромъ, я вернулся на «Тамань».

На слѣдующій день, утромъ, я получилъ приказаніе отъ

Скобелева ѣхать съ нимъ въ Константинополь. По обыкновенію, мы остановились здѣсь въ «Hôtel d'Angleterre».

— Вы подождите меня, я скоро вернусь: мнѣ нужно на минутку зайти въ англійское посольство. А затѣмъ мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Св. Георгій. Его Высочество уѣзжаетъ на-дняхъ въ Россію и новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, будетъ объѣзжать войска.

Въ тотъ же день мы пріѣхали въ Св. Георгій, и Скобелевъ занялся приготовленіями къ встрѣчѣ генерала Тотлебена.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней на наши позиціи пріѣхалъ новый главнокомандующій въ сопровожденіи огромной свиты, иностранныхъ агентовъ и нѣсколькихъ турецкихъ пашей. Тотлебенъ осмотрѣлъ уже гвардію и войска, стоявшія близь Мраморнаго моря, и теперь прибылъ въ районъ 4-го армейскаго корпуса. Осмотрѣвъ подробно лагерное расположеніе всѣхъ родовъ оружія, позиціи и аванпосты, а также хозяйственную часть отряда, Тотлебенъ остался всѣмъ очень доволенъ и выразилъ Скобелеву свое полное удовольствіе. Затѣмъ главнокомандующій со всею своею свитой, по приглашенію Скобелева, остался у него завтракать. Объ этомъ Михаилъ Дмитріевичъ позаботился еще ранѣе. Гостей было около 80-ти человѣкъ. Высшіе чины помѣстились въ палаткѣ, для болѣе юныхъ былъ устроенъ рядомъ очень хорошенькій павильончикъ, обвитый зеленью. Завтракъ, конечно, былъ роскошный: Скобелевъ вообще отличался гостепріимствомъ и на подобнаго рода удовольствія никогда не жалѣлъ денегъ. Отборныя блюда, лучшія вина были привезены изъ Константинополя. Два оркестра музыки и солдаты-пѣсенники придавали этой красивой картинѣ военной трапезы на позиціи, въ присутствіи представителей чуть не всѣхъ національностей Европы, еще большій эффектъ. Особенно ту-

рецкіе паши пришли въ восторгъ отъ радушія и любезности Михаила Дмитріевича.

— Господа, обратился онъ передъ завтракомъ къ намъ, ординарцамъ,—вы на правахъ хозяевъ, пожалуйста, получше угощайте гостей и смотрите, чтобы посуда не была пуста!

Мы разсѣлись по всѣмъ столамъ и усердно исполняли свои обязанности. Много было, конечно, тостовъ, тушей, сопровождавшихся громкимъ «ура», но я, сидя въ павильонѣ, довольно плохо слышалъ тѣ рѣчи, которыя произносились въ палаткѣ.

По окончаніи завтрака новый главнокомандующій уѣхалъ обратно въ Санъ-Стефано, любезно распростившись со всѣми, при чемъ мы проводили его до д. Икетли.

На слѣдующій день Скобелевъ, въ наказаніе за то, что во время завтрака я выпилъ не въ мѣру и сказалъ что-то лишнее генералу Томиловскому, который за это пожаловался на меня Михаилу Дмитріевичу, приказалъ мнѣ черезъ своего начальника штаба, генеральнаго штаба капитана Сахарова—добродушнаго, милаго человѣка—произвести рекогносцировку пространства къ сѣверу отъ расположенія отряда у Св. Георгія черезъ д. Богасъ-Кіой до Чернаго моря у Акбунара и провѣрить демаркаціонную линію у Райской долины, которую занимали конно-гренадеры и лейбъ-драгуны. Получивъ предписаніе, планшетъ и прочія принадлежности, я въ семь часовъ утра съ двумя казаками двинулся въ путь и приступилъ прямо къ глазомѣрной съемкѣ, составивъ предварительно масштабъ времени. Около десяти часовъ я пріѣхалъ въ д. Богасъ-Кіой, гдѣ я долженъ былъ явиться къ командиру Конно-гренадерскаго полка, графу Ламсдорфу.

«Онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ; навѣрное накормитъ завтракомъ...» сообразилъ я, въѣзжая въ деревню.

— Гдѣ живетъ командиръ полка? обратился я къ бравому и рослому солдату, шедшему мнѣ на встрѣчу со связкой сѣна.

— Графъ?.. А вотъ ихъ квартира, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, указывая на довольно хорошенькій деревянный домикъ.

Я представился графу, объяснилъ ему свою миссію и показалъ предписаніе.

— А, очень радъ, очень радъ! отвѣчалъ графъ, пожимая мою руку.—Ну, вы успѣете еще наработаться. Сначала пойдемте въ столовую завтракать!

«Однако, я не ошибся: графъ дѣйствительно премилый человѣкъ!» подумалъ я и, поблагодаривъ графа за его приглашеніе, просилъ позволенія сначала съѣздить посмотрѣть посты по Райской долинѣ.

— Ну, хорошо, я васъ буду ждать къ двѣнадцати часамъ.

Я съ своими казаками направился по теченію небольшой рѣчки Мангловъ-Дере, которая протекаетъ по такъ называемой Райской долинѣ, и черезъ часъ доѣхалъ до дер. Пиринджикіой, гдѣ находился наиболѣе важный конно-гренадерскій постъ. Осмотрѣвъ подробно красивыя окрестности долины, проходящія здѣсь дороги и сдѣлавъ кое-какія замѣтки на своемъ планшетѣ, я около двѣнадцати часовъ дня возвратился въ Богасъ-Кіой.

— А, пріѣхали! встрѣтилъ меня графъ,—какъ разъ во время: завтракъ готовъ. Пойдемте въ столовую!

Выйдя изъ дому и увидя своихъ казаковъ, я хотѣлъ распорядиться о нихъ и лошадяхъ, но любезный хозяинъ предупредилъ меня.

— Пожалуйста, не безпокойтесь! Я уже приказалъ: и они, и лошади будутъ сыты.

Мнѣ оставалось только поблагодарить гостепріимнаго хозяина.

— Мы устроились кое-какъ, по деревенски, продолжалъ графъ по дорогѣ въ табль-д'отъ. Всею полковою семьей собираемся къ завтраку, обѣду и ужину и время проводимъ довольно весело. Содержатель нашего табль-д'ота изъ Константинополя и всѣ продукты мы получаемъ тоже оттуда.

Вскорѣ мы подошли къ деревянному двухъ-этажному дому и поднялись наверхъ, въ столовую. Здѣсь уже было много офицеровъ, которые всѣ шумно поднялись при входѣ своего командира. Графъ отрекомендовалъ меня своимъ офицерамъ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ я былъ уже знакомъ. Немедленно приступлено было къ выпивкѣ. Всѣ усѣлись за столы и завязалась шумная, оживленная бесѣда. Полковое офицерство видимо представляло изъ себя тѣсную, сплоченную семью; отношенія были самыя искреннія, дружескія и никто не стѣснялся присутствіемъ начальника, который держалъ себя скорѣе какъ старшій товарищъ, нежели какъ командиръ. На улицѣ играла полковая музыка и подъ ея стройные звуки какъ-то пріятнѣе пилось и ѣлось.

— Графъ, позвольте мнѣ встать изъ-за стола и ѣхать дальше, обратился я къ командиру полка, когда завтракъ былъ уже конченъ и всѣ сидѣли, болтая, за стаканами прекраснаго вина.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ онъ,—только вы извините меня: я распорядился, что вы поѣдете дальше не на своей лошади и не со своими людьми. Конь вашъ и казаки пусть отдохнутъ у насъ, а вы поѣзжайте на прекрасной лошади капитана Ломичевскаго, который предлагаетъ вамъ ее. Съ вами же отправятся наши солдаты, а также прапорщикъ Иваницкій, отлично знающій эту мѣстность; онъ вамъ подробно все объяснитъ. Надѣюсь, вы не не будете въ претензіи на меня за это!.. А пока

приведутъ лошадей, выпейте-ка еще стаканчикъ! продолжалъ графъ.

Оставалось поблагодарить еще разъ любезнаго и добраго хозяина. Вскорѣ привели мнѣ лошадь и я, распростившись съ радушными хозяевами, въ обществѣ прапорщика Иваницкаго, молодаго и веселаго офицера, и въ сопровожденіи двухъ конно-гренадеръ выѣхалъ изъ Богасъ-Кіоя на сѣверъ и осмотрѣлъ всю мѣстность вплоть до самаго Чернаго моря у Акбунара. Здѣсь, впереди деревни, помѣщался взводъ конно-гренадеръ подъ командой прапорщика Демора, къ которому въ палатку мы безъ церемоніи и заѣхали. Отдохнувъ, напившись чаю и закусивъ, мы черезъ два часа пустились въ обратный путь. Было уже совершенно темно, около одиннадцати часовъ вечера, когда мы прибыли въ Богасъ-Кіой, и я заѣхалъ прямо на квартиру графа.

— Они ушли въ офицерскій клубъ и просили васъ туда же, сказалъ человѣкъ.

Въ клубѣ собрались всѣ почти офицеры.

— А, пріѣхали, милости просимъ! Ну, разсказывайте, что вы нашли на нашихъ позиціяхъ? встрѣтилъ меня графъ.

Мнѣ подали ужинъ, появились свѣжія бутылки. Мало-по-малу завязался общій разговоръ про Скобелева, про боевую его дѣятельность, про Зеленыя горы. Шейновское дѣло и пр. Офицеры разсказывали мнѣ про сраженія, въ которыхъ участвовалъ ихъ полкъ, про Гурко, про Филиппопольскій бой и т. п. Былъ уже второй часъ ночи, когда графъ всталъ изъ за стола и распростился со всѣми, взявъ съ меня слово, что на слѣдующій день я явлюсь къ завтраку. Я тоже хотѣлъ было отправиться на покой, но офицеры меня удержали.

— Нѣтъ, батенька, какъ хотите, а мы васъ не пу-

стимъ, сказалъ капитанъ Ломичевскій, на лошади котораго я въ этотъ день ѣздилъ;—кавалеристу еще рано спать. Отправимтесь къ намъ варить джонку.

Хотя я порядкомъ усталъ, но отказываться отъ любезнаго приглашенія было неудобно, тѣмъ болѣе, что сожители Ломичевскаго—полковникъ Кетхудовъ и Владиміровъ—тоже стали упрашивать меня. Мы вышли съ нѣсколькими офицерами изъ клуба и по темнымъ улицамъ направились къ квартирѣ упомянутыхъ офицеровъ, которая помѣщалась во второмъ этажѣ какого-то большаго дома. Въ просторную комнату, куда мы вошли, два гренадера принесли вскорѣ большой коверъ и разостлали его на полу по серединѣ. На него поставили низенькій болгарскій столикъ съ большою деревянною посудой.

— Господа, съ дивановъ долой! Всѣмъ садиться на коверъ вокругъ этого жбана, сказалъ вошедшій Ломичевскій, все время хлопотавшій и возившійся съ разными ящиками,—и извольте слушать мою команду: шашки вонъ!.. Кладите ихъ сюда, на эту посудину!

Моя боевая казачья шашка, отвѣдавшая уже не разъ мусульманской крови, мирно побраталась съ громадными стальными клинками конно-гренадеръ. На скрещенное такимъ образомъ оружіе Ломичевскій поставилъ голову сахару и затѣмъ началъ поливать ее изъ бутылокъ всевозможными жидкостями. Лилось безъ разбора и вино, и коньякъ, и ромъ. Много уже бутылокъ стояло пустыми, а монстръ-жбанъ все еще не былъ полонъ.

— Ну, довольно, сказалъ, наконецъ, Ломичевскій;—теперь, господа, вооружитесь стаканами и тушите огни!

Мы очутились вдругъ въ совершенной темнотѣ. Но вотъ кто-то чиркнулъ спичку и поднесъ ее къ краю посуды. Комната мгновенно освѣтилась чуднымъ голубова-

тымъ огнемъ и озарила нашу живописную группу, расположившуюся вокругъ этого спиртоваго костра.

— Чортъ возьми! мы точно огнепоклонники при совершеніи таинства! замѣтилъ кто-то при общемъ смѣхѣ.

— Ну-съ, пора и на водопой... Черпайте, господа, ваши ведра—джонка готова...

Долго еще продолжалась наша веселая товарищеская бесѣда... Дружескимъ тостамъ и задушевнымъ пожеланіямъ не было конца и только около пяти часовъ утра мы разошлись, сильно покачиваясь, по квартирамъ. Я отправился на квартиру Иваницкаго и съ тяжелою головой заснулъ, какъ убитый, на широкомъ, длинномъ диванѣ, огибавшемъ стѣны всей комнаты. Впрочемъ, проснулся я довольно рано и закончилъ свою планшетную работу, написавъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Около двѣнадцати часовъ въ комнату, гдѣ я занимался, вошелъ громадный конногренадеръ.

— Его сіятельство, командиръ полка, просятъ ваше благородіе на завтракъ въ офицерскій клубъ! отчеканилъ онъ густымъ басомъ.

Компаньонъ мой, Иваницкій, спалъ въ это время въ самой живописной позѣ на своемъ диванѣ.

— Ваше благородіе, а ваше благородіе! началъ я его тормошить.

Но его благородіе не подавало никакого признака жизни. Пришлось прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ: набравъ въ ротъ холодной воды, я его хорошенько вспрыснулъ. Мѣра оказала свое дѣйствіе, и юноша моментально вскочилъ. Наскоро одѣвшись, мы отправились въ столовую. Офицерство было уже въ сборѣ и вскорѣ явился самъ графъ. Въ концѣ завтрака командиръ полка предложилъ тостъ за здоровье Скобелева. Офицеры радостно привѣтствовали слова графа дружнымъ, продолжитель-

нымъ «ура». Музыка сыграла тушъ и затѣмъ Скобелевскій маршъ. Я отвѣтилъ тостомъ за здоровье графа и лихой Конно-гренадерскій полкъ. Послѣ завтрака, поблагодаривъ еще разъ любезнаго графа за его радушіе и распростившись съ симпатичнымъ, гостепріимнымъ обществомъ офицеровъ конно-гренадеръ, я усѣлся на своего коня и выѣхалъ изъ Богасъ-Кіоя. По дорогѣ казаки мои разсказывали мнѣ, какъ хорошо провели они время за эти два дня и какъ прекрасно ихъ кормили.

— Лошадямъ овса, сколь хошь давали. А графъ намъ по серебряному рублю пожаловалъ. Дай Богъ имъ здоровья и всего хорошаго! закончили они свои разсказы.

Было около четырехъ часовъ, когда мы пріѣхали въ Св. Георгій. Я отправился прямо къ капитану Сахарову, который былъ у Скобелева начальникомъ штаба.

— Михаилъ Дмитріевичъ уѣхалъ въ Константинополь! отвѣчалъ онъ на мой вопросъ о Скобелевѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, и я поѣду туда же. Получай, братъ, мою работу и отпускай меня на всѣ четыре стороны!

— Да поѣзжай—ты здѣсь не нуженъ, отвѣчалъ Сахаровъ.

ГЛАВА IV.

Часовъ въ шесть вечера я былъ уже въ Санъ-Стефано и отправился на пароходную пристань. Переходя по мостику на пароходъ, я былъ остановленъ дежурнымъ офицеромъ Гренадерскаго полка.

— Въ военной формѣ запрещено ѣздить въ Константинополь! обратился онъ вѣжливо ко мнѣ.

— Я это знаю, отвѣчалъ я,—но, во всякомъ случаѣ,

мнѣ нужно непремѣнно отправиться туда по дѣламъ службы къ генералу Скобелеву!

— Я доложу объ этомъ начальству.

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣтилъ я и направился на пароходъ. Въ это время я услышалъ, что меня кто-то окликнулъ позади.

— Г. офицеръ, подождите!

Я обернулся и увидѣлъ какого-то полковника въ мундирѣ л.-гв. казачьяго полка, который махалъ мнѣ рукой.

«Вотъ еще и этотъ привяжется», подумалъ я, беря подъ козырекъ подошедшему полковнику.

— Здорово, братецъ! сказалъ онъ мнѣ такимъ акцентомъ, какимъ говорятъ, обыкновенно, наши горцы.—Мнѣ такъ понравился твой отвѣтъ, что я ѣду съ тобой въ Константинополь тоже въ формѣ. Зачѣмъ штатскій костюмъ? Мы—военный народъ!

— Очень радъ, полковникъ! отвѣчалъ я, пожимая протянутую мнѣ руку и нѣсколько удивляясь той фамильярности, съ какою обращался ко мнѣ совершенно незнакомый человѣкъ.

— Пожалуйста, не называй меня полковникомъ, а просто Аргутинскимъ! отвѣчалъ онъ, таща меня за руку на пароходъ.

Помѣстившись на палубѣ и любуясь видами Мраморнаго моря, мы незамѣтно проболтали до самаго Константинополя, причемъ князь оказался очень веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Пріѣхавъ въ Константинополь и занявъ нумера въ гостинницѣ, мы отправились въ ближайшую кондитерскую—любимое мѣсто засѣданій русскаго офицерства.

Заняли столикъ, заказали обѣдъ и потребовали вина. Сидимъ и пьемъ.

Вдругъ я слышу, что кто-то окликнулъ меня, назвавъ по

фамиліи. Оглядываюсь кругомъ—никого нѣтъ кромѣ двухъ драгунскихъ офицеровъ, усердно занятыхъ своими стаканами.

— Что ты, душа моя, смотришь? обратился ко мнѣ князь, замѣтивъ, что я оглядываюсь по сторонамъ.

— Да кто-то зоветъ меня, отвѣтилъ я,—и голосъ знакомый, а никого нѣтъ!

Въ это время снова послышалось:

— Дукмасовъ! И изъ-за полуоткрытой наружной стеклянной двери я увидѣлъ знакомую фигуру Михаила Дмитріевича, одѣтую въ штатскомъ платьѣ.

— Вы какъ сюда попали? обратился онъ ко мнѣ.

— Пріѣхалъ на пароходѣ, отвѣчалъ я.

— Знаю, что не на воздушномъ шарѣ. Я не о томъ спрашиваю... Какъ вы очутились здѣсь, когда я послалъ васъ на рекогносцировку къ Черному морю?

— Я окончилъ свою работу, сдалъ ее начальнику штаба и послѣдній отпустилъ меня сюда.

— Воображаю, много вы тамъ сдѣлали!.. Впрочемъ, я посмотрю... Затѣмъ, почему вы въ военной формѣ?.. Вѣдь, вамъ извѣстно, что запрещено являться сюда въ такомъ видѣ!..

— Я казакъ, ваше превосходительство, и штатскаго костюма отъ роду не носилъ и до гробовой доски не надѣну, отвѣчалъ я.

— Смотрите, какъ бы я васъ за это не арестовалъ еще!.. отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ, хотя я ясно видѣлъ по его глазамъ, что онъ шутитъ.

— Ну, скорѣе я васъ арестую, ваше превосходительство!.. Вѣдь, вы въ штатскомъ платьѣ, а я въ военномъ!

Михаилъ Дмитріевичъ отъ души расхохотался.

— Ну, вотъ что: кончайте скорѣе вашъ обѣдъ и при-

ходите ко мнѣ въ Англійскую гостинницу. У меня есть къ вамъ дѣло. Да, пожалуйста, не напивайтесь только!..

Скобелевъ вышелъ, а я вернулся къ Аргутинскому.

Выпивъ еще вина, мы разошлись въ разныя стороны, условившись къ десяти часамъ вечера явиться въ театръ. Ложу долженъ былъ взять Аргутинскій. Скобелевъ сидѣлъ у себя въ нумерѣ Англійской гостинницы и что-то писалъ.

— А, явились. Ну, прекрасно... Теперь я васъ больше и не пущу.

— Какъ не пустите?! удивился я.

— Да такъ и не пущу. Запру двери—вотъ и все.

— Да мнѣ нужно въ театръ, ваше превосходительство. Ужь ложа взята у насъ, отвѣчалъ я.

— Это для меня безразлично. Сказано: не пущу, и никакихъ разговоровъ. Безобразничать будете, да еще въ формѣ. Не пущу... Представьте себѣ, продолжалъ онъ, обратившись къ сидѣвшему тутъ же Маркову:—вотъ этого звѣря я поймалъ въ кондитерской, да еще съ кѣмъ—съ Аргутинскимъ! Чортъ связался съ младенцемъ... Если они вдвоемъ напьются, то разнесутъ въ дребезги весь Константинополь. А потомъ отвѣчай за нихъ. Мы вотъ лучше поужинаемъ вмѣстѣ чинно и ляжемъ спать въ свое время. А пока вотъ совѣтую заняться книгами: я свѣжія получилъ, рекомендую!..

— Ну ихъ! отвѣчалъ я.—Лучше вы отпустите меня съ Марковымъ. У меня, вѣдь, нумеръ занятъ уже и ложа взята!

— Не пущу... не мѣшайте мнѣ писатъ! сказалъ генералъ и началъ что-то строчить.

Спустя немного времени мы спустились въ столовую, поужинали и затѣмъ снова вернулись въ нумеръ. Скобе-

левъ приказалъ внести два тюфяка и положить ихъ на полъ.

— Вотъ вамъ постель, раздѣвайтесь и ложитесь. А завтра раньше встанемъ и я вамъ дамъ работу.

Скобелевъ раздѣлся, улегся на постель и сталъ читать газету. Мы расположились вблизи на тюфякахъ.

— Вотъ что, братъ, обратился я шепотомъ къ Маркову,—какъ только онъ уснетъ—мы одѣнемся и удеремъ, а затѣмъ подъ утро вернемся обратно.

— Отлично, согласился Марковъ.

Мы укрылись одѣялами и притворились спящими. Скобелевъ почиталъ газету около получаса, затѣмъ вдругъ всталъ, подошелъ къ двери, заперъ ее на замокъ и ключъ положилъ себѣ подъ подушку.

«Вотъ тебѣ и разъ!» подумалъ я, смотря изъ-подъ одѣяла на принимаемыя генераломъ мѣры противъ нашего бѣгства и толкая подъ бокъ своего сосѣда, «и послѣдняя надежда лопнула!»

— Ваше превосходительство, чуть не расплакался я,— зачѣмъ это вы дверь заперли?..

— А чтобы вы не удрали! Народъ, вѣдь, вы надежный, я знаю!

Михаилъ Дмитріевичъ улегся и потушилъ свѣчу... Нѣсколько минутъ спустя, я подошелъ осторожно къ окну и сталъ осматриваться.

— Вы чего тамъ смотрите? слышу въ темнотѣ голосъ Михаила Дмитріевича.

— Смотрю, нѣтъ-ли тутъ трубы; мы по ней бы спустились. Къ несчастью, не оказывается.

— Ну такъ прыгайте прямо!

— Покорнѣйше васъ благодарю. Чтобы шею сломать. Нѣтъ ужъ, видно, съ вами трудно бороться. Покойной ночи, ваше превосходительство!

— Давно бы такъ!

Вскорѣ я услышалъ храпъ Михаила Дмитріевича.

Мнѣ что-то не спалось и я долго ворочался на своемъ тюфякѣ.

Утромъ я былъ разбуженъ отъ какого-то непріятнаго ощущенія холода и мокроты. Открывъ глаза, я увидѣлъ стоявшаго передъ собой въ одномъ бѣльѣ Скобелева, который изъ рукомойника преспокойно лилъ воду на меня и Маркова. Я моментально вскочилъ.

— Что вы дѣлаете, ваше превосходительство?! закричалъ я испуганно.

— Бужу васъ! заливаясь смѣхомъ, отвѣчалъ генералъ, и струя холодной воды продолжала литься на мое тѣло. Рубашки наши и постель были совершенно мокры, такъ какъ Михаилъ Дмитріевичъ вылилъ на насъ цѣлый рукомойникъ и взялся за другой, полный, чтобы продолжать свое невинное занятіе.

— Ну, нѣтъ, закричалъ я, бѣгая въ одной рубашкѣ по комнатѣ,—ужь больше вамъ не удастся насъ поливать.

И я, схватившись за рукомойникъ, хотѣлъ вырвать его изъ рукъ Михаила Дмитріевича.

— Марковъ, помоги мнѣ! кричалъ я, не будучи въ состояніи справиться одинъ.

Во время борьбы рукомойникъ вдругъ полетѣлъ на полъ, разбился въ дребезги, и вся вода очутилась на дорогомъ коврѣ.

— Вотъ такъ-то лучше! сказалъ я, и схватилъ со стола графинъ съ водой.

Скобелевъ бросился его отнимать и графинъ очутился тоже на полу. Всѣ хохотали до упаду, и Михаилъ Дмитріевичъ больше всѣхъ.

— Вотъ войдетъ человѣкъ сейчасъ, замѣтилъ я, выти-

раясь полотенцемъ,—и подумаетъ: каковъ русскій генералъ, чѣмъ занимается съ подчиненнымъ!..

— Да вы же сами виноваты: спите такъ, что начальнику приходится васъ будить.

— Хорошъ способъ будить! оправдывался я.—На что мы теперь похожи?!

— Ну, не ворчите, давайте мириться. Вонъ возьмите тамъ въ чемоданѣ мое бѣлье и наряжайтесь.

Я и Марковъ надѣли его бѣлье.

Послѣ завтрака Михаилъ Дмитріевичъ ушелъ въ посольство, а около двѣнадцати часовъ мы всѣ вмѣстѣ поѣхали обратно на позицію въ Св. Георгій. Здѣсь Скобелевъ получилъ пріятную телеграмму, что скоро къ нему пріѣзжаетъ изъ Россіи его мать съ бывшимъ воспитателемъ Жирарде. Извѣстіе это очень обрадовало Скобелева и мы, воспользовавшись его хорошимъ расположеніемъ духа, отпросились снова къ берегамъ Босфора. Безцѣльно шатался я по улицамъ Константинополя и, наконецъ, очутился возлѣ моста черезъ Золотой Рогъ, на голубой водной площади котораго виднѣлся цѣлый лѣсъ мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй, и между ними по разнымъ направленіямъ сновала масса маленькихъ, легкихъ яликовъ.

«А не проѣхаться-ли въ Азію!» пришла мнѣ вдругъ мысль и, сойдя къ берегу, я усѣлся въ одну изъ этихъ миніатюрныхъ лодочекъ, хозяинъ которой оказался грекъ.

— А, ну-ка, мусью, тащи меня въ Скутари! приказалъ я ему, едва умостившись въ этой лодочкѣ.

Грекосъ быстро сталъ грести, что-то тарабаря на своемъ непонятномъ мнѣ діалектѣ, изрѣдка вставляя нѣкоторыя болгарскія слова, которыя были мнѣ знакомы. Всего до азіатскаго берега было около двухъ верстъ. Отъѣхавъ немного отъ моста, грекосъ развернулъ на шестѣ какую-то

грязную тряпку, которая изображала изъ себя парусъ, и мы поплыли еще скорѣе. На серединѣ мы едва не перевернулись, потому что я, не предполагая, что душегубка наша такъ неустойчива, всталъ на своемъ мѣстѣ и едва не полетѣлъ въ воду, сильно испугавъ этимъ гребца.

— Это не можно, не можно! съ ужасомъ сталъ онъ кричать, уравновѣшивая веслами сильно раскачавшуюся лодочку.

Наконецъ, мы добрались до берега Малоазіатскаго полуострова. Городъ Скутари раскинулся на довольно значительномъ пространствѣ. Зданія и мечети издали казались очень красивыми, но вблизи впечатлѣніе совершенно мѣнялось. Довольно широкая полоса воды у берега была загромождена множествомъ всевозможныхъ судовъ. На пароходахъ и баркахъ виднѣлась масса турецкаго люда, преимущественно женщинъ и дѣтей, спасавшихся изъ Болгаріи, какъ объяснилъ мой грекъ, отъ русскихъ и «казаковъ». Я былъ въ формѣ при орденахъ и потому на меня съ удивленіемъ посматривали какъ съ набережной, такъ и съ судовъ. Послѣ нѣкоторыхъ лавированій грекъ мой присталъ, наконецъ, къ берегу.

— Ну, братецъ, какъ хочешь, а я на твоей раковинѣ обратно не поѣду, объяснилъ я кое-какъ своему носатому лодочнику и расплатился съ нимъ. Онъ ничуть не обидѣлся, а, напротивъ, даже помогъ мнѣ розыскать для обратнаго путешествія хорошенькій катеръ, хозяинъ котораго, тоже грекъ, объяснялся довольно порядочно по русски. Приказавъ своему новому хозяину ожидать меня версты на полторы къ сѣверу отъ мѣста высадки, я пѣшкомъ отправился по узкимъ и грязнымъ улицамъ Скутари, которыя были положительно запружены самою разнообразною толпой турецкаго люда, преимущественно въ бѣдныхъ, оборванныхъ цвѣтныхъ костюмахъ съ узлами и котомками

на плечахъ. Вообще здѣсь на улицахъ народу встрѣчалось гораздо больше, чѣмъ въ Константинополѣ. Навьючены, впрочемъ, были почти исключительно женщины, дѣти и многочисленные ослы; мужчины же, большею частью, шли съ пустыми руками. Тутъ были и турки, и греки, и евреи, и чернокожіе нубійцы, и воинственные албанцы, и жители Аравіи, и даже негры—и все это въ своихъ оригинальныхъ пестрыхъ костюмахъ съ красными фесками и бѣлыми чалмами на головахъ. Словомъ, здѣсь были, кажется, представители со всѣхъ вассальныхъ провинцій обширной Турецкой имперіи—представители изъ Европы, Азіи и Африки! По дорогѣ попадались довольно хорошіе двухъэтажные дома съ балконами, порядочные магазины; но все это носило характеръ вполнѣ азіатскій, восточный. Съ трудомъ протискивался я черезъ эту пеструю толпу, обращая на себя всеобщее вниманіе своимъ русскимъ мундиромъ, своими орденами. «Московъ, гяуръ!» слышались повсюду восклицанія и на меня всѣ указывали пальцами. Положеніе было довольно неловкое и я направился къ набережной, гдѣ толпа была значительно рѣже. Здѣсь мою фигуру замѣтилъ хозяинъ нанятаго мною катера, плывшаго вдоль берега, и крикомъ просилъ меня подойти къ пристани. Вблизи пристани, на спускѣ къ Босфору, помѣщалась какая-то кофейня. Подъ навѣсомъ стояло нѣсколько столиковъ. Посѣтителей почти не было. Я вошелъ въ нее, усѣлся къ одному изъ столиковъ и потребовалъ себѣ вина. Ко мнѣ подошелъ хозяинъ-грекъ и вѣжливо поклонился. По русски онъ не понималъ ни слова и на мои вопросы отвѣчалъ мычаніемъ. Вскорѣ явился хозяинъ моего катера и служилъ намъ переводчикомъ. Я усадилъ ихъ возлѣ себя и изъ принесенной бутылки сталъ наливать въ стаканы вино, приглашая грековъ выпить со мною. Хозяинъ кофейни, видя, что я хочу его угостить,

торопливо подозвалъ къ себѣ мальчишку, сунулъ ему бывшую въ моихъ рукахъ бутылку и что-то быстро заговорилъ. Мальчикъ со всѣхъ ногъ пустился куда-то съ данною ему бутылкой.

— Что это? спросилъ я у своего грека.

Послѣдній объяснилъ мнѣ, что по ошибкѣ мнѣ подали не то вино, какое слѣдуетъ. Я догадался, что меня просто хотѣли угостить какою-то мерзостью, но, конечно, не показалъ вида. Вскорѣ прибѣжалъ мальчикъ и принесъ другаго, довольно хорошаго вина. Послѣ двухъ-трехъ стакановъ грекосы развеселились и начали разсказывать мнѣ, что они, греки, очень довольны тѣмъ, что русскія войска побѣдили турокъ; что они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда мы займемъ Константинополь и освободимъ ихъ отъ мусульманъ и пр., и пр. Между тѣмъ, кофейню мало-по-малу стали наполнять посѣтители, преимущественно греки и болгары. Сначала они сидѣли поодаль, но вскорѣ подошли къ нашему столику и густою толпой окружили насъ. Я предложилъ нѣкоторымъ вина, другихъ угостилъ папиросами, и толпа начала шумно галдѣть. Слышались постоянно возгласы: «Живіо царь Александръ, царь Николай, «живіо генералъ Гурко, Радецкій, Скобелевъ!» Толпа все больше и больше наэлектризовывалась, послышались даже крики: «Ура! Живіо Россія!..»

«Однако, это можетъ кончиться очень непріятно для меня», подумалъ я, видя возбужденіе окружавшей насъ толпы. «Какъ бы еще меня не арестовали здѣсь... Подумаютъ, что я агитаторъ какой-нибудь!»

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ въ кофейню вошли два турецкихъ офицера въ полицейской формѣ и усѣлись вблизи насъ. Грекосы еще издали ихъ замѣтили, что-то загалдѣли, быстро разошлись по кофейнѣ и, расположившись за столиками, стали говорить между собою

очень тихо. Я, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ полицейскихъ, продолжалъ свою бесѣду съ греками по русски къ видимой досадѣ полицейскихъ чиновъ (заптіевъ), ничего, очевидно, не понимавшихъ изъ моихъ словъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ—здоровый, смуглый мужчина съ длинными, черными усами—громко подозвалъ къ себѣ хозяина кофейни и что-то сталъ ему говорить, все посматривая на меня. Затѣмъ они подозвали къ себѣ и хозяина катера, съ которымъ я бесѣдовалъ, и тоже долго съ нимъ говорили. Вернувшись ко мнѣ, грекъ объяснилъ, что полицейскіе все время разспрашивали его про меня: откуда я пріѣхалъ, зачѣмъ, что я имъ говорилъ, кто я такой и т. д. По ихъ злобнымъ взорамъ, которые они бросали въ мою сторону, я рѣшилъ, что, вѣроятно, они не особенно дружелюбно ко мнѣ настроены; а потому, во избѣжаніе непріятностей, я, расплатившись за вино, отправился на свой катеръ въ сопровожденіи своего хозяина. Полисмены сочли своею обязанностью проводить меня до самаго берега. Усѣвшись въ катеръ, мы быстро поплыли черезъ Босфоръ по направленію къ Галатѣ. Солнце садилось уже и скоро весь городъ засвѣтился безчисленнымъ множествомъ огоньковъ, которые красиво отражались въ глубокомъ водяномъ пространствѣ. И эта ночная картина громаднаго историческаго города, отражавшагося въ прозрачно-голубыхъ водахъ Босфора и Золотаго Рога; это множество всевозможныхъ судовъ, тоже сіявшихъ огоньками на поверхности сонныхъ водъ; эти роскошные южные сады—кипарисовъ, платановъ, лавровъ, миртъ, померанцевъ—тянувшіеся широкими темными лентами по берегамъ тихихъ водъ, представляли какой-то фантастическій, чудный видъ, отъ котораго трудно было оторваться глазами...

Было уже совершенно темно, когда катеръ нашъ, въѣхавъ въ Золотой Рогъ и полавировавъ между судами, остано-

вился возлѣ извѣстнаго намъ деревяннаго моста. Расплатившись съ грекомъ, я черезъ туннель попалъ въ европейскую часть Константинополя; здѣсь встрѣтилъ нѣсколько товарищей и съ ними долго еще шатался по разнымъ веселымъ кафе-шантанамъ.

На слѣдующій день я вернулся въ Св. Георгій.

— А что, Скобелевъ дома? спросилъ я Маркова, съ которымъ помѣщался въ одной палаткѣ.

— Нѣтъ, уѣхалъ въ гости къ турецкимъ пашамъ, собственно къ главнокомандующему—къ Фуаду-пашѣ. Скука здѣсь, братъ, ужасная... Отправимся куда-нибудь!

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я,—и знаешь куда?.. Поѣдемъ въ деревню Макрикіой; я давно уже туда собираюсь. Говорятъ, тамъ есть подземные ходы въ Константинополь и даже подъ морскимъ дномъ на Принцевы острова!

— Ну, послѣднее врядъ-ли! замѣтилъ Марковъ.—Что жь, поѣдемъ, я согласенъ.

Не откладывая въ долгій ящикъ, мы черезъ нѣсколько минутъ собрались уже въ путь и отправились на вокзалъ. До Санъ-Стефано доѣхали по желѣзной дорогѣ, а здѣсь наняли парусную лодку и Мраморнымъ моремъ двинулись въ Макрикіой. Бывшій на пристани дежурный офицеръ, предполагая, что мы въ формѣ ѣдемъ въ Константинополь, замахалъ намъ платкомъ, приглашая вернуться. Но мы только любезно съ нимъ раскланялись и подъ парусомъ быстро понеслись на сѣверъ. Приблизительно черезъ часъ лодка наша пристала къ берегу у д. Макрикіой, черезъ которую проходила желѣзная дорога изъ Санъ-Стефано въ Константинополь.

— А недурно бы здѣсь закусить гдѣ-нибудь, сказалъ Марковъ, выходя на берегъ;—я, по крайней мѣрѣ, сильно

проголодался... Что, есть тутъ какая-нибудь гостинница? обратился онъ къ греку, отдавая ему деньги.

Послѣдній отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что въ вокзалѣ есть небольшой буфетъ, гдѣ можно закусить.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были на вокзалѣ и, усѣвшись за столикъ, заказали себѣ завтракъ.

«А гдѣ же мы проводника найдемъ для осмотра этихъ пещеръ?» соображалъ я, попивая вино. «Еще заблудимся, пожалуй, да попадемъ въ турецкія лапы!..»

Въ это время въ общую залу, гдѣ мы сидѣли, вошло нѣсколько турецкихъ офицеревъ и помѣстилось за ближайшимъ столикомъ.

— Откуда они взялись? спросилъ я Маркова, разсматривая фигуры этихъ турецкихъ сыновъ Марса.

— А здѣсь же ихъ лагерь недалеко отъ вокзала; они тутъ стоятъ на позиціяхъ, отвѣчалъ Марковъ, внимательно вглядываясь въ лица этихъ офицеровъ.—А посмотри-ка, Петро, вотъ на этого офицера, продолжалъ онъ, указывая глазами на симпатичнаго брюнета, средняго роста, лѣтъ сорока пяти, сидѣвшаго ближе къ намъ;—вѣдь, это, кажется, тотъ самый полковникъ, который, помнишь, пріѣзжалъ къ намъ на позицію подъ Плевной—послѣ сдачи ея—и ночевалъ еще у насъ...

Турки замѣтили наши пристальные взгляды и, въ свою очередь, внимательно посмотрѣли на насъ. Полковникъ Тахиръ-бей, на котораго указывалъ Марковъ, сразу узналъ насъ и, видимо обрадованный этою неожиданною встрѣчей, весело улыбаясь, быстро подошелъ къ намъ.

— Bonjour, messieurs, bonjour! Comme je suis content de vous voir!.. Quelle rencontre inattendue!.. говорилъ онъ, пожимая наши руки.

Онъ познакомилъ насъ со своимъ товарищемъ Омаромъ-беемъ, англичаниномъ, который тоже командовалъ

бригадой въ лагерѣ подъ Макрикіоемъ. Мы усѣлись за одинъ столикъ и потребовали еще вина. Тахиръ-бей началъ съ удовольствіемъ вспоминать о своемъ посѣщеніи нашихъ позицій подъ Плевной, отзывался съ восторгомъ о любезности Скобелева и Куропаткина, о ихъ высокихъ военныхъ качествахъ, о поучительныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Зеленыхъ горахъ, о ихъ храбрости и т. д. Затѣмъ онъ началъ разбирать дѣйствія турецкихъ пашей, однихъ хвалилъ, другихъ ругалъ, и все это пересыпая остротами, каламбурами и смѣхомъ. Вообще онъ оказался очень веселымъ и умнымъ собесѣдникомъ. Говорилъ онъ преимущественно съ Марковымъ, который совершенно свободно владѣлъ французскимъ языкомъ; я же хотя и понималъ почти все, но изъяснялся довольно слабо.

Другой полковникъ, Омаръ-бей, преимущественно молчалъ и, какъ истый англичанинъ, хладнокровно потягивалъ свою душистую сигару и индиферентно посматривалъ на насъ. Узнавъ, что мы пріѣхали въ Макрикіой осматривать пещеры, Тахиръ-бей сталъ отговаривать насъ отъ этого, увѣряя, что онѣ давно завалены или полны водой, что это не доставитъ намъ ни малѣйшаго удовольствія, и т. д. Затѣмъ оба полковника стали упрашивать насъ отправиться къ нимъ въ лагерь обѣдать, увѣряя, что этимъ мы сдѣлаемъ имъ большую честь и доставимъ огромное удовольствіе. Просьбы ихъ были такъ настойчивы, что мы не могли отказаться и, расплатившись въ буфетѣ, отправились всѣ вмѣстѣ въ ихъ лагерь, помѣщавшійся недалеко отъ вокзала. Встрѣчавшіеся на пути турецкіе солдаты становились во фронтъ своимъ начальникамъ и съ удивленіемъ посматривали на нашъ русскій костюмъ. Вскорѣ мы подошли къ лагерю. Нѣсколько офицеровъ выглянуло изъ палатокъ и тоже удивленными глазами провожало насъ. Наконецъ, мы вошли въ большую круглую палатку

Тахиръ-бея. Обстановка была довольно скромная, безъ всякаго комфорта, котораго можно бы было ожидать въ помѣщенiи бригаднаго командира.

Желѣзная складная кровать, маленькiй столикъ, двѣ табуретки со сложеннымъ на нихъ оружiемъ, чемоданы и коверъ на землѣ— вотъ и все убранство лагернаго жилья турецкаго бея. Мы размѣстились здѣсь кое-какъ, и Тахиръ-бей началъ угощать насъ прекраснымъ табакомъ. Англичанинъ же, Омаръ-бей, ушелъ къ себѣ хлопотать относительно обѣда. Вскорѣ въ нашу палатку вошло еще нѣсколько офицеровъ, съ которыми Тахиръ-бей (хозяинъ) насъ сейчасъ же познакомилъ. Между ними два были генеральнаго штаба и одинъ командиръ кавалерiйскаго полка (фамилiй ихъ не помню). Всѣ были очень любезны, веселы и внимательны къ намъ. Офицеры генеральнаго штаба, въ разговорѣ, между прочимъ, сообщили, что они воспитывались въ Парижѣ и окончили курсъ въ университетѣ.

— А что, господа, не пойти-ли намъ выкупаться передъ обѣдомъ? обратился ко мнѣ и Маркову Тахиръ-бей.

— Съ удовольствiемъ! отвѣчали всѣ, и цѣлая компанiя офицеровъ (шесть турецкихъ и два русскихъ) отправилась къ берегу Мраморнаго моря, къ красивой просторной купальнѣ. Долго плавали мы здѣсь въ прозрачныхъ, синеватыхъ водахъ Мраморнаго моря, долго на спокойной водной поверхности раздавались веселый смѣхъ, оживленныя русскiя, французскiя и турецкiя рѣчи въ перемежку... Наконецъ, въ самомъ веселомъ расположенiи духа мы вернулись въ лагерь, гдѣ въ палаткѣ Омаръ-бея уже ждалъ насъ обѣдъ. Англичанинъ устроился совсѣмъ не такъ, какъ его товарищъ, Тахиръ-бей. Палатка была гораздо больше и убрана даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Столъ былъ накрытъ совершенно по европейски. Обѣдъ, достав-

ленный, вѣроятно, изъ Константинополя, ничуть не напоминалъ, что здѣсь преобладаютъ сыны Магомета.

Вкусный обѣдъ, прекрасныя вина, отличное шампанское и, въ довершеніе всего, довольно порядочная дивизіонная музыка, которая играла во время нашего обѣда— все это, конечно, пріятно поразило насъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Всѣ наперерывъ насъ угощали и стаканы наши то и дѣло наполнялись шипучимъ виномъ. Въ концѣ обѣда Тахиръ-бей громогласно предложилъ тостъ за здоровье русскаго Императора, который встрѣченъ былъ громкими криками присутствующихъ: «vive Alexandre, vive l'Empereur Russe!» А я съ Марковымъ дружно прокричали русское «ура». Мы отвѣтили имъ тостомъ за султана и осушили до дна наши большіе бокалы, что произвело очень пріятное впечатлѣніе на всѣхъ турокъ и они горячо пожимали намъ руки. Оркестръ въ это время заигралъ турецкій маршъ. Затѣмъ слѣдовали тосты за вѣчную дружбу и миръ между Россіей и Турціей; за здоровье русскаго и турецкаго главнокомандующихъ; за русскую и турецкую арміи; за всѣхъ храбрыхъ обѣихъ армій, причемъ мнѣ, какъ имѣвшему Георгіевскій крестъ, было оказано особое вниманіе; за здоровье отважныхъ генераловъ обѣихъ армій: Скобелева, Гурко, Радецкаго, Драгомирова, Османа-паши, Тевфика-паши и др.; за турецкія и русскія войска, дравшіяся подъ Плевной (причемъ мы успокоили ихъ, что плевненскимъ плѣнникамъ живется въ Россіи прекрасно); за здоровье, наконецъ, другъ друга... Словомъ, трапеза наша вышла такая дружеская, такая теплая и задушевная, что трудно было предположить, что это братаются еще недавніе заклятые враги, съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою ненавистью истреблявшіе безпощадно другъ друга на поляхъ и горахъ Болгаріи.

«А, право, турки пресимпатичный народъ!» думалъ я, смотря на ихъ добродушныя лица и видя это радушіе, эту искренность. «Какъ-то не вѣрится даже, чтобы они могли обращаться такъ жестоко и безчеловѣчно съ братушками».

Въ концѣ-концовъ мы всѣ нагрузились такъ солидно, что многіе только лепетали что-то. Было около пяти часовъ вечера, когда мы всею компаніей отправились на вокзалъ къ поѣзду, шедшему въ Санъ-Стефано изъ Константинополя. Хотя турки и упрашивали насъ погостить у нихъ еще немного, но мы не могли исполнить ихъ просьбъ, такъ какъ въ Св. Георгіѣ предполагался на-дняхъ праздникъ Казанскаго полка, въ списки котораго былъ зачисленъ Скобелевъ, который, поэтому, хотѣлъ торжественно отпраздновать этотъ день, пригласивъ къ нему также турецкихъ начальниковъ. Мы просили нашихъ любезныхъ знакомыхъ пріѣхать на этотъ праздникъ (зная, что Михаилъ Дмитріевичъ будетъ этому очень радъ) и обѣщая имъ на-дняхъ прислать приглашеніе отъ имени Скобелева. Тахиръ-бей, Омаръ-бей и другіе турецкіе офицеры вошли съ нами въ вагоны и сердечно пожимали наши руки, соскочивъ на платформу, когда поѣздъ уже тронулся. Цѣлая толпа турецкихъ солдатъ смотрѣла издали на наше дружеское прощаніе, оживленно между собою разговаривая.

— Ну, что, тёзка, обратился я къ Маркову,—доволенъ ты поѣздкой?

— Очень. А какой, право, прелестный народъ эти турки! отвѣчалъ онъ, все еще не придя въ себя отъ обильныхъ тостовъ и шампанскаго.—Право, пресимпатичные люди!..

Пріѣхавъ, поздно вечеромъ, на позиціи, мы узнали, что Михаила Дмитріевича еще до сихъ поръ нѣтъ, но что

прибылъ изъ Одессы его воспитатель Жирарде, съ которымъ мы познакомились еще раньше подъ Плевной и котораго за короткое время успѣли горячо полюбить, какъ умнаго, благороднаго и сердечнаго человѣка. Послѣ взятія Плевны онъ ѣздилъ въ Парижъ, затѣмъ былъ въ С.-Петербургѣ и теперь снова вернулся навѣстить своего любимаго питомца и вмѣстѣ искренняго друга, Михаила Дмитріевича.

— Здравствуйте, m-r Жирарде, здравствуйте! говорили мы, крѣпко пожимая руку полному человѣку, лѣтъ 50-ти, небольшаго роста съ умною, подвижною, чисто французскою физіономіей.—Ну, какъ поживаете, гдѣ были, что видѣли, что въ Россіи?.. Разсказывайте скорѣе все!

— Подождите, господа, подождите, все скажу. По порядку.

И онъ намъ разсказывалъ про парижскую жизнь, про выставку...

— Вотъ, кстати, вамъ подарки съ выставки, и онъ презентовалъ каждому изъ ординарцевъ по разной походной принадлежности. (На мою долю достался походный стаканъ, очень изящно сдѣланный изъ французской лакированной кожи). Разсказывалъ про Россію, Петербургъ, про свое путешествіе.

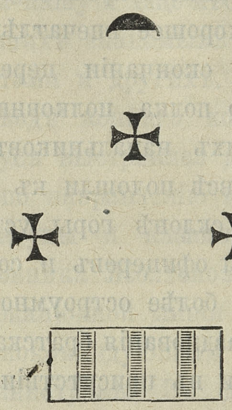
— До Одессы я ѣхалъ съ матушкой Михаила Дмитріевича, съ Ольгой Николаевной. Она осталась на время въ Одессѣ по дѣламъ «Краснаго Креста», но скоро должна прибыть въ Константинополь.

Для Жирарде, котораго Скобелевъ уже давно ожидалъ, была разбита маленькая палатка рядомъ съ палаткой генерала. Черезъ часъ пріѣхалъ Скобелевъ и очень обрадовался, увидѣвъ своего друга-воспитателя. Началась самая задушевная бесѣда, и мы, чтобы не мѣшать старымъ друзьямъ, разошлись по своимъ палаткамъ.

Спустя два дня по пріѣздѣ Жирарде, въ день полковаго праздника Казанскаго полка, Скобелевъ назначилъ смотръ всему 4-му корпусу. Кромѣ начальниковъ другихъ частей, Скобелевъ пригласилъ также главнокомандующаго турецкими войсками подъ Константинополемъ Фуада-пашу, Беккера-пашу и еще нѣсколько турецкихъ генераловъ, затѣмъ нашихъ знакомыхъ Тахиръ-бея и Омаръ-бея съ ихъ адъютантами и другихъ. Съ главнокомандующимъ прибылъ и взводъ коннаго конвоя. Къ десяти часамъ утра весь корпусъ выстроился для встрѣчи, причемъ на правомъ флангѣ, по направленію къ дер. Икетли, стали Астраханскіе драгуны и казаки. Отъ казаковъ же № 8-го полка (полковника Желтоножкина) была выслана одна сотня къ демаркаціонной линіи для почетнаго конвоя турецкаго главнокомандующаго Фуада-паши и бывшихъ съ нимъ министровъ. Въ десять часовъ Скобелевъ объѣхалъ войска, поздоровался со всѣми и поздравилъ Казанскій полкъ съ его праздникомъ. Вскорѣ за холмами показалась большая группа всадниковъ въ красныхъ фескахъ и синихъ мундирахъ, впереди которой на красивомъ конѣ ѣхалъ Фуадъ-паша, представительный и довольно еще молодой человѣкъ—лѣтъ тридцати пяти, своимъ ростомъ, фигурой и даже лицомъ нѣсколько напоминавшій Скобелева. Хотя и говорили, что онъ природный турокъ, но по внѣшности и слегка рыжеватымъ волосамъ онъ больше походилъ на англичанина. «На краулъ!» скомандовалъ Скобелевъ и, взявъ подвысь, поскакалъ рапортовать Фуаду-пашѣ, который радушно протянулъ ему руку. Затѣмъ Фуадъ-паша со своею многочисленною свитой объѣхалъ всѣ войска и съ каждою частью здоровался по французски. «Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!» дружно отвѣчали ему наши солдатики, ничего, конечно, не понимая изъ его привѣтствія на чуждомъ

имъ языкѣ. (Музыка въ это время играла свои полковые марши). Затѣмъ всѣ войска прошли мимо Фуада-паши церемоніальнымъ маршемъ, причемъ полки 16-той дивизіи, которые Скобелевъ особенно любилъ и былъ даже нѣсколько пристрастенъ къ нимъ, въ своихъ новыхъ мундирахъ и фуражкахъ, вмѣсто прежнихъ безобразныхъ кэпи, произвели особенно хорошее впечатлѣніе и вызвали всеобщія похвалы. По окончаніи церемоніальнаго марша, командиръ Казанскаго полка, полковникъ Лео, пригласилъ всѣхъ присутствующихъ начальниковъ частей на полковой праздникъ. Мы всѣ подошли къ мѣсту расположенія полка лагеремъ. На склонѣ горы устроены были оригинальныя столовыя для офицеровъ и солдатъ. Трудно было придумать что-нибудь болѣе остроумное, болѣе эффектное, чѣмъ эта картина празднованія братскаго полковаго праздника на самой позиціи въ присутствіи своихъ недавнихъ враговъ: на наиболѣе возвышенномъ мѣстѣ устроенъ былъ изъ нѣсколькихъ палатокъ павильонъ, гдѣ въ три ряда стояли длинные столы, покрытые бѣлыми скатертями и изящно уставленные приборами, батареями бутылокъ и разными украшеніями (все доставлено было изъ Константинополя). Это была столовая для офицеровъ и почетныхъ гостей полковаго праздника. Снаружи шатеръ былъ красиво декорированъ зеленью, цвѣтамии гирляндами, между которыми рельефно выдѣлялись вензеля Государя, Наслѣдника и двухъ Августѣйшихъ главнокомандующихъ (Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича), а также щиты съ названіями тѣхъ городовъ и селеній, гдѣ лихой Казанскій полкъ проявилъ свою храбрость, мужество, гдѣ увѣковѣчилъ себя геройскими подвигами и отвагой. Затѣмъ нѣсколько ниже этого офицерскаго шатра устроены были оригинальныя столовыя для нижнихъ чиновъ: для каждаго батальона былъ вырытъ въ землѣ гро-

мадный Георгіевскій крестъ. Люди садились съ наружной стороны этихъ крестовъ лицами внутрь, опуская ноги въ канаву около аршина глубиной, составлявшую наружную ограду крестовъ. Передъ солдатами на крестахъ стояли

простые, но чистые приборы. Еще ниже упомянутыхъ трехъ громадныхъ Георгіевскихъ крестовъ, которыхъ вполнѣ заслужили эти три батальона, устроенъ былъ въ землѣ же турецкій гербъ—огромный земляной мѣсяцъ, куда такимъ же образомъ помѣстился турецкій конный конвой, пріѣхавшій съ Фуадомъ-пашой и другими оттоманскими генералами. Между батальонами устроены были дорожки, красиво украшенныя гирляндами, флагами и вензелями... Послѣ молебна, совершеннаго между тремя крестами-монстръ, всѣ заняли свои мѣста и намъ изъ офицерскаго шатра, съ высоты, очень эффектно обрисовывались эти громадные русскіе живые кресты, а ниже ихъ турецкій полумѣсяцъ, который особенно выдѣлялся, благодаря краснымъ фескамъ турецкихъ драгунъ. Всѣхъ гостей съ офицерами полка было около полутораста человѣкъ. Генера-

литетъ нашъ и другіе высшіе чины размѣстились въ перемежку между турецкими гостями, любезно занимая ихъ и угощая. Скобелевъ о чемъ-то оживленно бесѣдовалъ съ Фуадомъ-пашей и Беккеромъ-пашей. Полковники: Лео, Аргамаковъ, Панютинъ и др. съ чисто русскимъ гостепріимствомъ и радушіемъ ухаживали за остальными сынами Магомета. Особенно своею веселостью, остроуміемъ и находчивостью отличался, какъ и всегда, Всеволодъ Васильевичъ Панютинъ--умный, дѣятельный и энергичный человѣкъ, любимецъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ. По русскому обычаю, сначала выпили, потомъ принялись за вкусную закуску. Громкій оживленный разговоръ на русскомъ и французскомъ языкахъ стоялъ надъ этою пестрою, красивою толпой. Во время обѣда командиръ полка, полковникъ Лео, получилъ нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ, между которыми особенно дороги были поздравленія отъ двухъ Августѣйшихъ главнокомандующихъ, причемъ Михаилъ Николаевичъ поздравлялъ, какъ шефъ, свой славный полкъ. Телеграммы были громогласно прочитаны на русскомъ и французскомъ языкахъ (на послѣднемъ собственно для турецкихъ пашей) и сопровождались громкимъ единодушнымъ «ура» всѣхъ присутствующихъ офицеровъ и солдатъ и звуками народнаго гимна, исполненнаго прекрасною полковою музыкой.

Послѣ тостовъ за обожаемаго Монарха, Наслѣдника престола, главнокомандующихъ и другихъ лицъ Императорской фамиліи, Скобелевъ предложилъ выпить здоровье полка; при этомъ въ умной, прочувствованной рѣчи онъ вспомнилъ послѣдовательно всѣ подвиги, совершенные славнымъ полкомъ; всѣ тяжелыя невзгоды, выпавшія на его долю въ періодъ кампаніи; высказалъ, наконецъ, увѣренность, что полкъ постарается твердо укрѣпить въ себѣ всѣ эти знанія и боевую опытность, пріобрѣтенныя та-

кими тяжелыми трудами, и не будетъ почивать на лаврахъ, какъ это часто бываетъ; что если потребуются новыя усилія, новыя жертвы, то онъ увѣренъ, что полкъ окажется на высотѣ своего призванія и не пожалѣетъ своихъ отважныхъ, боевыхъ сыновъ для защиты Царя и родной земли...

— Пью еще разъ здоровье молодцевъ казанцевъ! закончилъ свою энергичную, сильно подѣйствовавшую на всѣхъ присутствующихъ рѣчь Михаилъ Дмитріевичъ.

«Ура, урраа!..» долго носилось надъ офицерскою палаткой, надъ Георгіевскими крестами и даже надъ турецкимъ полумѣсяцемъ, и бокалы офицеровъ высоко поднимались надъ столами. Замѣчательный человѣкъ былъ этотъ Михаилъ Дмитріевичъ! Скажи эту самую рѣчь другой—всѣ выслушали бы ее совершенно хладнокровно, спокойно. Теперь же у рѣдкаго человѣка внутреннее волненіе не отражалось на лицѣ, у рѣдкаго офицера не стояли на глазахъ слезы... Рѣчь Скобелева, конечно, не могла быть особенно пріятна для нашихъ недавнихъ враговъ, высшіе военные представители которыхъ сидѣли между нами. Хотя, по всей вѣроятности, они, по незнанію русскаго языка, ничего и не поняли изъ нея, но по тому впечатлѣнію, которое она произвела на всѣхъ, по тѣмъ восторженнымъ «ура», которые вырывались изъ нашихъ грудей, турки, вѣроятно, догадались, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь патріотическомъ вопросѣ, что въ эти минуты имъ не слѣдовало бы здѣсь присутствовать... Это замѣтно было по ихъ нѣсколько смущеннымъ лицамъ... Но Скобелевъ былъ великодушенъ и умѣлъ щадить самолюбіе врага. Еще не затихли раскаты этого оглушительнаго «ура», которое вызвала его послѣдняя, дышавшая порохомъ, рѣчь, какъ Михаилъ Дмитріевичъ снова поднялъ свой бокалъ и громко предложилъ тостъ за Фуада-пашу и за турецкую армію.

Начались чоканья наши съ бокалами недавнихъ враговъ... Турки были въ восторгѣ... Фуадъ-паша отвѣчалъ очень умною и энергичною рѣчью на французскомъ языкѣ; за нимъ говорили другіе турецкіе генералы. Особенно разумную и энергичную рѣчь сказалъ одинъ изъ пашей, какой-то бригадный командиръ. Разбирая вкратцѣ дѣйствія нашихъ и турецкихъ войскъ въ минувшую кампанію, онъ положительно отдавалъ предпочтеніе первымъ, выхвалялъ русскаго солдата, удивлялся его мужеству и дисциплинѣ и находилъ въ высшей степени поучительными дѣйствія нашихъ генераловъ. Словомъ, спѣлъ намъ форменный панегирикъ... Другіе паши слегка морщились только, слушая увлекательную рѣчь своего словоохотливаго коллеги. Конвой турецкій (человѣкъ тридцать), помѣщавшійся въ небольшомъ, сравнительно съ крестами, полумѣсяцѣ, былъ тоже не забытъ и здѣсь роль хозяевъ исполняли наши фельдфебеля и унтеръ-офицеры. Здѣсь дѣло было гораздо проще, хотя ничуть не скучнѣе. Не было, правда, никакихъ тостовъ, спичей и изъясненій и господа фельдфебеля и унтеръ-офицеры объяснялись съ гостями исключительно на своемъ родномъ діалектѣ съ прибавленіемъ развѣ мимики; но гости и хозяева, тѣмъ не менѣе, отлично понимали другъ друга и бутылки быстро опоражнивались. Я нѣсколько разъ заглядывалъ туда и каждый разъ возвращался обратно съ хохотомъ.

— Эй, братъ, Ахметка (или просто: «Ну, ты, красноголовый азіатъ!»), выпьемъ съ тобою, что-ли! приставалъ какой-нибудь Ковалевъ или Степановъ къ здоровому турецкому драгуну, объясняя очень наглядно свое предложеніе щелчкомъ по воротнику...

И Ахметка, самодовольно осклабясь, сейчасъ же принималъ налитую ему чарку и начиналъ что-то быстро говорить на своемъ тарабарскомъ языкѣ.

— Да, ты, братъ, пей; чего тамъ много разговаривать... Вонъ еще надо этому долгоносому налить...

И посуда моментально опоражнивалась, а затѣмъ слѣдовала та же сцена съ долгоносымъ... Словомъ, праздникъ вышелъ на славу и результатъ оказался блестящій: далеко за полночь спеціально наряженной для этого сотнѣ казаковъ № 8-го полка пришлось разводить по домамъ какъ гг. турецкихъ офицеровъ, такъ равно и ихъ конвойныхъ солдатъ, которыхъ наши солдатики такъ щедро нагрузили. Верхами нѣсколько неудобно было возвращаться послѣ такого сытнаго обѣда, а потому предусмотрительный Михаилъ Дмитріевичъ еще заранѣе распорядился на счетъ колясокъ для отвоза пашей. Я думаю, что всѣ принимавшіе въ этомъ праздникѣ участіе не забыли до сихъ поръ его подробностей и съ удовольствіемъ припоминаютъ эти хорошія минуты.

ГЛАВА V.

Я забылъ упомянуть, что еще въ Чаталджѣ мы всѣмъ штабомъ, со Скобелевымъ во главѣ и съ горною батареей, снимались у походнаго нашего фотографа Иванова. Но въ то время съ нами не было любимца Михаила Дмитріевича—Жирарде. Поэтому, желая, чтобы и его воспитатель принялъ участіе въ нашей группѣ, Скобелевъ попросилъ Маркова съѣздить въ Константинополь и привезти оттуда лучшаго фотографа. Дня черезъ два фотографъ явился, и мы всѣ снялись передъ палаткой Михаила Дмитріевича.

Кромѣ того, Скобелевъ снялся еще отдѣльно и далъ каждому изъ насъ, своихъ ординарцевъ, по портрету.

Въ августѣ мѣсяцѣ гвардія наша стала садиться на суда и отправляться въ Россію. Завидно было смотрѣть

на этихъ счастливцевъ и невольно думалось, скоро-ли и намъ удастся поплыть въ родные края. Но скоро мечты эти пришлось отложить въ долгій ящикъ. Въ началѣ сентября стали носиться упорные слухи, что 4-й корпусъ остается на оккупацію и что намъ придется, поэтому, двинуться къ Адріанополю. Скоро слухи эти окончательно подтвердились. Какъ ни грустно было въ этомъ убѣдиться, но приходилось покориться необходимости. Начались приготовленія къ новому походу, хотя и мирному, но довольно далекому. Скобелевъ подробно осматривалъ всѣ части своего корпуса и ни одна мелочь не ускользала отъ его опытнаго, внимательнаго глаза. Кромѣ хозяйственнаго отдѣла, Скобелевъ обращалъ также большое вниманіе на санитарную часть отряда; заботливость его о здоровьѣ солдата, о внимательномъ уходѣ за больными и ранеными была извѣстна всѣмъ въ отрядѣ. Мы, ординарцы, получали отъ него постоянно различныя приказанія, касающіяся наблюденій и повѣрокъ лазаретныхъ порядковъ. Въ этомъ сказывалась еще разъ добрая душа Михаила Дмитріевича и его искренняя любовь къ солдату. Никогда не забуду, какъ сильно измѣнился Скобелевъ, какой онъ сталъ нервный, безпокойный, когда люди въ нашемъ отрядѣ стали болѣть тифомъ и дизентеріей. Михаилъ Дмитріевичъ обрушивался на докторовъ, поднималъ всѣхъ ихъ на ноги, хотя люди эти исполняли свои обязанности въ высшей степени добросовѣстно. Особенно доставалось этимъ скромнымъ труженикамъ въ жаркій періодъ кампаніи, когда на поляхъ сраженій, сплошь и рядомъ подъ непріятельскимъ огнемъ, имъ приходилось перевязывать раны, подвергаясь ежеминутной опасности быть убитымъ или раненымъ...

Здѣсь, подъ Константинополемъ, въ періодъ затишья, ихъ служба была не легче: эпидемическія болѣзни валили тысячи людей и многихъ кости покоились уже въ турецкой

землѣ. Тифъ безжалостно уносилъ въ могилу многочисленныя жертвы, между которыми находилось также много докторовъ, заразившихся отъ своихъ паціентовъ. Скобелева все это видимо волновало и онъ сильно измѣнился за эти скорбные дни. По цѣлымъ днямъ генералъ осматривалъ хозяйство корпуса, по вечерамъ въ своей палаткѣ занимался чтеніемъ, что-то все писалъ и бесѣдовалъ съ Жирарде.

На дворѣ стоялъ сентябрь. Погода что-то испортилась, и Скобелевъ приказалъ всему штабу перебраться изъ лагеря въ самое селеніе Св. Георгій. Дни тянулись своимъ чередомъ—довольно монотонно. Поѣздки въ Константинополь уже наскучили, приѣлись. Все было уже знакомо, ничто не занимало... Тянуло домой, на родину, а между тѣмъ приходилось снова углубляться внутрь Балканскаго полуострова, оставаться на эту скучную, бездѣятельную оккупацію.

Какъ-то вечеромъ, недѣли за двѣ до нашего выхода изъ Св. Георгія, наша компанія собралась въ своей палаткѣ. Марковъ съ Хомичевскимъ о чемъ-то бесѣдовали; я лежалъ на кровати и насвистывалъ любимый мотивъ Скобелева, который онъ напѣвалъ всегда, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Слова этого романса или пѣсни, приблизительно, слѣдующія:

«Madame, я вамъ сказать обязанъ—
Я не герой, я не герой,
При томъ же я любовью связанъ
Совсѣмъ съ другой, совсѣмъ съ другой!»

Пѣсня, въ сущности, довольно пустая и я часто удивлялся, откуда это Скобелевъ, человѣкъ безспорно очень умный, образованный, выкопалъ ее. Скобелевъ часто начиналъ ее, но никогда не кончалъ; да, кажется, онъ только и зналъ одинъ куплетъ. Я нѣсколько разъ обра-

щался къ Михаилу Дмитріевичу съ просьбой—спѣть ее до конца, но всегда получалъ отказъ.

— Ваше превосходительство, пожалуйста, научите меня этотъ романсъ. Очень ужь онъ мнѣ нравится!.. приставалъ я нѣсколько разъ къ генералу, который въ это время (т.-е. когда напѣвалъ) бывалъ обыкновенно въ хорошемъ расположеніи духа.

— Хорошенькаго понемножку, отвѣчалъ онъ.—Учить васъ я не намѣренъ; можете сами научиться...

И такъ, я, лежа, мурлыкалъ этого самаго, «связаннаго любовью, героя», а товарищи мои тихо о чемъ-то разговаривали. Было около десяти часовъ вечера. Вдругъ дверь нашей палатки открылась и вошелъ Жирарде.

— А я къ вамъ, господа! Извините, не помѣшалъ-ли? Скучно стало сидѣть одному. Михаилъ Дмитріевичъ что-то пишетъ, спать не хочется... Вышелъ пройтись по лагерю, вижу у васъ огонь—вотъ и зашелъ...

— Очень рады, очень рады! заговорили мы всѣ и усадили дорогаго гостя на кровать.—Мы вотъ тоже скучаемъ... Вы намъ разскажите что-нибудь про Парижъ, про выставку...

И Жирарде очень охотно сталъ дѣлиться съ нами своими впечатлѣніями послѣдняго своего путешествія во Францію, разсказывалъ много интереснаго про парижскую жизнь, про выставку, затѣмъ про дѣтство Михаила Дмитріевича и т. д. Такъ въ оживленной бесѣдѣ незамѣтно прошло около двухъ часовъ. Я совершенно машинально началъ насвистывать марсельезу. Жирарде, услышавъ мотивъ своего національнаго марша, который я, по отсутствію слуха, немилосердно коверкалъ, сейчасъ же меня остановилъ и началъ поправлять.

— Надо вотъ какъ, сказалъ онъ, и съ чувствомъ запѣлъ свой родной маршъ, постепенно увлекаясь имъ.

Я сталъ ему вторить, къ намъ пристроился Марковъ и скоро палатка наша превратилась въ какую-то концертную залу.

— Господа, да вы разбудите всѣхъ въ лагерѣ! Михаилъ Дмитріевичъ, пожалуй, уже легъ спать! замѣтилъ намъ Хомическій, не принимавшій участія въ нашемъ тріо.

— Вотъ что, сказалъ Жирарде, который сильно увлекся своимъ маршемъ,—пойдемте въ поле, я васъ тамъ научу и словамъ марсельезы.

— Отлично, идемъ!

Мы вышли изъ палатки и, отойдя шаговъ на сто, расположились на холмѣ. Ночь была тихая, лунная; часы показывали около двѣнадцати. Здѣсь мы улеглись на землю и, подъ управленіемъ увлекательнаго старика-француза, начали распѣвать сперва тихо марсельезу, а затѣмъ незамѣтно громче и громче.

Вдругъ мы услышали невдалекѣ знакомый голосъ Михаила Дмитріевича:

— Кто это тамъ по ночамъ оретъ? Пожалуйте-ка сюда, господа пѣвцы!

Будь мы только вдвоемъ съ Марковымъ, мы, конечно, какъ школьники, удрали бы. Теперь же, въ присутствіи воспитателя Скобелева, это неловко было сдѣлать.

— Да кто же это? раздался снова голосъ генерала уже совсѣмъ близко.

— Это мы—компанія! отвѣчалъ я.

— А, это компанія обезьянъ!.. Что вы съ ума сошли, по ночамъ завывать вздумали!..

Но, подошедши ближе и увидѣвъ Жирарде, онъ нѣсколько удивился.

— Ахъ, это вы! сказалъ онъ.—А я хотѣлъ было уже за жандармами посылать, чтобъ всѣхъ васъ, пѣвцовъ,

упрятать въ клѣтку... И все вы, напустился онъ на меня,— я вотъ васъ въ 3-е отдѣленіе отправлю!

— За что, ваше превосходительство?!.

— За либеральное направленіе! Что это вы марсельезу распѣваете?!.

— Что жь тутъ такого? Это національный маршъ французской республики, дружественной намъ державы.

— Да, тамъ бы вамъ показали дружественную державу, улыбнулся Скобелевъ.—Лучше пойдемте спать. Завтра вставать рано и надо перебираться въ селеніе. Послѣднюю ночь проводимъ въ лагерѣ!

И взявъ подъ руку Жирарде, онъ направился къ своей палаткѣ. Я съ Марковымъ слѣдовалъ позади.

Въ концѣ августа Скобелевъ отправилъ въ С.-Петербургъ поручика Эйгольца съ разными порученіями къ своему отцу и другимъ роднымъ, а также просилъ его помочь Ольгѣ Николаевнѣ, матушкѣ Михаила Дмитріевича, которая все еще оставалась въ Одессѣ по дѣламъ «Краснаго Креста». Эйгольцъ въ точности выполнилъ всѣ порученія Михаила Дмитріевича и вскорѣ вернулся обратно изъ Россіи въ Константинополь вмѣстѣ съ матушкой Скобелева—Ольгой Николаевной. О ней мы слышали еще ранѣе очень много хорошаго. Жирарде разсказывалъ, что это женщина очень умная, образованная, съ добрымъ, гуманнымъ сердцемъ, съ замѣчательнымъ тактомъ и энергіей. Какъ сынъ приносилъ громадную пользу государству на ратномъ поприщѣ, такъ мать ревностно хлопотала, помимо раненыхъ и больныхъ, о благосостояніи созданнаго на потокахъ русской крови юнаго Болгарскаго княжества, направляя преимущественно свою дѣятельность и заботы на разумную постановку женскаго образованія у призываемаго къ новой жизни болгарскаго народа. Въ Констан-

тинополѣ она усердно хлопотала объ этомъ, неоднократно совѣтуясь даже съ патріархомъ.

На другой день послѣ описаннаго выше ночнаго концерта, Скобелевъ съ Жирарде и дежурнымъ ординарцемъ Лихардовымъ отправился въ Константинополь встрѣчать свою мать, которая должна была пріѣхать изъ Одессы. Въ Константинополѣ Михаилъ Дмитріевичъ пробылъ четыре дня, и мы, ординарцы, ѣздили туда по очереди дежурить и вмѣстѣ передавали бумаги отъ начальника штаба. На четвертый день наступила моя очередь. Съ тремя казаками и лошадью Скобелева, которую онъ приказалъ привести изъ лагеря, я доѣхалъ до Галаты, оставилъ здѣсь, въ гостинницѣ, лошадь, переправился на лодкѣ черезъ Золотой Рогъ и черезъ туннель попалъ въ Перу.

Михаилъ Дмитріевичъ былъ дома.

— Ну, что у насъ новенькаго; все благополучно? встрѣтилъ онъ меня.

Я передалъ ему пакеты и сказалъ, что все слава Богу.

— Ну и прекрасно. Теперь пойдемте, я васъ познакомлю со своею матушкой.

Мы вошли въ ея комнату. Мать Скобелева—женщина лѣтъ 55-ти, брюнетка, средняго роста, съ умнымъ, энергичнымъ и добрымъ лицомъ—сидѣла на диванѣ и читала французскую газету.

— Матушка, сказалъ громко Михаилъ Дмитріевичъ,— представляю тебѣ еще одинъ экземпляръ изъ моей орды!.. Вотъ съ кѣмъ ты наговоришься: онъ очень любитъ болтать. Только ты, пожалуйста, смотри за нимъ: это страшный непосѣда. Впрочемъ, находясь въ твоемъ обществѣ, онъ этого не посмѣетъ сдѣлать; въ дамскомъ обществѣ онъ очень деликатенъ, хоть и казакъ... Я же съ нимъ ничего не подѣлаю: чуть отъ него отвернешься, а его

уже и слѣдъ простылъ... Хоть бы ты, maman, привела въ порядокъ мою орду!..

— Очень рада съ вами познакомиться, сказала Ольга Николаевна, пожимая мою руку и усаживая возлѣ себя.— Мнѣ Миша много говорилъ и писалъ про васъ, и я съ вами была довольно хорошо знакома еще до настоящей встрѣчи... И за что ты ихъ все бранишь? обратилась она къ сыну,—всѣ они такіе милые, славные; вотъ ужь сколько ты ихъ мнѣ представилъ.

— Это они въ твоемъ присутствіи такіе смирные. А то они всѣ на головахъ ходили бы. Въ особенности же этотъ проказникъ, онъ указалъ на меня.—Ты, пожалуйста, обрати на него серьезное вниманіе.

— Хорошо, хорошо, будь покоенъ, я обращу вниманіе на все, отвѣчала, улыбаясь, Ольга Николаевна.—Да скажите, пожалуйста, прибавила она, обращаясь ко мнѣ:— за что это онъ всѣхъ васъ называетъ ордой и въ глаза всегда бранитъ, а за глаза хвалитъ?

— Это гораздо лучше, чѣмъ наоборотъ, отвѣчалъ я,— т.-е. въ глаза хвалить, а за глаза ругать. Генералъ не любитъ насъ баловать и иногда, когда бываетъ не въ духѣ, даже ругаетъ, хотя и не сомнѣвается никогда въ нашей безусловной преданности. Ордой же своей онъ называетъ насъ, я думаю, не потому, что мы какіе-то башибузуки, а просто оттого, что съѣхались мы къ нему съ разныхъ концовъ Россіи и между нами есть представители всѣхъ родовъ оружія. Подъ Плевной штабъ Михаила Дмитріевича былъ еще разнокалибернѣе.

— Да, да, это совершенно вѣрно, подтвердилъ мои слова бывшій тутъ же Жирарде.

— Ну вотъ, всѣ на меня! сказалъ все время улыбавшійся Михаилъ Дмитріевичъ.—Я, поэтому, уйду даже отъ васъ, кстати мнѣ нужно въ посольство; къ завтраку,

впрочемъ, я вернусь. Надѣюсь, ты не будешь скучать съ этою обезьяной!..

— Онъ у васъ всегда такой?.. обратилась ко мнѣ, смѣясь, Ольга Николаевна, когда генералъ вышелъ.

— Всяко бываетъ, отвѣчалъ я,—бываетъ иногда сердитъ, не въ духѣ, но большею частью веселъ и добръ. Нерѣдко за обѣдомъ онъ добродушно подтруниваетъ надъ кѣмъ-нибудь, перебираетъ нашего брата по косточкамъ, хотя никогда этого не дѣлаетъ за глаза или съ дурною цѣлью. Часто онъ разсказываетъ намъ про Туркестанъ, про халатниковъ, про свои дѣла съ ними, и мы всегда съ увлеченіемъ слушаемъ эти повѣствованія. А когда бываетъ очень веселъ, то разсказываетъ про свои продѣлки въ дѣтствѣ, и мы тогда хохочемъ до упаду.

— Да, отвѣчала, смѣясь, Ольга Николаевна, — онъ былъ мальчикомъ ужасный проказникъ; чего только онъ ни выдѣлывалъ!..

— А правда, Ольга Николаевна, что еще ребенкомъ онъ терпѣть не могъ нѣмцевъ?.. спросилъ я.

— Да, это правда, отвѣчала она,—нѣмцевъ онъ дѣйствительно не любилъ... Впрочемъ, тогда доставалось всѣмъ! Вотъ только m-r Жирарде—нашему старому другу—мы и обязаны, что Миша сталъ сдерживать свою пылкую натуру: m-r Жирарде съумѣлъ привязать къ себѣ ребенка, развилъ въ немъ честные инстинкты и вывелъ его на дорогу...

Радость блеснула въ глазахъ старика-француза и онъ нѣсколько сконфузился отъ этой похвалы матери русскаго героя.

— Да, Михаилъ Дмитріевичъ въ дѣтствѣ былъ очень умный, бойкій мальчикъ; очень самостоятельный, любознательный и любилъ выводить свои рѣшенія!..

Мы долго еще бесѣдовали на эту тему. Ольга Нико-

лаевна подробно разспрашивала меня про кампанію, про всѣ дѣла Михаила Дмитріевича, про Куропаткина и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей нашего отряда и съ живымъ интересомъ слушала мои повѣствованія.

— Вы, какъ близкій человѣкъ къ Мишѣ, знаете все; разскажите, пожалуйста, безъ утайки! просила она меня.

И все, что мнѣ было извѣстно, что самъ видѣлъ, я подробно передалъ умной и доброй женщинѣ-матери знаменитаго человѣка.

Около двѣнадцати часовъ дверь комнаты отворилась и на порогѣ появился Михаилъ Дмитріевичъ подъ руку съ секретаремъ нашего посольства, г. Ону.

— Ну, что, наговорилась ты съ нимъ? обратился Скобелевъ къ матери, цѣлуя ея руку.—Вотъ я привелъ тебѣ новаго собесѣдника. Пойдемте, господа, завтракать!..

— Очень вамъ благодарна, мы съ вами еще побесѣдуемъ! сказала мнѣ Ольга Николаевна и, взявъ подъ руку Жирарде, отправилась въ столовую.—А гдѣ же Миша? сказала Ольга Николаевна, не видя въ столовой сына.

— Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, отвѣтилъ я.

— Пожалуйста, Петръ Архиповичъ, позовите его!

Я отправился въ комнату Михаила Дмитріевича. Послѣдній стоялъ передъ зеркаломъ и расчесывалъ себѣ баки, сбрызнувъ щетку духами.

— Васъ проситъ Ольга Николаевна.

— Сейчасъ иду...

— Ваше превосходительство, дайте мнѣ вашихъ духовъ! попросилъ я генерала.

— Ну, пристали-ли къ вашей физіономіи духи!?... Да вы посмотрите на себя въ зеркало! отвѣчалъ онъ, смѣясь.

— Ну, не надо! Вамъ, должно быть, жалко... Вотъ я пойду на васъ жаловаться Ольгѣ Николаевнѣ, обидѣлся я

и хотѣлъ уйти въ столовую. Но Скобелевъ въ это время догналъ меня, схватилъ за погонъ и весь флаконъ духовъ вылилъ на голову.

— Чего вы обидѣлись—нельзя и пошутить! говорилъ онъ и громко хохоталъ, видя мои усилія освободить свою голову отъ его душистой влаги.—Будете теперь на меня жаловаться, успокоились?.. Ну, давайте мириться и идемъ ѣсть *).

Спускаясь по лѣстницѣ, Михаилъ Дмитріевичъ все время толкалъ меня сзади; со смѣхомъ мы вошли, наконецъ, въ столовую, гдѣ насъ дожидала вся компанія. На диванѣ, рядомъ съ Жирарде, сидѣла Ольга Николаевна; противъ нихъ г. Ону съ прапорщикомъ Ушаковымъ, ординарцемъ, котораго я смѣнилъ съ дежурства; Скобелевъ помѣстился рядомъ съ матерью, я напротивъ него. Всѣ были очень веселы, разговорчивы. Тема была преимущественно дипломатическаго характера, такъ какъ представитель ея (г. Ону) присутствовалъ здѣсь. Разбирались дѣйствія нашей дипломатіи, отдавалось должное ловкому Бисмарку и хитрой политикѣ Австріи и Англіи; словомъ, никто не стѣснялся

*) Вообще у Скобелева было много странностей. Помню подъ Плевной такой эпизодъ. у Скобелева вышли всѣ духи, до которыхъ онъ былъ большой любитель (и какъ-то странно гармонировалась смѣсь этихъ двухъ запаховъ — духовъ и пороховаго дыма!..). «Дукмасовъ, нѣтъ-ли у васъ духовъ?» обратился онъ ко мнѣ.—«Нѣтъ, всѣ вышли, ваше превосходительство. Вы мнѣ еще должны два флакона», отвѣтилъ я, улыбаясь.—«Въ Константинополѣ отдамъ съ процентами: за каждый флаконъ по бутылкѣ...»—«Вотъ розовое масло есть, если хотите», прибавилъ я. — «Ну, обрызгайте меня, пожалуйста, масломъ ..» Я сталъ щедро поливать и натирать его голову масломъ. Въ это время подошелъ Куропаткинъ. «Что это вы дѣлаете?» обратился онъ къ Скобелеву.—«Да вотъ Дукмасовъ розовымъ масломъ меня натираетъ,—духовъ нѣтъ...» отвѣчалъ весело генералъ.—«Да у васъ отъ этого всѣ волосы вылѣзутъ...» засмѣялся Алексѣй Николаевичъ.—«Неужели!» испугался Скобелевъ. «Это чортъ знаетъ что такое. Этотъ Дукмасовъ вѣчно что-нибудь выдумаетъ... Убирайтесь вы съ вашимъ масломъ... Эй, скорѣй воды умываться!..»

высказывать свои убѣжденія и мысли. И при этихъ довольно серьезныхъ бесѣдахъ меня особенно удивила Ольга Николаевна. Я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ женщинѣ такой высокій умъ, такое пониманіе разныхъ дипломатическихъ тонкостей, такое образованіе, начитанность, знаніе исторіи, международнаго права и другихъ наукъ. Она такъ мѣтко характеризовала поведеніе этихъ, такъ называемыхъ, дружественныхъ намъ державъ, ихъ цѣли и истинныя намѣренія, проявляла при этомъ такой глубокій патріотизмъ, и дѣлала все это такъ просто, такъ наглядно, что я положительно пришелъ въ изумленіе и восторгъ. Единственный разъ въ жизни мнѣ приходилось встрѣчать такую умную и высокообразованную женщину... Личности Бисмарка, Андраши и другихъ крупныхъ дипломатовъ Европы выростали передъ моими глазами, какъ живыя. Михаилъ Дмитріевичъ, большею частью, вполнѣ соглашался съ мнѣніями Ольги Николаевны, и оба они—мать и сынъ—были проникнуты явнымъ нерасположеніемъ къ нѣмцамъ, считая ихъ главными виновниками нашихъ неудачъ на дипломатическомъ поприщѣ.

— Эти нѣмцы для Россіи — бо̀льшее зло даже, чѣмъ жиды! говорилъ не разъ патріотъ-генералъ.

На другой день, утромъ, мы верхами вернулись въ Св. Георгій. Всѣ уже перебрались изъ лагеря. Отъ начальника штаба, генерала Духонина, Скобелевъ узналъ, что его хотѣлъ видѣть главнокомандующій, генералъ Тотлебенъ.

— Приготовь мнѣ скорѣе сюртукъ и шпагу! приказалъ генералъ своему деньщику Лею, думая немедленно же отправиться въ Санъ-Стефано. Но каково же было его изумленіе, когда, взявъ изъ рукъ Лея шпагу, онъ увидѣлъ, что всѣ бывшіе на ней крупные и очень дорогіе бриллiанты оказались вынутыми. Михаилъ Дмитріевичъ

поблѣднѣлъ, страшно разсердился, бросилъ шпагу и сталъ кричать на перепуганнаго Лея.

— Позови Круковскаго! кричалъ генералъ.

Явился извѣстный уже читателямъ комикъ-деньщикъ, но и послѣдній не могъ ничего объяснить, не зная даже вовсе про существованіе этихъ цѣнныхъ камней.

— Я знать ничего не хочу, чтобъ были мнѣ бриліанты, иначе я васъ обоихъ, мерзавцевъ, въ Сибирь отправлю!..

Полякъ Круковскій, чувствуя себя совершенно невиннымъ и будучи человѣкомъ горячимъ, тоже вспылилъ и сталъ возражать генералу.

— За что же въ Сибирь?! оправдывался онъ.—Почемъ я знаю, кто ихъ взялъ? Мало-ли къ вамъ ходитъ здѣсь всякихъ господъ—за всѣми ими не усмотришь!

Скобелева эти слова окончательно взбѣсили.

— Ахъ ты, скотина этакая! закричалъ онъ, со всего размаха ударилъ по лицу Круковскаго и выгналъ его изъ комнаты.

Одинъ только намекъ деньщика на то, что это могъ сдѣлать кто-либо изъ штаба Скобелева, заставилъ его выйти изъ всякихъ границъ самообладанія. Такъ невѣроятно казалось это честному, благородному герою!.. Всю эту сцену мнѣ передавали послѣ Лей и Круковскій; кромѣ нихъ, въ комнатѣ никого не было. Скобелевъ этимъ такъ взволновался, что отложилъ свою поѣздку къ Тотлебену до вечера. За обѣдомъ, къ которому мы, по обыкновенію, собрались всѣ вмѣстѣ, Скобелевъ былъ очень пасмуренъ, сидѣлъ все время молча и ничего почти не ѣлъ. Его настроеніе передавалось и всѣмъ. Всѣ сидѣли въ глубокой тишинѣ и недоумѣвали, что за причина такого угнетеннаго состоянія духа нашего любимаго начальника.

— Что это съ нимъ? Отчего онъ такой? спросилъ меня шепотомъ кто-то изъ сосѣдей.

— Не знаю, отвѣчалъ я;—по дорогѣ изъ Константинополя онъ все время былъ очень веселъ. Развѣ Духонинъ сообщилъ ему что-нибудь непріятное!

Круковскій и Лей, подававшіе обѣдъ, тоже были страшно взволнованы, но никому не говорили ни слова объ этомъ эпизодѣ. Я сидѣлъ противъ генерала и рѣшился съ нимъ первый заговорить.

— Ваше превосходительство! Что это, вы нездоровы? спросилъ я генерала, когда онъ мелькомъ взглянулъ на меня.—По дорогѣ вы были такъ веселы, а теперь ничего не ѣдите!

Генералъ пытливо посмотрѣлъ на меня, что-то сказалъ и, вставъ изъ за стола, не дожидаясь окончанія обѣда, ушелъ къ себѣ въ комнату. Вечеромъ уже мы узнали всю эту исторію отъ поручика Хомичевскаго, которому съ плачемъ разсказалъ все Лей. Разсказъ Хомичевскаго поразилъ всѣхъ насъ. Мы терялись въ догадкахъ, на кого подозрѣвать. Несомнѣнно, что ни Лей, ни Круковскій не могли этого сдѣлать. Они были для этого слишкомъ честны и, пожалуй, глупы. Несомнѣнно было также, что сдѣлало это лицо, хорошо знакомое съ обстановкой генерала, имѣющее къ нему безпрепятственный доступъ и знающее цѣнность этихъ камней. Вынуть пять крупныхъ брилліантовъ было довольно трудно и требовало значительнаго промежутка времени. Но кто же, кто?.. Мы перебрали всѣхъ насъ, ординарцевъ, и вольноопредѣляющихся, бывавшихъ иногда у Скобелева, и даже слабая тѣнь подозрѣнія не могла ни на кого изъ нихъ упасть... Словомъ, мы положительно терялись въ догадкахъ.

— Ну, во всякомъ случаѣ, господа, рѣшили мы всѣ,—

объ этомъ будемъ молчать, будто ничего и не было, а тайно будемъ производить энергичное слѣдствіе.

Лею и Круковскому тоже приказано было молчать и утѣшили ихъ, сказавъ, что все это дѣло мы беремъ на себя и непремѣнно найдемъ брилліанты. Роль главнаго сыщика взялъ на себя поручикъ Марковъ и энергично принялся за розыскъ. На другой день онъ зачѣмъ-то отпросился у Скобелева въ Константинополь вмѣстѣ съ переводчикомъ Луцкановымъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Санъ-Стефано, побывалъ у всѣхъ ювелировъ, у всѣхъ подозрительныхъ, ловкихъ аферистовъ, свелъ знакомство съ тайною полиціей; но все было напрасно! Прошла уже недѣля, а никакихъ нитей не находилось. Мы уже приходили въ отчаяніе и думали, что похититель ловко спряталъ въ воду всѣ концы.

Но какъ-то вечеромъ изъ Константинополя пріѣхалъ Марковъ. Лицо его было блѣдно, взволновано.

— Ну что, неудача? спросили мы его.—Нѣтъ вора?

— Есть, отвѣчалъ Марковъ,—и клянусь вамъ, господа, что вы никогда не догадаетесь, кто это! Этотъ подлый воръ, представьте, изъ нашей же, ординарческой семьи Скобелева!.. Понимаете, я убилъ бы на мѣстѣ того человѣка, который посмѣлъ бы только подозрѣвать его. И вдругъ, это оказывается голою правдой!

И онъ намъ разсказалъ подробно грустную исторію. Совершенно случайно на вокзалѣ одной изъ станцій онъ узналъ отъ начальника станціи, что какой-то проѣзжій молодой человѣкъ, въ русской военной формѣ, предлагалъ ему купить крупный брилліантъ. По этому слѣду онъ и Луцкановъ отправились въ Константинополь и здѣсь окончательно убѣдились въ личности вора, хотя брилліанты не могли уже обратно получить. Мы были поражены не менѣе Маркова. Имя этого негодяя, бросившаго пятно на всю

нашу дружную и лихую семью, я не хочу даже упоминать—оно хорошо извѣстно всѣмъ!.. Ихъ было два брата и къ нимъ особенно благоволилъ Михаилъ Дмитріевичъ, цѣня ихъ храбрость и исполнительность; ему они и обязаны своими отличіями и наградами. На совѣтѣ мы рѣшили, чтобы Марковъ все это подробно разсказалъ Скобелеву. Какъ ни тяжело подѣйствовала эта грустная новость на Скобелева, но онъ съумѣлъ сдержать себя. Онъ только глубоко вздохнулъ, печально покачалъ головой и просилъ Маркова никому объ этомъ не говорить.

— Губить его незачѣмъ—онъ еще такъ молодъ; можетъ быть, исправится, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Въ тотъ же день, ни слова не говоря ему, онъ отчислилъ его обратно въ полкъ, равно какъ и старшаго брата, который получилъ тамъ роту. Этимъ дѣло о пропажѣ брилліантовъ и окончилось, камни въ шпагу были вставлены новые и Скобелевъ просилъ всѣхъ совершенно забыть эту грустную исторію. Потомъ уже, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ печальныхъ дней, я узналъ еще болѣе ужасную новость. Эти братья-разбойники, которыхъ Скобелевъ облагодѣтельствовалъ и вытащилъ изъ грязи, отплатили ему самою черною неблагодарностью: въ то время, когда онъ, этотъ труженикъ, этотъ неутомимый честный воинъ, стяжалъ новые лавры русскому оружію въ Туркменскихъ степяхъ, въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ, одинъ изъ этихъ изверговъ похитилъ у него лучшій и самый драгоцѣнный брилліантъ въ мірѣ,—брилліантъ, который нельзя было купить ни за какія деньги и сокровища—его мать, единственное существо, которое онъ такъ любилъ, такъ боготворилъ... Узатисъ убилъ въ Болгаріи мать Скобелева, убилъ женщину, посвятившую себя всецѣло святому дѣлу помощи страждущему человѣчеству, отдавшую все свое состояніе бѣднымъ и нуждающимся

людямъ юнаго славянскаго государства, созданнаго на потокахъ русской крови, на грудахъ русскихъ костей.

Незадолго передъ выступленіемъ нашимъ изъ окрестностей Константинополя въ Адріанополь, мы собрались всѣ въ Св. Георгіѣ на обѣдъ къ Скобелеву. Онъ успѣлъ уже окончательно успокоиться съ этою брилліантовою исторіей и былъ, по обыкновенію, веселъ и разговорчивъ.

— Вотъ, господа, сказалъ онъ, попивая свое любимое красное вино, — скоро вся гвардія уйдетъ въ Россію и одинъ нашъ корпусъ останется противъ 150 тысячъ турецкой арміи. Ну что, если турки вдругъ вздумаютъ обрушиться на насъ? Что мы тогда будемъ дѣлать?

— Да что, будемъ защищаться и умирать. Мертвые бо сраму не имутъ! отвѣчалъ кто-то изъ насъ.

— Это послѣдняя крайность! возразилъ генералъ.— Нѣтъ, мы должны извернуться, возможно сохранить свои силы и побѣдить!.. Тогда мы будемъ молодцами! Я хотѣлъ бы, чтобъ весь корпусъ мой былъ искренно проникнутъ этимъ желаніемъ, чтобъ каждый зналъ, что ему нужно дѣлать! И мы можемъ побѣдить при этомъ условіи, хотя турки превышаютъ насъ въ шесть—семь разъ...

И воодушевившись, Михаилъ Дмитріевичъ началъ высказывать разныя предположенія наступленія турокъ и соотвѣтствующія дѣйствія нашихъ войскъ.

— Мы должны медленно отступать внутрь страны, и когда турки, покинувъ свои излюбленныя укрѣпленія и отойдя на довольно значительное разстояніе отъ Константинополя, растянувшись, увлекутся преслѣдованіемъ нашихъ слабыхъ силъ, мы въ извѣстный моментъ быстро сосредоточиваемся, смѣлымъ нападеніемъ разрываемъ ихъ линіи, бьемъ ихъ по частямъ и, не давая опомниться, занимаемъ Константинополь!.. Смѣлость, быстрота и даже безумная храбрость не разъ встрѣчаются на страницахъ

нашей русской военной исторіи, говорилъ, разгорячившись, Михаилъ Дмитріевичъ. — Вспомните, господа, походы Суворова, Румянцева, Дибича и другихъ полководцевъ, понимавшихъ нашего солдата!.. Вспомните, съ какими ничтожными отрядами они били втрое - вдесятеро сильнѣйшаго противника!.. Отчего же теперь не можетъ сдѣлать того же тотъ же русскій солдатъ?..

— Я люблю и жалѣю солдата, говорилъ онъ немного погодя;—но если надо, я ставлю все ребромъ и не жалѣю ни себя, ни васъ! И повѣрьте, господа, что въ одно рѣшительное сраженіе мы потеряемъ гораздо меньше, чѣмъ въ нѣсколько нерѣшительныхъ, уже не говоря о результатахъ того и другаго! Такими дѣйствіями, наконецъ, мы поднимемъ духъ нашего солдата и наведемъ страхъ на врага. Я знаю, меня боятся турки, и это потому, что я не люблю нерѣшительность и смѣло иду къ разъ поставленной цѣли... И какъ бы ни былъ хорошо вооруженъ противникъ, но быстротой, рѣшительностью и отвагой мы всегда собьемъ его съ толку и наведемъ даже на него панику, а подъ вліяніемъ этого состоянія, цѣлыя тысячи бросаютъ оружіе и, какъ бараны, сдаются въ плѣнъ горсти храбрецовъ...

Послѣ короткой паузы, Скобелевъ вдругъ обвелъ всѣхъ глазами и громко произнесъ:

— А что, господа, если бы въ самомъ дѣлѣ турки внезапно на насъ обрушились! Кто изъ васъ тогда согласился бы исполнить одно мое порученіе самаго отчаяннаго характера?

Нѣсколько человѣкъ отвѣтило, что, конечно, никто не отказался бы исполнить приказаніе генерала, что каждый съ охотой сдѣлалъ бы это.

— Нѣтъ, господа, сказалъ Скобелевъ и глаза его въ это время какъ-то особенно заблистали, а въ голосѣ послышалась

энергическая нотка, — имѣйте въ виду, что то порученіе, о которомъ я говорю, дѣйствительно очень опасное, даже ужасное, пожалуй. Наконецъ, я не рѣшился бы заставить каждаго изъ васъ это сдѣлать. И я не ручаюсь даже за себя: не знаю, исполнилъ-ли бы я самъ это, не струсилъ-ли бы въ самый рѣшительный моментъ!..

Мы всѣ съ неудомѣніемъ переглянулись, спрашивая другъ друга глазами, что это за интересное такое порученіе, выполнить которое не взялся бы даже самъ Михаилъ Дмитріевичъ — этотъ человѣкъ, извѣстный всѣмъ своею безумною храбростью. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали. Скобелевъ пытливо на всѣхъ смотрѣлъ.

— Я съ удовольствіемъ исполню это порученіе, ваше превосходительство, какое бы оно ни было!.. сказалъ я, смотря прямо въ глаза генерала.

Скобелевъ пристально уставился на меня, какъ бы желая проникнуть въ мою душу.

— Послушайте, не забывайте, сказалъ онъ медленно и отчеканивая каждое слово, — что порученіе очень опасное: придется почти навѣрное пожертвовать своею жизнью для общаго дѣла!..

— Ничего не значитъ, отвѣчалъ я. — Вся наша жизнь состоитъ изъ опасностей... Я заразился, наконецъ, отъ турокъ фанатизмомъ и вѣрю въ предопредѣленіе, въ судьбу...

Скобелевъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на меня и протянулъ мнѣ руку.

— Давайте вашу лапу, сказалъ онъ, — я вѣрю вамъ, что вы сдѣлали бы это; я знаю васъ хорошо, видѣлъ въ сраженіяхъ и не сомнѣваюсь въ вашей дикой храбрости. Порученіе сумасшедшее: я думалъ, кому бы поручить взорвать всѣ ходы подъ нашею позиціей въ случаѣ, если бы турки ею овладѣли! Послѣ того, какъ наши войска очистили бы ее и турецкіе резервы появились на этихъ возвышенно-

стяхъ, вы должны были бы взорвать этихъ господъ, похоронивъ, конечно, и себя тутъ же. И, откровенно говоря, я останавливался только на васъ!.. Нужно много самообладанія, чтобы въ эту великую минуту добровольно обречь себя на гибель...

Я началъ доказывать генералу, что, напротивъ, въ нашей арміи было много подобныхъ примѣровъ, что охотниковъ, крикни только онъ кличъ, явятся цѣлые десятки; указывалъ на примѣръ Архипа Осипова, который въ Кавказскую войну 1840 г., въ укрѣпленіи Михайловскомъ, взорвалъ пороховой погребъ и погубилъ этимъ цѣлыя тысячи горцевъ... Генералъ снова пожалъ мнѣ руку.

— Еще разъ благодарю васъ; теперь я спокоенъ: если придется предпринять что-нибудь подобное, я буду смѣло разсчитывать на васъ!

Во время этого разговора всѣ молчали и внимательно слушали слова генерала.

ГЛАВА VI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго обѣда, 4-й корпусъ покинулъ свои насиженныя позиціи подъ Константинополемъ и двинулся на западъ, къ Адріанополю. 16-я дивизія направилась по полотну желѣзной дороги, а 30-я — вдоль берега Мраморнаго моря. Лошадей своихъ и нашихъ, штабныхъ, а также большую часть вещей Скобелевъ приказалъ отправить съ полками. Черезъ два дня послѣ выступленія всего корпуса, мы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ выѣхали изъ Санъ-Стефано, пославъ послѣдній привѣтъ Босфору и Константинополю, въ который такъ и не удалось проникнуть ни одному русскому штыку. За Чаталджой мы уже начали обгонять двигав-

шіяся войска 16-й дивизіи, которыя растянулись до самаго Люле-Бургаса. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, мы застали уже здѣсь нѣкоторыя части Владимірскаго полка. По мѣрѣ углубленія нашего въ глубь страны, турецкія войска двигались по нашимъ слѣдамъ и послѣдовательно занимали покидаемыя нами земли. Въ Люле-Бургасѣ Скобелевъ узналъ, что г. Айроболь занятъ батальономъ турецкихъ войскъ, которыя такимъ образомъ очутились между 16-ю и 30-ю дивизіями. Скобелева эта новость ужасно возмутила.

— Они не имѣютъ права занимать Айроболь до тѣхъ поръ, пока мы не отойдемъ къ Баба-Эски. Дукмасовъ! Поѣзжайте сейчасъ съ десятью казаками и съ Луцкановымъ въ Айроболь и во что бы то ни стало выпроводите оттуда этотъ батальонъ. Вслѣдъ за вами я пошлю отсюда батальонъ Владимірскаго полка, два орудія и сотню казаковъ. И если турки не захотятъ добровольно очистить городъ, то я уполномочиваю васъ своимъ именемъ употребить силу и съ посланными войсками взять его съ бою... Вотъ на этой картѣ, продолжалъ онъ, развернувъ передо мной большую карту Европейской Турціи,—отмѣчена демаркаціонная линія и гдѣ находится какая часть. Если по дорогѣ вы замѣтите отступленіе съ какой-либо изъ сторонъ, то прикажите сейчасъ же моимъ именемъ его исправить. Изъ Айроболя поѣзжайте въ Баба-Эски. Я осмотрю здѣсь подошедшіе полки, а потомъ тоже отправлюсь туда. Да сообщите туркамъ, что я написалъ уже въ Константинополь объ этихъ безпорядкахъ. Занимаютъ позиціи въ тылу нашихъ войскъ!.. Ну, съ Богомъ! Я надѣюсь, что вы уладите дѣло мирно; думаю также, что турки не будутъ сопротивляться и не заставятъ насъ употребить крутыя мѣры. Иначе имъ придется раскаяваться!..

Черезъ нѣсколько минутъ я съ десятью казаками и съ

болгариномъ Луцкановымъ скакалъ уже по шоссе въ г. Айроболь. Часа черезъ три, проѣхавъ около 35 верстъ, мы были уже въ Айроболѣ. Городовой совѣтъ, куда я обратился, сейчасъ же отвелъ мнѣ очень хорошую квартиру. Я немедленно отправился съ переводчикомъ къ командиру табора, занимавшаго городъ. По улицамъ намъ то и дѣло попадались турецкіе солдаты съ ружьями и съ удивленіемъ осматривали меня. Командиръ табора—какой-то низенькій, некрасивый подполковникъ (юсъ-баши), лѣтъ 45-ти, съ смуглымъ, несимпатичнымъ и обрюзглымъ лицомъ—принялъ меня въ своей квартирѣ съ недоумѣніемъ. Я черезъ Луцканова отрекомендовался и объяснилъ цѣль моего посѣщенія.

— Генералъ Скобелевъ, сказалъ я,—очень удивленъ, что вы занимаете Айроболь и деревни въ тылу нашихъ войскъ. Онъ написалъ уже объ этомъ въ Константинополь и требуетъ, чтобы вы немедленно же очистили городъ.

Турокъ былъ сильно этимъ пораженъ и началъ доказывать, что онъ никакъ не можетъ выйти изъ города, такъ какъ въ немъ находится очень много разныхъ хозяйственныхъ запасовъ, перевезенныхъ по приказанію его начальства. Словомъ, турокъ отказывался исполнить требованіе Скобелева.

— Какъ угодно, отвѣчалъ я,—но завтра, рано утромъ, сюда приходитъ нашъ отрядъ, и Скобелевъ приказалъ мнѣ, буде вы не очистите городъ добровольно, занять его силой. Прошу васъ, поэтому, къ завтрашнему утру очистить непремѣнно Айроболь и отойти за пограничную черту. Я разсчитываю на ваше благоразуміе, прибавилъ я и, откланявшись, вышелъ изъ квартиры упрямаго и несговорчиваго турка.

По дорогѣ, на улицѣ, насъ догналъ какой-то турецкій офицеръ и сказалъ, что его прислалъ командиръ, который

соглашается очистить только половину города для русскихъ войскъ.

— Передайте своему начальнику, отвѣчалъ я черезъ Луцканова,—что я не уполномоченъ генераломъ Скобелевымъ торговаться съ вами. Мнѣ приказано только передать его требованія и ни въ какіе компромиссы я не имѣю права входить. Еще разъ повторяю: если къ завтрашнему утру ваши солдаты не очистятъ городъ, мы займемъ его силой!

На слѣдующій день, рано утромъ, ко мнѣ на квартиру, когда я еще спалъ, явился новый гонецъ отъ командира табора—какой-то эфенди. Онъ очень любезно со мной раскланялся и сообщилъ, что командиръ проситъ меня покорно пожаловать въ ихъ городской совѣтъ, гдѣ будетъ обсуждаться вопросъ объ очищеніи города турецкими войсками.

— Да что же намъ обсуждать, отвѣчалъ я.—Очистите городъ—вотъ и все; поймите, я не имѣю права даже согласиться на другое рѣшеніе—я не уполномоченъ на это своимъ начальствомъ...

Эфенди ушелъ, но вскорѣ снова вернулся.

— Командиръ согласенъ очистить городъ, сказалъ онъ,—но проситъ васъ принять на сохраненіе наши казенныя вещи.

— Съ какой стати я буду принимать ваши вещи, расхохотался я.

— Ну, пойдемте въ такомъ случаѣ въ совѣтъ—тамъ поговорите окончательно, упрашивалъ меня турокъ.

— Пойти развѣ, въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣть, что это у нихъ за совѣтъ такой! И я съ Луцкановымъ и эфенди отправился въ ихъ городовой совѣтъ.

Мы подошли къ большому двухъ-этажному дому и взошли наверхъ. Въ просторной залѣ, у длиннаго стола,

покрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло человѣкъ двѣнадцать городскихъ дѣятелей, всѣ въ красныхъ фескахъ; физіономіи у нихъ были греческія и турецкія; тутъ же былъ знакомый уже мнѣ командиръ табора. При моемъ входѣ они встали, и подполковникъ познакомилъ меня съ всѣми. Затѣмъ мы усѣлись, и юсъ-баши, черезъ Луцканова, началъ держать рѣчь. Онъ говорилъ то же, что и раньше: что онъ не можетъ бросить все казенное имущество на произволъ судьбы; что онъ за это будетъ отвѣчать передъ самимъ султаномъ; что если я приму на себя отвѣтственность за цѣлость и сохранность всего имущества, то онъ, пожалуй, очиститъ городъ, сдавъ все подъ мою росписку... Словомъ, пѣлъ все вещи, мнѣ знакомыя. Члены совѣта, во главѣ со своимъ предсѣдателемъ—жирнымъ, пожилымъ человѣкомъ съ очень добродушною физіономіей, внимательно смотрѣли мнѣ въ лицо и при словахъ подполковника качали головами въ знакъ своего одобренія и согласія. Луцкановъ перевелъ мнѣ слова турка.

— Никакихъ вещей принимать я не стану и не намѣренъ выдавать вамъ росписокъ. Пускай вывозятъ вещи съ собой, какъ хотятъ!

Турокъ опять что-то заговорилъ. Оказывалось, что вещи немыслимо перевезти, такъ какъ всѣ подводы ушли въ Родосто за другимъ имуществомъ; что для этого нужно много времени и пр.

— Вы можете, наконецъ, всѣ эти вещи передать не мнѣ, а вашему городовому совѣту. Черезъ три-четыре дня, когда наши войска пройдутъ и турки снова займутъ городъ, вы получите вещи отъ городоваго совѣта. Наши войска ничего не тронутъ; мы за все платимъ деньги.

Упрямый юсъ-баши опять началъ что-то возражать. Мнѣ надоѣла уже эта торговля и я сталъ даже волно-

ваться. Въ это время дверь въ залу отворилась, и на порогѣ появился урядникъ.

— Ваше благородіе! обратился онъ ко мнѣ, — нашъ отрядъ уже показался верстахъ въ семи отъ города.

Я всталъ и объявилъ ультиматумъ:

— Если черезъ два часа турецкихъ солдатъ не выведутъ отсюда, мы займемъ нашими войсками позиціи и будемъ бомбардировать городъ. Такъ приказалъ мнѣ генералъ Скобелевъ!

Затѣмъ, вѣжливо распростившись со всѣми, я вышелъ изъ залы. Слова мои, когда перевелъ ихъ Луцкановъ, произвели видимое впечатлѣніе на всѣхъ. Лица у членовъ городового совѣта сильно вытянулись и они напустились на подполковника, упрашивая его поскорѣе убираться изъ города и соглашаясь принять на храненіе всѣ вещи. Это передалъ мнѣ Луцкановъ, когда мы вышли уже на улицу.

— Однако, какъ вы перепугали ихъ своими словами! сказалъ Луцкановъ. — Вы, конечно, шутили, говоря, что мы будемъ бомбардировать городъ?

— Ничуть, отвѣчалъ я. — Правда, это крайняя мѣра, но они могутъ довести насъ до этого своимъ упрямствомъ. Таково приказаніе Скобелева! Сходите, пожалуйста, въ совѣтъ еще разъ и передайте членамъ, чтобы жители скорѣе выбирались изъ города въ случаѣ, если турецкіе солдаты не выйдутъ отсюда, такъ какъ мы вовсе не желаемъ наносить вредъ обывателямъ... Мы вовсе не хотимъ ссориться и стоимъ на законной почвѣ. Во всякомъ случаѣ, они скорѣе тогда заставятъ этотъ таборъ убраться отсюда... Да попросите совѣтъ, чтобы нашему отряду отведены были квартиры и доставлялось все за деньги.

Черезъ полчаса Луцкановъ вернулся въ сопровожденіи того же знакомаго мнѣ эфенди, который сообщилъ, что войска

ихъ уже уходятъ и просилъ меня поставить только часоваго къ ихъ складу. Но я и отъ этого отказался.

— Городовой совѣтъ можетъ поставить туда своихъ сторожей.

Съ эфенди мы разстались пріятелями, причемъ я высказалъ ему свое удовольствіе, что дѣло уладилось мирно, безъ пороховаго дыма.

— Когда я вернулся въ совѣтъ, разсказывалъ мнѣ потомъ Луцкановъ,—тамъ я засталъ ужасный переполохъ. У входа толпилась масса народа, которая, узнавъ въ чемъ дѣло, требовала отъ подполковника немедленнаго отступленія, опасаясь за цѣлость своего имущества. Члены совѣта и предсѣдатель тоже были очень взволнованы и ужасно васъ ругали. «Экій несговорчивый чортъ», говорили они, «молодой, а какой упрямый. Мы такого еще никогда не видѣли!.. Слава Богу, что все такъ окончилось!» Предсѣдатель совѣта, когда я уходилъ, успокоился и просилъ меня спросить у васъ: не нужно-ли чего вамъ? Онъ все съ удовольствіемъ доставитъ.

— Ничего мнѣ не надо—я, все равно, тотчасъ же уѣду въ Баба-Ески, какъ только отрядъ нашъ займетъ городъ.

Черезъ нѣсколько времени какой-то турокъ принесъ мнѣ отъ предсѣдателя массу всевозможныхъ закусокъ и разныхъ сластей. Я далъ посланному полуимперіалъ и просилъ благодарить предсѣдателя. Спустя нѣсколько минутъ были присланы два мѣшка прекраснаго овса и посланный передалъ мнѣ приглашеніе предсѣдателя переѣхать къ нему на квартиру и пожаловать на обѣдъ. Я поблагодарилъ за приглашеніе, и сказалъ, что уѣзжаю черезъ полчаса въ Баба-Ески. Денегъ за овесъ посланный наотрѣзъ отказался брать, говоря, что это мнѣ въ подарокъ отъ его господина. Овесъ, всѣ закуски и сласти я передалъ своимъ казакамъ и они, конечно, были въ восторгѣ. За-

тѣмъ всѣ мы усѣлись на коней и выѣхали изъ города, къ окраинамъ котораго уже подошелъ нашъ маленькій отрядъ. Я передалъ батальонному командиру и обступившимъ меня офицерамъ о всемъ случившемся, а затѣмъ, распростившись, направился прямо въ Баба-Ески сначала по шоссе, а потомъ проселкомъ. Въ Баба-Ески я засталъ уже Скобелева со всѣмъ штабомъ; доложилъ ему подробно о своихъ пререканіяхъ съ командиромъ табора и совѣтомъ, и получилъ благодарность отъ Михаила Дмитріевича за энергію и распорядительность.

Черезъ три дня Скобелевъ, въ сопровожденіи Маркова, Харанова и Абадзіева, отправился верхомъ въ Адріанополь. Всѣ же остальные поѣхали туда по желѣзной дорогѣ. Пріѣхавъ снова во вторую турецкую столицу, я остановился у Маркова, который помѣщался черезъ дворъ отъ квартиры Михаила Дмитріевича. Адріанополь сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули. Это былъ значительно обрусѣвшій уже городъ, причемъ русскій элементъ являлся преимущественно въ формѣ разныхъ чиновниковъ, интендантовъ, докторовъ и другаго нестроеваго люда. Сюда же стеклась масса того темнаго люда, который и прежде всюду сопровождалъ армію, эксплуатировалъ ее и питался на ея счетъ. Когда гвардія и другія войска направились въ Россію, то всѣ эти паразиты, потерявъ предметъ своей эксплуатаціи, направились въ Адріанополь и съ ожесточеніемъ накинулись на насъ—оккупаціонныя войска. Главный контингентъ этой арміи піявокъ принадлежалъ, конечно, къ іудейскому племени, затѣмъ слѣдовали греки, армяне и прочія коммерческія и гешефтмахерскія націи.

Особенно жаль было смотрѣть на этихъ несчастныхъ оборванцевъ погонцевъ, которыхъ судьба и нужда закинули сюда, далеко отъ родины, въ центръ мусульманскаго міра, сдѣлавъ ихъ жертвой обмана и подлой эксплуатаціи хищ-

никовъ! И на счетъ этого несчастнаго, жалкаго и довѣрчиваго люда наживаются эти безсовѣстныя націи, у которыхъ, кромѣ Мамона, нѣтъ ничего святаго, дорогаго!.. Скобелевъ всею душой своей ненавидѣлъ эту подлую расу. Послѣ нѣсколькихъ примѣровъ, когда, еще подъ Плевной, эта пресловутая жидовская компанія (вѣрнѣе, кагалъ) Когена и Горвица снабжала наши усталыя, измученныя войска гнилью и всякою мерзостью, Скобелевъ выхлопоталъ, наконецъ, себѣ право возложить всѣ эти хозяйственныя операціи на сами же войска. Главнымъ хозяиномъ и поставщикомъ всего отряда назначенъ былъ полковникъ Владимірскаго полка Шаровъ. И, благодаря энергіи, распорядительности и честному отношенію къ дѣлу этого достойнаго штабъ-офицера, весь отрядъ пользовался прекраснымъ, свѣжимъ хлѣбомъ, крупой, сухарями и другими предметами интендантскаго довольствія (за исключеніемъ, впрочемъ, фуража). Кромѣ самой глубокой благодарности, никто изъ офицеровъ и солдатъ ничего не могъ ему сказать. Всѣ были сыты, здоровы, веселы и очень довольны, что отдѣлались отъ услугъ этого ловкаго для себя, но не для войскъ жидовскаго кагала...

Жилось въ Адріанополѣ не скучно, хотя и довольно глупо: снова отъ бездѣлья началось шатанье офицеровъ по разнымъ кафе-шантанамъ, ресторанамъ и другимъ кабакамъ, число которыхъ еще больше увеличилось и положительно наводнилось различными безголосыми пѣвцами и пѣвицами и невозможными музыкантами... Вся эта мразь, вмѣстѣ съ цѣлою толпой разныхъ мишурисовъ и аферистовъ, наѣхавшихъ съ разныхъ сторонъ, съ жадностью набрасывалась на нашего брата и всѣми силами старалась вытащить изъ нашихъ кармановъ возможно большее число «желтичекъ». По вечерамъ мы, обыкновенно, забирались въ одно изъ такихъ увеселительныхъ заведеній, содержа-

телями которыхъ являлись, обыкновенно, жиды, и за стаканами вина, большею частью зѣвая, слушали завыванія разныхъ заѣзжихъ намазанныхъ красавицъ.

Въ одномъ изъ такихъ ресторановъ (если можно такъ назвать заведенія этого рода) у меня вышла съ однимъ господиномъ непріятная исторія, изъ за которой я едва не попалъ на скамью подсудимыхъ.

Войдя, вечеромъ, въ общую залу, я встрѣтилъ тамъ нѣсколько знакомыхъ офицеровъ и товарищей, и разговорился съ ними.

Въ это время въ залу изъ боковаго кабинета вышелъ какой-то генералъ съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Мы были въ фуражкахъ и потому при проходѣ его взяли подъ козырекъ. Генералъ, замѣтивъ на мнѣ такой же крестъ, какой былъ на немъ, остановился и спросилъ, за что я получилъ эту награду. Я отвѣтилъ и назвалъ свою фамилію.

— А, я прекрасно зналъ вашего батюшку, дядей и братьевъ и служилъ съ ними на Кавказѣ, сказалъ генералъ Н., командовавшій полкомъ въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, любезно пожимая мнѣ руку.

Во время нашей бесѣды изъ кабинета вышелъ какой-то представительный господинъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, съ большою русою бородой, въ изящномъ штатскомъ костюмѣ и подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса. Онъ держалъ себя очень высокомѣрно, толкалъ всѣхъ и ругался, что ему не даютъ дорогу. Это былъ, какъ я уже послѣ узналъ, извѣстный московскій богачъ Хлудовъ, составившій себѣ извѣстность своими милліонами, различными предпріятіями и бросаніемъ денегъ. Движимый патріотизмомъ-ли, честолюбіемъ-ли, желаніемъ-ли пріобрѣсти популярность и ордена или иными какими-либо побужденіями, но только онъ, дѣйствительно, не жалѣлъ своихъ громадныхъ капиталовъ на разныя полезныя дѣла и много жертвовалъ

хотя много и сорилъ. Особенно онъ извѣстенъ былъ въ Туркестанѣ своими смѣлыми предпріятіями, ручными тиграми и угощеніемъ солдатъ шампанскимъ. Во время Сербской кампаніи онъ поѣхалъ къ Черняеву и тоже помогалъ ему въ его хозяйственныхъ операціяхъ. Такъ и теперь—онъ явился въ дѣйствующую армію, бросалъ бѣшеныя деньги какъ на разныя богоугодныя, полезныя дѣла, такъ равно и на кутежи. Знакомство, благодаря своей благотворительности и капиталамъ, онъ пріобрѣлъ въ высшихъ сферахъ, съ генералитетомъ и смотрѣлъ на нашего брата—болѣе мелкихъ дѣятелей—нѣсколько свысока. Обо всемъ этомъ я узналъ уже послѣ, когда изъ за него чуть не попалъ на скамью подсудимыхъ.

Проходя мимо насъ, Хлудовъ, сильно покачиваясь, вѣроятно, нечаянно, толкнулъ меня и, вмѣсто того, чтобы извиниться, сталъ ругаться, что ему не даютъ дорогу.

Не желая оставаться въ долгу и вспыливъ, я съ силой оттолкнулъ отъ себя невѣжу, который, въ свою очередь разсвирѣпѣвъ, хотѣлъ броситься на меня, но былъ удержанъ офицерами и выведенъ изъ гостинницы. Всѣ офицеры были очень довольны тѣмъ, что я хорошенько проучилъ его и не позволилъ наступить себѣ на ногу. Между тѣмъ, оказалось, что Хлудовъ отправился жаловаться на меня къ самому главнокомандующему, генералъ-адъютанту Тотлебену, и скоро отъ послѣдняго явился въ гостинницу плацъ-маіоръ, подполковникъ Вульпіусъ, котораго я зналъ еще въ бытность его ротнымъ командиромъ въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.

— Какъ грустно, что намъ приходится встрѣчаться при такихъ обстоятельствахъ! сказалъ Вульпіусъ, когда мы втроемъ вошли въ кабинетъ и усѣлись за столикъ.

Я разсказалъ ему сначала о своемъ столкновеніи съ Хлудовымъ, а затѣмъ у насъ завязался общій разговоръ,

во время котораго генералъ Н. разсказывалъ много интереснаго про Рущукскій отрядъ.

На слѣдующій день, часовъ въ семь, меня разбудилъ сожитель мой, поручикъ Марковъ.

— Поднимайся-ка, пріятель: тебя требуетъ Скобелевъ по дѣламъ службы. Натворилъ ужь должно быть вчера что-нибудь!

Я всталъ, надѣлъ шашку и направился къ генералу. Въ столовой я засталъ Ольгу Николаевну, которая въ это время пріѣхала къ сыну въ Адріанополь.

— А, Дукмасовъ, здравствуйте! любезно встрѣтила она меня. — Куда это вы собрались при оружіи?

— Да генералъ вашъ требуетъ меня чего-то по дѣламъ службы, Ольга Николаевна, отвѣчалъ я.

— Вѣроятно, накуралесили что-нибудь, улыбнулась она. — Идите въ кабинетъ, тамъ Миша съ генераломъ Духонинымъ.

— А больше никого тамъ нѣтъ?

— Нѣтъ никого; раньше только былъ комендантъ, генералъ Штейнъ.

«А, вотъ оно что, значитъ уже доложили!» сообразилъ я, входя въ кабинетъ.

Скобелевъ, заложивъ руки назадъ, быстро ходилъ по комнатѣ; у окна стоялъ начальникъ штаба, генералъ Духонинъ.

— Ну, вотъ — представляю вамъ обезьяну!.. сказалъ при моемъ входѣ Скобелевъ, обращаясь къ Духонину. — Что намъ съ нимъ дѣлать?

— Вы меня изволили требовать по дѣламъ службы, ваше превосходительство, а теперь смѣетесь надо мной... Что прикажете? спросилъ я серьезно.

— Я такъ и зналъ, что онъ обидится сейчасъ, улыбнулся снова Михаилъ Дмитріевичъ. — Ну-съ, вотъ въ чемъ

дѣло: только-что у меня былъ генералъ Штейнъ и разсказывалъ, какъ вы вчера, вечеромъ, въ какой-то гостинницѣ подрались съ Хлудовымъ...

— Это неправда, ваше превосходительство, я не дрался, а только проучилъ хорошенько и оттолкнулъ какого-то пьянаго господина, который держалъ себя крайне надменно и дерзко... Генералъ Н. можетъ подтвердить это.

— Ну, а если бы Хлудовъ за это ударилъ васъ? спросилъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— На этотъ случай при мнѣ была шашка и револьверъ! отвѣчалъ я твердо.—Я не позволю безнаказанно оскорблять свой мундиръ, украшенный тѣмъ болѣе этимъ крестомъ!

— Ну, что жь—и пошли бы въ Сибирь! Никого не удивили бы этимъ.

— Что жь дѣлать, отвѣтилъ я.—Я думаю, что вы, ваше превосходительство, поступили бы точно также на моемъ мѣстѣ...

Скобелевъ промолчалъ и только еще скорѣе зашагалъ по комнатѣ.

— Что же, однако, съ вами дѣлать—я, право, не знаю! сказалъ онъ немного погодя.—И, вѣдь, это не первый уже разъ на васъ жалуется генералъ Штейнъ. Надоѣло это мнѣ, я упрячу васъ на гауптвахту; можетъ быть, это укротитъ васъ, будете посмирнѣй.

— Какъ прикажете, только позвольте, ваше превосходительство, не сегодня; у меня дѣло есть, попросилъ я.

— Никакихъ дѣлъ; сейчасъ же и извольте отправляться. Это будетъ для васъ полезнѣе. Поручикъ Марковъ отвезетъ васъ въ конакъ. До свиданія!

Я поклонился и вышелъ.

— Ну, что? обратилась ко мнѣ въ столовой Ольга Николаевна.

— Упрятали меня, раба Божьяго, на гауптвахту. Будьте здоровы, Ольга Николаевна!

— Бѣдный! Да когда вы будете благоразумнѣе? сказала она на прощанье.

Черезъ полчаса я съ Марковымъ отправился въ конакъ, гдѣ помѣщалась гауптвахта.

— Скобелевъ сказалъ, что тебѣ двѣ недѣли сидѣть, сообщилъ мнѣ дорогой Марковъ.

На слѣдующій день ко мнѣ, въ комнату арестованнаго, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ и заявилъ, что какой-то «цивильный» господинъ желаетъ меня видѣть.

— Кто такой, что ему надо? спросилъ я.

— Не могу знать; приказали только доложить вашему благородію.

— Ну проси!

Вошелъ довольно молодой еще человѣкъ и отрекомендовался Мамонтовымъ.

— Я явился къ вамъ, сказалъ онъ,—по порученію г. Хлудова. Онъ просилъ меня выразить вамъ свое крайнее сожалѣніе по поводу вчерашняго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго вы попали сюда.

— Мнѣ тоже это не особенно пріятно, отвѣчалъ я,—хотя попалъ я сюда по своей винѣ—за свою горячность; начальство находитъ меня виновнымъ въ нарушеніи тишины въ общественномъ мѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, если г. Хлудовъ считаетъ себя обиженнымъ, я готовъ дать ему какое угодно удовлетвореніе и всегда къ его услугамъ...

— Ахъ нѣтъ, напротивъ, перебилъ меня Мамонтовъ,—напротивъ, г. Хлудовъ желаетъ лично явиться къ вамъ сюда съ извиненіемъ и нарочно просилъ меня предупредить васъ объ этомъ. И если вы позволите, онъ сейчасъ же

будетъ здѣсь. Ему крайне непріятно было, когда онъ узналъ, что васъ арестовали за эту глупую исторію.

— Передайте г. Хлудову, что я на него не сержусь и готовъ помириться когда угодно.

Мамонтовъ ушелъ, а черезъ часъ явился снова въ сопровожденіи Хлудова. Мы встрѣтились не какъ враги, а скорѣе какъ пріятели, и старались перещеголять другъ друга любезностью, предупредительностью и великодушіемъ. Хлудовъ въ чемъ-то извинялся передо мной; я успокоивалъ его и старался обвинить себя. Словомъ, сцена вышла довольно странная, забавная! Такъ ужь, видно, созданъ русскій человѣкъ, что чуждо ему злопамятство и онъ забываетъ все при покорности или великодушіи врага! Миръ былъ заключенъ полный.

— Ну, господа, надо справить какъ слѣдуетъ перемиріе! сказалъ Мамонтовъ и неожиданно вынулъ изъ кармановъ двѣ бутылки шампанскаго. Въ карманѣ же у Хлудова оказался коньякъ. Затѣмъ пришедшій съ нимъ человѣкъ принесъ въ комнату большой пирогъ съ мясомъ и тоже вытащилъ изъ своихъ огромныхъ кармановъ бутылки. Появилась такимъ образомъ цѣлая батарея. Пробки полетѣли въ потолокъ турецкаго конака и самая дружеская, веселая бесѣда долго продолжалась еще съ брудершафтами и теплыми пожеланіями.

— Ну, другъ, говорилъ на прощанье сильно захмѣлѣвшій Хлудовъ,—я у тебя еще буду... И непремѣнно попрошу Михаила Дмитріевича, чтобы тебя выпустили...

— Нѣтъ ужь, пожалуйста, этого не надо, я вовсе не хочу ходатайствъ. Виноватъ—ну и отсижу!

Разстались мы вполнѣ пріятелями.

На слѣдующій день, утромъ, лежу на кровати безъ сюртука и сапоговъ. Вдругъ слышу суету —кому-то вызвали караулъ (помню, былъ отъ Суздальскаго полка).

Подойдя къ окну, я увидѣлъ Скобелева, который соскочилъ съ коня и подошелъ къ караулу.

— Здорово, братцы! слышу привѣтствіе.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! раздался громкій и дружный отвѣтъ солдатъ.

«Какъ бы еще сюда не зашелъ?» подумалъ я, и на всякій случай набросилъ сюртукъ, не надѣвая, однако, сапоговъ и оставаясь въ туфляхъ. Дѣйствительно, черезъ минуту дверь быстро отворилась и на порогѣ появился Скобелевъ.

— Здравствуйте, буйный узникъ! сказалъ онъ весело.—Ба! Да вы въ этомъ костюмѣ совсѣмъ-таки похожи на обезьяну!.. и онъ, смѣясь, посмотрѣлъ на мои туфли.

— Да мы всѣ, по теоріи Дарвина, происходимъ отъ обезьяны! Что вы на меня нападаете, ваше превосходительство! отвѣчалъ я въ томъ же шутливомъ тонѣ.

— Ну нѣтъ—я не согласенъ! покачалъ генералъ головой.—Это только къ вамъ относится... Ну, разсказывайте, какъ вамъ живется здѣсь. Не скучаете-ли?..

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, прекрасно: отличный сонъ, прекрасный аппетитъ... Немножко скучновато только!

— Это полезно для васъ, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Меня просили, чтобы я простилъ васъ. Но я нарочно буду держать васъ въ этой клѣткѣ, чтобы нервы ваши немножко поуспокоились... Ну-съ, до свиданія, желаю вамъ не скучать, быть спокойнѣе и не буянить... и Скобелевъ со смѣхомъ вышелъ на дворъ, усѣлся на лошадь, еще разъ кивнулъ мнѣ головой и уѣхалъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что Михаилъ Дмитріевичъ былъ у Тотлебена и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ обо мнѣ. Главнокомандующій хотѣлъ отдать

меня подъ судъ, но Скобелевъ сталъ упрашивать его не дѣлать этого.

— Если мы, ваше высокопревосходительство, будемъ отдавать подъ судъ офицеровъ за всякую малость, то намъ придется посадить на скамью подсудимыхъ цѣлыя сотни и мы останемся безъ храбрыхъ офицеровъ. Пусть они считаются между собой—это ихъ частное дѣло...

Такъ, какъ передавали мнѣ, убѣждалъ Скобелевъ Тотлебена, и послѣднiй, въ концѣ-концовъ, согласился-таки ограничиться одною гауптвахтой. Этотъ эпизодъ характеризуетъ доброе сердце Скобелева и его постоянное старанiе горячо стоять за интересы своихъ подчиненныхъ. Въ послѣднiе дни своего заключенiя я узналъ, что меня перевели въ лейбъ-гвардiи казачiй Его Величества полкъ корнетомъ.

Отсидѣвъ положенный срокъ, я явился къ Скобелеву.

— А, заключенный — поздравляю васъ со свободой! встрѣтилъ онъ меня, подавая руку.—Теперь, я увѣренъ, будете благоразумнѣе держать себя, не по баши-бузукски!.. Затѣмъ поздравляю съ переводомъ въ гвардiю. Когда думаете ѣхать въ Петербургъ?

— Откровенно говоря, не хотѣлось бы мнѣ уѣзжать отъ васъ!.. сказалъ я какъ-то невольно и совершенно искренно.

— Какъ не хотѣлось бы! Я вотъ васъ еще какъ-нибудь упряталъ бы на гауптвахту!..

— Прячьте сколько угодно, ваше превосходительство, а я все-таки такого начальника, какъ вы, никогда не найду!..

— Ну вы вѣчно ерунду городите! сказалъ генералъ и отвернулся.—Убирайтесь-ка домой, а когда поѣдете—заходите прощаться. Да, пожалуйста, держите себя поскромнѣе!..

Черезъ нѣсколько дней, въ послѣднихъ числахъ октября, передъ отъѣздомъ въ Россію, я явился къ Михаилу Дмитріевичу откланяться и попрощаться. Грустно было мнѣ разставаться съ этимъ человѣкомъ, къ которому я такъ слѣпо привязался, котораго такъ горячо любилъ, глубоко уважалъ. Не радовало меня повышеніе по службѣ—переводъ въ гвардію и предстоящая карьера. И съ большимъ удовольствіемъ остался бы я на своемъ опасномъ посту, при этомъ умномъ, благородномъ и отважномъ вождѣ-патріотѣ и рыцарѣ.

— Вы чего такой пасмурный? спросилъ онъ меня.— Человѣкъ ѣдетъ въ Россію и повѣсилъ носъ!..

— Позвольте поблагодарить васъ, ваше превосходительство, за ваше постоянное вниманіе ко мнѣ, доброту... отвѣчалъ я довольно шаблонною фразой, хотя на самомъ дѣлѣ хотѣлось сказать совсѣмъ другое.

— Ну, до свиданія, голубчикъ; желаю вамъ отъ души всего хорошаго!.. Да сдерживайте вы себя, Бога ради; а то настоящій дикарь-азіатъ... Вотъ вамъ на память мой портретъ.

— Ужь будьте до конца любезны, ваше превосходительство, подпишите, пожалуйста, его, сказалъ я, замѣтивъ, что карточка была безъ подписи.

— Ну, давайте!

Скобелевъ взялъ обратно портретъ и на оборотной сторонѣ написалъ: «Въ память Плевны, Шейново и Константинополя сотнику Дукмасову отъ Михаила Скобелева».

— Я на васъ сердитъ за ваши послѣднія проказы и потому, въ наказаніе, не напишу того слова, которое въ началѣ предполагалъ написать.

— Какого же это слова? спросилъ я.

— Любящему.

— И безъ этого слова она будетъ всегда дорога мнѣ!.. отвѣтилъ я.

— Ну, до свиданія! Надѣюсь, еще увидимся въ Петербургѣ, сказалъ Скобелевъ, крѣпко обнимая меня и цѣлуя.

Затѣмъ я зашелъ попрощаться къ доброй, уважаемой Ольгѣ Николаевнѣ, къ нѣкоторымъ изъ начальствующихъ лицъ и къ товарищамъ. Со всѣми этими людьми мнѣ одинаково тяжело было разставаться. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ боевая, полная опасностей жизнь и общая ежеминутная готовность переселиться въ другой, невѣдомый, загадочный міръ!

Не съ радостнымъ, а скорѣе съ грустнымъ чувствомъ сѣлъ я въ вагонъ на Адріанопольскомъ вокзалѣ послѣ сердечныхъ проводовъ нѣкоторыхъ изъ болѣе близкихъ мнѣ товарищей. Сжился я съ ними такъ же, какъ со своею ординарческою безпокойною жизнью. И жили мы вокругъ Скобелева дружно, хорошо и большею частью весело, безъ всякихъ интригъ, подлостей, злословій. А впереди—сѣренькая, будничная жизнь съ ея мелкими интересами, неизбѣжными интригами, завистью и грязными дѣлишками... Быстро помчалъ меня поѣздъ на востокъ, снова къ берегамъ Босфора. По дорогѣ мелькали все знакомыя мѣста, знакомые города, селенія, позиціи.

На Константинопольскомъ вокзалѣ я высадился и поѣхалъ въ Перу, въ гостинницу. Здѣсь я случайно встрѣтился со своимъ хорошимъ знакомымъ, мичманомъ Мореншильдомъ, который, какъ оказалось, тоже ѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Нагулявшись вволю напослѣдокъ цѣлыхъ три дня и значительно облегчивъ наши кошельки, мы усѣлись, наконецъ, на русскій пароходъ и послали послѣднее прости той страшной землѣ, гдѣ русскій народъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій хоронитъ сотни тысячъ своихъ отважныхъ сыновъ, свои лучшія, молодыя силы

во имя христіанской идеи и святаго обще-славянскаго дѣла...

ГЛАВА VII.

Черезъ 36 часовъ плаванія пароходъ нашъ остановился и мы ступили, наконецъ, на дорогую родную землю послѣ столькихъ испытаній, опасностей, лишеній и мукъ. Впрочемъ, Одесса произвела на меня не особенно пріятное впечатлѣніе: масса иностраннаго элемента, эти не русскія лица и не русская рѣчь—все это дѣйствовало какъ-то непріятно на нервы...

Черезъ два дня я простился съ Одессой и Моренгильдомъ и поѣхалъ въ столицу Дона — Новочеркаскъ. Здѣсь я встрѣтилъ самый радушный пріемъ какъ со стороны начальства—начальника штаба генерала Леонова, браваго и чрезвычайно симпатичнаго человѣка и истаго казакомана при этомъ, такъ равно и всѣхъ товарищей, знакомыхъ. Генералъ Леоновъ повезъ меня въ казачье юнкерское училище, представилъ юнкерамъ и пожелалъ имъ быть «такими же молодцами и кавалерами». Видимо Леоновъ гордился, какъ настоящій казакъ, моими заслугами и орденами. Онъ торопилъ меня ѣхать скорѣе въ Петербургъ, чтобы имѣть счастье представиться Государю Императору во время Георгіевскаго праздника; онъ же выхлопоталъ мнѣ прогоны, жалованье за годъ впередъ и другія льготы. Вообще я вспоминаю уважаемаго и любезнаго Георгія Алексѣевича съ благодарностью, признательностью.

21 ноября я переѣхалъ съ береговъ Дона на берега Невы—въ Питеръ и явился къ новому начальству, познакомился съ новыми товарищами. На Георгіевскій праздникъ 26 ноября меня назначили со взводомъ лейбъ-каза-

ковъ во дворецъ. Еще ранѣе я простудился и чувствовалъ себя теперь не совсѣмъ хорошо.

Передъ выходомъ Государя ко мнѣ подошелъ бывшій Августѣйшій главнокомандующій, Николай Николаевичъ.

— А, здравствуй, Дукмасовъ! весело сказалъ Его Высочество, тотчасъ же узнавъ меня.—Ну какъ твое здоровье? Вѣдь, ты, кажется, былъ боленъ?

— Покорно благодарю, Ваше Высочество, отвѣчалъ я,— теперь немного лучше...

— Ну, ничего, у насъ поправишься, будешь молодцомъ... и Великій Князь подошелъ затѣмъ къ какому-то генералу.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я первый разъ въ жизни имѣлъ счастье представиться Государю Императору и удостоиться разговоромъ съ Великимъ Царемъ-Освободителемъ. Государь изволилъ милостиво обратиться ко мнѣ и спросить, за что я получилъ Георгіевскій крестъ. Выслушавъ внимательно мой отвѣтъ, Его Величество сказалъ:

— Молодецъ, спасибо тебѣ за службу!

Затѣмъ черезъ недѣлю я снова представлялся Государю въ Михайловскомъ манежѣ и снова Великій покойный Монархъ удостоилъ меня своимъ разговоромъ. Къ одиннадцати часамъ утра манежъ былъ уже полонъ. Необыкновенно эффектную картину представляли изъ себя всѣ эти рослые, увѣшанные орденами гвардейцы, блестящіе генералы и офицеры—лучшій цвѣтъ нашей арміи. Мнѣ пришлось въ первый разъ быть въ манежѣ и потому не удивительно, что меня все это такъ занимало, интересовало.

Мнѣ было указано мѣсто, но скоро какіе-то генералы совершенно оттерли меня и я очутился позади, и только передъ самымъ пріѣздомъ Государя дежурный генералъ-

адъютантъ перевелъ меня на правый флангъ. Мало-помалу стали пріѣзжать разныя начальствующія лица, а затѣмъ прибыли Наслѣдникъ Цесаревичъ и Николай Николаевичъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ въ манежъ пріѣхалъ Государь, сѣлъ на прекрасную бѣлую лошадь и, въ сопровожденіи большой свиты, въ числѣ которой находилось нѣсколько представителей иностранныхъ державъ, сталъ объѣзжать фронтъ войскъ. Затѣмъ Его Величество подъѣхалъ къ намъ. На мою долю выпала честь представиться первымъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ, какъ командиръ гвардейскаго корпуса, назвалъ мой чинъ и фамилію. Монархъ пристально взглянулъ на меня своими добрыми и умными глазами, привѣтливо улыбнулся и сказалъ:

— А, здравствуй! и подалъ свою руку, которую я съ благоговѣніемъ и любовью поцѣловалъ.

Не выпуская руки Государь продолжалъ разспрашивать меня, за что я получилъ Георгія, Владиміра и другіе ордена и я съ радостью разсказывалъ Великому Властелину земли русской о своихъ скромныхъ боевыхъ трудахъ въ славную войну за освобожденіе Болгарскаго народа.

— Молодецъ! спасибо, спасибо тебѣ еще разъ за службу! сказалъ ласково Государь, и эти слова обожаемаго Монарха-мученика были дороже мнѣ всякихъ наградъ въ мірѣ.

И теперь нерѣдко съ наслажденіемъ, съ любовью вспоминаю я ихъ и хорошее, сладкое чувство невольно испытываю я тогда и слезы умиленія навертываются на моихъ глазахъ...

Началась обыкновенная мирная жизнь гвардейскаго офицера: обычныя ученья, разводы, смотры, парады и, въ часы досуга, театры, маскарады, концерты, товарищескія бесѣды, нерѣдко кутежи, тройки, дѣвицы... Все это скоро надоѣло, прiѣлось и я сталъ скучать о своей прежней, бое-

вой, полной опасностей, жизни, о незабвенномъ Скобелевѣ и прежнихъ ратныхъ товарищахъ.

Какъ это ни странно покажется, быть можетъ, читателю, но я говорю совершенную правду и ничуть не рисуюсь! Я, дѣйствительно, скучалъ и съ нетерпѣніемъ жаждалъ новой смертельной дѣятельности... Тамъ, передъ лицомъ смерти, мы всѣ были братья, всѣ равны, всѣ—отъ главнокомандующаго, генерала, до послѣдняго обознаго рядоваго. Пуля или осколокъ найдутъ свою жертву, какъ и куда ни прячься она отъ нихъ. И подлый трусъ, укрывающійся въ кукурузѣ или въ ямѣ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, не избѣгнетъ ея!.. А отважный, честный храбрецъ, гордо поднявшій голову и прямо, вызывающе смотрящій въ лицо свистящей и завывающей смерти—сплошь и рядомъ остается цѣлъ и невредимъ!.. А теперь, когда замолкли орудійные выстрѣлы и ружейная трескотня, когда мы вернулись къ нашимъ мирнымъ занятіямъ и сѣренькая жизнь съ ея будничными интересами вступила въ свои широкія права — снова открылось обширное поле для разныхъ мелкихъ интригъ, кляузъ, сплетень и грязныхъ дѣлишекъ... И такъ день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, одинъ хуже другаго! То, что во время войны казалось такимъ ничтожнымъ, пустымъ, теперь считается, напротивъ, такимъ серьезнымъ, важнымъ! И какъ перемѣнилось сразу обхожденіе начальниковъ со своими подчиненными: тамъ, подъ пулями, оно было братско-товарищеское, здѣсь—снова олимпійское, высокомѣрное; тамъ мы, какъ друзья, цѣловались, здѣсь—вамъ едва снисходительно протягиваютъ руку...

Въ апрѣлѣ 1879 года въ Петербургъ пріѣхалъ Скобелевъ. Мнѣ, конечно, очень хотѣлось видѣть своего прежняго любимаго начальника и я около полудня поѣхалъ на Моховую, гдѣ остановился Михаилъ Дмитріевичъ.

— Дома генералъ? спросилъ я въ передней лакея.

— Дома, только ихъ видѣть нельзя —они завтракаютъ.

— А кто дежурный адъютантъ?

— Г. Эрдели, отвѣчалъ лакей.

— Попроси его на минутку; скажи: корнетъ Дукмасовъ.

Съ Эрдели я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ еще съ кампаніи; онъ тотчасъ же доложилъ обо мнѣ Скобелеву.

— Генералъ проситъ тебя въ столовую; онъ очень радъ тебя видѣть, сообщилъ мнѣ Эрдели черезъ минуту.

Михаилъ Дмитріевичъ встрѣтилъ меня очень радушно, усадилъ рядомъ съ собой за столъ и познакомилъ съ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ тутъ генераловъ. Мой старый знакомый, Лей, деньщикъ Скобелева, осклабясь, бѣжалъ уже ко мнѣ съ приборомъ и стуломъ, видимо обрадованный, что встрѣтился съ нѣкоторымъ образомъ тоже боевымъ товарищемъ. Здѣсь же были мои прежніе сослуживцы—Баранокъ и Абадзіевъ.

— Ну, разсказывайте, какъ вамъ живется въ Петербургѣ и служится въ гвардіи? Конечно, всѣмъ довольны и веселитесь... разспрашивалъ меня генералъ.

«Не для гвардіи я созданъ, ваше превосходительство, а для арміи!» хотѣлъ-было я отвѣтить, но постѣснился тѣхъ гвардейцевъ, которые присутствовали за столомъ. Хотѣлось вообще многое сказать этому умному, дорогому и простому человѣку, хотѣлось излить свою душу, спросить у него нѣсколько совѣтовъ... но было не время, не мѣсто. И я сказалъ совсѣмъ не то, что думалъ: «Благодарю васъ, ваше превосходительство, хорошо, хотя все-таки скучаю о прежней жизни и вспоминаю часто Зеленыя горы, Зеленое древо, Шейново, Адріанополь, Св. Георгій, Константинополь и другія мѣста, гдѣ находился вмѣстѣ съ вами...»

Разговоръ невольно перешелъ на минувшую кампанію и Михаилъ Дмитріевичъ, замѣтно оживившись, сталъ раз-

сказывать о нашихъ дѣйствіяхъ, разбирать причины временныхъ неудачъ, чрезвычайно мѣтко характеризовалъ нѣкоторыхъ изъ командировъ... словомъ, бесѣда приняла вполнѣ товарищескій характеръ. Между прочимъ, кто-то высказалъ свое удивленіе по поводу той храбрости, рѣшительности и хладнокровія, которыя всегда проявлялъ Скобелевъ въ бояхъ.

— Тѣ качества, которыя вы мнѣ приписываете, отвѣчалъ генералъ, — легко встрѣтить у очень многихъ, и навѣрное каждый изъ васъ обладаетъ ими въ извѣстной мѣрѣ. Но кому я завидовалъ, сознаюсь откровенно, такъ вотъ этому господину, и онъ указалъ на меня.—Я бы не повѣрилъ даже, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что можно такъ спокойно, хладнокровно смотрѣть въ лицо смерти и проявлять такую дерзкую отвагу!.. Я давалъ ему самыя смѣлыя, безумныя порученія, и онъ все выполнялъ въ точности и какимъ-то чудомъ возвращался цѣлымъ и невредимымъ... Помню подъ Константинополемъ. въ Св. Георгіѣ, передъ тѣмъ, какъ намъ пришлось очищать позиціи, я за обѣдомъ предложилъ офицерамъ, не возьмется-ли кто исполнить мое порученіе, выходящее изъ ряда вонъ и сопряженное съ крайнею опасностью для жизни. И вотъ онъ, не колеблясь ни минуты, взялся выполнить его, хотя я и объяснялъ ему всю рискованность и опасность этого предпріятія. И я увѣренъ, что онъ, дѣйствительно, если бы потребовалось, исполнилъ это!.. Откровенно сознаюсь, что въ рѣшительныя, тяжелыя минуты я самъ сильно волнуюсь и дѣлаю надъ собой громадныя усилія, чтобы заглушить это чувство!.. Этотъ же человѣкъ, кажется, совсѣмъ безъ нервовъ и страха!..

Долго еще мы съ удовольствіемъ слушали оживленные разсказы Скобелева и разошлись отъ него довольно поздно.

Черезъ нѣкоторое время изъ Болгаріи въ Петербургъ

пріѣхала мать Скобелева. Я немедленно навѣстилъ ее, и Ольга Николаевна встрѣтила меня, по обыкновенію, очень любезно, просто, какъ стараго знакомаго, и просила заходить къ нимъ безъ церемоній, когда вздумается. Обществомъ такой умной и образованной женщины я, конечно, очень дорожилъ и нерѣдко съ удовольствіемъ проводилъ вечера въ домѣ Скобелева.

Помню хорошо, въ концѣ апрѣля, наканунѣ выѣзда моего въ Красное Село, куда меня командировали въ 6-ю донскую Наслѣдника Цесаревича батарею съ командами отъ лейбъ-казачьяго и атаманскаго полковъ для обученія ихъ артиллерійскому дѣлу, я отправился къ Ольгѣ Николаевнѣ. Разговоръ завязался, какъ это нерѣдко бывало, чисто военнаго характера: говорили мы о причинахъ нашихъ неудачъ въ Закаспійскомъ краѣ, о предполагаемой новой экспедиціи, о томъ, кого назначатъ начальникомъ ея и пр.

— Какъ жаль, сказалъ я,—что не назначаютъ людей, болѣе или менѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, хорошо знающихъ тотъ край, туземцевъ, мѣстныя условія и пр. У насъ такіе люди, вѣдь, есть: Черняевъ, Столѣтовъ, Куропаткинъ, Гродековъ и др. Всѣ эти опытные офицеры прошли хорошую боевую школу въ Туркестанѣ и на берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Кавказскіе же генералы, при ихъ безспорной храбрости и опытности, мало знакомы со степью-пустыней и ея воинственными обитателями.

— Вотъ въ томъ-то и горе, Петръ Архиповичъ, отвѣчала Ольга Николаевна, — что мы всегда начинаемъ снова и совершенно забываемъ про опыты. Спохватимся, да поздно!.. Вотъ передъ глазами же у насъ неудачныя экспедиціи Маркозова, Лазарева, Ломакина...

— А знаете что, Ольга Николаевна, сказалъ я,—мнѣ почему-то кажется, что Государь непремѣнно назначитъ

начальникомъ предполагаемой экспедиціи Михаила Дмитріевича.

— Кого, Мишу? удивилась Ольга Николаевна,— что вы, нѣтъ, никогда!..

— Не знаю ужь почему, но я въ этомъ почти увѣренъ! Онъ навѣрное соберетъ возлѣ себя такихъ людей, какъ Куропаткинъ, Гродековъ, и дѣло будетъ выиграно.

— Ахъ, милый Дукмасовъ, мнѣ что-то не вѣрится... Это будетъ ужь слишкомъ умно, если назначатъ Мишу... и добрая женщина весело разсмѣялась.

Въ это время дверь отворилась и на порогѣ появился сіяющій Михаилъ Дмитріевичъ.

— Э, да вамъ тутъ, я вижу, не скучно! сказалъ онъ, подавая мнѣ руку и цѣлуя мать.

— Знаешь, Миша, что Дукмасовъ пророчитъ, перебила его Ольга Николаевна:—онъ утверждаетъ, будто тебя непремѣнно назначатъ начальникомъ Закаспійской экспедиціи. Мы только-что объ этомъ говорили...

Лицо генерала вдругъ сдѣлалось пасмурнымъ.

— О пустякахъ вы все толкуете. Никогда этого не будетъ! и онъ, нахмурившись, быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Ну, а если это случится, возьмете меня тогда съ собой въ экспедицію? приставалъ я къ нему.

— Никогда этого не будетъ, повторяю вамъ! сурово и нехотя отвѣтилъ онъ.

— Ну, а если?..

— Ахъ, да отстаньте; ну, конечно, возьму!

Слова Ольги Николаевны произвели на генерала какое-то странное, непонятное дѣйствіе и я, боясь окончательно разсердить его, болѣе уже не обращался къ нему, хотя меня все подмывало спросить, отчего онъ такъ сразу перемѣнился и изъ веселаго сдѣлался грустнымъ.

Дня черезъ два послѣ этого разговора я отправился

въ Красное Село, въ упомянутую командировку. Ольга Николаевна вскорѣ уѣхала тоже въ Болгарію (откуда болѣе и не возвращалась), а Михаилъ Дмитріевичъ отправился въ свой 4-й корпусъ, въ г. Минскъ.

Въ сентябрѣ 1879 года я подалъ прошеніе объ увольненіи меня по домашнимъ обстоятельствамъ на льготу, на Донъ, и послѣ шумнаго Петербурга поселился въ глухомъ казачьемъ захолустьѣ и занялся хозяйствомъ. Въ февралѣ 1880 года я прочиталъ въ газетахъ о назначеніи Скобелева начальникомъ Закаспійской экспедиціи. Предположенія мои такимъ образомъ сбылись и, помня обѣщаніе Михаила Дмитріевича, я написалъ ему письмо съ просьбой взять меня въ экспедицію. Но судьба сулила мнѣ иное!

Письмо это, какъ оказалось потомъ, въ руки Скобелева вовсе не попало и я, волей-неволей, остался гнить въ своемъ захолустьи. Душа рвалась въ бой, снова подъ пули, къ знакомому уже дѣлу... Я внимательно слѣдилъ по газетамъ за ходомъ военныхъ дѣйствій и тяжелое чувство, чувство узника, лишеннаго свободы, испытывалъ въ это время, сидя въ своемъ родномъ, тихомъ гнѣздѣ...

Наконецъ, экспедиція эта, покрывшая новою славой русское оружіе и новыми лаврами и безъ того популярнаго ея начальника, окончилась и Скобелевъ вернулся въ Россію.

Въ концѣ 1881 года я, по своимъ дѣламъ, пріѣхалъ въ Москву. Въ штабѣ гренадерскаго корпуса я встрѣтился съ бывшимъ начальникомъ штаба отряда Скобелева, графомъ Келлеромъ, и отъ него узналъ, что Михаилъ Дмитріевичъ тоже прибылъ въ Москву. Это было 31 декабря.

«Вотъ и отлично», рѣшилъ я. «Завтра, въ первый день Новаго года, отправлюсь къ нему съ визитомъ. Сильно хочется посмотрѣть на него; говорятъ, измѣнился за кампанію...»

Въ тотъ же вечеръ я заѣхалъ съ знакомыми въ гостинницу «Эрмитажъ» обѣдать. Часовъ около девяти въ залѣ между публикой вдругъ раздались восклицанія:

— Скобелевъ идетъ, Скобелевъ идетъ!

Дѣйствительно, черезъ минуту прекрасный органъ заигралъ маршъ Скобелева (это распорядился г. Оливье, содержатель «Эрмитажа»), и герой Ахалъ-Текинской экспедиціи, въ сопровожденіи графа Келлера и генералъ-лейтенанта князя Гагарина, быстро вошелъ въ залу. Вся бывшая въ залѣ публика—военные и штатскіе—почтительно встала и радостно привѣтствовала народнаго любимца. Скобелевъ любезно отвѣчалъ на поклоны и торопливо вошелъ со своими компаньонами въ отдѣльный кабинетъ.

«Вотъ удобный случай представиться генералу», подумалъ я. «Кстати я въ мундирѣ при орденахъ», и я приказалъ человѣку доложить о себѣ Скобелеву.

Черезъ минуту лакей вернулся.

— Пожалуйте, генералъ просятъ васъ въ кабинетъ!

Скобелевъ встрѣтилъ меня не какъ бывшаго подчиненнаго, а какъ товарища, даже, пожалуй, друга.

— Очень, очень радъ васъ видѣть! сказалъ онъ, обнимая меня и цѣлуя.—А я, право, думалъ, что васъ нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ... Ваше превосходительство! обратился онъ къ князю Гагарину, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту странную, сердечную встрѣчу двухъ крайнихъ офицерскихъ чиновъ, корнета и полнаго генерала*), — позвольте вамъ представить моего бывшаго ординарца. Ну, а съ графомъ Келлеромъ вы, вѣдь, знакомы?

— Да, отвѣчалъ я,—я сегодня отъ графа узналъ о вашемъ пріѣздѣ и хотѣлъ-было завтра явиться къ вашему

*) За Ахалъ-Текинскую экспедицію Скобелевъ получилъ св. Георгія 2-й степени и былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

высокопревосходительству съ многочисленными поздравленіями: съ Новымъ годомъ, съ новымъ чиномъ, новымъ крестомъ...

— Ну, зарапортовался! перебилъ меня генералъ,—и прекрасно сдѣлали, что явились сегодня, потому что завтра не застали бы меня—я сегодня вечеромъ ѣду къ себѣ въ имѣніе...

Я внимательно, между тѣмъ, всматривался въ лицо дорогаго человѣка. Онъ замѣтно измѣнился за тотъ коротъ кій срокъ, въ который я его не видѣлъ: поблѣднѣлъ, пожелтѣлъ, какъ-то осунулся, выраженіе глазъ стало болѣе серьезно, сосредоточено; онъ какъ будто дѣлалъ усиліе, чтобы улыбаться, смѣяться, тогда какъ прежде это веселье было совершенно естественно и вполнѣ соотвѣтствовало его сангвинической натурѣ. Несомнѣнно, что неожиданная смерть матери, хлопоты и труды въ тяжелой степной экспедиціи и разныя мелкія треволненія и непріятности сильно отразились даже на этой крѣпкой натурѣ.

— Ну, а вы что здѣсь дѣлаете? обратился ко мнѣ Скобелевъ.—Пьянствуете? Правда, вѣдь, графъ? и, не дожидаясь отвѣта, онъ сталъ говорить про меня князю Гагарину, который все продолжалъ съ удивленіемъ смотрѣть на нашу пріятельскую бесѣду и на мои ордена.—Отчаянный сорви-голова! говорилъ про меня Скобелевъ князю.—Я всегда удивлялся его храбрости и хладнокровію.

— Генералъ хвалитъ меня, ваше сіятельство, вмѣшался я въ разговоръ,—а про себя ничего не говоритъ. А между тѣмъ мы — это можетъ подтвердить и графъ Келлеръ, какъ бывшій начальникъ штаба—только брали примѣръ съ нашего вождя и въ его поведеніи почерпали силу и энергію.

— Ну, вы, обезьянка, не скромничайте и не врите!

Вы вотъ лучше скажите, какого вы чорта торчите тутъ, въ Москвѣ, и что дѣлаете?

— Ничего не дѣлаю, отвѣчалъ я весело,—да и что можетъ дѣлать казачій офицеръ, состоящій на льготѣ! Въ экспедицію вы меня не взяли, хоть и дали слово.

— Ахъ, да, перебилъ меня Скобелевъ,—я съ вами не хочу быть больше знакомымъ!

— За что такая немилость, ваше высокопревосходительство?

— А за то, что вы, милостивый государь, проспали или пропили Ахалъ-Текинскую экспедицію.

— Я въ этомъ не виноватъ: вы еще въ Петербургѣ дали слово, что возьмете меня, въ случаѣ васъ назначатъ начальникомъ. Помните тотъ вечеръ, передъ отъѣздомъ вашимъ въ Минскъ...

— Да, помню, но я забылъ, у меня тогда вотъ какая была голова, масса хлопотъ... Вы должны были сами напомнить о себѣ—написать или явиться ко мнѣ лично.

— Да я это и сдѣлалъ, ваше высокопревосходительство; я отправилъ вамъ письмо, но отвѣта никакого не получилъ.

— Какое письмо? удивился Михаилъ Дмитріевичъ.—Я ничего не получалъ, даю вамъ слово. Наконецъ, вы могли послать мнѣ телеграмму!

— И ее, вѣроятно, постигла бы та же участь. Наконецъ, я рѣшилъ, что вы, вѣроятно, недовольны мною за что-нибудь или просто не хотите меня видѣть. Что же мнѣ было навязываться!

— Что за чепуха! съ досадой въ голосѣ сказалъ генералъ.—Да чортъ же зналъ, что вы существуете на свѣтѣ! Мнѣ даже говорили, что вы совсѣмъ испьянствовались, до чортиковъ, и отъ водки отправились на тотъ свѣтъ. Теперь я вижу, что все это вранье; вы такой же молодецъ,

какъ были на Балканахъ. Не правда-ли, графъ? обратился онъ къ графу Келлеру.

Графъ отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ при этомъ:

— Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Дукмасова, что разъ онъ не получилъ отвѣта на свое письмо — неудобно было вторично напрашиваться, и графъ, въ знакъ сочувствія, крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Э, да вы за одно съ Дукмасовымъ, сказалъ, разсмѣявшись, генералъ, — ну, чортъ съ вами, давайте вашу лапу въ знакъ примиренія, и генералъ протянулъ мнѣ свою руку. — А все-таки, продолжалъ онъ, — вы проспали славную экспедицію!

— Не моя вина, ваше высокопревосходительство! Не судьба, должно быть!

— Да вы просто взяли бы, да и пріѣхали ко мнѣ. Такъ дѣлали многіе офицеры. Пріѣзжали безъ всякихъ бумагъ, предписаній, и я, не зная даже ихъ, принималъ къ себѣ. А васъ я зналъ и былъ бы очень радъ. Храбрые офицеры никогда не могутъ быть лишними на войнѣ: для нихъ всегда найдется работа... Ну, да прошлаго, все равно, не воротишь! Лучше давайте вотъ ужинать.

— Покорно благодарю, я недавно обѣдалъ, ваше высокопревосходительство! Вотъ вина, если позволите, за ваше здоровье выпью.

— Ну, ужь это извините-съ. Чего-чего, а вина-то не дамъ... и Скобелевъ торопливо отодвинулъ отъ меня бутылки.

— Не дадите и не надо! сказалъ я совершенно спокойно.

— Впрочемъ, я думаю, бокалъ-то одинъ ему можно налить, но не болѣе, обратился, улыбаясь, Скобелевъ къ князю и графу, наливая мнѣ шампанскаго. – Вотъ что: вѣдь вы здѣсь, въ Москвѣ, ничего не дѣлаете? Такъ поѣдемте ко мнѣ въ деревню встрѣчать Новый годъ. Вотъ графъ

обѣщался тоже пріѣхать и еще кое-кто. Я думаю устроить для деревенскихъ дѣтей ёлку, вотъ вы мнѣ и поможете. Ну, что жь, согласны?

— Я съ удовольствіемъ куда угодно поѣду съ вашимъ высокопревосходительствомъ, хоть на тотъ свѣтъ! отвѣчалъ я, сильно обрадованный встрѣчей со своимъ бывшимъ начальникомъ.

— Ну вотъ и отлично; теперь десять, поѣздъ идетъ въ одиннадцать, значитъ черезъ часъ мы и покатимъ вмѣстѣ.

— Такъ позвольте мнѣ съѣздить въ гостинницу переодѣться и захватить кое-какія вещи, сказалъ я.

— Лишнее — такъ и поѣдемъ; на что вамъ вещи? Допивайте-ка ваше вино, да съѣздите, пожалуйста, въ домъ генерала Яковлева, гдѣ я остановился, и передайте, что я домой не вернусь, а поѣду прямо на вокзалъ; поручику Ушакову скажите, чтобы онъ приказалъ Лею уложить мои вещи и тоже отправляться на вокзалъ къ 11-ти-часовому поѣзду. Сами же возвращайтесь сюда — вмѣстѣ поѣдемъ. Разобрали въ чемъ дѣло?

— Что жь тутъ не разобрать! отвѣчалъ я,—въ кампанію не такія приказанія разбиралъ...

— Ну, пошелъ, прервалъ меня генералъ,—непремѣнно нужно огрызаться... Я замучился съ нимъ въ кампанію, продолжалъ онъ, обращаясь къ князю,—никакъ съ нимъ не сговоришься!

— Вѣроятно, потому вы и не взяли меня съ собой въ Ахалъ-Текинскую экспедицію, ваше высокопревосходительство, а нашли болѣе сговорчивыхъ...

Всѣ разсмѣялись, а Скобелевъ безъ церемоніи поймалъ меня за ухо и отодралъ, приговаривая:

— Вотъ вамъ за это, будете меня помнить... Ну, а

теперь — маршъ! Возьмите мою лошадь; кучеръ знаетъ, куда везти. Я буду здѣсь васъ ждать.

Выйдя къ подъѣзду и усѣвшись на скобелевскаго лихача, я помчался къ дому генерала Яковлева.

Здѣсь меня встрѣтилъ домовладѣлецъ, которому я отрекомендовался.

— А гдѣ же Михаилъ Дмитріевичъ? спросилъ меня генералъ.

— Ужинаетъ въ «Эрмитажѣ». Онъ просилъ меня распорядиться относительно его вещей, такъ какъ Михаилъ Дмитріевичъ не заѣдетъ сюда болѣе, а отправится прямо на вокзалъ.

— Это онъ всегда такъ устраиваетъ, экспромтомъ! сказалъ добродушный генералъ и распорядился попросить поручика Ушакова.

Съ Ушаковымъ—милымъ, симпатичнымъ офицеромъ— мы встрѣтились радушно, какъ старые боевые товарищи. Онъ принималъ участіе въ Ахалъ-Текинской экспедиціи, былъ раненъ, замѣтно измѣнился и постарѣлъ, хотя за то и украсился новыми регаліями. Я передалъ ему распоряженіе Скобелева и затѣмъ отправился обратно.

— Пожалуйста, Петръ Архиповичъ, поторопи генерала, а то онъ навѣрное опоздаетъ къ поѣзду. Ты, вѣдь, знаешь его: какъ заговорится, такъ не оторвешь... говорилъ мнѣ Ушаковъ передъ моимъ отъѣздомъ.

На обратномъ пути я заѣхалъ на минутку домой и около половины одиннадцатаго былъ уже снова въ «Эрмитажѣ».

— Ну что, все устроили? спросилъ меня Скобелевъ, сидѣвшій, по прежнему, въ обществѣ князя и графа.

— Нечего было и устраивать — они все сами безъ меня устроили. Пора ѣхать, ваше высокопревосходительство, полчаса осталось до отхода поѣзда.

— Успѣемъ еще, тутъ недалеко до вокзала, отвѣчалъ

генералъ и продолжалъ свою оживленную бесѣду съ Гагаринымъ и Келлеромъ.

Наконецъ, минутъ за десять до отхода поѣзда я еле уговорилъ его ѣхать.

— Да чего вы суетитесь, точно баба какая... Успѣемъ еще! говорилъ Скобелевъ, прощаясь со своими собесѣдниками.

Съ трудомъ усѣлись мы вдвоемъ въ узкія извозчичьи санки и помчались на вокзалъ по отвратительной дорогѣ: снѣгу почти не было, замерзшій ледъ растаялъ и мы неслись то по глубокимъ лужамъ, то прямо по землѣ и камнямъ, съ трудомъ держась другъ за друга на узкомъ сидѣньи. Не смотря на быструю ѣзду, мы все-таки опоздали на $^1/_4$ часа, но поѣздъ былъ задержанъ, благодаря распорядительности полицеймейстера, который встрѣтилъ Скобелева у подъѣзда и проводилъ до вагона.

Скобелевъ занялъ отдѣльное купэ, а я съ Ушаковымъ помѣстился рядомъ, въ общемъ вагонѣ перваго класса.

Такъ какъ близилась полночь, то Михаилъ Дмитріевичъ пригласилъ насъ къ себѣ въ купэ встрѣчать вмѣстѣ Новый годъ.

— А помните, господа, сказалъ генералъ, — гдѣ мы встрѣчали 78-й годъ! Помните, какъ переваливали Балканы у Зеленаго древа, помните Шейновскій бой, плѣненіе арміи Весселя-паши, походъ къ Адріанополю... Хорошее время было, съ удовольствіемъ я его вспоминаю! Придется-ли еще когда нюхать порохъ или не судьба уже!.. — Скобелевъ, опустивъ голову, о чемъ-то задумался.

Я смотрѣлъ внимательно на это дорогое мнѣ лицо, замѣтно уже постарѣвшее, осунувшееся, но все еще молодое, красивое, энергичное. «Въ 38 лѣтъ добиться полнаго генерала, получить Георгія второй степени!.. Какую онъ службу сослужилъ Россіи!..»

— Ваше высокопревосходительство! прервалъ мои размышленія Ушаковъ. — Двѣнадцать часовъ: съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!..

Мы взглянули на часы — стрѣлки сошлись на двѣнадцати.

— Ну, пошли же намъ Богъ всего хорошаго! серьезно сказалъ Скобелевъ и набожно перекрестился.—Что-то насъ ожидаетъ въ этомъ году—будемъ-ли живы?..

Онъ горячо разцѣловался съ нами и отъ души пожелалъ намъ счастья и здоровья.

А Лей уже держалъ въ рукахъ откупоренную бутылку шампанскаго и на подносѣ три стакана. Мы чокнулись, еще разъ пожелали другъ другу всѣхъ благъ міра и вскорѣ разошлись спать по своимъ мѣстамъ.

— Смотрите, господа, не проспите, сказалъ намъ на прощанье Скобелевъ, — поѣздъ приходитъ въ Раненбургъ около семи утра. Разбудите меня!..

Было ровно семь часовъ, когда я проснулся. Поѣздъ нашъ подходилъ къ какой-то станціи и вскорѣ остановился. Я взглянулъ въ окно и на фасадѣ прочиталъ: «Раненбургъ».

— Мишка, вставай скорѣе! сталъ я торопливо будить храпѣвшаго Ушакова.—Иди, буди генерала, а то ругаться будетъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту я услышалъ изъ купэ недовольный голосъ Михаила Дмитріевича:

— Чортъ знаетъ, чего жь вы меня не разбудили раньше! Опять изъ-за насъ поѣздъ будутъ задерживать! Дукмасовъ, пожалуйте сюда! Вы отчего меня не разбудили?..

— Я вашъ гость, это не мое дѣло! отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Ну, ладно, гость! Вотъ лучше помогайте мнѣ скорѣе одѣваться.

Поѣздъ былъ задержанъ на нѣсколько минутъ, пока генералъ успѣлъ собраться. На платформѣ собралась масса крестьянъ изъ окрестныхъ деревень встрѣчать его. И когда онъ вышелъ, головы всѣхъ сразу обнажились, лица просіяли и простой людъ съ радостью привѣтствовалъ своего любимаго народнаго героя и вмѣстѣ помѣщика.

— Батюшка нашъ, голубчикъ, красавецъ писанный! говорили съ умиленіемъ, со слезами на глазахъ нѣкоторыя бабы и низко-низко кланялись ему.

Михаилъ Дмитріевичъ зашелъ въ уборную и черезъ нѣсколько минутъ вернулся обратно въ залу.

— Вотъ что, обратился онъ къ Ушакову,—такъ какъ вещи наши придутъ со слѣдующимъ поѣздомъ, то вы побудьте, пожалуйста, здѣсь и позаботьтесь о доставкѣ ихъ въ Спасское; тутъ останется также г. Голубинцевъ *). Ну, а мы съ вами, продолжалъ Скобелевъ, обращаясь ко мнѣ,—поѣдемъ вмѣстѣ...

У крыльца станціи, куда мы вышли, насъ ожидали хорошенькія сани, запряженныя цугомъ, одна за одной, тройкой прекрасныхъ сѣрыхъ коней. Меня не мало удивила эта оригинальная запряжка.

— Отчего ты запрегъ ихъ такъ, по польски? обратился я къ молодцу-кучеру, служившему у Скобелева еще въ дѣйствующей арміи.

— Иначе нельзя, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, радостно улыбаясь мнѣ, какъ старому знакомому,—потому у насъ снѣгъ очень глубокій, а дорога мало накатана; мужички ѣздятъ все въ одну лошадь, такъ не то что тройкой, а и парой въ рядъ нельзя проѣхать...

*) Главный контролеръ имѣній Скобелева.

— Ну, трогай, да получше поѣзжай! сказалъ Скобелевъ, усѣвшись между тѣмъ въ сани.

Добрые кони быстро повезли насъ по плохо укатанной дорогѣ. День былъ сѣренькій, небо сплошь покрыто было тучами. Вѣтеръ постепенно усиливался, поднимая цѣлыя тучи снѣжной пыли, которая почти совершенно заносила дорогу. Меня началъ пробирать холодъ, такъ какъ одѣтъ я былъ очень легко. Скобелевъ молчалъ и о чемъ-то думалъ.

— А у васъ, ваше высокопревосходительство, и здѣсь все напоминаетъ дѣйствующую армію! обратился я къ своему сосѣду.

— Что же именно? повернулъ онъ ко мнѣ свою головз.

— Да какъ же: тотъ же кучеръ Петръ, тѣ же сѣрые боевые кони, та же быстрая ѣзда...

— Да, вотъ это! улыбнулся онъ. — Ну, до дѣйствующей арміи, положимъ, далеко еще! А вы знаете, я двухъ своихъ бѣлыхъ верховыхъ кобылицъ поставилъ въ конюшню, какъ матокъ. Вотъ я повезу васъ въ свой конный заводъ, въ Златоустовѣ; кстати посмотрите пару рысистыхъ жеребцовъ, которыхъ я подарилъ князю Дондукову-Корсакову—прекрасныя лошади... Я очень радъ, что поймалъ васъ, вы поможете мнѣ въ хозяйствѣ, а то я, откровенно сознаюсь, плохой хозяинъ...

— Ну, а я еще хуже! отвѣчалъ я, смѣясь,—и врядъ-ли могу быть вамъ чѣмъ полезенъ.

— Ничего, все-таки присмотрите, кого нужно подгоните, а то всѣ у меня страшно распущены и мало заботятся о моихъ интересахъ... Вы знаете, я, вѣдь, привезъ изъ Турціи нѣсколько верблюдовъ и муловъ, а изъ Закаспійскаго края прекрасныхъ быковъ—это у меня отдѣлъ иностранцевъ. Я вамъ все покажу...

Между тѣмъ, мятель все болѣе и болѣе усиливалась и скоро дорога была совершенно занесена. Мы ѣхали прямо по полю, лошади постоянно проваливались въ глубокомъ снѣгу.

— Однако, мы сбились съ дороги; куда это ты насъ завезъ? сказалъ Скобелевъ, увидя, что мы подъѣзжаемъ къ какой-то незнакомой деревнѣ.

— Виноватъ, ваше высокопревосходительство, сбился... Сами изволите видѣть, какъ мететъ, никакъ невозможно!.. отвѣчалъ сильно сконфуженный Петръ.

— Ахъ ты, скотина этакая! разсердился Скобелевъ,— кругомъ виноватъ, да еще оправдывается. Я вотъ для Новаго года прикажу отодрать тебя на конюшнѣ... Не будешь тогда воронъ ловить!..

— Да помилуйте, ваше высокопревосходительство, чѣмъ же я виноватъ... началъ-было снова оправдываться кучеръ, но Михаилъ Дмитріевичъ вторично на него заоралъ:

— Ну, ужь лучше молчи! Вотъ какъ выпорю тебя, такъ впередъ не будешь блудить... Ужасно распустились они здѣсь! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Въ кампаніи никогда этого не было...

— Э, пустяки, старался утѣшить я генерала,—пять-шесть лишнихъ верстъ не бѣда... Вѣдь, дѣйствительно, мятель сильная; посмотрите, какъ крутитъ снѣгъ!..

И чтобы успокоить генерала, я укуталъ его въ шинель, а Петра дернулъ за полушубокъ, давая ему этимъ понять, чтобы онъ молчалъ и не оправдывался.

Наконецъ, мы добрались до Спасскаго, пробывъ въ дорогѣ около пяти часовъ. Михаилъ Дмитріевичъ замѣтно повеселѣлъ, привсталъ въ саняхъ и стряхнулъ съ себя снѣгъ. На широкой улицѣ деревни намъ попалось на

встрѣчу нѣсколько мужиковъ, которые, узнавъ своего «янарала», съ радостными лицами низко ему кланялись.

— Здравствуйте, здравствуйте! привѣтливо отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ на ихъ поклоны и уже совсѣмъ повеселѣлъ.

Мы проѣхали мимо довольно красивой церкви, возлѣ которой находился большой новый домъ.

— Это не училище-ли ваше? обратился я къ генералу.

— Да, это нашъ университетъ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—мое произведеніе нѣкоторымъ образомъ.

Вскорѣ сани наши въѣхали въ ворота большаго двора и остановились у деревяннаго флигеля.

— Вотъ мы и дома! сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ, вылѣзая изъ саней.

На крыльцѣ его встрѣтила какая-то пожилая дама (оказавшаяся экономкой) и нѣсколько человѣкъ прислуги. Поздоровавшись со всѣми и раздѣвшись, мы вошли въ столовую, гдѣ былъ уже приготовленъ столъ съ закуской и съ шипящимъ самоваромъ. Я отправился въ кабинетъ генерала и занялся осмотромъ его, а Михаилъ Дмитріевичъ ушелъ къ себѣ въ спальню и черезъ нѣсколько минутъ вернулся оттуда переодѣтый, умытый и, по обыкновенію, раздушенный.

— Ну-съ, идемте чаировать! обратился онъ весело ко мнѣ, и мы направились въ столовую, гдѣ насъ ожидала упомянутая экономка. Съ нею генералъ вступилъ въ бесѣду, разспрашивая про хозяйство, про деревенскія новости и пр.

Въ это время пріѣхалъ какой-то господинъ, сосѣдъ Скобелева по имѣнію, а вслѣдъ за нимъ появился и священникъ села Спасскаго, отецъ Андрей, онъ же и преподаватель закона Божьяго въ школѣ.

— А, отецъ Андрей, здравствуйте; очень радъ васъ видѣть. Съ Новымъ годомъ!.. говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ, видимо обрадованный его приходу.

— Здравствуйте, здравствуйте, ваше высокопревосходительство! Съ новымъ счастьемъ!.. отвѣчалъ священникъ, очень симпатичный и довольно молодой еще человѣкъ.

Завязался общій разговоръ про хозяйство, школу, охоту и пр.

Вскорѣ пріѣхали Ушаковъ и Голубинцевъ съ вещами и компанія наша еще болѣе оживилась. Пообѣдавъ всѣ вмѣстѣ, мы разбрелись по разнымъ мѣстамъ усадьбы; генералъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, а Ушаковъ ушелъ въ училище хлопотать относительно ёлки.

На слѣдующій день Михаилъ Дмитріевичъ потащилъ меня съ собой осматривать хозяйство. Все оказалось въ порядкѣ и генералъ остался вполнѣ доволенъ осмотромъ своихъ владѣній, хотя, насколько я могъ замѣтить, понималъ онъ въ агрономіи и хозяйственномъ дѣлѣ довольно мало. Впрочемъ, когда мы подошли къ иностранному отдѣлу, т.-е. къ верблюдамъ и муламъ, привезеннымъ изъ Турціи, и быкамъ изъ Закаспійскаго края, то Михаилъ Дмитріевичъ очень разсердился на управляющаго, найдя всѣхъ этихъ животныхъ въ очень плохомъ видѣ.

— Извольте все это привести въ порядокъ — иначе всѣмъ будетъ на орѣхи!.. сказалъ онъ, выходя изъ скотнаго двора.

ГЛАВА VIII.

На третій день Скобелевъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ Златоустовское имѣніе, гдѣ находился его конный рысистый заводъ. Видимо Михаилъ Дмитріевичъ очень

любилъ это дѣло и дорогой онъ все время разсказывалъ о лошадяхъ.

Заводъ, дѣйствительно, былъ прекрасно устроенъ. Матки и плодовые жеребцы содержались очень заботливо, помѣщаясь въ отлично устроенныхъ деньникахъ, гдѣ чистота и порядокъ были образцовые.

— А вотъ и «Плевна» моя! сказалъ весело Скобелевъ, останавливаясь передъ красивою бѣлою кобылицей.—Интересно, какое отъ нея получится потомство — я скрестилъ ее съ прекраснымъ рысистымъ жеребцомъ... Помните, Петръ Архиповичъ, какъ подъ Плевной во время дѣла я полетѣлъ въ оврагъ!..

Я припомнилъ, что, дѣйствительно, подъ Плевной, при атакѣ Скобелевскихъ редутовъ 30-го августа, Михаилъ Дмитріевичъ, спѣша на позицію, упалъ въ оврагъ, который лошадь не могла перепрыгнуть вслѣдствіе дождя, грязи и глинистаго грунта. Генералъ, весь выпачканный, выскочилъ изъ оврага, усѣлся на лошадь поручика Маркова и поскакалъ снова къ редуту, увлекши за собой заколебавшихся и уже отступавшихъ солдатъ. Казаки вытащили тогда же изъ оврага скобелевскую кобылицу и привели ее генералу въ редутъ, гдѣ онъ находился. Съ тѣхъ поръ эта знаменитая лошадь все время находилась подъ Скобелевымъ и, не смотря на страшный огонь и постоянныя опасности, ни разу не была ранена.

— Прекрасная лошадь, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ, смотря на нее съ любовью.—Я очень люблю ее: сильная, легкая, быстрая и смѣлая... А вотъ посмотрите на эту матку, продолжалъ онъ, останавливаясь передъ другою бѣлою кобылой,—я пріобрѣлъ ее у конно-гренадеръ. Тоже добрый конь!

— Да у васъ, ваше высокопревосходительство, сказалъ я, смѣясь,— получится порода чисто боевыхъ лошадей.

Дѣти унаслѣдуютъ отъ своихъ матерей воинскую опытность и инстинкты... Вы бы мнѣ одного жеребеночка подарили!..

— Ну, нѣтъ, жеребенка не дамъ. Вотъ изъ взрослыхъ какую угодно берите, отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ мы осмотрѣли пару жеребцовъ, которыхъ Михаилъ Дмитріевичъ подарилъ князю Дондукову-Корсакову.

Отдавъ нѣсколько распоряженій управляющему и попросивъ его смотрѣть какъ можно бдительнѣе за лошадьми, Скобелевъ усѣлся въ сани и мы вернулись въ Спасское.

На четвертый день моего пребыванія въ Спасскомъ, утромъ, во время чая, Скобелевъ обратился ко мнѣ:

— Петръ Архиповичъ! У меня къ вамъ просьба, кстати вамъ дѣлать нечего: посмотрите, пожалуйста, какъ исполняютъ мои приказанія относительно содержанія въ исправности моихъ любимчиковъ — верблюдовъ, быковъ, муловъ. Особенно обратите вниманіе на послѣднихъ: я хочу изъ нихъ составить тройку упряжныхъ. Вы за одно выберите теперь же ихъ, а потомъ вмѣстѣ посмотримъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, допивая стаканъ чая, и поднялся, чтобы идти.

— А гдѣ же вашъ крестъ? спросилъ Михаилъ Дмитріевичъ, замѣтивъ, что у меня на груди не было Георгіевскаго креста.

— Онъ прикрѣпленъ къ колодкѣ, а другаго нѣтъ, отвѣчалъ я, собираясь уходить.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Лей! крикнулъ генералъ,—принеси-ка скорѣе мой крестъ съ сюртука. Крестъ былъ принесенъ и Скобелевъ собственноручно надѣлъ мнѣ его въ петлицу.

Выйдя въ переднюю, я набросилъ на себя шинель.

— Это что же вы въ шинель нарядились? Развѣ можно въ такомъ костюмѣ по скотнымъ дворамъ ходить!

— А въ чемъ же я пойду — у меня другаго ничего нѣтъ! отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, такъ нельзя, снова произнесъ генералъ.— Лей, подай мое пальто: извольте его надѣвать!

И какъ я не отнѣкивался, не сопротивлялся, Скобелевъ почти насильно нарядилъ меня въ свое пальто, и я. произведенный на время въ чинъ генерала отъ инфантеріи, отправился ревизовать скотный дворъ...

— Ну что, какъ? спросилъ меня Михаилъ Дмитріевичъ, когда черезъ полчаса я вернулся обратно изъ своей командировки.

— Все благополучно, отвѣтилъ я, разоблачаясь.—Ваши любимчики шлютъ вамъ привѣтъ...

Въ этотъ же день, вечеромъ, назначена была въ училищѣ ёлка для деревенскихъ дѣтей. Еще съ утра Спасское оживилось. Изъ окрестныхъ деревень съѣхалось много крестьянъ съ женами и дѣтьми и сани ихъ запрудили всю площадь у церкви. Мужики, бабы, дѣвушки, дѣти толпились цѣлый день возлѣ церкви, училища и у воротъ Скобелевскаго дома. Всѣ они горѣли нетерпѣніемъ увидѣть своего любимаго «богатыря», «батька». Но Михаилъ Дмитріевичъ почему-то не показывался и весь день почти просидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Вечеромъ пріѣхало нѣсколько интеллигентныхъ гостей — окрестныхъ помѣщиковъ со своими семействами. Отецъ Андрей и Ушаковъ, на правахъ хозяевъ, любезно всѣхъ встрѣчали. Наконецъ, когда все было готово, распорядитель ёлки, поручикъ Ушаковъ, послалъ сказать Скобелеву и послѣдній, пригласивъ меня съ собой, отправился въ училище.

Посреди просторной залы устроена была красивая ёлка, блиставшая яркими огнями. Три большихъ стола были нагромождены различными подарками для дѣтей — полушубками, рукавицами, шапками, книгами, сластями и пр.

Михаилъ Дмитрiевичъ любезно поздоровался съ гостями, а затѣмъ подошелъ къ стоявшимъ тутъ же, у ёлки, дѣтямъ.

— Мнѣ очень прiятно, сказалъ онъ весело,—что вы прилежно занимаетесь и хорошо ведете себя... Все это я съ удовольствiемъ узналъ отъ отца Андрея и вашего учителя. Надѣюсь, что и на будущее время вы порадуете меня и вашихъ родителей и будете такъ же стараться.

Дѣтскiя лица еще болѣе оживились послѣ этихъ милостивыхъ словъ и они радостно, шумно заговорили всѣ разомъ:

— Будемъ стараться, постараемся, покорно благодаримъ...

— Ну, что жь, теперь, я думаю, можно и подарки раздать, продолжалъ онъ, обращаясь къ Ушакову.—Да, пожалуйста, Михаилъ Ивановичъ, займитесь гостями и не обращайте на меня вниманiя. Я, вѣдь, свой человѣкъ, не гость!..

Ушаковъ попросилъ двухъ дамъ взять на себя трудъ раздавать подарки, а самъ вызывалъ учениковъ по успѣхамъ ихъ въ наукахъ. Восторгамъ дѣтей не было конца, когда они возвращались на свои мѣста съ полушубками, шапками, конфектами, книгами и пр. Цѣнность подарка соотвѣтствовала успѣхамъ мальчиковъ. Присутствовавшiй тутъ же отецъ Андрей снабжалъ каждаго своего питомца какимъ-нибудь замѣчанiемъ, совѣтомъ. Родители (отцы, матери), толпившiеся тутъ же, тоже сiяли отъ удовольствiя и благословляли генерала за его доброту и вниманiе къ ихъ дѣтямъ.

Во время процедуры раздачи подарковъ Михаилъ Дмитрiевичъ бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ мальчиковъ, которые съ любопытствомъ разсматривали мощную, красивую фигуру заслуженнаго генерала; онъ самъ раздавалъ

наиболѣе бойкимъ и разумнымъ разныя вещи и сладости и весело шутилъ съ ними. Затѣмъ дѣти очень стройно спѣли, подъ управленіемъ отца Андрея, народный гимнъ «Боже, Царя храни!»

— Однако, свѣчи на ёлкѣ уже догораютъ! сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Ну-ка, дѣти, на штурмъ ее!..

И толпа ребятишекъ, съ радостнымъ крикомъ «ура», стремглавъ бросилась на украшенную орѣхами, яблоками и конфектами ёлку и своимъ пыломъ, энтузіазмомъ, вѣроятно, напомнила хоть отчасти генералу его лихія атаки на Зеленыхъ горахъ, въ поэтической долинѣ Тунджи, въ песчаныхъ равнинахъ Турана... Въ мгновеніе ока непріятель былъ повергнутъ на полъ и черезъ минуту, послѣ ожесточенной рукопашной схватки, отъ красивой, блестящей ёлки остался лишь одинъ жалкій остовъ. Михаилъ Дмитріевичъ съ улыбкой смотрѣлъ на эту живую сцену дѣтской атаки и всегда доброе его лицо приняло еще болѣе симпатичное выраженіе.

— Михаилъ Ивановичъ! я уйду домой, обратился Скобелевъ къ Ушакову,—а вы распорядитесь, пожалуйста, относительно угощенія для гостей, и, раскланявшись со всѣми, онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Я проводилъ его домой, а затѣмъ возвратился обратно въ училище. Вечеръ прошелъ очень оживленно, всѣ были довольны и благословляли Скобелева.

На другой день послѣ ёлки Ушаковъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Москву и я остался одинъ съ генераломъ.

Графъ Келлеръ, хотя и обѣщалъ пріѣхать, но почему-то не явился.

Лишившись компаніи, Скобелевъ почти безвыходно засѣлъ въ своемъ кабинетѣ, сталъ хандрить и все время занимался либо чтеніемъ, либо писаніемъ. Обычная его веселость стала проявляться все рѣже и рѣже; чело его

большею частью оставалось нахмуреннымъ. Вообще Ахалъ-Текинская экспедиція замѣтно измѣнила его характеръ и изъ сангвиника передѣлала почти въ иппохондрика; минуты лишь онъ былъ веселъ, оживленъ, а часы, дни—задумчивъ, молчаливъ. Я большею частью проводилъ время въ его кабинетѣ, читалъ газеты, книги и изрѣдка только обращался къ нему съ какими-нибудь вопросами. Иногда, впрочемъ, Михаилъ Дмитріевичъ оживлялся, покидалъ свою обычную хандру и много говорилъ на излюбленныя имъ темы—объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи, о нѣмцахъ, о войнѣ съ ними и пр.

Какъ-то вечеромъ я сидѣлъ въ его кабинетѣ. Погода была скверная, вѣтеръ уныло завывалъ въ трубѣ. Михаилъ Дмитріевичъ сидѣлъ въ своемъ уютномъ креслѣ у письменнаго стола и что-то писалъ, временами бросая перо и о чемъ-то задумываясь. На столѣ лежала развернутая тактика Драгомирова (послѣдній выпускъ) и на поляхъ ея я увидѣлъ нѣсколько замѣтокъ рукой Скобелева. Меня очень заинтересовали эти замѣтки и я взялъ книгу, чтобы просмотрѣть ихъ.

— Знаете, Петръ Архиповичъ, обратился ко мнѣ въ это время генералъ,—о чемъ я только-что думалъ?

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на него вопросительно. Лицо генерала было пасмурно, серьезно; глаза потеряли свой обычный блескъ, свою жизненность и смотрѣли какъ-то тускло...

— О чемъ же вы думали? Вѣроятно, новый планъ наступленія на Берлинъ!.. замѣтилъ я иронически, предполагая, что его занимаютъ обычныя думы.

— Нѣтъ, не объ этомъ... Я вотъ смотрю на всѣ эти книги, рукописи, онъ указалъ при этомъ рукой на шкапы,— и думаю: кому все это достанется послѣ моей смерти и

будутъ-ли когда-нибудь обнародованы всѣ мои труды и замѣтки...

— Что это у васъ такія грустныя думы! возразилъ я. — Вы еще будете жить, да жить... Помирать вамъ нельзя—вы нужны для арміи и Россіи...

— Нѣтъ, перебилъ онъ меня,—я предчувствую, что проживу не долго... И что тогда будетъ съ ними?

— А ваши сестры! Въ случаѣ, не дай Богъ, вы умрете— все это, конечно, будетъ ими обнародовано: это въ ихъ же интересахъ... Да, впрочемъ, что объ этомъ говорить преждевременно: вамъ придется еще долго прожить!..

— Нѣтъ, не говорите—я навѣрное скоро умру! снова задумчиво и тихо проговорилъ генералъ.

— Это у васъ такія мысли лѣзутъ въ голову отъ сидячей жизни, да отъ деревни! сказалъ я.

— А знаете, что я думаю, перебилъ меня Михаилъ Дмитріевичъ: - я думаю совсѣмъ поселиться въ деревнѣ.

Я невольно разсмѣялся.

— Не съ вашею натурой, ваше высокопревосходительство, въ деревнѣ жить. Наконецъ, что же вы будете дѣлать здѣсь?

— Какъ что—буду хозяйничать!

— Да какой же вы хозяинъ! Вѣдь, вы сами же говорили, что ничего не понимаете въ хозяйствѣ!.. Развѣ, какъ Суворовъ, станете пѣть на клиросѣ и звонить въ колокола...

Михаилъ Дмитріевичъ снисходительно улыбнулся.

— Ничего, похозяйничаю—научусь!

Затѣмъ, разговоръ перешелъ незамѣтно на нѣмцевъ...

— Терпѣть я ихъ не могу, говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ. — По моему, они хуже жидовъ! Меня больше всего бѣситъ наша уступчивость этимъ колбасникамъ. Даже у насъ, въ Россіи, мы позволяемъ имъ безнаказанно дѣ-

лать все, что угодно. Даемъ имъ во всемъ привилегіи, а потомъ сами же кричимъ, что нѣмцы все забрали въ свои руки... Конечно, отчего жь и не брать, когда наши добровольно все имъ уступаютъ, считая ихъ болѣе способными... А они своею аккуратностью и терпѣніемъ, которыхъ у насъ маловато, много выигрываютъ и постепенно подбираютъ все въ свои руки... Право, я бы ихъ перевѣшалъ всѣхъ!.. А все-таки, нельзя не отдать имъ справедливости, нельзя не уважать ихъ, какъ умныхъ и ловкихъ патріотовъ: они не останавливаются ни передъ какими препятствіями, ни передъ какими мѣрами, если только видятъ пользу своего фатерланда. Наша нація этимъ истиннымъ и глубокимъ патріотизмомъ не можетъ похвалиться! Нѣтъ у насъ такихъ умныхъ людей, такихъ истинныхъ патріотовъ, какъ, напримѣръ, Бисмаркъ, который высоко держитъ знамя своего отечества и, въ то же время, водитъ на буксирѣ государственныхъ людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у насъ мало въ политикѣ!.. Ненавижу я этого трехъ-волосаго министра-руссофоба, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глубоко уважаю его, какъ геніальнаго человѣка и истаго патріота, который не задумывается ни передъ какими мѣрами, разъ идетъ вопросъ объ интересахъ и благѣ его отечества... Вотъ бы намъ побольше людей съ такимъ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ!..

На другой день, часовъ около одиннадцати, Скобелевъ позвалъ меня къ себѣ.

— Пойдемъ въ церковь и помолимся Богу за моихъ покойныхъ родителей, сказалъ генералъ.

Мы вышли изъ дому и черезъ минуту вошли въ церковь. Обѣдня уже началась; народу было довольно мало. Церковь была довольно просторная, прекрасно устроена,

изящно, даже богато. Видимо, Михаилъ Дмитріевичъ не жалѣлъ денегъ на украшеніе храма въ своемъ селѣ.

Отецъ и мать Скобелева были похоронены рядомъ въ зимнемъ отдѣлѣ церкви.

По окончаніи обѣдни отецъ Андрей началъ служить панихиду передъ могилами родителей знаменитаго русскаго генерала.

Михаилъ Дмитріевичъ былъ серьезенъ, сосредоточенъ. Онъ опустилъ голову на свою могучую грудь и какая-то тяжелая дума лежала на этомъ умномъ, задумчивомъ челѣ; на глазахъ виднѣлись даже слезы.

Подъ грустную молитву священника и монотонное пѣніе пѣвчихъ невольно задумался и я. Вспомнилась мнѣ симпатичная личность покойницы (Ольги Николаевны) и тѣ хорошія минуты, которыя я проводилъ въ ея обществѣ въ Константинополѣ, Адріанополѣ и Петербургѣ; промелькнула въ моей памяти и отвратительная личность ея убійцы — моего соратника, сотоварища; воображеніе невольно рисовало ту страшную картину, когда этотъ добрый геній палъ подъ ударами кинжала ею же облагодѣтельствованнаго изверга, палъ въ центрѣ Болгаріи, среди признательнаго народа, за счастье и свободу котораго съ такимъ самоотверженіемъ дрался ея доблестный сынъ...

Покойнаго Дмитрія Ивановича я зналъ мало и потому всѣ мысли мои во время заупокойной молитвы были сосредоточены на матери дорогаго мнѣ человѣка.

Наконецъ, панихида кончилась, мы приложились ко кресту.

— Пойдемте, Петръ Архиповичъ, обратился ко мнѣ Скобелевъ,—я вамъ покажу мѣсто, которое я приготовилъ себѣ для вѣчнаго упокоенія...

Ничего не подозрѣвая, я послѣдовалъ за генераломъ. Мы вошли въ лѣтнее отдѣленіе церкви и подошли къ

лѣвому клиросу. Недалеко отъ стѣны въ полу устроена была каменная плита.

— Поднимите-ка ее! обратился генералъ къ двумъ сторожамъ, указывая на плиту.

Послѣдніе съ трудомъ приподняли тяжелый камень...

— Вотъ и моя могила! произнесъ печально Скобелевъ, заглядывая въ темный, холодный склепъ.—Скоро придется мнѣ здѣсь покоиться!..

— Ну, положимъ, далеко еще не скоро! отвѣчалъ я, не мало удивленный этими мрачными мыслями генерала, которыя, впрочемъ, онъ высказывалъ уже не разъ по пріѣздѣ въ Спасское.

— Нѣтъ, дорогой Петръ Архиповичъ, отвѣтилъ генералъ, все продолжая упорно смотрѣть внутрь этого страшнаго, мрачнаго жилища,—я чувствую, что это скоро будетъ; скоро мнѣ придется лежать въ этой тѣсной могилѣ... Какой-то внутренній голосъ подсказываетъ мнѣ это!..

Это постоянное напоминаніе о смерти Михаиломъ Дмитріевичемъ крайне дурно дѣйствовало на меня и я даже нѣсколько разсердился на генерала.

— Что это вы все говорите о смерти! сказалъ я недовольнымъ голосомъ.—Положимъ, это участь каждаго изъ насъ, но вамъ еще слишкомъ рано думать о могилѣ... Только напрасно смущаете другихъ. Вѣдь, никто вамъ не угрожаетъ смертью!

— А почемъ вы знаете; впрочемъ, все это чепуха!.. прибавилъ онъ быстро.

— Конечно, чепуха! согласился я.

Въ это время къ намъ подошелъ отецъ Андрей.

— Батюшка, обратился я къ нему,—вотъ Михаилъ Дмитріевичъ показывалъ мнѣ свою могилу, которую приготовилъ спозаранку. Это, положимъ, ничего еще; но

грустно то, что генералъ очень часто говоритъ про свою смерть!

Священникъ, видимо не ожидавшій послѣдней фразы, посмотрѣлъ удивленно и внимательно на Скобелева, а затѣмъ медленно отвѣтилъ:

— Что жь, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, на все Его святая воля. Невозможно знать, что будетъ черезъ часъ, не то что завтра! На все Его воля!..

— Такъ, отецъ Андрей, такъ, живо сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ,—я съ вами вполнѣ согласенъ... Ну, а какъ нравится вамъ церковь, Петръ Архиповичъ? продолжалъ онъ, очевидно желая перемѣнить тяжелую тему разговора.

— Прекрасная, очень изящная, красивая, отвѣчалъ я.

— Да, замѣтилъ отецъ Андрей,—благодаря щедротамъ и усердію вашихъ покойныхъ родителей, ваше высокопревосходительство, она украсилась такъ хорошо. Да и вашихъ заботъ тутъ не мало!..

Осматривая церковь, я замѣтилъ съ лѣвой стороны у стѣны, близь устроеннаго для себя Скобелевымъ склепа, его боевые значки. Михаилъ Дмитріевичъ подошелъ тоже къ нимъ.

— А вы, вѣдь, не видѣли, Дукмасовъ, этого значка, сказалъ генералъ, указывая на красивый новый значекъ;— онъ былъ со мной въ Ахалъ-Текинской экспедиціи...

— Не правда-ли, обратился я къ отцу Андрею,—какая удобная цѣль для непріятеля: эти значки постоянно, вѣдь, находились при Михаилѣ Дмитріевичѣ на поляхъ сраженій и облегчали, вслѣдствіе своего яркаго цвѣта, стрѣлять въ него. Да если прибавить къ этому бѣлую лошадь и массивную фигуру генерала, то, дѣйствительно, надо удивляться, какъ это онъ вышелъ цѣлъ изъ этихъ опасностей...

Между тѣмъ, Скобелевъ, не слушая моихъ разглаголь-

ствованій, внимательно разсматривалъ свои боевые значки, съ которыми связано было столько славныхъ воспоминаній изъ его прежней опасной дѣятельности на Балканскомъ полуостровѣ и въ степяхъ Турана.

— Знаете, господа, о чемъ я думаю теперь? обратился къ намъ генералъ.—Я думаю, что прошло уже безвозвратно славное время этихъ значковъ!.. Не придется больше имъ развѣваться на поляхъ сраженій!.. А между тѣмъ, я чувствую, что не за горами новая страшная война; долженъ рѣшиться, наконецъ, нашъ споръ съ нѣмцами: кому первенствовать—имъ или намъ. И я увѣренъ, что кровавая борьба эта рѣшится въ нашу пользу, хотя, конечно, много жертвъ, много жизней и денегъ она поглотитъ!.. Но мнѣ не придется видѣть всего этого, не придется этимъ значкамъ развѣваться въ предстоящей борьбѣ славянъ съ нѣмцами!..

— Вотъ видите, отецъ Андрей, сказалъ я недовольнымъ тономъ,—какое мрачное настроеніе у генерала! Это невозможно...

Я отошелъ къ иконостасу и сталъ его разсматривать, оставивъ Скобелева съ отцомъ Андреемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Михаилъ Дмитріевичъ подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— Ну, идемте завтракать! Ишь, надулся какъ!.. Это онъ на меня такъ разсердился, продолжалъ, улыбаясь, Скобелевъ, обратившись къ священнику,—за то, что я все говорю о своей смерти! Ему хочется, чтобы было такъ, какъ ему нравится...

— Зачѣмъ же вы напускаете на себя такія дурныя мысли, отвѣтилъ я.—Я, напротивъ, твердо вѣрю, что въ предстоящей войнѣ съ нѣмцами Государь непремѣнно назначитъ васъ главнокомандующимъ...

— Ну, ладно, перебилъ меня Скобелевъ,—пусть будетъ по вашему!..

— Видите, какъ онъ преданъ и расположенъ къ вашему высокопревосходительству! говорилъ отецъ Андрей, когда мы вышли изъ церкви.

Послѣ завтрака я ушелъ къ себѣ, оставивъ генерала вдвоемъ со священникомъ.

На другой день, утромъ, Скобелевъ получилъ изъ Петербурга какую-то телеграмму, которая крайне дурно подѣйствовала на него. Онъ сдѣлался сумраченъ, раздражителенъ и за обѣдомъ ровно ничего не ѣлъ и все время молчалъ. Вечеромъ того же дня онъ отослалъ отвѣтную телеграмму и явился къ ужину уже болѣе веселый.

Дня черезъ два получена была новая телеграмма — отъ военнаго министра, въ которой сказано, что Государь Императоръ изволилъ утвердить награды для тѣхъ лицъ, которыхъ Скобелевъ дополнительно представлялъ за Ахалъ-Текинскую экспедицію. Въ телеграммѣ сообщалось также, что Михаилъ Дмитріевичъ назначенъ Государемъ предсѣдателемъ комиссіи по восточнымъ дѣламъ; министръ же вызывалъ его въ Петербургъ.

Михаилъ Дмитріевичъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и показалъ эту телеграмму *).

— Я очень, очень радъ, говорилъ онъ, весело улыбаясь,—что Его Величество утвердилъ эти награды! Гдѣ льется кровь, тамъ, конечно, должно быть и щедрое вознагражденіе!.. Вѣдь, я не за себя хлопоталъ, а за этихъ честныхъ тружениковъ!.. Слава Богу, что они получили должное за свои труды!..

— Теперь вотъ что, продолжалъ онъ, немного погодя,— у меня есть къ вамъ, Петръ Архиповичъ, просьба: завтра

*) Первую телеграмму и отвѣтъ на нее Скобелевъ тоже далъ мнѣ прочесть.

я ѣду въ Москву и хочу просить васъ проконтролировать всѣ дѣла въ моихъ имѣніяхъ. Вамъ, все равно, нечего дѣлать въ Москвѣ; здѣсь гораздо здоровѣе и полезнѣе... Такъ какъ же—могу я васъ объ этомъ просить?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я;—только откровенно сознаюсь, что въ этихъ дѣлахъ я совершенный профанъ!

— Э, пустяки—это не Богъ вѣсть какая премудрость! Я вамъ передамъ смѣты, которыя мнѣ представлены изъ разныхъ имѣній; вы побываете въ этихъ деревняхъ, посмотрите, какъ ведется хозяйство, провѣрите шнуровыя книги у управляющихъ и пр. Пожалуйста, обратите вниманіе на все. Торопиться нечего—времени достаточно...

— Еще разъ повторяю, ваше высокопревосходительство, что я мало свѣдущъ въ хозяйствѣ и бухгалтеріи...

— Да ну, нечего скромничать. Вѣдь, небось, на Дону у себя хозяйничаете! Я увѣренъ, что вы сдѣлаете все отлично, такъ же, какъ исполняли мои приказанія въ бою! польстилъ мнѣ генералъ.—Я выдамъ вамъ бумагу, въ которой уполномочу своимъ именемъ произвести ревизію. Оставайтесь у меня полнымъ хозяиномъ. Всѣ лошади и прислуга къ вашимъ услугамъ. Я буду ожидать васъ въ Москвѣ...

Затѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ написалъ приложенное въ концѣ настоящей книги предписаніе въ Ивановскую и Златоустовскую конторы, скрѣпивъ его своею подписью и черною печатью.

— Вотъ вамъ и carte blanche, сказалъ онъ, передавая мнѣ документъ,

— Съ удовольствіемъ сдѣлаю все, какъ съумѣю, отвѣтилъ я.—Припомню свои слабыя познанія по агрономіи, которыя пріобрѣлъ на льготѣ въ станицѣ...

— Ну, спокойной ночи! Пожалуйста, распорядитесь,

чтобы завтра, утромъ, мнѣ были готовы лошади. Я поѣду не на станцію, а въ городъ, въ Раненбургъ—тамъ у меня есть дѣло; а оттуда уже въ Москву.

На другой день я проводилъ Скобелева. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ отецъ Андрей, которому тоже нужно было въ городъ.

— Ну, трогай, сказалъ генералъ кучеру, усѣвшись рядомъ съ священникомъ и завертываясь въ шубу. — До свиданія, Петръ Архиповичъ! Буду васъ ждать въ Москвѣ...

Сани быстро выѣхали на улицу.

Въ тотъ же день я принялся за совершенно новое для меня дѣло, которое поручилъ мнѣ генералъ. И сознаюсь, что исполнять всѣ его приказанія въ бою, подъ свинцовымъ дождемъ и предъ лицомъ смерти, было для меня гораздо легче, чѣмъ возиться со всѣми этими головоломными счетами, конторскими книгами, разными смѣтами и прочею скучною матеріей.

Впрочемъ, благодаря извѣстному терпѣнію и помощи спасскаго управляющаго и его письмоводителя, которые подробно объясняли мнѣ все, я скоро привыкъ къ своей контролерской обязанности и сталъ отличать кривду отъ правды, злоупотребленіе отъ правильности.

На другой день вернулся изъ города отецъ Андрей и привезъ мнѣ письмо отъ Скобелева, въ которомъ послѣдній просилъ меня не торопиться и подробно обратить вниманіе на все.

За обѣдомъ мы условились съ отцомъ Андреемъ вмѣстѣ ѣхать въ д. Михалково—одно изъ имѣній Скобелева.

Быстро домчали насъ добрые скобелевскіе кони по прекрасной санной дорогѣ въ Михалково. По пути отецъ Андрей—оказавшійся очень веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ — сообщилъ мнѣ много полезныхъ и необхо-

димыхъ свѣдѣній относительно злоупотребленій нѣкоторыхъ управляющихъ, о ихъ ловкихъ продѣлкахъ.

Сами же управляющіе, видя мою любезность, простоту и неопытность, неосторожно пробалтывались о своихъ темныхъ дѣлишкахъ и значительно облегчали этимъ мою миссію; нѣкоторые же, будучи въ контрахъ другъ съ другомъ, *просто* выдавали своихъ товарищей по профессіи, что называется топили ихъ. Мнѣ все это было на руку.

За недѣлю я успѣлъ окончить возложенное на меня дѣло.

Побывавъ въ различныхъ деревняхъ обширныхъ имѣній Скобелева (Златоустово, Иванково и пр.) и составивъ обо всемъ подробный отчетъ со своими замѣчаніями, я распростился со Спасскимъ, съ любезнымъ отцомъ Андреемъ и уѣхалъ на вокзалъ, а оттуда, черезъ Рязань, въ Москву.

На другой день, кажется, 15 января, я явился къ Скобелеву. Онъ помѣщался въ гостинницѣ «Славянскій Базаръ» и былъ дома.

— А, здравствуйте, казакъ! встрѣтилъ онъ меня весело. — Ну что, какъ, окончили?

— Окончить-то окончилъ, только не знаю, угодилъ-ли!.. Однако, въ вашихъ владѣніяхъ, ваше высокопревосходительство, злоупотребленій порядкомъ-таки! Очевидно, гг. управители изрядно эксплуатируютъ вашею добротой и довѣрчивостью!..

— Знаю, батенька, знаю, отвѣчалъ, добродушно улыбаясь, Скобелевъ и махнулъ только рукой, какъ бы говоря: «Богъ съ ними!»

Затѣмъ я сообщилъ генералу просьбу его крестьянъ, переданную мнѣ, относительно ихъ нѣкоторыхъ нуждъ. Скобелевъ принялъ ее очень горячо и близко къ сердцу.

— Непремѣнно, непремѣнно я это сдѣлаю; я всегда

радъ имъ помочь... Спасибо вамъ большое, голубчикъ, за все!.. и онъ крѣпко поцѣловалъ меня.

Это была наша послѣдняя встрѣча: вскорѣ послѣ этого Скобелевъ уѣхалъ въ Петербургъ, а я отправился домой, къ себѣ на Донъ. Болѣе мнѣ не суждено было видѣть этого знаменитаго русскаго вождя!

Какъ громомъ поразила меня, какъ и каждаго русскаго, пять мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда моего изъ Москвы, ужасная вѣсть о смерти Скобелева. Сначала я плакалъ какъ ребенокъ, потомъ цѣлые дни ходилъ какъ помѣшанный, точно потерялъ что-то самое близкое, дорогое для себя...

«И зачѣмъ непремѣнно тебя, а не кого другаго», думалось мнѣ въ тѣ скорбныя минуты, «похитила эта лютая смерть?.. Мало-ли милліоновъ людей на Руси менѣе нужныхъ, менѣе полезныхъ, чѣмъ ты!.. За пять мѣсяцевъ ты чуялъ уже кончину, указывалъ на свою могилу и смѣялся надъ моимъ скептицизмомъ...»

Вообще, извѣстіе о смерти Скобелева страшно тяжело подѣйствовало на меня. Я почему-то твердо вѣрилъ въ его звѣзду, вѣрилъ, что ему придется играть видную роль въ исторіи Россіи, что въ предстоящей войнѣ съ нѣмцами онъ окажетъ еще громадныя услуги отечеству своимъ знаніемъ, смѣлостью и патріотизмомъ... И вдругъ — все это разомъ рухнуло, кануло безвозвратно въ вѣчность!..

Увѣренъ, что моихъ боевыхъ сотоварищей не менѣе меня поразила и огорчила вѣсть о смерти Скобелева. Они такъ же искренно были преданы покойному богатырю, такъ же не чаяли въ немъ души и готовы были всегда исполнять его любое, хотя бы самое безумное приказаніе...

Заканчивая свои воспоминанія, я позволю себѣ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ. Я никогда не думалъ, что мнѣ придется когда-нибудь дѣлиться съ публикой своими воспоминаніями о пережитомъ прошломъ, и потому весьма вѣроятно, что при своихъ описаніяхъ я впалъ въ нѣкоторыя незначительныя погрѣшности, неточности...

Извиняюсь заранѣе передъ благосклоннымъ читателемъ и прошу его снисходительнѣе отнестись къ моему труду. Я не задавался трудною цѣлью писать строгое описаніе военныхъ дѣйствій, воспроизводить передъ глазами читателя картины боя и подвиги русскихъ людей въ единицахъ и массахъ... Я просто хотѣлъ подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями о пережитыхъ, десять лѣтъ тому назадъ, боевыхъ дняхъ и хоть немного познакомить его съ симпатичною личностью Скобелева—этого рыцаря XIX столѣтія, который блеснулъ такимъ свѣтлымъ метеоромъ на горизонтѣ русской жизни...

И если я доставилъ читателю хотя маленькое удовольствіе своимъ разсказомъ, который взятъ цѣликомъ изъ жизни, въ которомъ нѣтъ ничего выдуманнаго, преувеличеннаго — я буду считать себя счастливымъ.

П. Дукмасовъ.

1887 г. 1 ноября.
Г. Новочеркаскъ.

Заканч [illegible] волю себѣ ска-
зать по п [illegible] никогда не ду-
малъ, что [illegible] ться съ публи-
кой своим [illegible] прошломъ, и по-
тому весьм [illegible] саніяхъ я впалъ
въ нѣкото [illegible] и, неточности...

Извиня [illegible] ымъ читателемъ
и прошу е [illegible] ъ моему труду.
Я не зада [illegible] трогое описаніе
военныхъ [illegible] глазами чита-
теля карт [illegible] одей въ едини-
цахъ и ма [illegible] иться съ нимъ
своими вп [illegible] сять лѣтъ тому
назадъ, бо [illegible] ознакомить его
съ симпат [illegible] го рыцаря XIX
столѣтія, [illegible] ымъ метеоромъ
на горизон [illegible]

И если [illegible] маленькое удо-
вольствіе [illegible] зять цѣликомъ
изъ жизни [illegible] уманнаго, пре-
увеличенн [illegible] тливымъ.

[illegible] Дукмасовъ.

1887 г. 1 [illegible]
Г. Новоч [illegible]

Въ Ивановскую и Златоустовскую конторы

Предписываю безпрекословно исполнять всѣ безъ исключенія требованія корнета Дукмасова лично командированнаго для производства ревизіи.

Генералъ адъютантъ Скобелевъ

5 Января 1882 г.
С. Спасское

Предписаніе это, по усмотрѣнію корнета Дукмасова, относится и до Спасской-Забировской конторы. Также до г. Голубенцова.

Генералъ адъютантъ Скобелевъ

Прошу Васъ Петръ Арiнго-
вичъ окончить въ Спасскомъ
возложенное на Васъ дѣло.
Обратите вниманіе на
все. Побывайте въ Михай-
ловкѣ. Отецъ Андрей Васъ
зочтетъ помощникъ. Не упусти-
тесь. Прошу Васъ въ Минскъ.
Крайне меня обяжете

Вашъ любящій

М. Скобелевъ

6/I 82 г.

ОБЩАЯ КАРТА

театра военныхъ дѣйствій на балканскомъ полуостровѣ въ войну 1877 - 1878 годовъ.

Масштабъ 40 вер.: въ дюймѣ.

40 20 10 0 40

Литографія В. В. Комарова, Невскій пр. д. № 138.

РАСПОЛОЖЕНIЕ
ЛѢВАГО ФЛАНГА ЗАПАДНАГО ОТРЯДА АРМIИ 30 АВГУСТА 1877 Г.
КЪ 11 ЧАСАМЪ ДНЯ.

Планъ № 8

Литографiя В. В. Комарова, Невскiй пр. д. № 138.

1500216484

40.—
5.43

3р

65